

*БОСПОРСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ*

Вып. XL

**BOSPOROS
STUDIES**

Vol. XL

Керчь
Kerch

Симферополь
Simferopol

2020

УДК 94(477.75)082
ББК 63.4-63.3 (0)32
Б85

*Научная подготовка журнала осуществляется
Научно-исследовательским центром истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
и Центром археологических исследований
Благотворительного фонда «Деметра»*

*Рекомендовано к изданию Научно-техническим советом Крымского федерального университета
им. В.И. Вернадского (Протокол № 1 от 5.03.2020 г.)*

Редакция:

Зинько В.Н., д.и.н., ответственный редактор

Зинько А.В., к.и.н., ответственный секретарь

Редакционная коллегия:

Айбабин А.И., главный редактор, д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Виноградов Ю.А., д.и.н., проф., Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург)

Зинько В.Н., заместитель главного редактора, д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Масленников А.А., д.и.н., проф., Институт археологии РАН (Москва)

Молев Е.А., д.и.н., проф., Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)

Сидоренко В.А., к.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Храпунов И.Н., д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Цецхладзе Г.Р., PhD, профессор, главный редактор «Ancient West and East» (Левен, Бельгия)

Цукерман К., д.и.н., проф., Центр истории и цивилизации Византии Коллеж де Франс (Париж)

*Состав редколлегии утвержден Ученым советом Крымского федерального университета
им. В.И. Вернадского (Протокол № 1 от 5.03.2020 г.)*

Боспорские исследования. Вып. XL / Отв. ред. В.Н. Зинько. –
Б 85 Керчь: Керченская городская типография, 2020. – 336 с.
ISBN 978-5-6041418-5-4

В XL выпуске «Боспорских исследований» представлены статьи и публикации российских и зарубежных исследователей по проблемным вопросам и результатам исследований античных и раннесредневековых памятников Боспора и Северного Причерноморья.

Для археологов, историков, музейных сотрудников, студентов и преподавателей, а также всех, кто интересуется древней историей и археологией юга России.

УДК 94(477.75)082

ББК 63.4-63.3 (0)32

Издание профинансировано Благотворительным фондом «Деметра»

ISSN 2413-1938

ISBN 978-5-6041418-5-4

© Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2020

© Центр археологических исследований БФ «Деметра», 2020

© Авторы, текст, 2020

СТАТЬИ

А.В. ПОРOTOB, В.Н. ЗИньКО

A.V. POROTOV, V.N. ZIN'KO

ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПОБЕРЕЖЬЯ ТОБЕЧИКСКОГО ЛИМАНА В ПОЗДНЕМ ГОЛОЦЕНЕ: ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ PALEO GEOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE COAST OF TOBESCHIK ESTUARY IN THE LATE HOLOCENE: GEOARCHAEOLOGICAL ASPECT

Основанные в период греческой колонизации на севере Причерноморья поселения в конце VII – первой половине VI вв. до н.э. размещались в удобных для мореплавания и обороны местах, расположенных в глубине морских бухт и заливов, а также в приустьевых зонах крупных рек. Прошедшие за последующие тысячелетия изменения конфигурации береговой линии под влиянием изменений относительного уровня моря, очертаний береговой линии и речных устьев, а также интенсивного антропогенного преобразования приморских территорий сопровождались изменениями рельефа побережья. Одни поселения были разрушены в результате размыва берегов, другие в результате нарастания приморской суши оказались удалены от береговой линии на значительное расстояние, что в целом обусловило превращение реконструкции исторического рельефа территорий античных поселений в самостоятельную задачу, для решения которой в ряде случаев необходимо привлечение комплексных, междисциплинарных исследований.

На европейском побережье Боспора Киммерийского широко известен ряд античных поселений, располагавшихся в удобных для стоянок участках прибрежной акватории, среди которых выделяются Керченская бухта с Пантикапеем в ее вершине; Камыш-Бурунская бухта с Тиритакским городищем в ее вершине и Нимфеем на южной оконечности др. [Зинько, 2016]. Кроме этого, ряд небольших поселений и усадеб располагался на берегах открытых заливов и бухт, которые в настоящее время оказались отгороженными от открытого моря.

Сравнительно меньшее внимание уделялось реконструкции развития участков побережья, на которых развиты небольшие мелководные озера-лиمانы, частично или полностью отгороженные от моря, на их внутренних берегах присутствуют следы сельских усадеб и небольших поселений. В условиях существования свободного сообщения заливов-лиманов с морем это обеспечивало возможность их участия в системе прибрежного морского сообщения.

В целом, повышение уровня моря за последние 1,5–2,0 тыс. лет сопровождалось как изменением очертаний морского берега (размыв и смещение пересыпи, отступление коренного берега), так и затоплением прибрежных низменных участков по берегам озера. Для уточнения локальных величин изменения относительного уровня моря и плановых очертаний берегов лимана нами проведены рекогносцировочные

обследования, направленные, в частности, на детализацию реконструкции палеогеографического развития озера Тобечик за последние 4–5 тыс. лет.

Основные черты археологической топографии. Начало освоения греческими колонистами наиболее удаленной юго-западной части Нимфейского плато относится ко второй половине V в. до н.э. [Зинько, 2003, с. 44]. В юго-западной части хоры (рис. 1) возникает поселение Огоньки-1, расположенное на мысообразном участке высокого берега в северо-западной части оз. Тобечик, с запада к нему прилегает широкая балка, которая рассматривается в качестве рубежа нимфейской хоры. Раскопки на возвышенности выявили последовательность нескольких культурных слоев, хронологически охватывающих интервал от 2-й половины V в. до н.э. до I в. н.э., включающих следы каменных кладок и вымосток. Следует отметить, что в ходе разведочных работ непосредственно на берегу озера выявлены остатки хозяйственной каменной постройки, пол которой был вымощен каменными плитами. При раскопках были найдены материалы керамики III–IV вв. до н.э. и I–III вв. н.э. Следы культурного слоя (каменная вымостка и скопление керамики) прослеживались и в полосе прилежащего мелководья [Кирилин, 1966].

Интересные данные были получены при проведении комплексных исследований на поселении Тобечик-9, расположенном в центральной части северного борта лимана. Это поселение находится на пахотном поле, и в рельефе четко видны четыре всхолмления диаметром до 30 м, расположенные по углам квадратной, со сторонами 50 х 50 м, низины. Проведенные исследования подтвердили предположение о возникновении поселения Тобечик-9 во второй половине V в. до н.э., а также позволили выделить два периода в его существовании: конец V в. до н.э., когда строится большой укрепленный форт, и второй – вторая половина IV – начала III вв. до н.э., когда на развалинах ранней постройки возводятся новые небольшие помещения с иной ориентировкой на местности [Зинько, 2003, с. 50–53; Scholl, Zin'ko. 1999; p. 62–69].

В пределах северо-восточной части лиманного побережья разведки в районе окраины с. Челядиново (поселения Тобечик-1,2) показали присутствие следов фундамента стены постройки и амфорного материала IV–III вв. до н.э., расположенных на склоне долины небольшого ручья, открывающейся на берег лимана [Scholl, Zin'ko. 1999; p. 56-57].

Несмотря на различия в типах упомянутых поселений, их объединяет одна характерная особенность, связанная с расположением вблизи долин небольших ручьев, выходящих на северный берег лимана. Подобное расположение, кроме приуроченности к естественным водотокам, могло быть связано и с возможным расположением небольших заливов в устьевых частях долин, которые служили естественными гаванями для располагавшихся рядом поселений.

В приморской полосе Нимфейского плато установлены следы нескольких небольших сельских поселений IV–III вв. до н.э. (Героевка-1, 2 и др.), восточные окраины части оказались утрачены благодаря активно протекающему отступанию коренного берега. Береговой уступ, сложенный на значительном протяжении

лессовидными суглинками, подвержен процессам естественного разрушения (оползни, волновое воздействие). Согласно существующим оценкам, величина суммарного отступления береговой кромки за последние 2,0 тыс. лет составила около 400 метров, что позволяет предположить существование еще двух-трех ранних поселений, впоследствии уничтоженных в ходе обрушения уступа коренного берега [Зинько, 2003, с. 13–15].

Для уточнения реконструкций положений относительного уровня моря и очертаний Тобечикского озера в античное время нами проведено изучение строения прибрежных отложений на различных участках восточного и северного побережья. Основное внимание уделялось низменным участкам побережья лимана, прилежащим к приустьевым частям небольших долин и оврагов, в окрестностях которых расположены небольшие поселения южной окраины Нимфейской хоры.

Особенности геологического строения Тобечикского лимана. Тобечикский лиман представляет собой один из наиболее крупных внутренних водоемов побережья Керченского пролива, отделенный от моря узкой песчаной пересыпью, шириной 150–200 м и протяженностью около 1 км. Максимальная ширина в его восточной части достигает 5 км, что определяет возможность достаточно активной волновой переработки его берегов. Акватория лимана разделена двумя перемычками на три сообщающихся между собой мелководных водоема. Согласно опубликованным материалам геологических исследований его акватории [Керченский пролив, 1984], разделяющие его акваторию перемычки являются чисто наносными песчаными образованиями, залегающими на толще озерных илов и в связи с этим могут рассматриваться как сравнительно молодые образования позднего голоцена.

Занимаемая лиманом акватория вытянута в широтном направлении и ориентирована в крест простирания основных тектонических структур юго-восточного блока Керченского полуострова. В структурном отношении лиман представляет собой многоступенчатый грабен, наложенный на ряд складчатых структур [Керченский пролив, 1984]. В большинстве работ, рассматривающих геологическое строение этого участка побережья, отмечается проявление грязевого вулканизма на юго-восточном берегу озера, а также нефтепроявления, что свидетельствует о более высокой тектонической активности его южного побережья. Материалы изучения строения толщи верхнеплейстоцен-голоценовых отложений, выполняющих депрессию Тобечикского лимана, показали, что в основании осадочной толщи залегают образования позднекарангатского возраста, которые перекрываются толщей илов раннеголоценового возраста, распространение которых ограничивается восточным и центральным водоемами. Мощность голоценовых отложений в пределах восточного водоема лимана составляет 15–20 м, постепенно сокращаясь в западном направлении, что свидетельствует о продолжающемся неравномерном погружении различных ступеней грабена и последовательном подтоплении его западных окраин.

Особенностью строения покрова наиболее молодых отложений по бортам озера является присутствие серии погребенных террас, сложенных гравийно-песчаными отложениями второй половины голоцена и перекрываемых маломощным покровом склоновых отложений. Наиболее отчетливо они выделяются на участках побережья, прилегающих к приустьевым участкам балок и оврагов. По-видимому, они представляют собой реликтовые аккумулятивные образования типа перейм и кос, отгораживавших небольшие ингрессионные заливы в период максимума новочерноморской трансгрессии 4,5–5,5 тыс. лет назад. Небольшие количества представительного раковинного материала, полученного при бурении, пока затрудняет их надежную биостратиграфическую и геохронологическую привязку.

Результаты. В ходе проведенных работ на побережье оз. Тобечик был пробурен ряд скважин (рис. 1а), вскрывших строение верхней части покрова рыхлых отложений на различных участках внутреннего побережья: от кутовой части лимана на западе до отгораживающей озеро от моря пересыпи на востоке. Вскрытый бурением разрез современной пересыпи озера Тобечик отложений (рис. 1б, Скв. 1Т) показал, что с поверхности до глубин 4,0–3,5 м залегают разнотернистые пески с раковинным детритом, которые с глубины 4,0 м подстилаются прослоем глинистых илов серого цвета мощностью около 8 м. Радиоуглеродный возраст раковин *Cardium edule* L., залегающих в интервале 5,5–6 м ниже уровня моря, составил 2340 ± 80 (календарный возраст 1890–2014 л.н.). В основании вскрытого разреза залегает толща коричневатосерых суглинков с включением раковинного детрита мощностью около 7 м, которая подстилается коренными глинами верхнемиоценового возраста.

Схожее строение имеет разрез рыхлых отложений, вскрытый бурением в южной части пересыпи, прилегающей к коренному борту долины. Залегающая в основании разреза толща песчаных суглинков отличается бедностью биостратиграфического материала и, согласно данным, приведенным в [Керченский пролив, 1984], может быть предположительно отнесена к лиманно-аллювиальным фациям раннеголоценового возраста, формировавшаяся в начальный период ингрессии морских вод в низовья речной долины.

На основании глубин залегания и положения в разрезе прибрежных отложений формирование этой толщи можно соотнести с залегающей в прибрежной зоне на глубинах 10–12 м древней генерации Тобечикской пересыпи, установленной в ходе геологических исследований на прилежащем участке прибрежного шельфа [Барг, 2006], фрагменты которой прослеживаются вдоль всего побережья Керченского пролива [Невесский, 1958] и, в частности, были установлены в ходе проведенных геофизических исследований в полосе прибрежного мелководья Камыш - Бурунского залива [Поротов, Зинько, 2013].

Формирование залегающей выше по разрезу толщи илов, несмотря на неопределенность нижнего возрастного рубежа периода ее формирования, связано с установлением в депрессии Тобечикского озера условий защищенного от волнения мелководного водоема с относительно высокой соленостью ($>8\text{‰}$), поддерживаемой,

по-видимому, благодаря сохранности относительно широкого водообмена с морем. Древний барьер, отгораживающий лиман от моря, так же, как и край коренного берега, к северу от лимана располагался существенно мористее. С учетом уплотнения илистой толщи относительный уровень моря в I–III вв. до н.э. располагался на 3–3,5 м ниже современного его положения. Ограниченность геологических материалов не позволяет детально реконструировать конфигурацию пересыпи, но, исходя из преобладающего направления вдоль берегового перемещения наносов и конфигурации схожих аккумулятивных форм Керченского побережья, вполне вероятно локализовать протоку, соединявшую древний лиман с морем, вблизи северного окончания пересыпи.

Материалы бурения в низовьях долины на западном берегу озера Тобечик показали, что в пределах заболоченной низины вблизи устья впадающей в лиман небольшой речки под поверхностным слоем деллювиально-аллювиальных суглинков мощностью до 1,5 м залегает прослой разнозернистых песков мощностью 40 см, содержащих мелкие раковины *Cardium edule* L.. Ниже по разрезу песчаный прослой подстилается толщей однородных светло-коричневых тонких слоистых илов мощностью 2,5 м. В основании вскрытого разреза на абс. отметке 4,5 м залегает прослой разнозернистых песков с дресвой и щебнем. Залегающие в основании разреза аллювиальные пески перекрываются аллювиально-лиманными илами и песками периода максимума ингрессии среднего голоцена, которые впоследствии оказались погребенными под приповерхностным покровом аллювиально-деллювиальных суглинков.

Следующая скважина вскрыла строение прибрежных отложений непосредственно в приурезовой полосе лимана. Поверхностный слой разнозернистых песков с гравием и галькой мощностью около 0,7 м подстилается толщей слоистых илов темно-серого цвета мощностью свыше 6,0 м. В нижней части толщи илы приобретают слоистый характер благодаря появлению более ожелезненных песчаных прослоев, мощность которых составляет 10–15 см.

Схожие черты строения верхней части прибрежных отложений имеет разрез, вскрытый бурением на прилежащем участке южного борта лимана, где также вскрыта толща илистых песков мощностью 4,5–5 м, залегающая на коренных глинах. Подобный тип строения прибрежных отложений подтверждает предположение о существовании этапа развития глубокой ингрессии морских вод по берегам лимана, приуроченной к периоду максимума трансгрессии в среднем голоцене.

Следующий ключевой участок располагался на северо-западном берегу озера в районе устья балки Глубокой, с восточной стороны к которой прилегает расположенное на возвышенном плато поселение Огоньки-1. Разрез скважины, пробуренной в приурезовой полосе лимана, показал, что под приповерхностным слоем покровных супесей мощностью около 1 м залегает прослой буро-коричневых супесей с включением щебня, дресвы, известняковых обломков, которые подстилаются однородными плотными глинами зеленовато-серой окраски. Вскрытый разрез

характеризует маломощный покров континентальных делювиальных отложений, залегающий на глинистых породах позднего миоцена.

Для реконструкции палеотопографии озера Тобечик в античное время самостоятельный интерес представляет участок низменного берега, в низовьях долины небольшого ручья на юго-восточной окраине пос. Челядиново, на западном склоне которой расположены поселения Тобечик-1 и Тобечик-2. Вскрытый разрез прибрежной толщи мощностью около 7 м характеризуется достаточно сложным строением (рис. 1). На поверхности коренных глин залегает линза алевроитовых песков мощностью около 5 м, переходящая в прослой грубозернистых песков с толстенной ракушей и галькой. Выше по разрезу их перекрывает небольшой прослой песчанистых илов мощностью 25 см. С поверхности залегает 1,5-метровый слой заиленных грубозернистых песков с примесью гравия и мелкой гальки.

Вскрытый разрез характеризуется типично трансгрессивным характером и отражает условия осадконакопления в этой части лимана в ходе развития новочерноморской трансгрессии. В частности, 14С возраст раковинного материала из прослая грубозернистых песков, залегающих на абс. отметках 2 – 3 м, составил 5.2 тыс. л.н., что подтверждает предположение о присутствии погребенных морских отложений среднеголоценового возраста на побережье лимана, приуроченных к максимуму развития трансгрессии в среднем голоцене, во время которой уровень моря приближался к его современному положению.

В дальнейшем, несмотря на незначительное понижение относительного уровня моря на данном участке лиманного побережья, в низовьях долины существовал небольшой ингрессионный залив, который впоследствии оказался перекрыт покровом более поздних отложений: аллювиальными и склоновыми выше по долине и прибрежно-лиманскими в приурезовой полосе.

Выводы. Рассмотренные материалы по литолого-фациальному строению и геохронологии прибрежно-морских отложений на побережье Тобечикского озера позволили предварительно реконструировать особенности развития побережья в позднем голоцене.

Наблюдаемые отличия в литолого-фациальном строении прибрежных отложений на различных участках побережья лимана отражают влияние локальных тектонических движений, характеризующихся разнонаправленностью для отдельных блоков прибрежной территории. Наряду с этим, в условиях практически отсутствующего влияния речного стока на осадконакопление в прибрежной зоне существенную роль в динамике фациальных условий играют морфодинамика береговой зоны и изменения относительного уровня моря. Кратковременные периоды ускоренного подъема уровня моря сопровождаются активизацией абразионно-аккумулятивной переработкой контура береговой линии.

Данные по литолого-фациальному строению прибрежных отложений лимана, а также полученные радиоуглеродные датировки и их сопоставление с полученными нами ранее материалами на прилежащих участках побережья Керченского пролива

[Зинько, Поротов, 2013] свидетельствуют о том, что относительный уровень моря впервые достиг к его современному положению около 4,5–5,0 тыс. л.н. и сравнительно мало изменялся с тех пор. Гипсометрическое положение линз ингрессионных илов, вскрытых бурением на приустьевых участках небольших водоемов в западной, юго-западной и северо-восточной его частях, а также абсолютные отметки датированных прослоев раковинного материала в толще илов, подстилающих пересыпь, позволяют оценить положение относительного уровня моря в сер. I тыс. до н.э. около 3,5–4 м ниже современного. При этом следует принимать во внимание влияние на эту величину неотектонического погружения территории и постседиментационного уплотнения илов, поэтому для побережья Тобечикского лимана величина относительного понижения уровня моря в период т.н. «фанагорийской регрессии» может быть предварительно оценена в 2,0–2,5 м.

Самостоятельный интерес представляет реконструкция изменения конфигурации береговой линии лимана за последние 2,5–3,0 тыс. лет. Несмотря на относительно более низкое положение уровня моря во второй половине I тыс. до н.э., полученные данные по строению прибрежных отложений допускают существование мелководных заливов в приустьевых частях небольших долин, развитых по всему периметру озера Тобечик.

Самостоятельным вопросом является предварительная реконструкция очертаний береговой линии лимана в античное время. Если амплитуда понижения уровня моря в период т.н. «фанагорийской регрессии» на восточном побережье Керченского пролива в настоящее время, основываясь на комплексе археолого-геоморфологических данных, оценивается достаточно определенно в пределах 4,0–3,5 м, то реконструкция положения береговой линии остается гораздо менее определенной в связи с отсутствием четких ее маркеров.

Исходя из средних темпов отступления береговых уступов, характерных для побережья Керченского пролива, суммарная величина отступления за последние 1,5–2,0 тыс. лет составляет не менее 0,4–0,5 км. Соответственно, приуроченная в своем развитии к абразионно-аккумулятивной системе мыса Малого – участку абразионного берега к югу от оз. Тобечик, пересыпь располагалась существенно мористее. При этом материалы по геологическому изучению полосы прибрежного мелководья [Невесский, 1958; Барг, 2006] показали присутствие древней генерации пересыпи на глубинах 9–12 м, т.е. приуроченной к концу витязевской фазу трансгрессии (около 6,5–?,0 тыс.л.н.). Полученные нами данные по слагающим пересыпь отложениям, а также опубликованные материалы по строению отложений озера Тобечик [Керченский пролив, 1984] показывают, что, несмотря на сравнительно высокие темпы трансгрессии в интервале 6,5–5,0 тыс.л., пересыпь сохраняла по большей части свою сплошность, выступая в качестве устойчивого барьера для расположенного бережнее озера-лимана. Относительно кратковременная регрессия моря в античный период не повлияла существенно на устойчивость лиманного барьера и слабо отразилась в режиме осадконакопления в лимане. Наряду с

Поротов А.В., Зинько В.Н. Палеогеографическое развитие...

этим присутствие в осадках толстостенного раковинного материала по периферии восточной части озера Тобечик указывает на существование условий осолонения, близких к нормальным морским для данного побережья, обусловленного поддержанием достаточно свободного водообмена между лиманом и морем. Возможно, сохранение более широкого водообмена через протоку в пересыпи обуславливалось более интенсивным стоком из лимана благодаря более прохладным и увлажненным климатическим условиям в этот период. В контексте освоенности побережья лимана в античное время сохранение протоки в пересыпи допускает возможность включения части акватории Тобечикского лимана в систему прибрежного каботажного плавания и захода в его акватории небольших судов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Барг И.М. Современный взгляд на возраст и происхождение Керченского пролива и Азовского моря // Изв. вузов, геол. разведка, 2006. № 6. С. 3–8.
- Зинько В.Н. Хора боспорского города Нимфея // БИ. - Вып. IV.; Симферополь-Керчь. -2003.- 320 с.
- Зинько В.Н. Особенности природно-ландшафтной ситуации на европейском побережье Боспора Киммерийского в период эллинской колонизации // БИ. - Вып. XXXIII. - Керчь, 2016. С. 1–16.
- Зинько В.Н., Зинько А.В. Древние гавани западного побережья Керченского пролива // Боспорские чтения. Вып. XVIII; Симферополь-Керчь. – 2017, с. 180–185.
- Кирилин Д.С. Археологические исследования Ортельской экспедиции Керченского музея в 1965 г. (р-н Тобечикского озера). //Пленум ИА АН СССР 1966 г. Тезисы докладов секции античной археологии. М., 1966, с. 16–18.
- Крутикова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975, с. 268.
- Керченский пролив. Киев: Наукова Думка, 1984. 278 с.
- Курнаков Н.С., Кузнецов В.Г., Дзенс-Литовский А.И., Равич М.Н. Соляные озера Крыма. М.; л.: Изд-во АН СССР, 1936. 278 с.
- Невеский Е.Н. К вопросу о новейшей Черноморской трансгрессии – Тр. Инст. океанологии АН СССР, 1958. т. XXVIII. С. 23–29.
- Плахотный Л.Г., Пасынков А.А., Палинский Р.В. и др. Тектоническое положение и структурное районирование Керченского пролива //Советская геология. 1989. 3. с. 77–84.
- Поротов А.В., Зинько В.Н. Изменение уровня моря и рельеф приморской полосы хоры Тиритаки и Нимфея в античное время (Западное побережье Керченского пролива) // БИ. – Вып. XXVIII. - С.-Керчь, 2013. С. 3–20.
- Scholl T. and V.Zin'ko. Archaeological Map of Nymphaion (Crimea). -Warsaw. 1999. – 150 p.

REFERENCES

- Barg I.M. Sovremennyyi vzgliad na vozrast i proiskhozhdenie Kerchenskogo proliva I Azovskogo moria. *Izv. VUZov, geol. razvedka*, 2006. № 6, pp. 3–8.
- Kirilin D.S. Arkheologicheskie issledovaniia Ortel'skoi ekspeditsii Kerchenskogo muzeia v 1965 g. (r-n Tobechikskogo ozera). *Plenum IA AN SSSR 1966 g. Tезisy dokladov seksii antichnoi arkheologii*. М., 1966, pp. 16–18.
- Krutikova I.T. *Sel'skoe khoziaistvo Bospora*. М., 1975, 268 p.
- Kerchenskii proliv*. Kiev: Naukova Dumka, 1984, 278 p.
- Kurnakov N.S., Kuznetsov V.G., Dzents-Litovskii A.I., Ravich M.N. *Soliane ozera Kryma*. М.-Л.:Izd-vo AN SSSR, 1936, 278 p.
- Nevesskii E.N. *K voprosu o noveishei Chernomorskoii transgressii* – Tr.Inst. okeanologii AN SSSR, 1958. Т. XXVIII, pp. 23–29.

Боспорские исследования, вып. XL

- Plakhotnyi L.G., Pasynkov A.A., Palinskii R.V. I dr. *Tektonicheskoe polozhenie i strukturnoe raionirovanie Kerchenskogo proliva*. Sovetskaya geologiya. 1989. 3. pp. 77–84.
- Porotov A.V., Zin'ko V.N. *Izmenenie urovnia moria i rel'ef primorskoj polosy khory Tiritaki i Nimfeia v antichnoe vremia (Zapadnoe poberezh'e Kerchenskogo proliva)*. *Bl. – Vyp. XXVIII. Simferopol'-Kerch'*, 2013, pp. 3–20.
- Scholl T. and V.Zin'ko. *Archaeological Map of Nymphaion (Crimea)*. Warsaw. 1999, 150 p.
- Zin'ko V.N. *Khora bosorakogo goroda Nimfeia*. *Bl. Vyp. IV, Simferopol'-Kerch'*, 2003, 320 p.
- Zin'ko V.N. *Osobennosti prirodno-landshaftnoi situatsii na evropeiskom poberezh'e Bospora Kimmerijskogo v period ellinskoi kolonizatsii*. *Bl. Vyp. XXXIII. Kerch'*, 2016, pp. 1–16.
- Zin'ko V.N., Zin'ko A.V. *Drevnie gavani zapadnogo poberezh'ia Kerchenskogo proliva. Bosporskie chteniia*. *Vyp. XVIII; Simferopol'-Kerch'*, 2017, pp. 180–185.

Резюме

Основанные в период греческой колонизации на севере Причерноморья поселения в конце VII – первой половине VI вв. до н.э. размещались в удобных для мореплавания и обороны местах, расположенных в глубине морских бухт и заливов, а также в приустьевых зонах крупных рек. Прошедшие за последующие тысячелетия изменения конфигурации береговой линии под влиянием изменений относительного уровня моря, очертаний береговой линии и речных устьев, а также интенсивные антропогенные преобразования приморских территорий сопровождались изменениями рельефа побережья. Авторы представляют реконструкцию развития одного из участков побережья, на которых развиты небольшие мелководные озера-лиманы, частично или полностью отгороженные от моря, на внутренних берегах которых присутствуют следы сельских усадеб и небольших поселений. В контексте освоения побережья лимана в античное время сохранение протоки в пересыпи допускает возможность включения части акватории Тобечикского лимана в систему прибрежного каботажного плавания и захода в его акватории небольших судов.

Ключевые слова: Керченский пролив, Боспор, античность, геоархеологическая реконструкция, озеро Тобечик.

Summary

Settlements founded during the period of Greek colonization in the north of the Black Sea region at the end of the 7th - first half of the 6th centuries BC were located in convenient places for navigation and defense. They were situated deep in the coves and sea bays, as well as in the estuarine zones of large rivers. Changes in the configuration of the coastline over the next millennia under the influence of changes in relative sea level, the outlines of the coastline and river estuaries, as well as the intensive anthropogenic transformation of coastal territories were accompanied by changes in the relief of the coast. The authors present a reconstruction of the development of one of the coastal areas on which small shallow lakes are developed - estuaries, partially or completely fenced off from the sea, on the inner shores of which there are traces of rural estates and small settlements. In the context of the development of the coast of the estuary in ancient times, the preservation of the channels in the embankment allows the possibility of including part of the Tobekchik estuary in the coastal navigation system and the entry of small vessels into its water area.

Key words: Kerch Strait, the Bosphorus, antiquity, geo-archaeological reconstruction, Lake Tobekchik.

Поротов А.В., Зинько В.Н. Палеогеографическое развитие... ██████████

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Поротов Алексей Васильевич, к.и.н.,
Московский государственный университет,
Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма,
старший научный сотрудник.
a.zinko@mail.ru

Зинько Виктор Николаевич, д.и.н.,
Крымский федеральный университет,
Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма,
ведущий научный сотрудник.
zinko@bf-demetra.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Porotov Alexej Vasil'evich, CSc,
Moscow State University, Faculty of Geography,
Associate professor.
alexey-porotov@yandex.ru

Viktor N. Zin'ko, DSc,
Crimean Federal University,
Research center of History and Archaeology of the Crimea,
Leading Researcher.
zinko@bf-demetra.ru

Работа проводилась в рамках совместных исследований по теме «Хора античных городов Европейского Боспора» и при поддержке гранта РФФИ 18-05-00296.

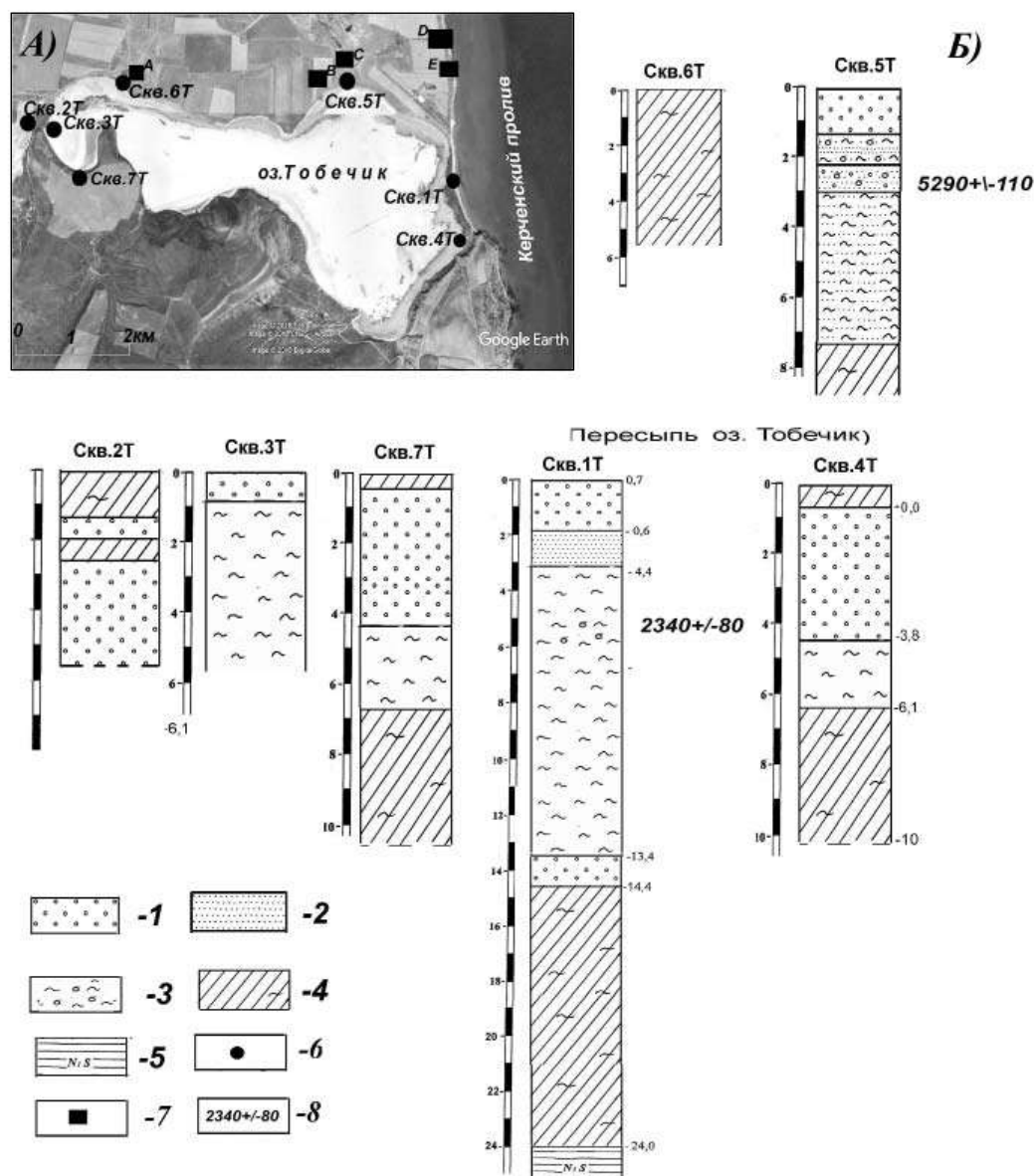

Рис. 1. Расположение скважин и поселений античного времени (А) и строение прибрежных отложений на побережье оз. Тобечик (Б).

Условные обозначения: 1 – крупнозернистые раковинные пески с ракушкой; 2 – мелкозернистые серые пески; 3 – илы, серые, с примесью раковинных песков и органики; 4 – покровные суглинки желто-серого цвета; 5 – коренные глины верхнего миоцена, темно-синего цвета; 6 – скважины; 7 – поселения античного времени; 8 – радиоуглеродные даты.

А.В. ЗИНЬКО, А.Н. ШАМРАЙ
A.V. ZIN'KO, A.N. SHAMRAI

**НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ ДРЕВНЕЙШЕЙ ЗАСТРОЙКИ
ПОСЕЛЕНИЯ КОРОКОНДАМА
NEW DISCOVERIES OF THE MOST ANCIENT BUILDINGS
OF THE SETTLEMENT OF KOROKONDAMA**

Археологические признаки строительных остатков под водой к северу от мыса Тузла в юго-восточной части Керченского пролива были впервые открыты в 1982 году экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством К.К. Шилика [Шилик, 2013, с. 59 – 61]. В течение нескольких десятилетий это открытие не привлекало внимания специалистов, проводивших археологические исследования в акватории мыса [Кондрашов, 2000, с. 160]. В начале нового столетия один из авторов данной публикации в рамках краеведческих наблюдений, проведенных по берегу коренного основания песчаной косы Тузла (одноимённой мысу), собрал коллекцию античной керамики и строительного материала, свидетельствовавших об их принадлежности архитектурным остаткам античности. Определённая часть керамики, выброшенная морем на берег, не носила следов его воздействия – т.е. была не окатанной. Строительный материал в виде небольших валунов и глыб был представлен породами вулканического и сланцевого происхождения, которые в ближайшем от мыса геологическом ареале отсутствуют. Основное количество этих находок приходилось на участок берега, где ранее на дне были отмечены остатки древних строений. Эти наблюдения, дополненные непосредственным осмотром остатков строений под водой и с воздуха, послужили основанием для их публикации [Шамрай, 2004, с. 397 – 407].

Материалы этой публикации привлекли внимание А.В. Кондрашова – археолога Краснодарского музея [Кондрашов, 2006, с. 4], который ранее занимался обследованием рифа мыса Тузла. В 2005 г. под его руководством были организованы и осуществлены первые системные обследования строительных остатков памятника, находящегося под водой к северу от мыса. В процессе этих работ выявлен внешний вид строительного комплекса, который автор определил как рукотворный и назвал «Каменной грядой» (валом, насыпью). По его интерпретации гряда имела четыре каменистых возвышения различной величины и округлых в плане форм, расположенных на дне в линию с востока на запад на глубинах 1,8 – 2,8 м. Эти возвышения находились на различном расстоянии друг от друга, крайние к западу были соединены между собой узким каменистым валом, а к востоку примыкали одно к другому. Общая протяжённость строения составляла 80 м. Вокруг гряды отмечался значительный разброс камней, особенно это было характерно для её восточной оконечности. Здесь отдельные камни находились в 40 м от уреза воды. По мнению исследова-

дователя, строительный материал сооружения состоял в основном из глыб местного известняка, среди которого встречались магматические и сланцевые породы, привезённые из Средиземноморья. У основания и по склонам гряды был собран подъёмный материал в виде обломков амфор, столовой и парадной посуды, относящейся к архаическому и классическому периодам античности. Автор исследований в описательных и картографических материалах отчёта, а также в последующих публикациях размещал памятник в 850 м к северу от мыса Тузла [Кондрашов, 2006, с. 4 – 15; 2009, с. 173 и сл.].

Последующие две экспедиции центральных институтов страны, проводившие археологические исследования акватории пролива вокруг мыса в целях её хозяйственного освоения, не подтвердили наличие археологического объекта на указанном ранее месте [Гей, Сударев, 2011, с. 24, 39, 40; О कोरोков, 2016, с. 45, 50]. Памятник обнаружен только третьей экспедицией, работавшей с той же целью, под руководством специалистов ИИМК (г. С.-Петербург). В ней участвовали и научные сотрудники региональных центров подводной археологии. По факту, строительный комплекс обнаружен на 0,3 км ближе к мысу, там, где его локализация несколько раз была определена наблюдениями [Шамрай, 2004, с. 402] и разведками группы подводной археологии при ВБАЭ ИА РАН [Шамрай, 2015, с. 390]. На одной из возвышенностей «Каменистой насыпи» был заложен небольшой шурф, в результате раскопок которого прослежена её внутренняя конструкция от вершины до материковой основы [Вахонеев, Горбунов, 2019, с. 152–153]. Первый слой толщиной 0,25 м представлял собой нерегулярную кладку в 1-2 горизонтальных ряда плитовых глыб песчаника и розового мергеля. В кладке обнаружены 4 фрагмента античной керамики, из которых 3 не имели следов динамического воздействия моря – окатанности, т.е. с момента своего попадания в строение находились в состоянии *in situ*. Только один фрагмент – ручка амфоры, лежавшая среди камней на поверхности, носила следы незначительной окатанности в той части, где она выступал из камней. Один из трёх не окатанных обломков являлся полый ножкой ионийской амфоры пифоидного типа второй половины VI в. до н.э. В её нижней части были нанесены две полосы светло-коричневой краской. Кладка камней лежала на слое песка толщиной 0,6 м, состоявшего из крупных раковин. Этот слой в свою очередь покоился на мелком плотном стерильном песке серого цвета. Кровля последнего слоя, очевидно, представляла дневную поверхность, на которой некогда было возведено возвышение из крупного песка и обложено привозными породами камней.

В 2019 г. памятник был исследован специалистами Боспорской подводной археологической экспедиции Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского и Центра археологических исследований фонда «Деметра», ведущей планомерные разведки Керченского пролива в рамках проекта создания подводной археологической карты его акватории. Между берегом песчаной косы и восточным концом строительного комплекса из четырёх обложенных камнями «платформ» открыты новые, ранее

неизвестные и неисследованные археологические объекты различного, скорее всего, хозяйственного или жилищного назначения (рис. 1) (Карта № 2). Их неожиданное проявление на дне связано с изменениями гидрологического режима волновых течений, создаваемых действием сильных ветров южных и западных направлений. Ранее, до прокладки газопровода по дну пролива и возведения над ним каменного вала, прибрежные течения, возникавшие от этих ветров, выполняли созидательную работу. Они переносили песок вдоль берега и равномерно его аккумулировали (распределяли и накапливали) вдоль всей коренной части косы Тузла, создавая тем самым широкие прибрежные отмели, которые погашали силу штормов. В настоящее время этот многовековой режим естественного формирования юго-восточной части косы, способствовавший сохранению строительных остатков античного селения, нарушен. Протяжённый и широкий каменный вал над ниткой трубопровода, охватывающий древнейшую часть селения с севера и запада, стал барьером волновым течениям, которые теперь поменяли свой режим в обратную сторону, они стали размывать ранее накопленные отложения песка. Сила этих явлений такова, что поверхность каменных кладок возвышенных площадок (далее «платформ» по Шамрай, 2015, с. 390) основного строительного комплекса, ранее покрытая бурой морской водорослью цистозирой, совершенно очищена. Более того, отбор наносов и отложений произошёл и между камнями кладок, особенно по северным склонам строений. Здесь сегодня отмечено множество фрагментов керамики, в том числе и профилированных. Последние представлены обломками сосудов первой четверти VI в. до н.э. из Клазомен (рис. 2.1), Милета (?) (рис. 2.2) и других центров (рис. 2.3, 4).

Следствием гидрологических изменений стало обнажение тех участков селения, которые ранее были скрыты песчаными наносами (рис. 3). Вблизи берега на глубинах 0,9 – 1,2 м, несколько южнее линии комплекса платформ, открыта обширная мостовая, которая своим южным краем уходит под наносы песка (условно – «Мостовая № 1»). Видимая часть мостовой, протяжённостью около 16 м и шириной около 4-5 м, вытянута в широтном направлении. Она выложена из средних (до 0,5 м) и крупных (до 0,7 м) глыбовых плит слюдяного сланца, розового мергеля, очень плотного и многоцветного песчаника, и валунов различных пород. Камни лежат в горизонт неподалёку друг от друга, а пространство между ними заполнено галечником, слабо окатанной дресвой и песком из крупных раковин. Среди галечно-песчаной засыпки мостовой находятся тонкие плитки розового мергеля, слюдяного сланца и кварцита, уложенные горизонтально. Здесь же встречается и их щебень.

По северной стороне мостовая ограничена строительными остатками объектов, по-видимому, различного назначения. Северо-восточный угол мостовой, находящийся в 60 м от уреза воды, представлен необычной вымосткой площадью 5 кв. м, ограниченной по трём углам большими плитами слюдяного сланца белого цвета (условно – «Вымостка № 1.1»). Форма плит близка неравносторонним треугольникам, их острые вершины направлены в различные стороны, одна на запад, другая на юг и третья на восток. К восточной стороне южной плиты примыкает регулярная кладка

в один ряд из различных по форме и породам камней, которые выступают над поверхностью мостовой. Эта кладка тянется к юго-западу на протяжении нескольких метров.

С северо-запада мостовая ограничена архитектурными остатками цоколя угловой части прямоугольного здания (условно – «Строение № 1»). Цоколь сохранился в виде двух кладок, примыкающих друг к другу под прямым углом. Обе кладки имеют ширину 0,7 м, они сложены из валунов и глыбовых плит средней величины (0,3 – 0,5 м), лежавших в беспорядке плотно друг к другу. В угловом фасе цоколя прослежено два-три нерегулярных ряда камней. Строение сложено из вулканических и сланцевых пород камней – диабаза, базальта, диорита, гранита, белого мрамора, плотного песчаника, слюдяного сланца, розового мергеля. Камни трёх последних пород находились в нижней части кладки, а некоторые из них выступали за её пределы, скорее всего, они представляли фундамент строения, который в свою очередь был уложен на песок из крупных раковин. Одна из кладок цоколя – северная, протяжённостью около 6 м, имеет широтную направленность, а другая длиной в 1,5 м примыкает к её западной стороне с юга. К внутреннему фасу цоколя на уровне его фундамента примыкает мостовая, а в ней, в 2 м от его внутреннего угла и впритык к фундаменту, прослеживаются остатки узкой (0,4 м) регулярной кладки, сложенной из небольших глыбовых плит слюдяного сланца и розового мергеля. По всей видимости, эта кладка некогда являлась фундаментом стены, делившей строение на части. В камнях строения обнаружены *in situ* фрагменты стенок амфор пифоидной формы, очевидно, архаического или классического времени.

Далее к западу в 34 м от цоколя в пределах глубин 1,3 – 1,65 м находится развал камней площадью около 32 кв. м (условно – «Строение № 2»). Развал имеет в плане овальную форму, вытянутую по широте. В разрезе это невысокий каменистый холмик с уплощённой вершиной. Средние глубины по его основанию 1,45 м. Глубина над его вершиной 1,25 м. Объект состоит из небольших валунов и глыбовых плит привозных пород камней. Между камнями в слое крупного песка обнаружен *in situ* фрагмент стенки амфоры, который торчал из грунта вертикально. Его верхняя часть, выступавшая из песчаного грунта, успела покрыться порослью молодых водорослей, что свидетельствовало о недавнем обнажении черепка.

Несколько больший развал камней (условно – «Строение № 3») площадью около 70 кв. м почти примыкает к предыдущему объекту с западной стороны. Расстояние между их основаниями составляет 1 м, а вершинами – 11 м. Строение находится в пределах глубин 1,6 – 1,8 м. В плане оно овальной формы, близкой к прямоугольнику. Его западная сторона имеет извилистую линию контура. В разрезе это приподнятый над дном каменистый холм с уплощённой вершиной. Глубина над его вершиной 1,4 м. Поверхность строения сложена из одного горизонтального ряда камней вулканических пород среднего размера, плотно уложенных друг к другу. Среди них встречаются местные породы рыхлого известняка-ракушечника и известнякового песчаника. По вершине строения в щелях между камнями кладки прослежены участки вымостки

до н.э. (рис. 2.8). Помимо керамики, в отложениях песка между камнями найдены берцовая кость собаки и небольшой обломок тонкой и очень твёрдой коры дерева неизвестной породы.

Ещё один археологический объект (условно – «Мостовая № 5.1») в виде беспорядочной однослойной кладки привозных валунов средних размеров и глыбовых плит отмечен в 6 м к северу от «Строения № 5». Видимый участок мостовой занимает площадь 9 кв. м. Он находится в пределах глубин 1,7 – 2 м.

Подводными археологическими разведками, проведёнными БПАЭ в 2019 г., открыт новый участок древнейшей застройки античного поселения, находящегося к северу от мыса Тузла. Большинство специалистов прошлого и настоящего времени это селение отождествляется с Корокондамой. В результате проведённых работ на участке дна площадью более 6000 кв. м выявлены различные виды строительных остатков ранних периодов античности – мостовые, фундаменты и цокольные кладки стен, панцирные обкладки возвышенностей, возведённых из крупного морского песка. Общей чертой в строительной технике этих остатков является нерегулярность кладок из камней вулканических и сланцевых пород, привезённых с восточного побережья и ближайших к нему островов Эгейского моря, скорее всего, из Клазомен, Лесбоса и Хиоса. Подтверждением тому является доминирование профилированных фрагментов керамики этих производственных центров в кладках строений. Аналогии такой строительной техники известны в городах и селениях Боспора. В градостроительстве Фанагории она широко использовалась в архаическое и классическое время [Кобылина, 1956, с. 15, 17, рис. 2; Долгоруков, 1984, с. 78; Завойкин, Кузнецов, 2011, с. 188; Завойкин, 2018, с. 107, 111]. В Нимфее техника вымосток и кладок с использованием розового мергеля характерна для классического и начала эллинистического времени [Чистов, 2017, с. 145]. Таким образом, нерегулярный тип кладок или их развалов из экзотических (не свойственных для конкретной местности) пород камня может быть принят за относительный хронологический индикатор античного памятника, находящегося на дне моря. Абсолютным же хроноиндикатором является керамика, обнаруженная в строениях *in situ*. На основании новых открытий древнейшей застройки селения, находящейся под водой у мыса Тузла, можно окончательно признать, что первоначально структурная часть селения была возведена на песчаной косе, коренное основание которой примыкало к материковой части мыса, где располагался некрополь селения. Весь комплекс строений, находящихся сегодня под водой, функционировал с первой четверти VI в. до н.э. до конца V в. до н.э. По результатам предварительных исследований поселение Корокондама было основано в начальный период колонизации Боспора, это полностью согласуется с археологическими материалами Тузлинского некрополя [Сорокина, 1957, с. 50].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Буйских А.В. Архаическая расписная керамика из Ольвии. Киев: Стародавній Світ. – 456 с.
- Вахонеев В.В., Горбунов П.А. Подводные археологические разведки в зоне проектирования сухогрузного района морского порта Тамань в акватории Керченского пролива в 2018–2019 гг. // Бюллетень ИИМК РАН. № 9. Охранная археология. СПб. 2019. С. 152–153.
- Гей Н.А., Сударев Н.И. Технический отчёт о результатах выполнения научно-исследовательских работ по теме: «Спасательные археологические работы (разведки), направленные на уточнение границ и мощности культурного слоя памятников археологии для разработки проектной документации по проекту: «Создание сухогрузного района морского порта Тамань». Т. 3., М., 2011.
- Долгоруков В.С. Фанагория // Античные государства Северного Причерноморья. М. 1984. С. 77 – 81.
- Завойкин А.А., Кузнецов В.Д. Древнейшее общественное здание Фанагории // ПИФК 4, 2011. С. 188 – 198.
- Завойкин А.А. Общественное здание IV в. до н.э. на акрополе Фанагории // Фанагория. Материалы по археологии и истории Фанагории. Т. 6, вып. 3. М., 2018. С. 101 – 141.
- Кобылина М.М. Фанагория // МИА. № 57. М., 1956. С. 5 – 101.
- Кондрашов А.В. Корабельная стоянка у мыса Тузла в Керченском проливе // Таманская старина. 3. СПб., 2000. С. 160.
- Кондрашов А.В. Отчет о проведении археологических разведок в Керченском проливе у м. Тузла Темрюкского района, Краснодарского края в 2005 г. Краснодар, 2006 г. – Архив ИА РАН Ф.1, Р.1, № 26916.
- Кондрашов А.В. Затопленное античное селение у мыса Тузла // Пятая кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2009. С. 173 – 177.
- Кондрашов А.В. Новые исследования у мыса Тузла на Таманском полуострове // СΥΜΒΟΛΑ. Вып. 1, – Москва - Киев, 2010. С. 121 – 123.
- Окороков А.В. Отчёт о проведении археологических разведок в южной части акватории Керченского пролива, прибрежной части территории Ленинского района Республики Крым, прибрежной части территории Темрюкского района Краснодарского края. М. 2016. НО Архив ИА РАН. Ф. 1, Р. 1, Оп. 1. ш. 53, д. № 48509.
- Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. М., 1957 – 64 с., табл. 14.
- Шамрай А.Н. К вопросу локализации селения Корокондамы (археолог - топографический аспект) // Материалы V боспорских чтений. – Керчь, 2004. С. 397 – 407.
- Шамрай А.Н. Античное поселение у мыса Тузла (гидроархеология и палеогеография) // XVI боспорские чтения. – Керчь, 2015. С. 389 – 399.
- Шилик К.К. Античные города на дне Керченского пролива (история поисков и открытий) // Изучение памятников морской археологии. Вып. 7., - СПб., 2013. С. 29 – 82.
- Чистов Д.Е. Урбанизация архаического Нимфея // ТГЭ: [Т.] 88 : Перипл: от Борисфена до Боспора: материалы юбилейной конференции. – СПб., 2017. С. 137 – 160.

REFERENCES

- Buiskikh A.V. *Arkhaicheskaiia raspisnaia keramika iz Ol'vii*. Kiev: Starodavnii Svit, 456 p.
- Chistov D.E. Urbanizatsiia arkhaicheskogo Nimfeia. *TGE: [T.] 88 : Peripl: ot Borisfena do Bospora: materialy iubileinoi konferentsii*. Spb., 2017, pp. 137 – 160.
- Dolgorukov V.S. Fanagoriia. *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ia*. M., 1984.
- Gei N.A., Sudarev N.I. *Tekhnicheskii otchet o rezul'tatkh vypolneniia nauchno-issledovatel'skikh rabot po teme: "Spasatel'nye arkheologicheskie raboty (razvedki), napravlennye na utochnenie granits i moshchnosti kul'urnogo sloia pamiatnikov arkheologii dlia razrabotki proektnoi dokumentatsii po proektu: "Sozdanie sukhogruznogo raiona morskogo porta Taman'"*. T. 3., M., 2011, pp. 77 – 81.
- Kobyлина M.M. Fanagoria. *MIA*. № 57. M., 1956, pp. 5 – 101.
- Kondrashov A.V. Korabel'naia stoianka u mysy Tuzla v Kerchenskom prolive. *Tamanskaia starina*. 3. SPb., 2000, 160 p.

Боспорские исследования, вып. XL

- Kondrashev A.V. Otchet o provedenii arkheologicheskikh razvedok v Kerchenskom prolive u m.Tuzla Temriukskogo raiona, Krasnodarskogo kraia v 2005 g. *Arkhir IA RAN*. F.1, R.1, № 26916, Krasnodar, 2006.
- Kondrashev A.V. Zatoplennoe antichnoe selenie u mysa Tuzla. *Piataia kubanskaia arkheologicheskaia konferentsiia*. Krasnodar, 2009, pp.173 – 177.
- Kondrashev A.V. Novye issledovaniia u mysa Tuzla na Tamanskom poluostrove. *ΣYMBOLA*. Vyp. 1., Moskva-Kiev, 2010, pp. 121 – 123.
- Okorokov A.V. Otchet o provedenii arkheologicheskikh razvedok v iuzhnoi chasti akvatorii Kerchenskogo proliva, pribrezhnoi chasti territorii Leninskogo raiona Republiki Krym, pribrezhnoi chasti territorii Temriukskogo raiona Krasnodarskogo kraia. *NO IA RAN*. F.1, R.1, Op.1. sh. 53, d. № 48509, M., 2016.
- Shamrai A.N. K voprosu lokalizatsii seleniia Korokondamy (arkheologo-topograficheskii aspekt). *Materialy V Bosporskikh chtenii*. Kerch', 2004, pp. 397 – 407.
- Shamrai A.N. Antichnoe poselenie u mysa Tuzla (gidroarkheologii i paleografiia). *XVI Bosporskie chteniia*. Kerch', 2015, pp. 389 – 399.
- Shilik K.K. Antichnye goroda na dne Kerchenskogo proliva (istoriia poiskov i otkrytii). *Izuchenie pamiatnikov morskoi arkheologii*. Vyp. 7. SPb., 2013, pp. 29 – 82.
- Sorokin N.P. *Tulinskii nekropol'*. M., 1957, 64 p., tb. 14.
- Vakhoneev V.V., Gorbunov P.A. Podvodnye arkheologicheskie razvedki v zone proektirovaniia sukhogruznogo raiona morskogo porta Taman' v akvatorii Kerchenskogo proliva v 2018 - 2019 gg. *Biulleten' IIMK RAN*. № 9. Okrannaia arkheologii. SPb. 2019, pp. 152–153.
- Zavoikin A.A., Kuznetsov V.D. Drevneishee obshchestvennoe zdanie Fanagorii. *PIFK* 4, 2011, pp. 188 – 198.
- Zavoikin A.A. Obshchestvennoe zdanie 4 v. do n.e. na akropole Fanagorii. *Fanagoriia. Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii*. T. 6, Vyp. 3. M., 2018, pp. 101 – 141.

Резюме

Подводными археологическими разведками, проведёнными Боспорской подводной археологической экспедицией в 2019 г., открыт новый участок древнейшей застройки античного поселения, находящегося к северу от мыса Тузла. Большинство специалистов прошлого и настоящего времени это селение отождествляется с Корокондамой. В результате проведённых работ на участке дна площадью более 6000 кв. м выявлены различные виды строительных остатков ранних периодов античности – мостовые, фундаменты и цокольные кладки стен, панцирные обкладки возвышенностей, возведённых из крупного морского песка. Общей чертой в строительной технике этих остатков является нерегулярность кладок из камней вулканических и сланцевых пород, привезённых с восточного побережья и ближайших к нему островов Эгейского моря.

Весь комплекс строений, находящихся сегодня под водой, функционировал с первой четверти VI в. до н.э. до конца V в. до н.э. По результатам предварительных исследований поселения Корокондама было основано в начальный период колонизации Боспора, это полностью согласуется с археологическими материалами Тузлинского некрополя.

Ключевые слова: Керченский пролив, Боспор Киммерийский, мыс Тузла, подводные исследования, античное поселение Корокондама.

Summary

The Bosphorus underwater archaeological expedition held underwater archaeological explorations in 2019 and discovered a new section of the ancient buildings of the ancient settlement, located to the north of Cape Tuzla. Most experts of the past and present identify this village with

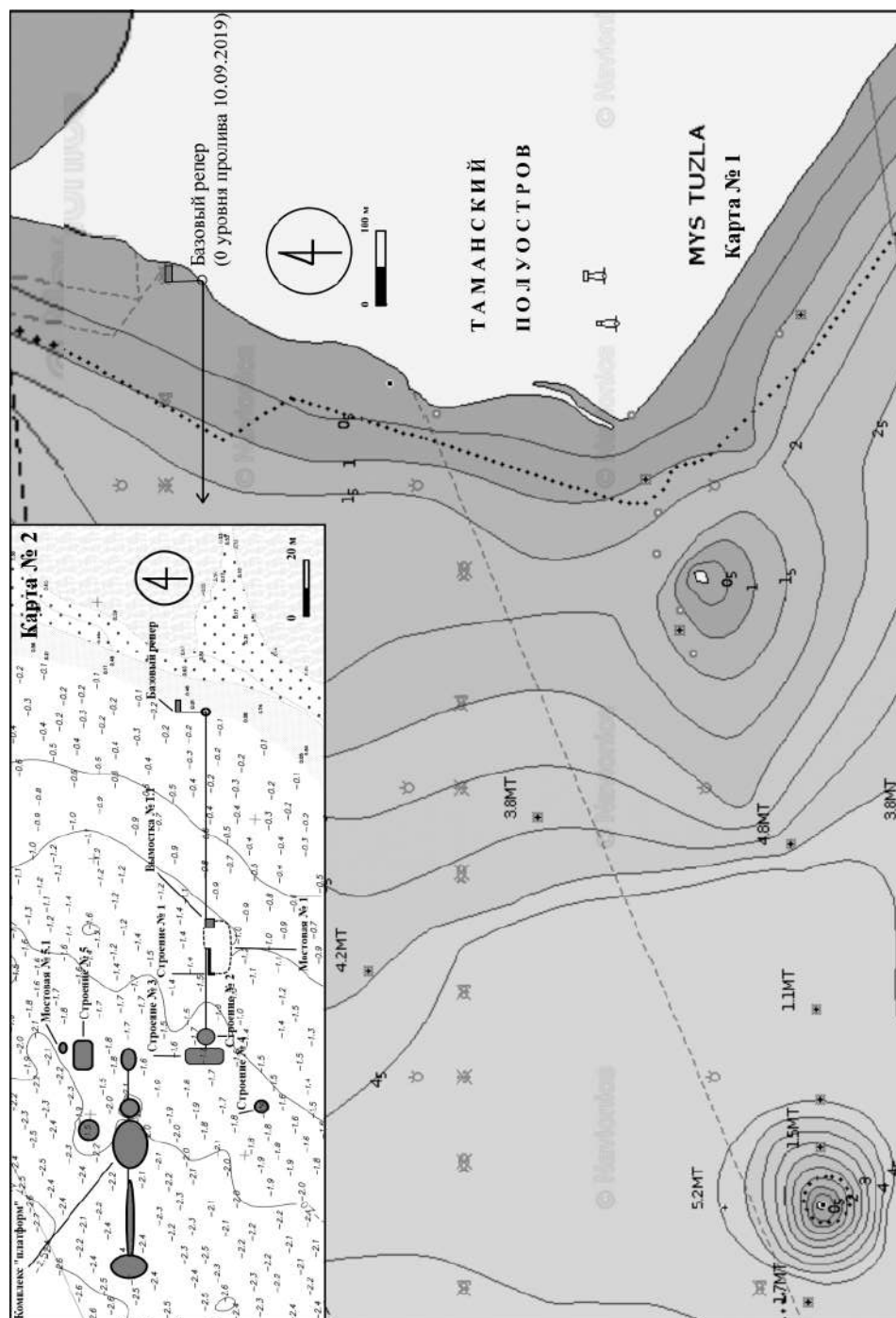

Рис. 1.

Карта № 1 – общая навигационная карта акватории мыса Тузла.

Карта № 2 – ситуационная карта полигона подводных археологических разведок селения Корокондама в 2019 г.

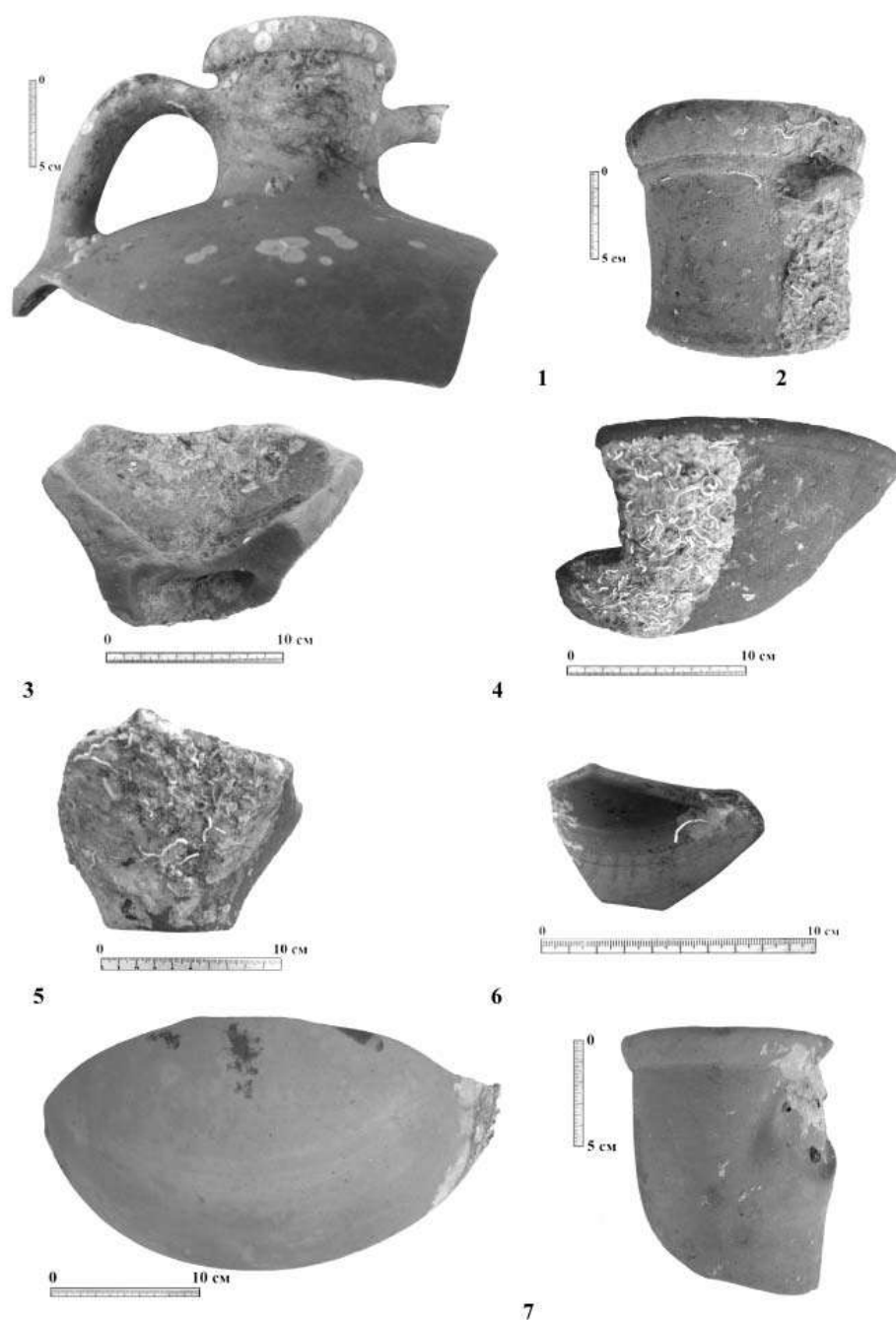

Рис. 2. Керамика из архитектурных остатков затопленной части поселения у мыса Тузла (2019 г.).

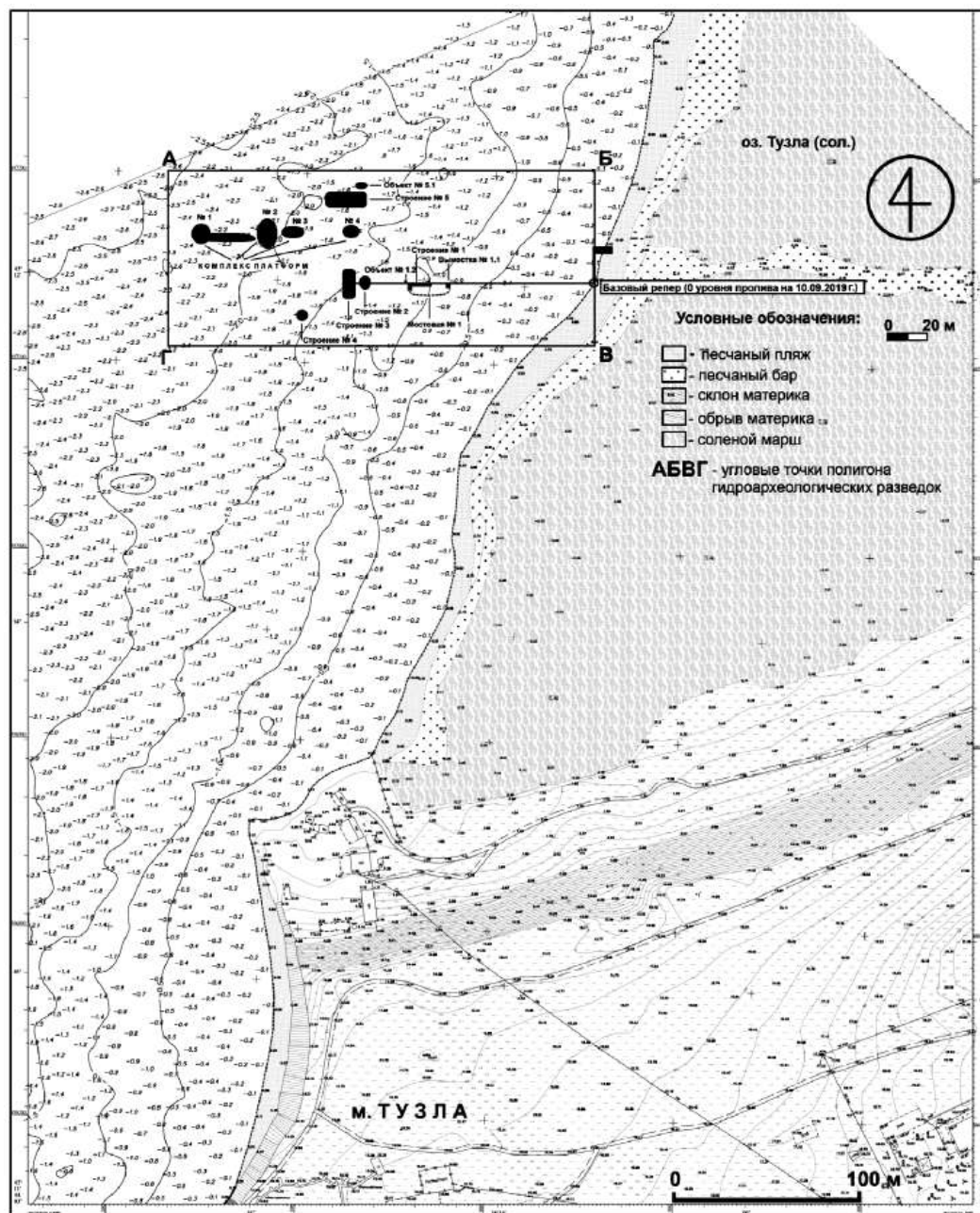

Рис. 3. Ситуационный план расположения на дне пролива строительных остатков поселения Корокондама, исследованных БПАЭ в 2019 г. (План выполнен на основе батиметрической карты северной акватории мыса Тузла, созданной экспедицией СРМПТ, 2018 г.).

С.В. КАШАЕВ, Н.И. СУДАРЕВ¹
S.V. KASHAEV, N.I. SUDAREV

**ТРАДИЦИЯ ПОГРЕБЕНИЙ В СЫРЦОВЫХ ГРОБНИЦАХ В
НЕКРОПОЛЯХ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА
АРТЮЩЕНКО-2 И ВИНОГРАДНЫЙ-7²
BURIAL TRADITIONS IN MUDBRICK TOMBS OF
NECROPOLEIS ARTJUSCHENKO-2 AND VINOGRADNY-7
ON TAMAN PENINSULA**

Среди погребальных сооружений в грунтовых некрополях Азиатского Боспора особое место занимают захоронения в сырцовых гробницах³. Этот вид гробниц представляет собой сложные и интересные погребальные сооружения.

Происхождению строительной традиции сырцовых ящиков Боспора мы посвятили большой раздел в одной из статей [Иванов, Сударев, 2017, с. 175–180]. Не останавливаясь на этом подробно, отметим, что сырцовые гробницы широко распространились по территории Северного Причерноморья и регионам греческой Ойкумены VI–III вв. до н.э. и более раннего времени, а также связаны, в первую очередь, с греческими строительными традициями [Camp, Dinsmoor, 1984, p. 6-8; Tucci, 2015, p. 241-267; Месса S. et al. 2011.]. На Боспоре такие сооружения появляются с самого начала колонизации территорий Таманского полуострова и Европейского Боспора. Наиболее ранние из них датируются второй половиной VI в. до н.э. [Иванов, Сударев, 2017, с. 176–177].

В данной работе рассмотрим погребения в сырцовых гробницах из раскопок грунтовых некрополей Таманского полуострова: Артющенко-2 и Виноградный-7.

Древнее поселение и грунтовый некрополь Артющенко-2 расположены в южной части Таманского полуострова: на обрывистом берегу Черного моря между мысом Железный Рог и Бугазским озером, в 17 км к юго-востоку от станицы Тамань и в 4 км к юго-востоку от поселка Артющенко.

¹ Отдел истории античной культуры, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории материальной культуры Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

Отдел классической археологии, Институт археологии Российской академии наук, г. Москва, 117036, Россия.

² Кашаев С.В. Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук по теме государственной работы: 0184-2019-0007. «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

Сударев Н.И. Выполнена в ИВИ РАН по проекту РНФ № 18-18-00237 «Боспор и Северная Колхида. Греческие колонии в негреческом окружении: динамика взаимодействия разнотипных обществ».

³ Мы сознательно используем нейтральный термин «гробница», так как в зависимости от конструктивных особенностей данные сооружения могут относиться к разными типам: «ящики», «склепы», «ямы с обкладкой».

Поселение Артющенко-2 было обнаружено в 1997 г. в ходе разведок Е.Я. Рогова [Рогов, 2000, с. 210]. В 1998–2014 гг. Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН проводил его раскопки [Рогов, 2001, с. 164; Кашаев, 2001, с. 131]. Некрополь расположен к востоку от поселения, он был обнаружен после значительного обвала берега, который произошел зимой-весной 2002 г. С 2003 г. Таманский отряд приступил к спасательным раскопкам этого активно разрушающегося некрополя [Кашаев, 2009, с. 188–267; Кашаев, 2010, с. 88–96].

С 2003–2017 гг. на некрополе была исследована площадь около 4950 кв. м, обнаружено 185 погребений, из которых 12 доследовано за грабителями. Такие погребения получили особую нумерацию с литерой «Г». Проведенные работы и находки позволили определить его хронологию и составить представление о размерах некрополя.

Наиболее ранние обнаруженные захоронения датируются концом VI в. до н.э., или рубежом VI–V вв. до н.э. Большинство из датированных погребений укладывается в промежуток примерно в сто лет, между началом V в. и началом IV в. до н.э., часть комплексов относится к III–II вв. до н.э. Считаем, что некрополь укладывается в эти хронологические рамки V–II вв. до н.э. Три самых поздних погребения относятся к IV–V вв. н.э., но пока это единичные случаи, и нет оснований говорить, что захоронения массово продолжались до этого времени.

В некрополе Артющенко-2 обнаружено 17 сырцовых ящиков (погребения № 7, 21, 24, 25, 27, 28, 32, 34, 40, 44, 45, 47, 64, 65, 67, 69, Г12) (рис. 1–6).

В 2015–2016 гг. сотрудниками Восточно-Боспорской АЭ ИА РАН проводились археологические раскопки поселения Виноградный-7, его грунтового некрополя и расположенной на площади поселения курганный группы Вышестеблиевская-21.

Поселение Виноградный-7 расположено в 3,5 км к северо-востоку от поселка Виноградный и в 4,8 км к северо-западу станицы Вышестеблиевская. Памятник охраняется государством согласно распоряжению комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края от 18 декабря 2002 г. № 3-р.

Впервые поселение Виноградный-7 было предположительно отмечено как «следы античной культуры» на карте древностей Таманского полуострова, составленной в 1920-х гг. С.Ф. Войцеховским. Позднее А.А. Миллер уточнил эту относительную датировку, охарактеризовав интересующий нас объект как поселение, относящееся к «классическому эллинистическому и римскому периоду», и поместил его под № 32 на своей карте археологических памятников Тамани, составленной в 1930–31 гг. [Паромов, 1992, с. 535].

В 1980–2000 гг. разными исследователями на памятнике проводились разведки и раскопки. Все археологические работы 2001–2006 гг., которые формально связывались с поселением Виноградный-7, фактически затрагивали лишь расположенные вблизи поселения курганный и грунтовые некрополи и площадь средневекового селища Гора Чиркова-1 [Сударев, Кашаев, 2016, с. 471–479].

В ходе раскопок 2015–2016 гг. памятник исследован на площади около 100 тыс. кв. м. Помимо поселенческих комплексов и объектов, в зону раскопок попала обширная территория некрополя, расположенного в северной и восточной части памятника [Сударев, 2016, с. 333–340].

За два сезона работ было обнаружено около 400 погребений античного времени и 155 погребения эпохи Средневековья. Основная часть античных захоронений датируется периодом V в. до н.э. – II в. н.э., средневековые относятся к IX–X вв. н.э.

В некрополе Виноградный-7 и курганной группе Вышестеблиевская-21 обнаружено 19 сырцовых гробниц (погребения № 20(2015), 32(2015), 60(2015), 31(2016), 33(2016), 48(2016), 55(2016), К.4 п.1, К.5 п.11, К.6 п.5, К.6 п.14, К.6 п.44, К.6 п.47, К.6 п.67, К.7 п.1, К.7 п.2, К.8 п.4, К.8 п.9, К.8 п.74 (рис. 7–13).

Сырцовые гробницы делятся на два основных типа по признаку наличия или отсутствия входа (рис. 8; 9). Сырцовые гробницы, представляющие собой замкнутый объем, относятся нами к категории ящиков. К этой категории относится подавляющее большинство известных нам сырцовых сооружений. Практически все известные сырцовые гробницы VI – 3/3 IV вв. до н.э. относятся именно к этому типу – IV/2 по типологии, предложенной Н.И. Сударевым [Сударев, 2005, с. 14].

Сырцовые склепы появляются в IV в. до н.э., причем ближе к его последней трети. До недавнего времени они не были известны; их массовое исследование произошло в результате раскопок некрополя Виноградный-7, курганный группы Вышестеблиевская-21 (№ 32/2015, 33/2016, 14, 44, 47, 67(к.6), 4, 9 (к.8)) и соседнего некрополя Виноградный Северо-Восточный. Все они практически имеют одну и ту же форму: прямоугольное сооружение со входом с правой стороны (рис. 12). Обычно вход представляет собой прямоугольный пандус длиной около 1,0-1,5 м и шириной до 1 м, часто оформленный в виде ступеней. Лишь в двух случаях вход был расположен в центральной части узкой стороны (№ 32/2015 и, возможно, 14 (к.6)). В одном случае вход был справа, однако пандус со ступенями по ширине равен узкой стороне сооружения и оформлен сырцовыми стенами как дополнительная камера «преддверие» (№ 4 (к.8)).

При строительстве сырцовых ящиков и склепов использовалось несколько конструктивных вариантов [Кашаев, 2009, с. 214]. Общим являлось то, что для постройки сырцового ящика сначала выкапывали котлован прямоугольной формы. Затем из сырцовых кирпичей выкладывали стены ящика, потом делали перекрытие. Перекрытие могло быть двух видов.

Первый вид – сырцовые стены перекрывали горизонтальным настилом из досок, которые должны были поддерживать выложенную поверх них сырцовую крышу сооружения.

Второй вид – это полуциркульный свод, сложенный из кирпичей. Не исключено, что и в этом случае могли присутствовать подпорные деревянные конструкции. В редких случаях удавалось зафиксировать наличие в заполнении погребений фрагментов древесного тлена.

Конструкции стен сырцовых гробниц выделены по материалам некрополя Артющенко. Они также имеют несколько вариантов исполнения. В первом случае кирпичи вдоль длинных стен клали плашмя, а вдоль коротких стен ставили на ребро (погребения № 25, 27, 28, 34). Во втором – кирпичи вдоль всех стен ставили на ребро (погребения № 24, 44), в третьем – кирпичи вдоль всех стен клали плашмя (погребения № 7, 32, 40, 45, 47). В некрополе Виноградное-7 практически все сырцовые гробницы относятся к третьему варианту.

Скорее всего, выбор какого-либо варианта при строительстве стен гробницы не связан с обрядовыми тонкостями, а зависел исключительно от количества строительных материалов (кирпичей), т.е. финансовых возможностей заказчика. При этом можно предположить, что после завершения строительства и всех отделочных работ склепы, сложенные в разной технике, внешне выглядели практически одинаково.

Пол в сырцовых гробницах представлен двумя видами: одноуровневый и разноуровневый. Они отличаются тем, что во втором случае посередине или с краю было выкопано дополнительное пространство. В результате получалось либо две лежанки и проход посередине, либо место для установки гроба или саркофага и полка для инвентаря⁴. В одноуровневых полах зафиксированы дополнительные конструктивные элементы – канавки или ямки для установки ножек саркофагов либо клин⁵. Пол склепа мог быть полностью земляным, тогда все необходимые канавки и углубления выкапывали в грунте. Иногда пол частично или целиком выкладывали сырцовыми кирпичами. Реже встречаются случаи, когда пол выложен сырцовыми кирпичами, а посередине или сбоку вырыто дополнительное углубление для установки гроба или саркофага. Известны также случаи, когда разноуровневое пространство было сформировано сырцовыми конструкциями – лежанками с одной, двух или трех сторон. В некрополе Артющенко зафиксирован первый – одноуровневый – вариант пола, часто (особенно в ранних погребениях) с дополнительными ямками или канавками (в ногах и в голове), например, погребение 45 (рис. 6). Такой вариант пола наиболее характерен для ранних некрополей и встречается также в некрополе Волна-1 и Фанагории. Для IV века до н.э. наиболее характерен простой одноуровневый без дополнительных элементов пол как земляной, так и выложенный сырцовыми кирпичами. Он наиболее типичен и для некрополя Виноградный-7. Разноуровневые полы характерны для наиболее поздних захоронений и чаще встречаются начиная со второй половины IV в. до н.э. и в особенности в склепах конца IV – первой половины III в. до н.э.

Одной из функций сырцовой гробницы является использование его в качестве семейной усыпальницы, предполагающей возможность последующего

⁴ Или как вариант – одна лежанка и проход.

⁵ Реже встречаются канавки по периметру или по одной из сторон. В исследуемых некрополях такие случаи неизвестны.

подзахоронения родственников. В некрополе Артющенко это было зафиксировано в нескольких случаях (погребения № 21, 25, 32), причем в стене одного склепа с восточной стороны зафиксирован проем (погребение № 32), который мог быть входом. В некрополе Виноградный-7 значительная часть сырцовых гробниц потревожена в древности, однако в подавляющем большинстве случаев мы можем предполагать неоднократные захоронения в сырцовых гробницах. Из 19 сооружений только в 4-х можно с большой долей вероятности говорить об одном погребенном, еще в 2-х случаях из-за сильного ограбления – предполагать однократное захоронение. В остальных случаях – неоднократные погребения. Практически во всех склепах также совершены многократные (до 11⁶ погребенных) захоронения.

Подведем некоторые итоги. Наиболее ранними являются сырцовые ящики типа IV/2 с одноуровневым полом и часто с дополнительными элементами – канавками или ямками для установки ножек клинэ. Основная часть этих погребений содержала по одному погребенному, реже – по два. В целом они отличаются от основной массы погребений лишь относительно большим разнообразием инвентаря, выделяясь среди прочих погребений в первую очередь усилиями, затраченными на строительство самого сооружения. Для погребений IV в. до н.э. более распространенными являются парные и многократные погребения. Практически исчезают дополнительные ямки и канавки в полу⁷, однако появляются разноуровневые полы. В последней трети IV в. до н.э. появляются семейные сырцовые склепы с многократными захоронениями. В них становятся обычными полы разного уровня, формирующие пространство гробницы и предполагающие 2-3 лежанки⁸. Количество погребенных могло достигать 10 и более человек, а время активного функционирования гробницы – несколько десятилетий. Одновременно появляются и грунтовые склепы, которые впоследствии сменяют сырцовые. Вопрос о преемственности между сырцовыми склепами и грунтовыми мы оставляем открытым. Однако обратим внимание на наличие склепа, совмещающего признаки и сырцового, и грунтового (№ 47(к.6)). Он имеет форму, аналогичную сырцовым склепам, и обмазку стен глиной, что делает его изнутри схожим с типичной сырцовой гробницей. Но по совокупности признаков он ближе к грунтовым склепам и является фактически переходным вариантом.

Сырец и в дальнейшем продолжает использоваться в погребальном строительстве в качестве закладов в подбоях и грунтовых склепах, однако это тема отдельного исследования.

⁶ 11 погребенных выявлено в сырцовом склепе аналогичной конструкции на соседнем некрополе – Виноградном Северо-Восточном.

⁷ Видимо, это связано с тем, что ямки и канавки предполагают наличие в погребении только одного клинэ или саркофага.

⁸ В случае, если делался проход между лежанками на всю длину сооружения, получалось две лежанки; если проход был сделан не до конца, то формировалось три лежа буквой «П».

Боспорские исследования, вып. XL

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Кашаев С.В.* Раскопки поселения Артюшенко-2 //Археологические открытия 2000 г. М. 2001. с. 131–132.
- Кашаев С.В.* Некрополь Артюшенко-2 (общая характеристика, результаты раскопок 2003–2005 гг., погребения № 1–23) // Степи Евразии и история Боспора Киммерийского. Боспорские исследования Т. XXII Симферополь; Керчь. 2009. С. 188–267.
- Кашаев С.В.* Исследования некрополя Артюшенко-2 в 2007–2008 гг. // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья: новейшие открытия и находки. М., Киев, 2010. Вып. 1. С. 88–96.
- Паромов Я.М.* Археологическая карта Таманского полуострова // Депонировано в ИНИОН РАН. № 47103 от 01.10.1992 г. 1018 с.
- Рогов Е.Я.* Разведки на юге Таманского полуострова //Археологические открытия 1998 г. М. 2000. С. 210–211.
- Рогов Е.Я.* Работы на юге Таманского полуострова //Археологические открытия 1999 г. М. 2001. С. 163–164.
- Сударев Н.И.* Грунтовые некрополи боспорских городов VI–II вв. до н.э. как исторический источник. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М. 2005. 26 с.
- Сударев Н.И., Кашаев С.В.* История исследования поселения Виноградный-7 и работы на памятнике в 2015 г. //Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. XVII Боспорские чтения. Керчь. 2016. С. 471–479.
- Сударев Н.И.* Погребения некрополя Виноградный-7 (раскопки 2105–2016 гг.) //Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы международного круглого стола. СПб. 2016. С. 333–340.
- Camp J. McK. II, Dinsmoor W.B.J.* Ancient Athenian Building Methods// Excavations of the Athenian Agora, Picture Book No. 21. Athens. 1984. 33 с.
- Mecca S. et al.* 2011 Earth/Lands. Earthen Architecture in Southern Italy/Architetture in terra nell'Italia del Sud. Pisa. 2011. 360 с.
- Tucci P.L.* The Materials and Techniques of Greek and Roman Architecture// The Oxford Handbook of Greek and Roman Art and Architecture. Oxford. 2015. P. 241–267.

REFERENCES

- Kashaev S.V. Raskopki poseleniya Artyushchenko-2 //Arheologicheskie otkrytiya 2000 g. M. 2001. S. 131–132.
- Kashaev S.V. Nekropol' Artyushchenko-2 (obshchaya harakteristika, rezul'taty raskopok 2003–2005 gg., pogrebeniya № 1–23) // Stepi Evrazii i istoriya Bospora Kimmerijskogo. Bosporskie issledovaniya T. XXII Simferopol'; Kerch'. 2009. S. 188–267.
- Kashaev S. V. Issledovaniya nekropolya Artyushchenko-2 v 2007–2008 gg. // СΥΜΒΟΛΑ. Antichnyj mir Severnogo Prichernomor'ya: Novejshie otkrytiya i nahodki. M., Kiev, 2010. Vyp. 1. S. 88–96.
- Paromov YA.M. Arheologicheskaya karta Tamanskogo poluostrova // Deponirovano v INION RAN. № 47103 ot 01.10.1992 g. 1018 s.
- Rogov E.YA. Razvedki na yuge Tamanskogo poluostrova //Arheologicheskie otkrytiya 1998 g. M. 2000. S. 210–211.
- Rogov E.YA. Raboty na yuge Tamanskogo poluostrova //Arheologicheskie otkrytiya 1999 g. M. 2001. S. 163–164.
- Sudarev N.I. Gruntovye nekropoli bosporskih gorodov VI–II vv. do n.e. kak istoricheskij istochnik. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk. M. 2005. 26 s.
- Sudarev N.I., Kashaev S.V. Istoriya issledovaniya poseleniya Vinogradnyj-7 i raboty na pamyatnike v 2015 g. //Bospor Kimmerijskij i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. XVII Bosporskie CHteniya. Kerch'. 2016. S. 471–479.

Кашаев С.В., Сударев Н.И. Традиция погребений...

- Sudarev N.I. Pogrebeniya nekropolya Vinogradnyj-7 (raskopki 2105–2016 gg.) //Elita Bospora i bosporskaya elitarnaya kul'tura. Materialy mezhdunarodnogo kruglogo stola. SPb. 2016. S. 333–340.
- Camp J. McK. II, Dinsmoor W.B.J. Ancient Athenian Building Methods// Excavations of the Athenian Agora, Picture Book No. 21. Athens. 1984. 33 s.
- Mecca S. et al. 2011 Earth/Lands. Earthen Architecture in Southern Italy/Architetture in terra nell'Italia del Sud. Pisa. 2011. 360 s.
- Tucci P.L. The Materials and Techniques of Greek and Roman Architecture// The Oxford Handbook of Greek and Roman Art and Architecture. Oxford. 2015. P. 241–267.

Резюме

В ходе раскопок некрополей Артюшенко-2 и Виноградный-7 исследована серия захоронений в сырцовых гробницах, датируемых началом V – III вв. до н.э. В некрополе Артюшенко-2 обнаружено 17 (рис. 1–6), а в некрополе Виноградный-7 и курганный группе Вышестеблиевская-21 – 19 сырцовых гробниц (рис. 7–13). Сырцовые гробницы делятся на два основных типа по признаку наличия или отсутствия входа. Сырцовые гробницы, представляющие собой замкнутый объем, относятся нами к категории ящиков. К этой категории относится подавляющее большинство известных нам сырцовых сооружений. Сырцовые склепы появляются только в IV в. до н.э., причем ближе к его последней трети. Все они имеют близкую конструкцию: прямоугольное сооружение со входом с правой стороны.

Ключевые слова: Азиатский Боспор, эллинизм, некрополи, сырцовые склепы, сырцовые ящики.

Summary

During the excavations of necropoleis Artjuschenko-2 and Vinogradny-7 a series of burials in mudbrick tombs dated to early 6th – 3rd centuries BC have been explored. At the necropolis Artjuschenko-2 seventeen (Fig. 1–6), at the necropolis Vinogradny-7 and the mound group Vyshesteblievskaya-21 – nineteen mudbrick tombs (Fig. 7–13) have been discovered. On the basis of availability or absence of the entrance all mudbrick tombs can be divided in two main types. Mudbrick tombs consisted of a closed dimension were attributed to category of chests. The majority of known mudbrick constructions belong to this category. Mudbrick vaults appear only in the 4th century BC, and closer to the last third of the century. All of them have similar constructions: rectangular structure with an entrance from the right side.

Key words: Asian Bosphorus, Hellenism, necropolis, raw crypts, raw boxes.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кашаев Сергей Владимирович,
младший научный сотрудник,
Отдел истории античной культуры,
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18,
8-(812)-764-85-71.
kashaevs@mail.ru

Сударев Николай Игоревич, к.и.н.,
научный сотрудник
Отдела классической археологии,
Институт археологии РАН,
Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19,
8-(499)-126-47-98.
sudarev@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kashaev Sergey,
Institute of history of material culture RAS,
Sankt-Petersburg, Dvortsovaja nab., 18,
8-(812)-764-85-71.
kashaevs@mail.ru

Sudarev Nikolay,
Institute of archaeology of RAS,
117036, Moscow, Dm. Ulyanova street, 19,
8-(499)-126-47-98.
sudarev@list.ru

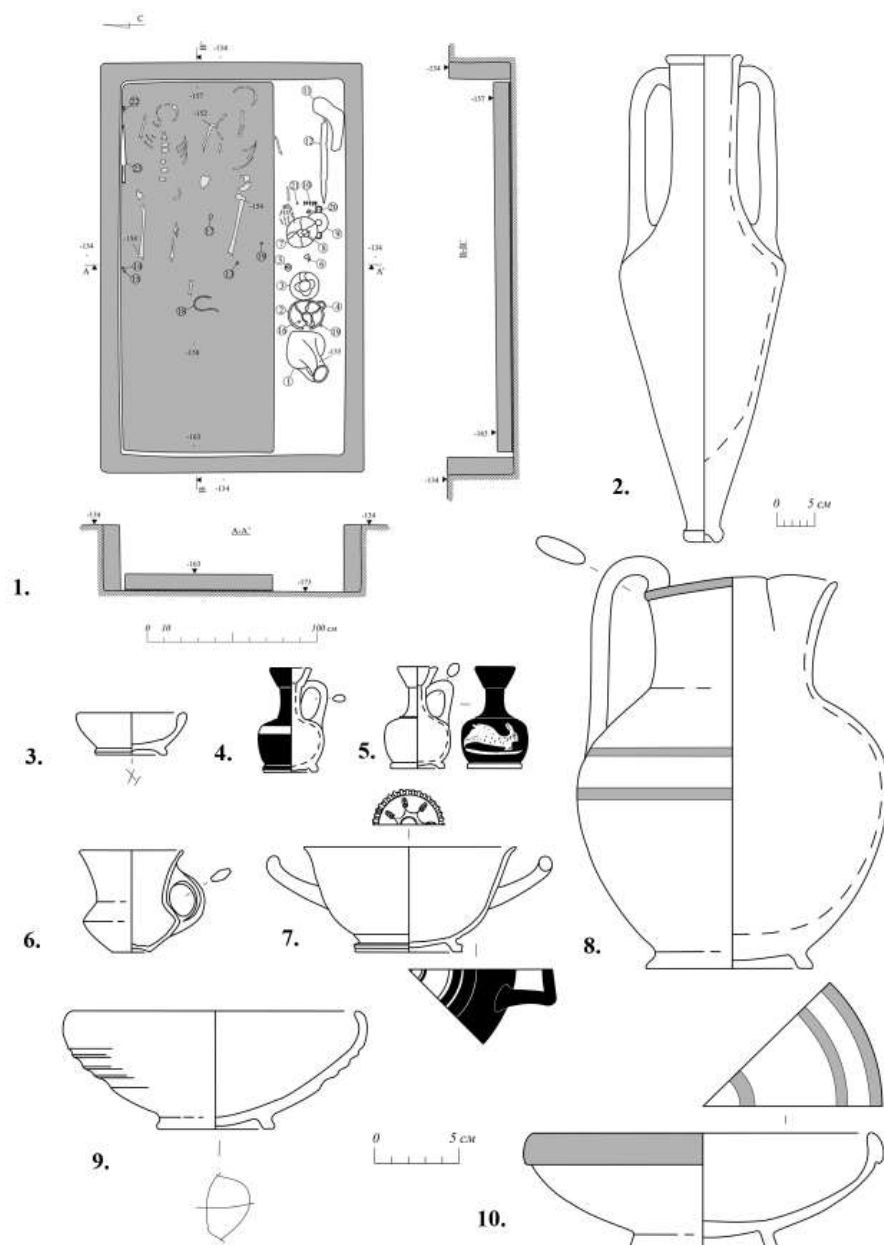

Рис. 1. Некрополь Артюшенко-2. Погребение 24.

1 – план и профили, 2 – амфора хиосская, 3 – солонка чернолаковая, 4 – лекиф чернолаковый, 5 – лекиф чернолаковый, 6 – кружечка лепная, 7 – килик чернолаковый, 8 – ойнохоя красноглиняная, 9 – миска красноглиняная, 10 – миска красноглиняная.

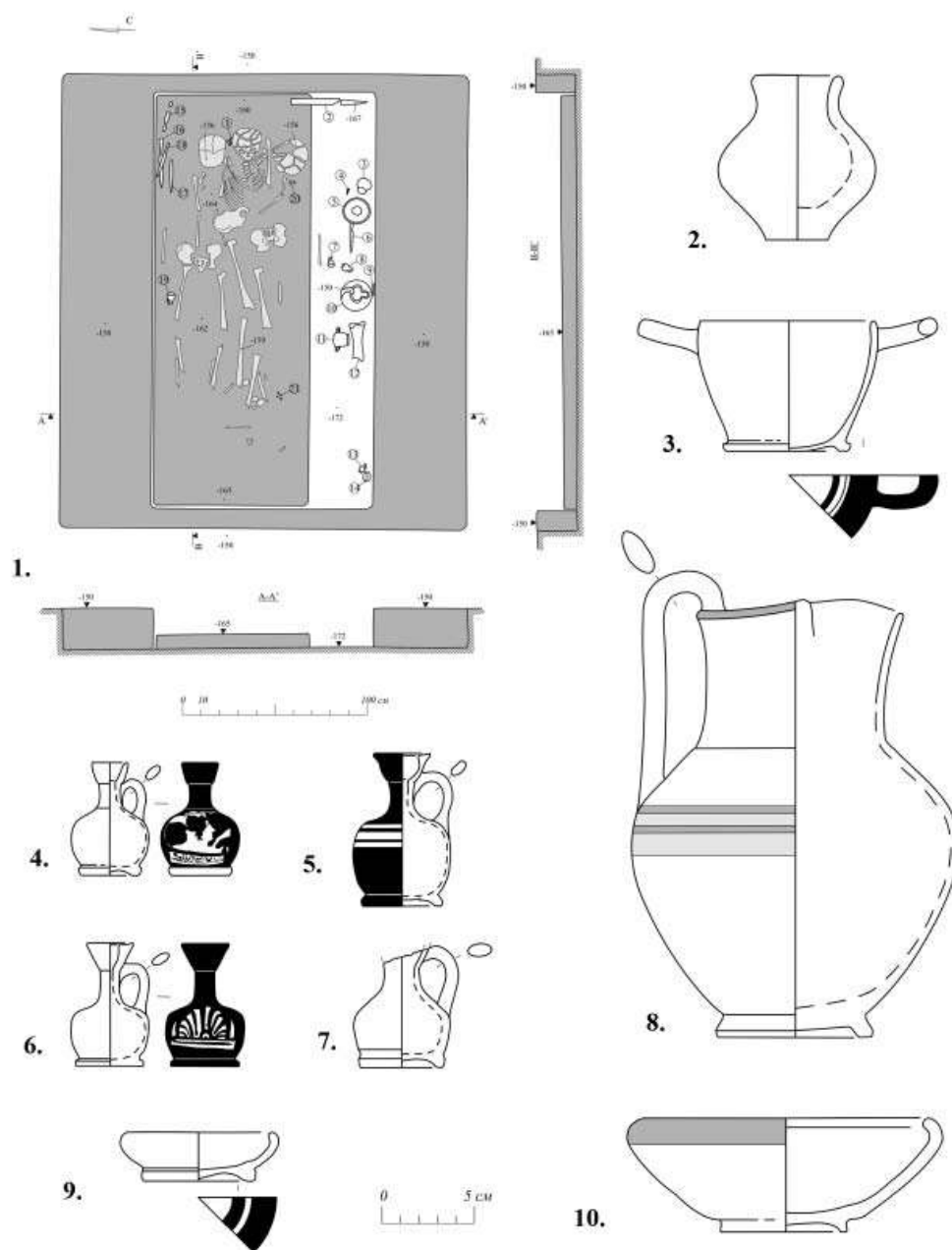

Рис. 2. Некрополь Артюшенко-2. Погребение 25.

1 – план и профили, 2 – горшочек лепной, 3 – скифос чернолаковый, 4 – лекиф чернолаковый, 5 – лекиф чернолаковый, 6 – лекиф чернолаковый, 7 – лекиф красноглиняный, 8 – ойнохоя красноглиняная, 9 – солонка чернолаковая, 10 – миска красноглиняная.

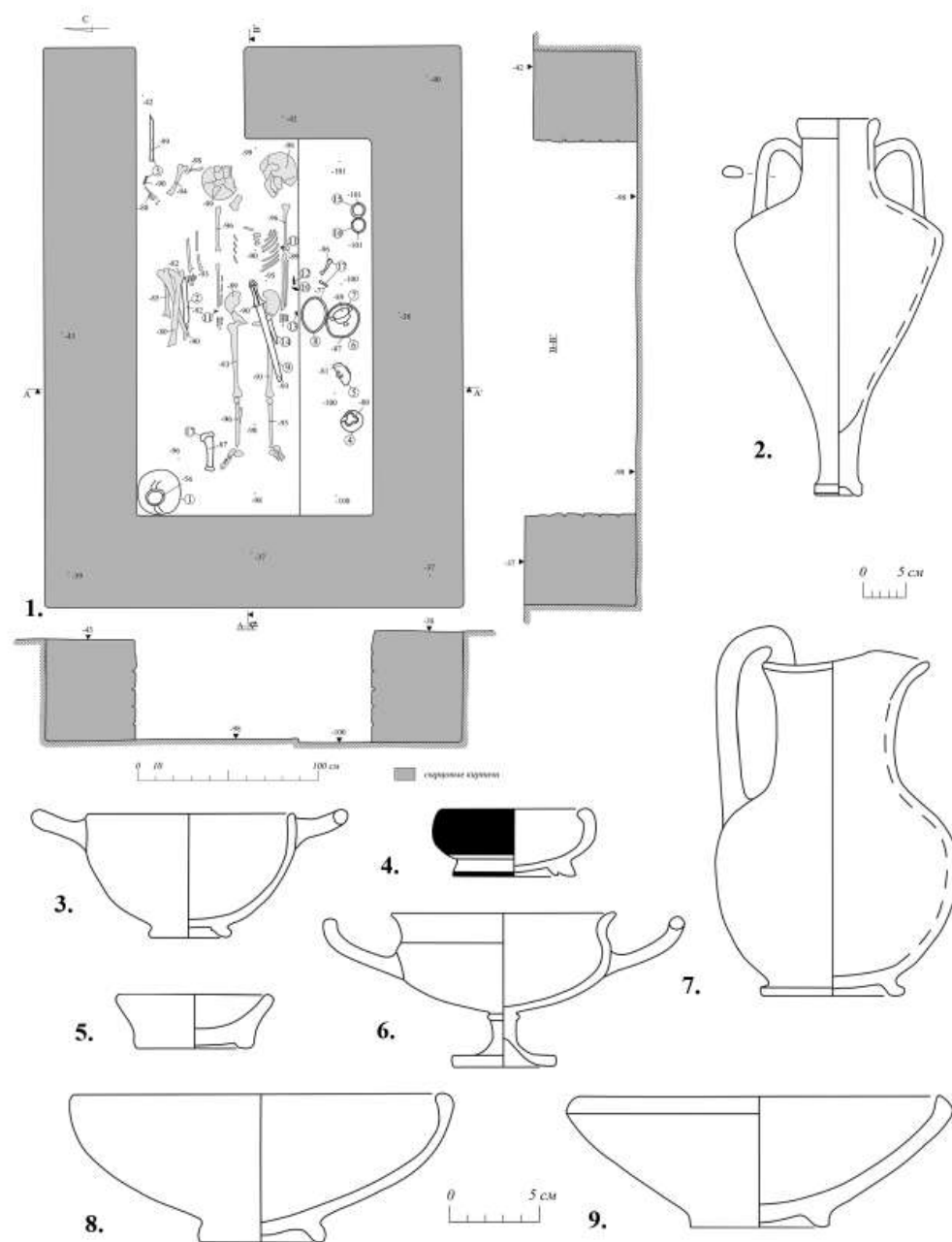

Рис. 3. Некрополь Артющенко-2. Погребение 32.

1 – план и профили, 2 – амфора протофасосская, 3 – килик чернолаковый, 4 – солонка чернолаковая, 5 – солонка из дна кувшина, 6 – килик чернолаковый, 7 – ойнохоя красноглиняная, 8,9 – миска красноглиняная.

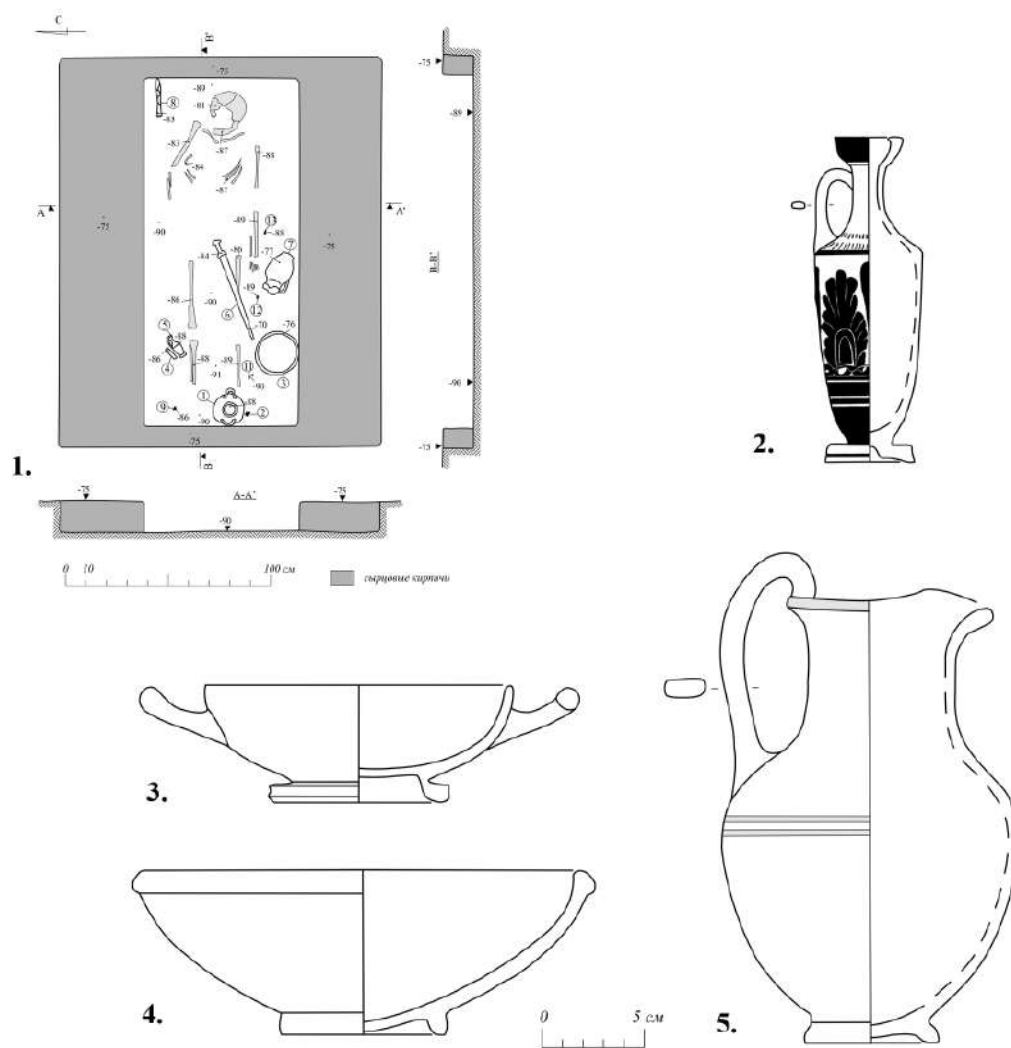

Рис. 4. Некрополь Артющенко-2. Погребение 34.

1 – план и профили, 2 – лекиф чернолаковый, 3 – килик чернолаковый, 4 – миска красноглиняная, 5 – ойнохоя красноглиняная.

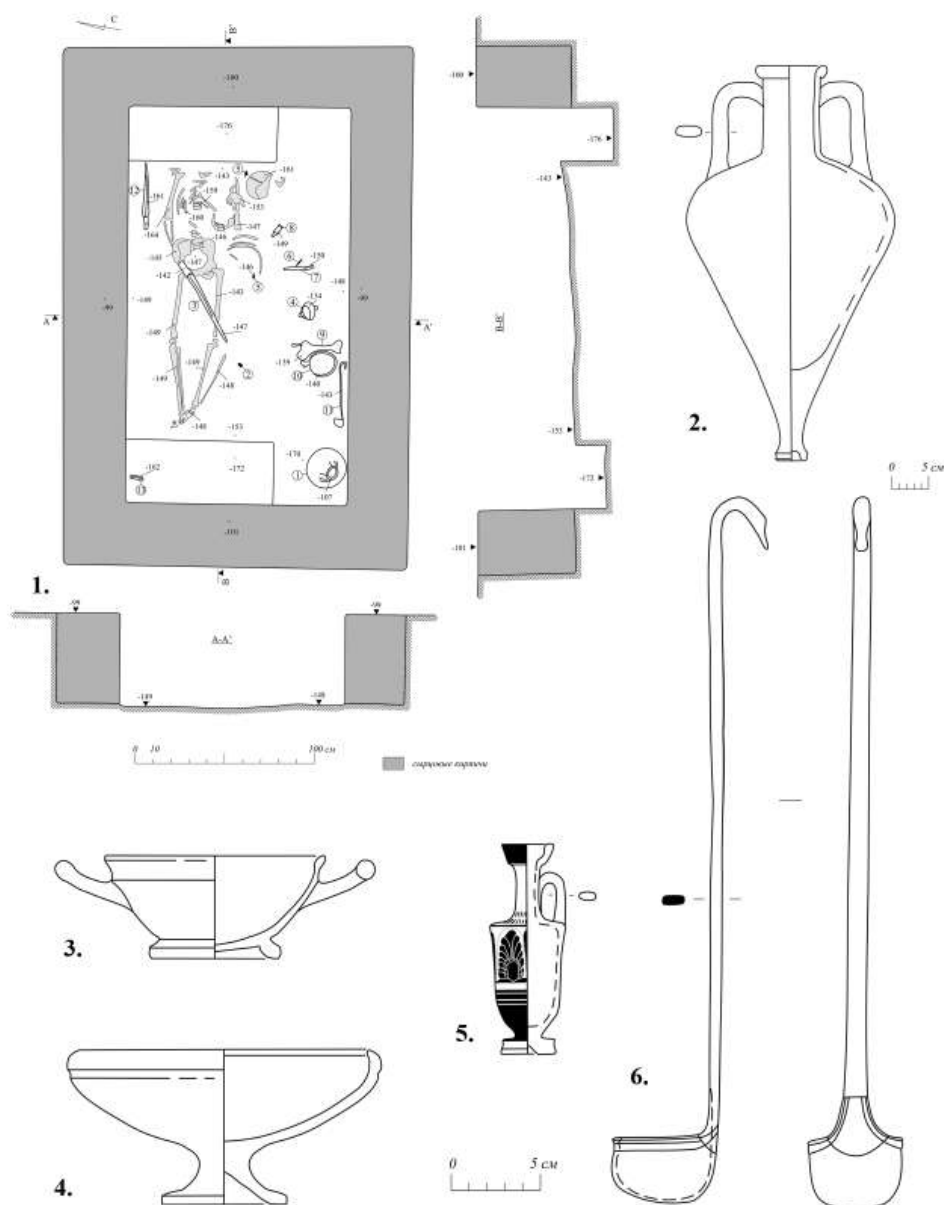

Рис. 5. Некрополь Артюшенко-2. Погребение 40.

1 – план и профили, 2 – амфора протофасосская, 3 – килик чернолаковый, 4 – чаша чернолаковая, 5 – лекиф чернолаковый, 6 – кляф бронзовый.

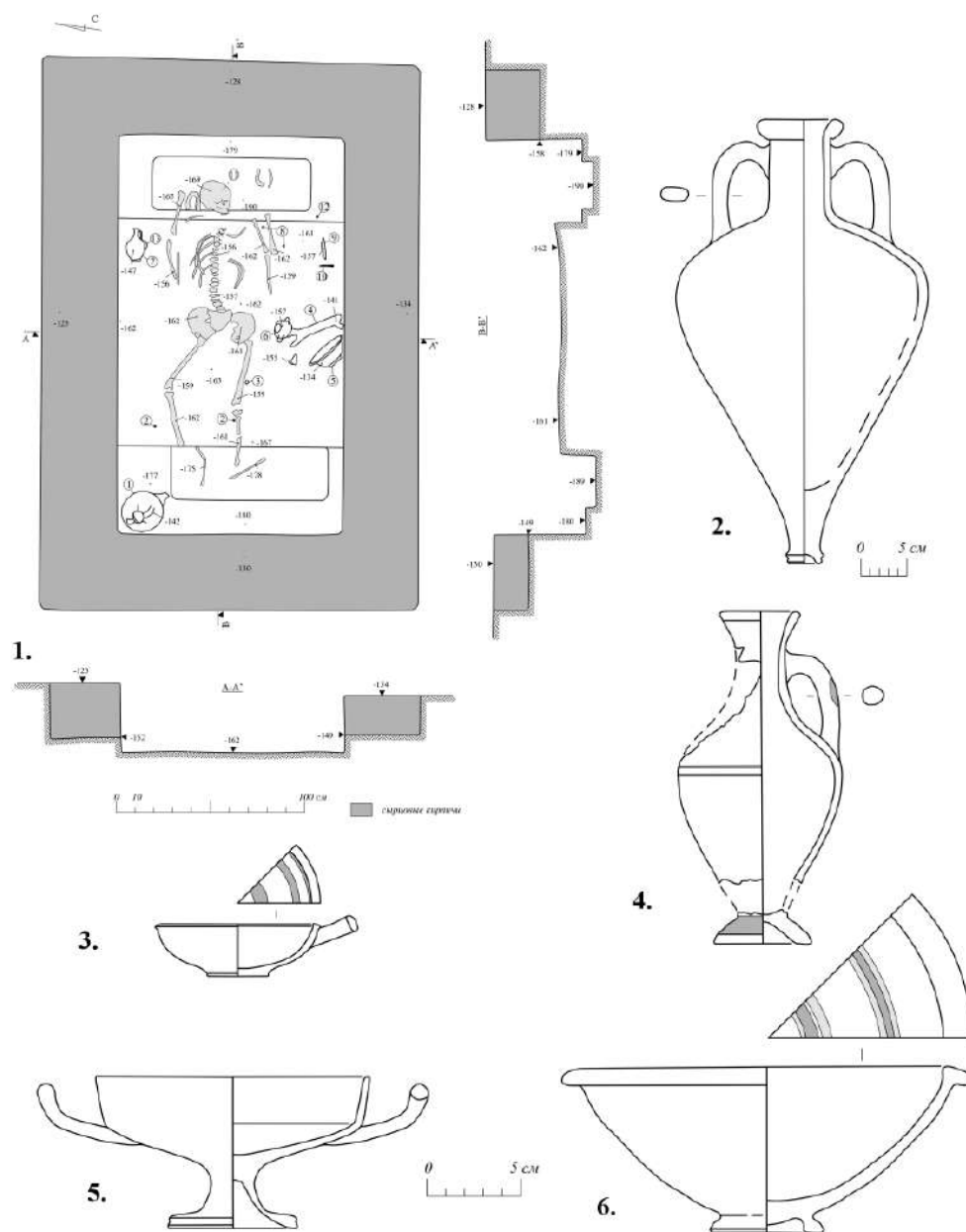

Рис. 6. Некрополь Артющенко-2. Погребение 45.

1 – план и профили, 2 – амфора протофасосская, 3 – мисочка с ручкой, 4 – лекиф красноглиняный, 5 – килик чернолаковый, 6 – миска красноглиняная.

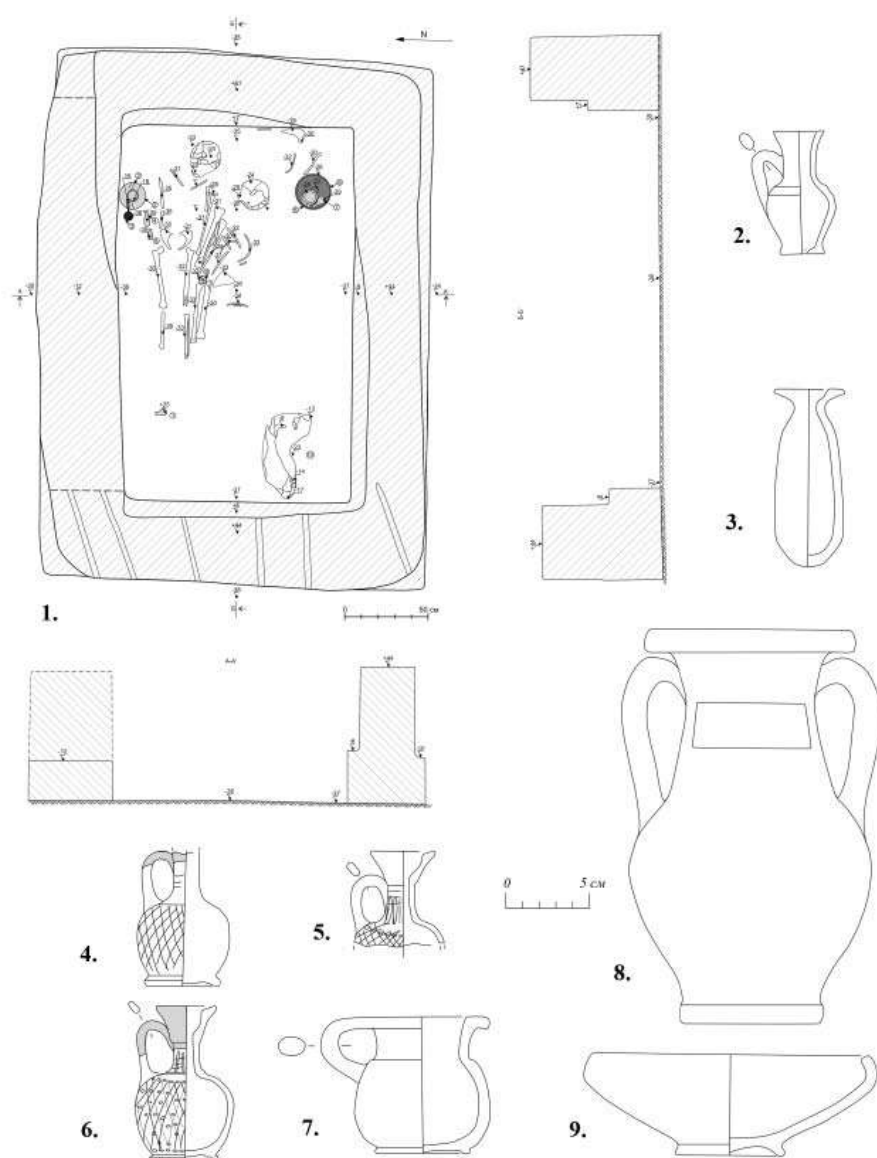

Рис. 7. Некрополь Виноградный-7. Погребение 20(2015).

1 – план и профили, 2 – лекиф красноглиняный, 3 – алабастр красноглиняный, 4 – лекиф сетчатый, 5 – лекиф сетчатый, 6 – лекиф сетчатый, 7 – кружечка чернолаковая, 8 – пелика красноглиняная, 9 – миска красноглиняная.

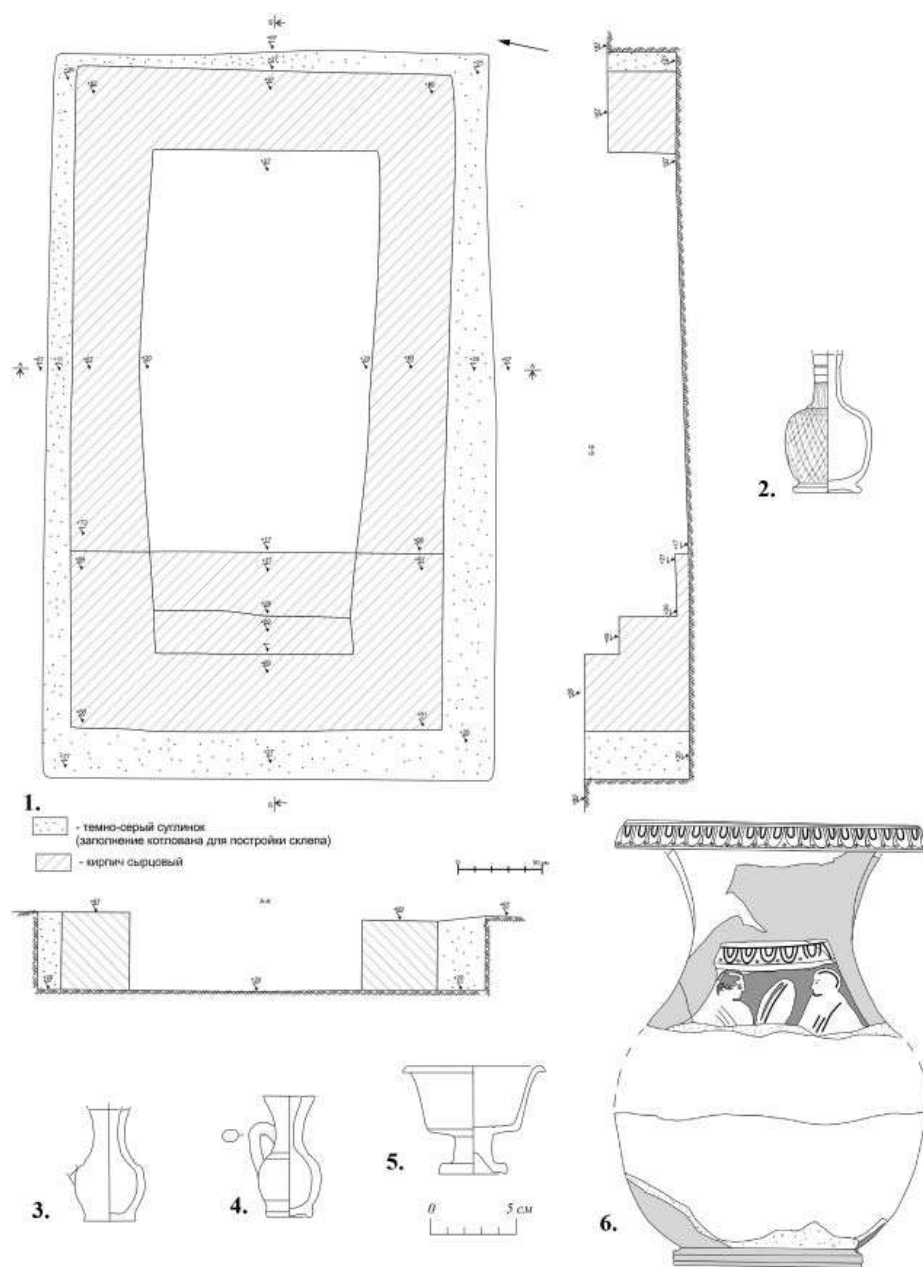

Рис. 8. Некрополь Виноградный-7. Погребение 32(2015).

1 – план и профили, 2 – лекиф сетчатый, 3 – лекиф красноглиняный, 4 – лекиф красноглиняный, 5 – чаша краснолаковая, 6 – пелика краснофигурная.

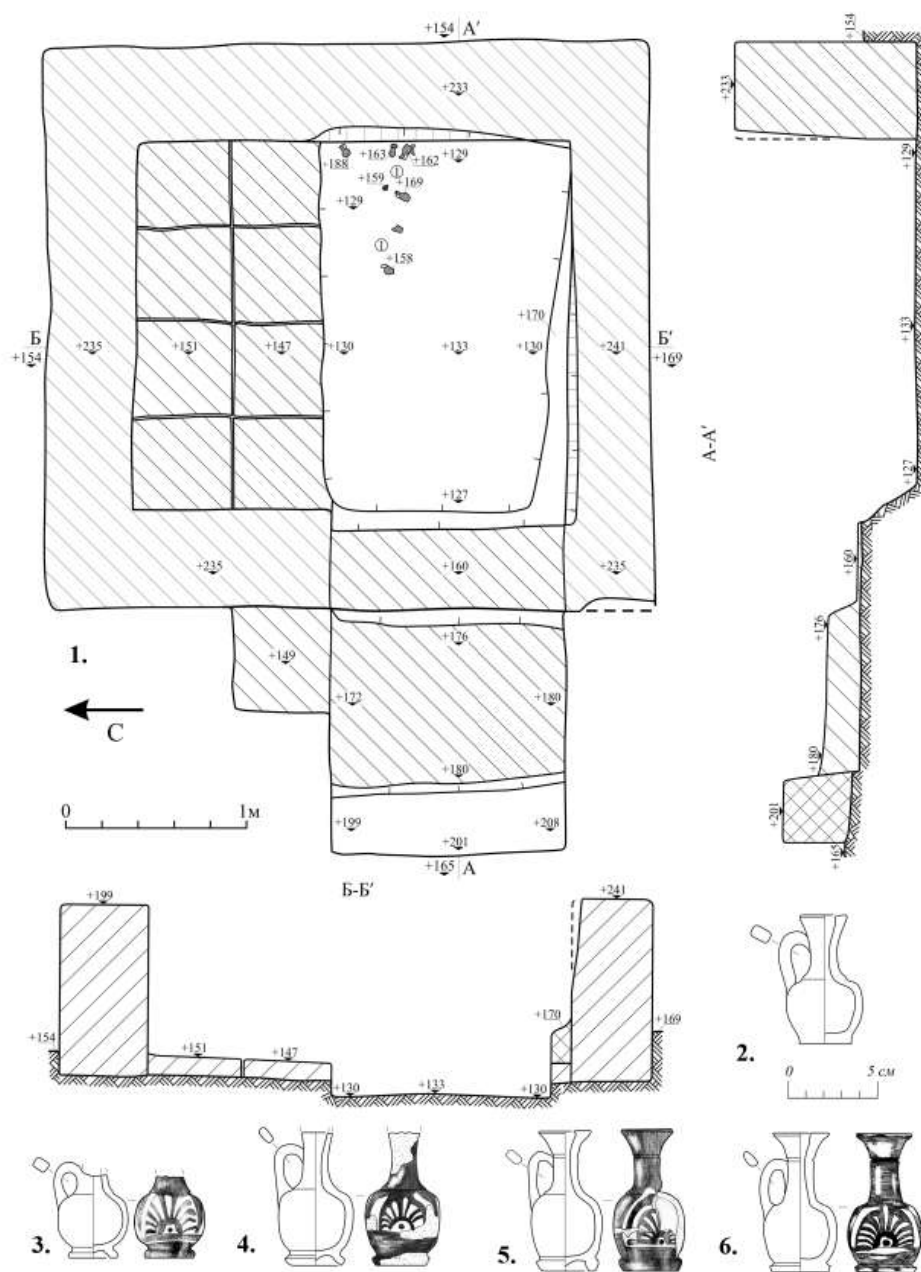

Рис. 9. Некрополь Виноградный-7. Погребение 33(2016).

1 – план и профили, 2 – лекиф красноглиняный, 3 – лекиф чернолаковый, 4 – лекиф чернолаковый, 5 – лекиф чернолаковый, 6 – лекиф чернолаковый.

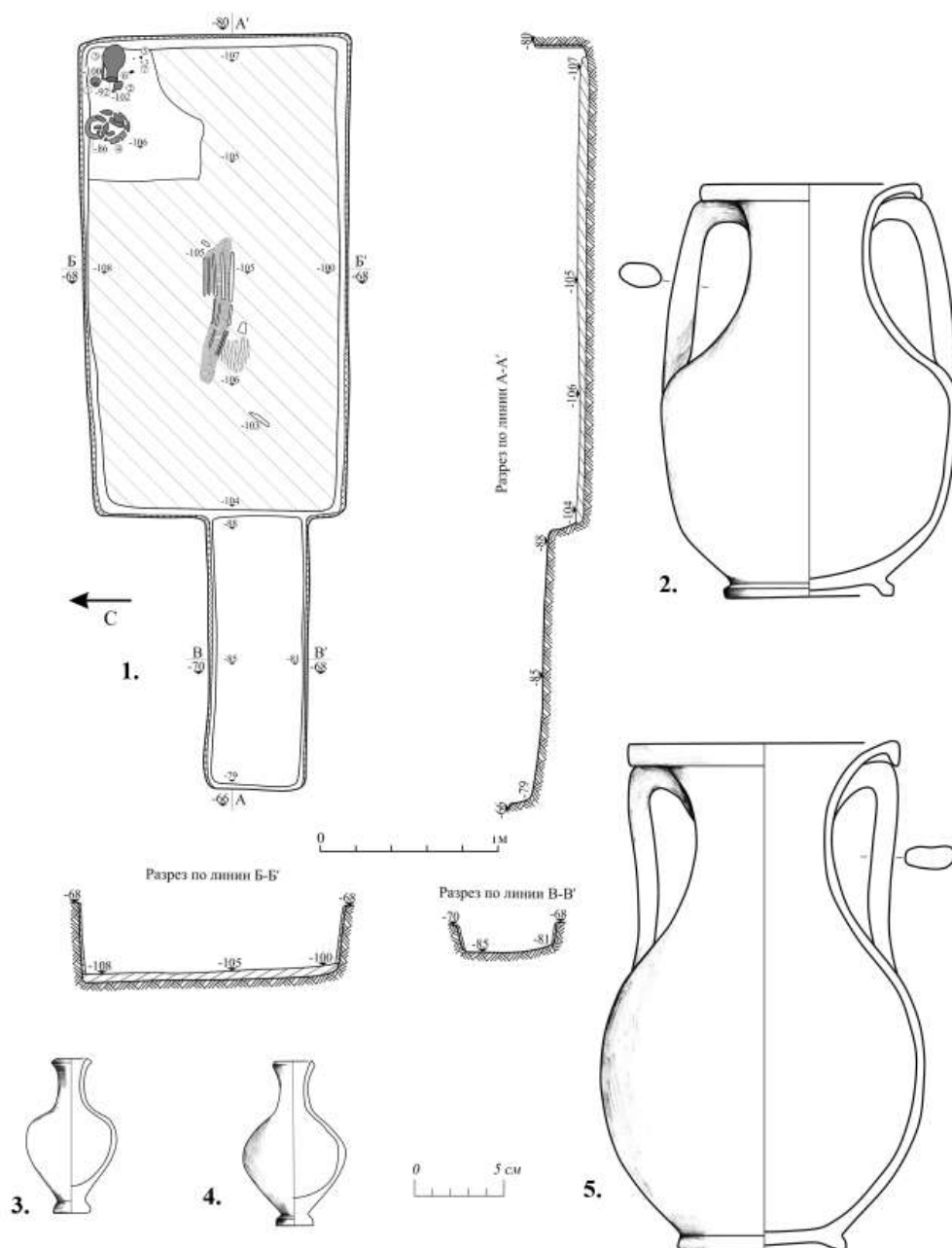

Рис. 10. Некрополь Виноградный-7. Погребение К.6, п.47.

1 – план и профили, 2 – пелика красноглиняная, 3 – унгентарий красноглиняный, 4 – унгентарий красноглиняный, 5 – пелика красноглиняная.

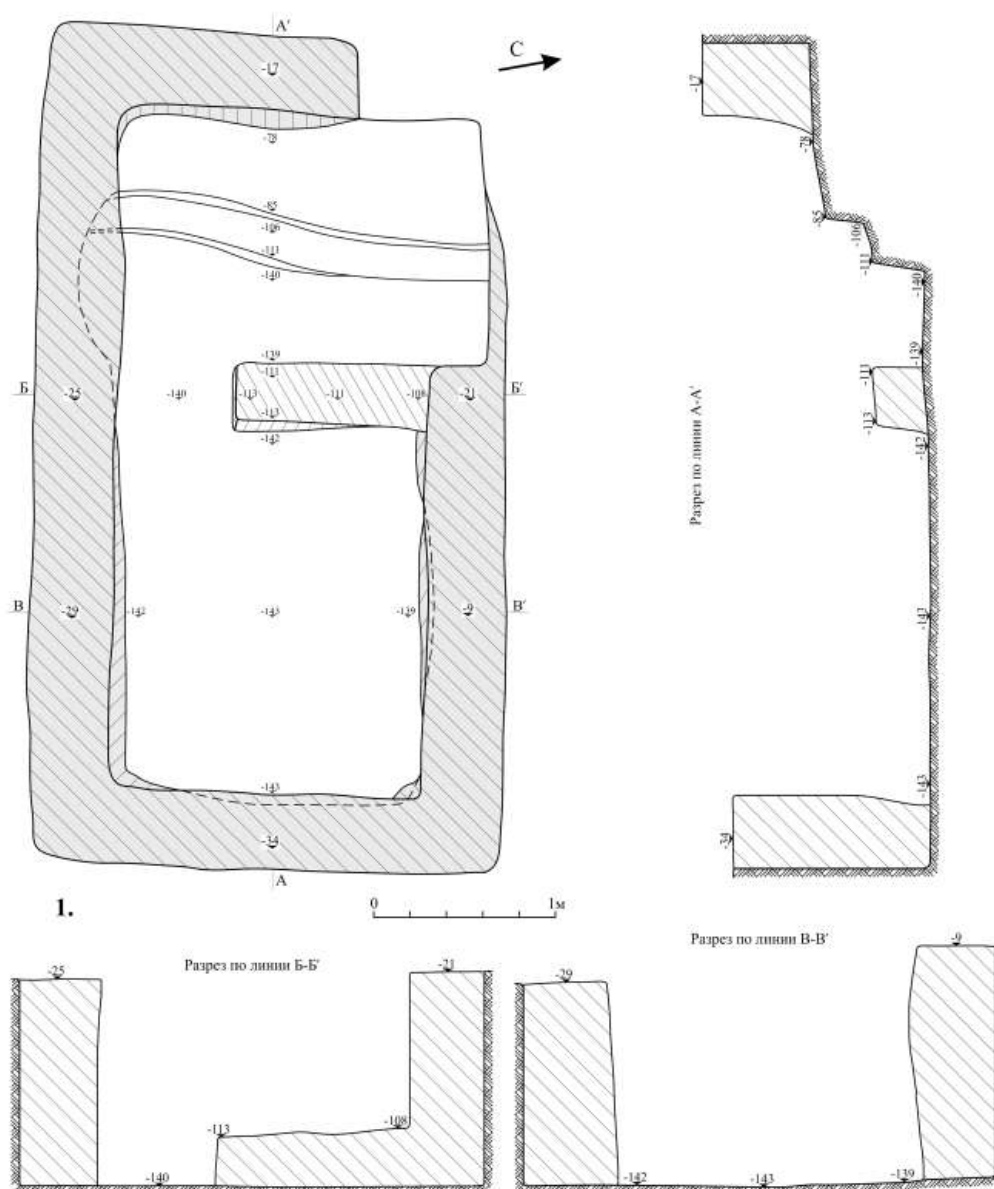

Рис. 11. Некрополь Виноградный-7. Погребение К.8, п.4.
1 – план и профили.

Рис. 12. Некрополь Виноградный-7. Погребение К.8, п.9.
1 – план и профили.

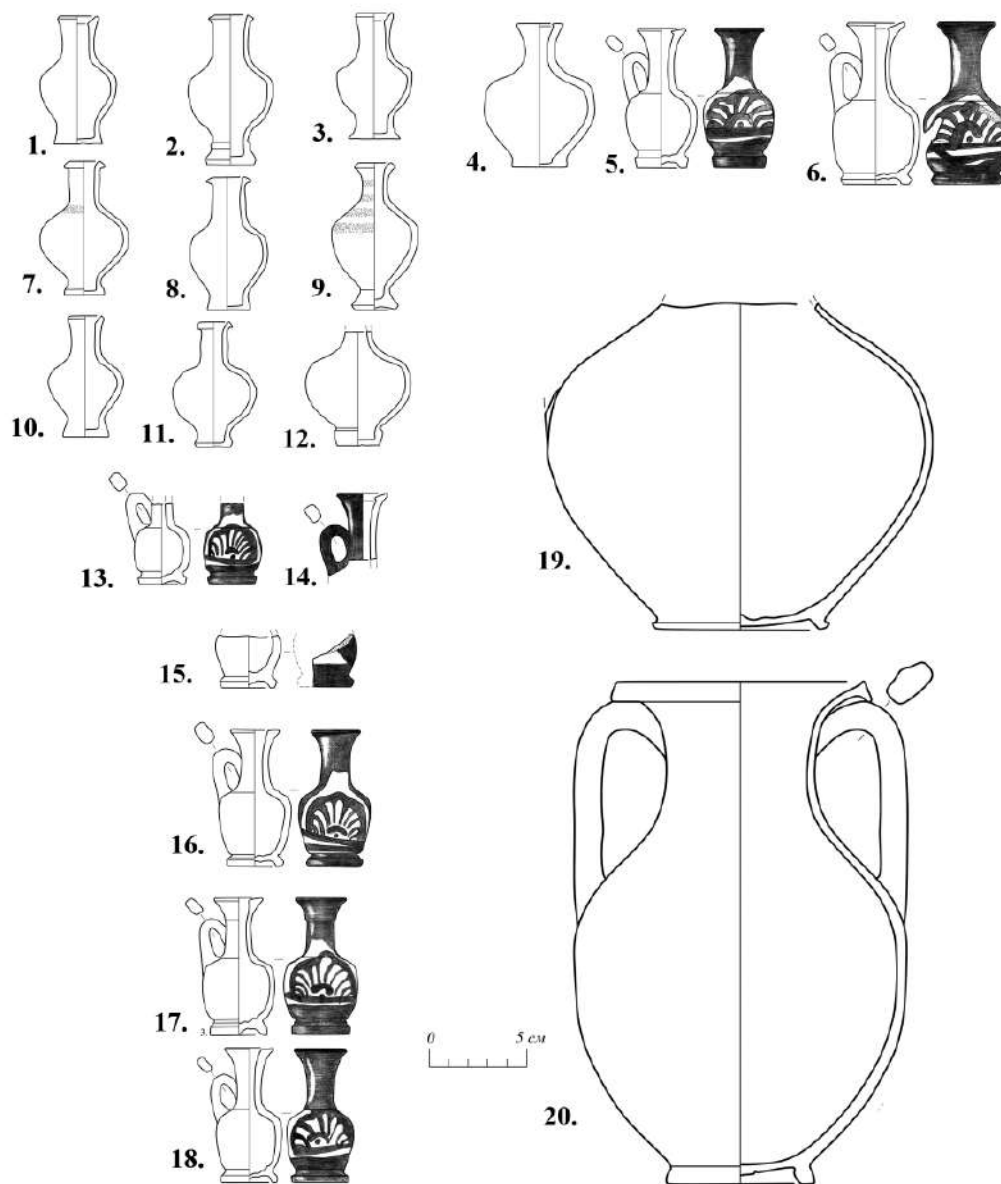

Рис. 13. Некрополь Виноградный-7. Погребение К.8, п.9.

1 – унгентарий красноглиняный, 2 – унгентарий красноглиняный, 3 – унгентарий красноглиняный, 4 – унгентарий красноглиняный, 5 – лекиф чернолаковый, 6 – лекиф чернолаковый, 7 – унгентарий красноглиняный, 8 – унгентарий красноглиняный, 9 – унгентарий красноглиняный, 10 – унгентарий красноглиняный, 11 – унгентарий красноглиняный, 12 – унгентарий красноглиняный, 13 – лекиф чернолаковый, 14 – лекиф чернолаковый, 15 – лекиф чернолаковый, 16 – лекиф чернолаковый, 17 – лекиф чернолаковый, 18 – лекиф чернолаковый, 19 – кувшин красноглиняный, 20 – пелика красноглиняная.

Т.Н. СМЕКАЛОВА, Э.А. ТЕРЕХИН
T.N. SMEKALOVA, E.A. TEREHIN

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РЕКОНСТРУКЦИИ СИСТЕМЫ МЕЖЕВАНИЯ ХОРЫ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО С ПОМОЩЬЮ АРХИВНЫХ АЭРОФОТОГРАФИЙ И КОСМИЧЕСКИХ СНИМКОВ¹

SOME RESULTS OF RECONSTRUCTION OF THE LAND DIVISION SYSTEM OF THE TAURIAN CHERSONESIAN CHORA BY USING ARCHIVE AERIAL PHOTOGRAPHIES AND SPACE IMAGES

Детальный анализ богатейшего документального источника – коллекции немецких трофейных аэрофотоснимков Luftwaffe 1941–1944 гг., хранящейся в Национальном архиве США, дал новый импульс в изучении античной системы размежевания ближней хоры Херсонеса Таврического. Особое значение этих высококачественных крупномасштабных аэрофотографий заключается в том, что к началу Великой Отечественной войны территория Гераклеяского полуострова была еще не застроена, поэтому структура античного межевания выступает на снимках неповрежденной и со всеми подробностями.

Важную роль для реконструкции херсонесской хоры имеет также полученный из ресурса Национальной геологической службы США космический снимок 1966 г. В то время еще было около 47 практически полностью сохранившихся блоков, что составляло 1/6 часть от общего числа участков (408), а более 150 блоков имели целостность границ выше 50% [Терехин, Смекалова, 2018]. Достаточно сказать, что к настоящему времени не осталось ни одного блока, сохранившегося полностью, а наполовину сохранилось всего четыре блока.

Основные принципы и модули херсонесского межевания. Гекаторюг и арура

Использование аэрофотографий 1941–1944 гг., собранных в геореферированную мозаику, дало возможность не только построить геореферированную схему дорог, делящих Гераклеяский п-в на земельные участки (рис. 1), но и измерить точные размеры блоков и основных структурообразующих модулей. Это, в свою очередь, позволило доказать, что единицей измерения площадей на хоре Херсонеса являлась арура, равная квадрату со стороной в 100 египетских локтей, или 52,35 x 52,35 м, а гражданским наделом был *гекаторюг*², квадрат со стороной в 100 оргий (209,4 x 209,4 м), площадью 4,385 га (рис. 2, а, г) [Смекалова, Терехин, Пасуманский, 2018, с. 315–321]. *Гекаторюг* был равен 16 арурам. Оба вида основных земельных модулей графически четко просматриваются на местности, а также и на архивных

¹ Статья написана при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-09-00161-а «Реконструкция античного земельного кадастра Херсонеса Таврического по данным письменных источников, исторической картографии, дистанционных, геофизических и геоинформационных методов».

² *Гекаторюг* – гапаксный термин, дважды встречающийся в херсонесской надписи IOSPE. I². 403.

аэрофотоснимках всех блоков участков, разделенных как на крупные квадраты (*гекаторюги*), так и на мелкие parcelлы (аруры). Именно повсеместное визуальное присутствие этих двух квадратов на хоре является, на наш взгляд, главным доказательством того, что именно *гекаторюги* и аруры являются основными модулями при построении херсонесской межевой системы.

По собранной нами мозаике аэрофотоснимков удалось также построить привязанную к местности сетку четырех- и шести-*гектарюговых* блоков участков, разделенных дорогами. Анализ взаимного расположения элементов этой сетки позволил определить последовательность освоения и размежевания территории Гераклеийского п-ва [Смекалова, Терехин, Пасуманский, 2018, с. 312–314].

Изучение внутреннего межевания блоков по аэрофотографиям 1941–1944 гг. дало возможность проследить динамику изменения внутреннего деления блоков от единичного гражданского надела (*гекаторюга*) к крупным землевладениям, иногда достигающих и даже превышающих размеры целого блока [там же, с. 321–324]. Действительно, только на архивных аэрофотографиях, сделанных еще до широкого военно-хозяйственного освоения Гераклейского п-ва, можно заметить все произошедшие перепланировки земельных участков, новые и старые границы которых проступают на снимках с воздуха как в виде четких, резких, так и слабых, расплывчатых линий, не видимых при наземных наблюдениях.

Новое прочтение числовых значений в надписи IOSPE. I². 403

Совместное изучение известной херсонесской надписи IOSPE. I². 403 с дополнениями, а также фрагмента аналогичной надписи, выбитой на другом камне [Соломоник, Николаенко, 1990] и архивных аэрофотоснимков дало основание вернуться к расшифровке численных значений площадей участков (таблица 1), приведенных в этих документах, и предложить их новое прочтение (таблица 2) [Смекалова, 2019, с. 73–75]. При этом удалось доказать, что для подсчета площадей неправильных по форме, в основном краевых участков, использовались не только *гекаторюг* и *арура*, но и в 16 раз меньшая, чем *арура*, единица – плантажный ряд, равный полоске земли шириной примерно 10 футов (3,27 м) и длиной в 100 локтей (52,35 м) (рис. 1,2) [Смекалова, 2019, с. 68]. Ключом к отысканию этой наименьшей единицы измерения площадей участков явился тот факт, что в обеих исследуемых надписях (основной и на небольшом фрагменте, выбитом на другом камне) величина площади, выраженная этими наиболее мелкими единицами, никогда не превышает числа 15. Это может означать только то, что искомая единица является шестнадцатой долей *аруры*. Действительно, как только число, выраженное этими единицами, превышает 16, оно автоматически переходит в 1 *аруру* и обозначается уже знаками, соответствующими *арурам*.

Стандартизация в устройстве виноградных плантажей на хоре Херсонеса

В определении того, чем именно была представлена на хоре Херсонеса эта шестнадцатая доля аруры, обратимся снова к анализу аэрофотоснимков 1941–44 гг., так

как все земельные модули обязательно должны иметь визуальное отражение в структуре размежеванной территории. Таким элементом внутреннего межевания являются виноградные плантажи в виде частых и редких каменных стенок, занимающих иногда почти всю территорию блоков участков. Эти сплошные виноградники фиксируются в основном в северной и северо-западной частях хоры.

При изучении аэрофотоснимков был сделан важный вывод о строгой стандартизации в строительстве виноградного плантажа на хоре Херсонеса. Во всех случаях, где присутствует плантаж в виде часто идущих каменных стенок, число таких стенок на одну аруру всегда составляет 16 (рис. 2, в). Данная константа строго выдерживается и там, где был устроен более редкий плантаж: его стенки идут через одну стандартную полосу, через две, три или даже через четыре стандартных полосы (рис. 2, б). Расстояние между плантажными стенами неизменно кратно найденной нами константе – единичному плантажному ряду.

Эта величина соблюдается не только на ближней, но и на дальней хоре Херсонеса. Она входит, таким образом, в круг важнейших постоянных для системы межевания Херсонеса наряду с *гекаторюгом* и арурой (рис. 2, г). Поэтому мы вправе считать плантажный ряд, равный 1/16 аруры, содержащий один ряд виноградника с одной плантажной стеной, наиболее мелкой единицей деления виноградников на хоре Херсонеса. Площадь плантажного ряда составляет 171,19 кв. м, или 0,0171 га [Смекалова, 2019, 68].

Надпись IOSPE. I². 403 с дополнениями – кадастр Херсонеса Таврического

В результате проведенного сравнительного анализа надписи IOSPE. I². 403 с дополнениями и аналогичной надписи, выбитой на другом камне с одной стороны, и схемы межевания, построенной по архивным аэрофотографиям, – с другой, удастся интерпретировать указанные лапидарные памятники как часть земельного кадастра Херсонеса Таврического начала III в. до н.э. Показано, что в надписях последовательно приводятся имена владельцев и величины площадей их участков, расположенных в северной приморской части Гераклеяского п-ва, с юга ограниченных Большой Херсонесской дорогой. Перечисление ведется начиная от стен Херсонеса и заканчивая Маячным полуостровом включительно (рис. 3). Именно здесь, как можно убедиться по аэрофотоснимкам, располагались обширные виноградники, занимающие подчас большую часть блоков участков. Следовательно, мы теперь можем называть указанную надпись не актом о продаже земли, а кадастром Херсонеса Таврического [Смекалова, Терехин, 2018].

Подобная перепись участков, очевидно, потребовалась тогда, когда прежнее деление на равные наделы-*гекаторюги* полностью устарело и дифференциация участков с одной стороны и нужда в дополнительных средствах – с другой потребовала от государства введения дифференциальной арендной платы согласно величине участка. Упорядочение имущественных отношений на хоре и строгий учет земель, которые отводились гражданам в аренду, касались, в первую очередь, доходной

граждане «клянутся не вывозить хлеб с равнины в какое-либо иное место, но только в Херсонес». Таким образом, усадьбы и их земельные наделы служили для поддержания жизнеспособности полисной системы, и конкретно Херсонеса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Смекалова Т.Н. Еще раз об античном наделе у мыса Ойрат в Северо-Западном Крыму // ВДИ. – № 2. – 2013. С. 127–147.
- Смекалова Т.Н. О величинах площади и единицах ее измерения на хоре Херсонеса Таврического // ВДИ. – № 1. – 2019. – С. 58–76.
- Смекалова Т.Н., Терехин Э.А., Пасуманский А.Е. Реконструкция античной системы межевания хоры Херсонеса Таврического с использованием методов дистанционного зондирования // ВДИ. – № 2 – 2018. С. 306–332.
- Смекалова Т.Н., Кутайсов В.А. Два новых античных виноградника в Северо-Западном Крыму // ВДИ. – № 2. – 2014. С. 54–78.
- Смекалова Т.Н., Кутайсов В.А. Археологический атлас Северо-Западного Крыма. Поздний бронзовый век. Ранний железный век. Античность. СПб: Алетея, 2017. – 448 с.
- Смекалова Т. Н., Терехин Э. А. Новые данные о военной организации граждан Херсонеса Таврического, отраженной в структуре его земельного кадастра. *Stratum Plus*. – 2018. – № 6. – С. 89–105.
- Соломоник Э.И., Николаенко, Г.М. О земельных участках Херсонеса в начале III в. до н.э. (к IOSPE I², 403) // ВДИ. – № 2. – 1990. С. 79–99.
- Терехин Э.А., Смекалова Т.Н. Изучение античной системы размежевания земель Херсонеса Таврического с применением данных дистанционного зондирования // БИ. – Вып. XXXVII. – 2018. – С. 87–102.
- Smekalova T.N., Bevan B.W., Chudin A.V., Garipov A.S. The discovery of an ancient Greek vineyard // *Archaeological Prospecting*. – V. 23. – № 1. – 2016. P. 15–26.

REFERENCES

- Smekalova T.N. Esche raz ob antichnom nadele e mysa Oirat v Severo-Zapadnom Krymu sensing // VDI. – № 2. – 2013. – P. 127–147.
- Smekalova T.N. On the sizes of land plots and units of their measurement on the chora of Tauric Chersonesos // VDI. – № 1. – 2019. – C. 58–76.
- Smekalova T.N., Terekhin E.A., Pasumanskiy A.E. Rekonstruktsiya antichnoy sistemy mezhevaniya khory Khersonesa Tavricheskogo s ispol'zovaniyem metodov distantsionnogo zondirovaniya // VDI. – № 2. – 2018. – P. 306–332.
- Smekalova T.N., Kutaysov V.A. Arkheologicheskiy atlas Severo-Zapadnogo Kryma. Pozdnyy bronzovyy vek. Ranniy zheleznyy vek. Antichnost'. SPb: Aleteia, 2017. – 448 p.
- Smekalova T.N., Kutaisov V.A. Dva novykh antichnykh vinogradnika v severo-zapadnom Krymu // VDI. – № 2. – 2014. – P. 54–78.
- Smekalova T.N., Terekhin E.A. New data about military organization of Chersonessian citizens, reflected in the structure of its land cadaster // *Stratum Plus*. – V. 6. – 2018. – P. 89–105.
- Smekalova T.N., Bevan B.W., Chudin A.V., Garipov A.S. The discovery of an ancient Greek vineyard // *Archaeological Prospecting*. – V. 23. – № 1. – 2016. P. 15–26.
- Solomonik E.I., Nikolaenko G.M. O zemel'nykh uchastkakh Khersonesa v nachale III v. do n.e. (ad IOSPE. I². 403) // VDI. – № 2. – 1990. – P. 79–99.
- Terekhin E.A., Smekalova T.N. Izucheniye antichnoy sistemy razmezhevaniya zemel' Khersonesa Tavricheskogo s primeneniye dannykh distantsionnogo zondirovaniya // BI. – Vyp. XXXVII. – 2018. – P. 87–102.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Smekalova Tat'jana N., DSc,
Leading Researcher
history and archaeology of the Crimea Research Centre
V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Head of department.
tnsmek@mail.ru

Terehin Edgard A., CSc,
Belgorod State National Research University,
Senior Researcher.
terekhin@bsu.edu.ru

Таблица 1. Расшифровка числовых значений в надписи IOSPE. I². 403.

Числовые изображения	В гекаторюгах	В арурах	В плантажных рядах	В м ² га
Е	100			
	10			
М		5		
О гекаторюг	1	16		209,4 м x 209,4 м 4,3848 га 43848 м ²
)	1/2	8		
Х	1/4	4		
У	1/8	2		
┌ арура	1/16	1	16	52,35 м x 52,35 м 0,274 га 2740 м ²
Δ			10	
П			5	
(плантажный ряд			1	52,35 м x 3,27 м 0,0171 га 171 м ²

Таблица 2. Новое прочтение числовых выражений в надписи IOSPE. P². 403 с дополнениями и фрагмента аналогичной надписи, высеченной на другом камне.
Перевод текста по: [Соломоник, Николаенко. 1990: 88, 89, 98]

A

1.	[----- А]полло[дор(?) -----]
2.	[- - -] (?)2 аруры 15 плантажных <u>рядов</u> полос (20,5780 га). Пром[атий(?) ----- -----]
3(1).	[- - -] 13 арур 15(?) <u>плантажных рядов</u> <u>плантажных</u> -полос (3,8259? га). [- - -] (?)13 арур 15 <u>плантажных рядов</u> <u>земельных</u> локтей (23,8259 га). Сумма 5 <u>гектарюгов</u> 12 арур(?) (24,21? га)[- - -]
4(2).	[- - -] 5 <u>гектарюгов</u> 4 аруры 5 плантажных полос (23,2803 га). Гера[клид] 4 <u>гектарюга</u> 2 аруры (18,09 га). Сумма 9 <u>гектарюгов</u> 8 арур (41,66 га).
5(3)	[- - -] [- -] (?)2 <u>гектарюга</u> 12 арур (?12,06 га). [П]ритан 3 <u>гектарюга</u> 12 арур (16,44 га). Притан 6 <u>гектарюгов</u> 5 арур (27,68 га).
6(4)	[Притан- -] (?)5 арур (?1,37 га). Сумма 14 <u>гектарюгов</u> (?) 5 <u>плантажных рядов</u> <u>земельных</u> локтей (61,8140 ? га). Герострат, сын Аристол[о]-
7(5)	[ха- -. П]олиарх, сын Геронта 1 <u>гектарюг</u> 1 арура 15 <u>плантажных рядов</u> <u>земельных</u> локтей (4,9267 га). Артемидор, сын Ар-
8(6)	[темидора (?) ...](?)1 <u>гектарюг</u> 4 аруры (?5,48 га). Общая сумма 331 <u>гектарюг</u> 4(?) аруры (?)3 <u>плантажных рядов</u> <u>земельных</u> локтя (1452,5247 ? га). Следующие лица арендовали (или: имеют в аренде)
9(7)	[- -----] Нимфодора по одному <u>целому участку</u> (?): Лисистрат, сын Ев-
10(8)	[дрома], Лисистр[ат], сын Евдрома, Ксанф, сын Теокида
11(9)	[Ксанф], сын Теокид[а, Герофи[л, сын Пр]оматида, Гимн, сын Скифа,
12(10)	[Сокр]ит, сын Диос[курида, Гимн, сын Ски]фа, Теокл, сын Теогена,
13(11)	[Гимн], сын Скифа, [такой-то, сын Доро]нда, Автокл, сын Авто
14(12)	[кла (?) - - -]он, сын По[- , - -]н, сын Пасиона, Икас, сын Гера-
15(13)	[клида(? - - - , Гимн, сын Скифа, Па]рфений, сын Аристогона,
16(14)	[- ----- Н]икаситим, сын Ника-
17(15)	[ситима, Никаситим, сын Никаситима], Никаситим, сын Ника-
18(16)	[ситима, Бакис, сын Риния], Бакис, сын Риния Бакис, сын Ри-
19(17)	[ния, ----- такой-то, сын] Доронда, Ксанф, сын
20(18)	[Теоктида, Ксанф, сын Теоктида], Ксанф, сын Теоктида,
21(19)	[Питий, сын Никаситима], Питий, сын Никаси-
22(20)	[тима, такой-то, сын такого-то, такой-то], сын Никанора.

<i>В</i>	
1.	[- - - - -]Элпиник 12(?) аур (3,29? га) [- - - - -]
2.	[- - такой-то, сын такого-то] 13 аур [1]5 плантажных рядов плантажных полос (3,82 га)3,82? га). Гефестод[ор - -]
3(1)	[1]5 плантажных рядовполос (?0,260+ га). Гефестодор [. . , Гефес]тодор 5 аур 15 плантажных полос (1,6338 га). Гефе[стодор - -]
4(2)	[.]15 плантажных полос рядов (?0,260+ га). Гефестодор [. . . , Гефе]стодор 4 ауры 10 плантажных полос рядов (1,264+ га). Су[мма - - -]
5(3)	[Ав]тократор 9 аур 5 плантажных полос рядов (2,5548 га). Геростра[т - - -,] Герострат 2 ауры 15 плантажных полос (0,800,58 га) [- - -]
6(4)	[...] 4 ауры (1,1 га), Герострат 2 ауры 15 плантажных рядовполос (0,580 га). Сум[ма - - -,] Гераклид Ас[-]
7(5)	Гераклид. Урезанный (участок?) [- - -] (?)4 гекаторюга 10 аур (?) (?20,27 ? га). [Следующие лица]
8(6)	арендовали (или имеют) гекаторюг[ов столько-то - - -] 4 ауры 5 (?) плантажных рядовполос (1,108 ? га)
9(7)	[па]хать (?) [- -] по одному участку: Проматий, сын [Дио]ни[сия? - - - , такой-то, сын]
10(8)	Нанона 11 гекаторюгов 1 аура (48,51 га), Никанор, [сын - - -] 9 аур (?2,47 га), Пр[оматий, сын Дионисия?]
11(9)	5 гекаторюгов 4 ауры 12 плантажных рядовполос (23,0234 га), Проматий, сын Дио[нисия] 15 (?) Гекаторюгов (65,77 ? га), [такой-то, сын Кали(?)]-
12(10)	ада 1 гекаторюг 10 аур (7,13 га).Пасихар 22 гекаторюга(?) 1 плантажный рядая полоса (?96,487 га), Герак[лид - - - - -]
13(11)	Общая сумма 113 гекаторюгов 8 плантажных рядовполос (495,6250 га). [- - - - -]
14(12)	8 гекаторюгов (35,07 га) [- - - - -] общине (или: государству?)
15(13)	[- - - - -] не имеющие, 7 (?) гекаторюгов (30,69 га?) [- - -]
16(14)	16 гекаторюгов 5 плантажных рядовполос (70,2447 га) [- - - - -] Левко[н - - - - - .]
17(15)	Сумма гекаторюгов (т.е. общая площадь), [находящаяся]
18(16)	в аренде, [которую измерили и подсчитали, такая-то].

Таблица 3. Имена граждан и величины их земельных участков
(составлена по данным, приведенным в надписи IOSPE I² 403)

№	Имена владельцев участков	Минимальная площадь участков	Суммарная площадь участков каждого владельца, га
1	Α]πολλό[δωρος?] Α]πολλο[дор(?)]	2 аруры 15 земельных локтей (?0,59 га)	?0,59
2	Προμ[αϑίων?] Προμ[атий(?)]	13 арур 15(?)плантажных рядов (3,82? га)	3,82?
3	Ἡ[ρ]ακ[λείδ]ας Гера[клид]	4 гекаторюга 2 аруры (18,09 га)	18,09
4	Πρύτανις Притан	3 гекаторюга 12 арур (16,44 га) + 6 гекаторюгов 5 арур (27,68 га). + (?)5 арур (?1,37 га)	45,49 +
5	Ἡρόστρατος Ἀριστολ[όχου] Герострат, сын Аристол[о] [ха	?	
6	Π]ολύαρ[χο]ς Γέροντ[ο]ς Π]олиарх, сын Геронта	1 гекаторюг 1 арура 15 земельных локтей (4,70 га), + ?	4,70 +
7	Ἀρτεμίδωρος Ἀρ [τεμιδώρου] Артемидор, сын Ар[темидора]	(?)1 гекаторюг 4 аруры (?5,48 га)	?5,48
8	Νυ[μ]φοδώρου Нимфодор	?	
9	Λυσίστρ[ατο]ς Εὐδρό[μο] Лисистр[ат], сын Евдрома	2 гекаторюга (8,77 га)	8,77

Смекалова Т.Н., Терехин Э.А. Некоторые итоги...

10	Ξάνθος Θεοκύδεο[ς] Ксанф, сын Теокида	5 гекаторюгов (21,92 га) + ?	21,92 +
11	Ἦρ]όφιλ[ος Πρ]ομαθίδα Герофи[л, сын Πρ]οмаида	1 гекаторюг (4,38 га), + 5 гекаторюгов 1 арура (?) (22,20 ? га)	26,58 +
12	Ὑμνος Σχύθα Гимн, сын Скифа	4 гекаторюга (17,54 га) ?	17,54 +
13	[Σώκρ]ιτος Διοσ[κουρίδα [Сокр]ит, сын Диос[курида	1 гекаторюг (4,38 га)	4,38
14	Θεοκλῆς Θεογέν[ε][ος Теокл, сын Теогена	1 гекаторюг (4,38 га)	4,38
15	[Δωρῶ?]νδα [такой-то, сын Доро] нда	1 гекаторюг (4,38 га)	4,38
16	Αὐτοκλῆς Αὐτο[κλέος?] Автокл, сын Авто[кла (?)]	1 гекаторюг (4,38 га)	4,38
17	[---ω]ν Πασίωνος - -]н, сын Пасиона	2 гекаторюга (8,77 га)	8,77
18	Ἰκας Ἦρα[κλείδα Икас, сын Гера[клида	1 гекаторюг (4,38 га)	4,38
19	Πα]ρθένιος Αριστογέν[ε] [ος Па]рфений, сын Аристогена	1 гекаторюг (4,38 га)	4,38

Боспорские исследования, вып. XL

20	Νικασίτιμος Νικασιτίμου Никаситим, сын Никаситима	3 гекаторюга (13,15 га)	13,15
21	Βάκις Ρινία Бакис, сын Риния	3 гекаторюга (13,15 га)	13,15
22	----- Δ]ωρώ]νδα такой-то, сын] Доронда	1 гекаторюг (4,38 га)	4,38
23	Πίτθιος Νικασιτίμου Питий, сын Никаситима	2 гекаторюга (8,77 га)	8,77
24	-----]ος Νικανорος такой-то], сын Никанора	1 гекаторюг (4,38 га)	4,38
25	Ἐλ<π>ίνικος Элпиник	12(?) арур (3,29? га)	3,29?
26	Ἀφαιστόδωρος Гефестодор	[1]5 плантажных рядов (?0,26 га), + ? + 5 арур 15 плантажных полос (1,63 га), + [...]15 плантажных рядов (?0,26 га), + ? + 4 аруры 10 плантажных рядов (1,26 га)	3,41 +
27	[Αὐ]το<ι>ράτωρ [Αβ]тократор	9 арур 5 плантажных рядов (2,55 га)	2,55
28	Ἡρόστρατος Герострат	? + 2 аруры 15 плантажных полос (0,80 га), + [...] 4 аруры (1,1 га), + 2 аруры 15 плантажных рядов (0,80 га).	2,70 +
29	[Ἡ]ρακλείδας Гераклид	огражденный (участок?) + (?)4 гекаторюга 10 арур (?) (?20,27 ? га), + ?	?20,27 ? +

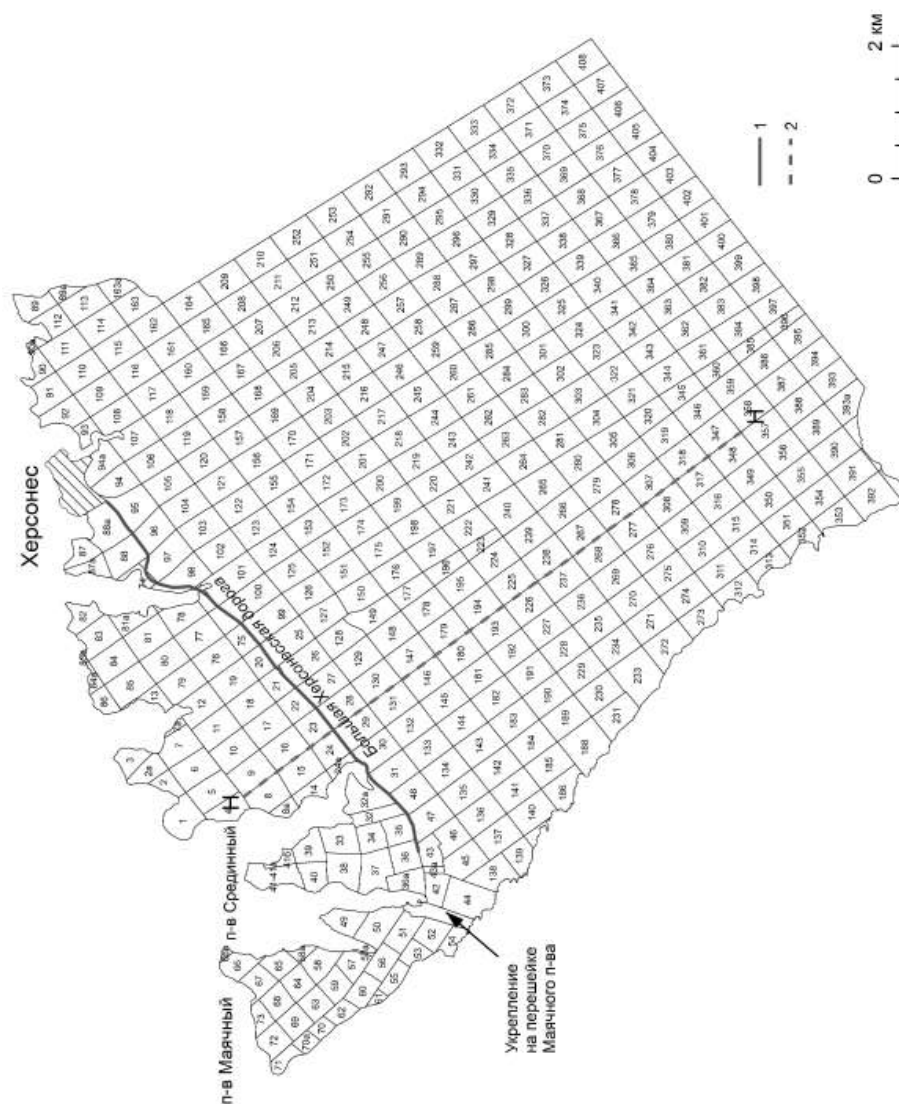

Рис. 1. Геореферированная схема системы античного размежевания Херсонеса Таврического, построенная на основе комплексной ГИС, включающая мозаику архивных аэрофотоснимков 1940-х гг., и космического снимка 1966 г.

1 – «Большая Херсонесская дорога», 2 – дорога «Н»

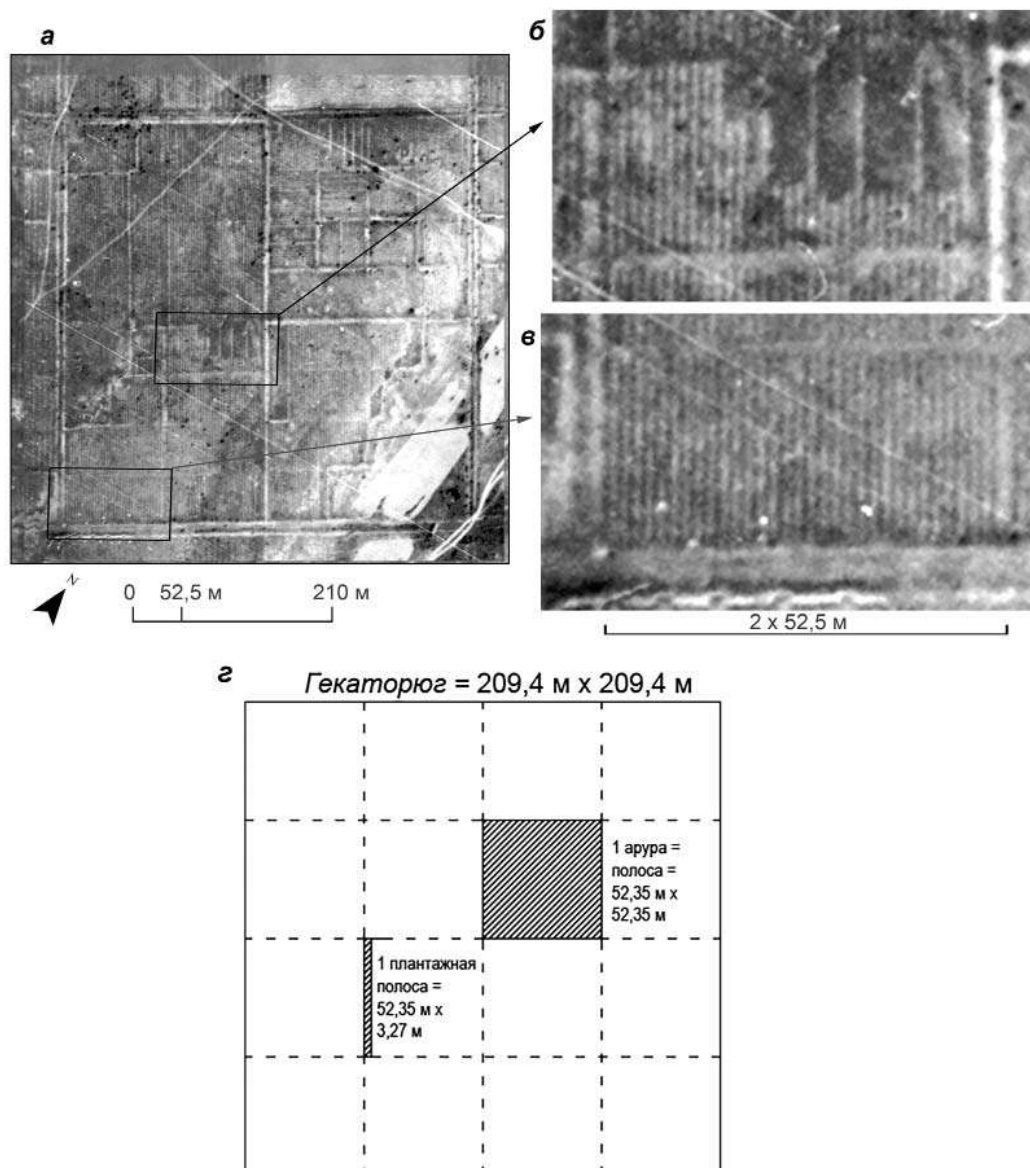

Рис. 2.

а) – внутреннее межевание на блоке № 23, аэрофотоснимок, сделанный 21 мая 1941 г. (из собрания NARA, 1348/29);
б) – частый плантаж и редкий плантаж «через три стенки» и «через четыре стенки»; в) – частый плантаж в двух нижних арурах; г) – основные модули херсонесского межевания: гектарюг, арура и плантажный ряд.

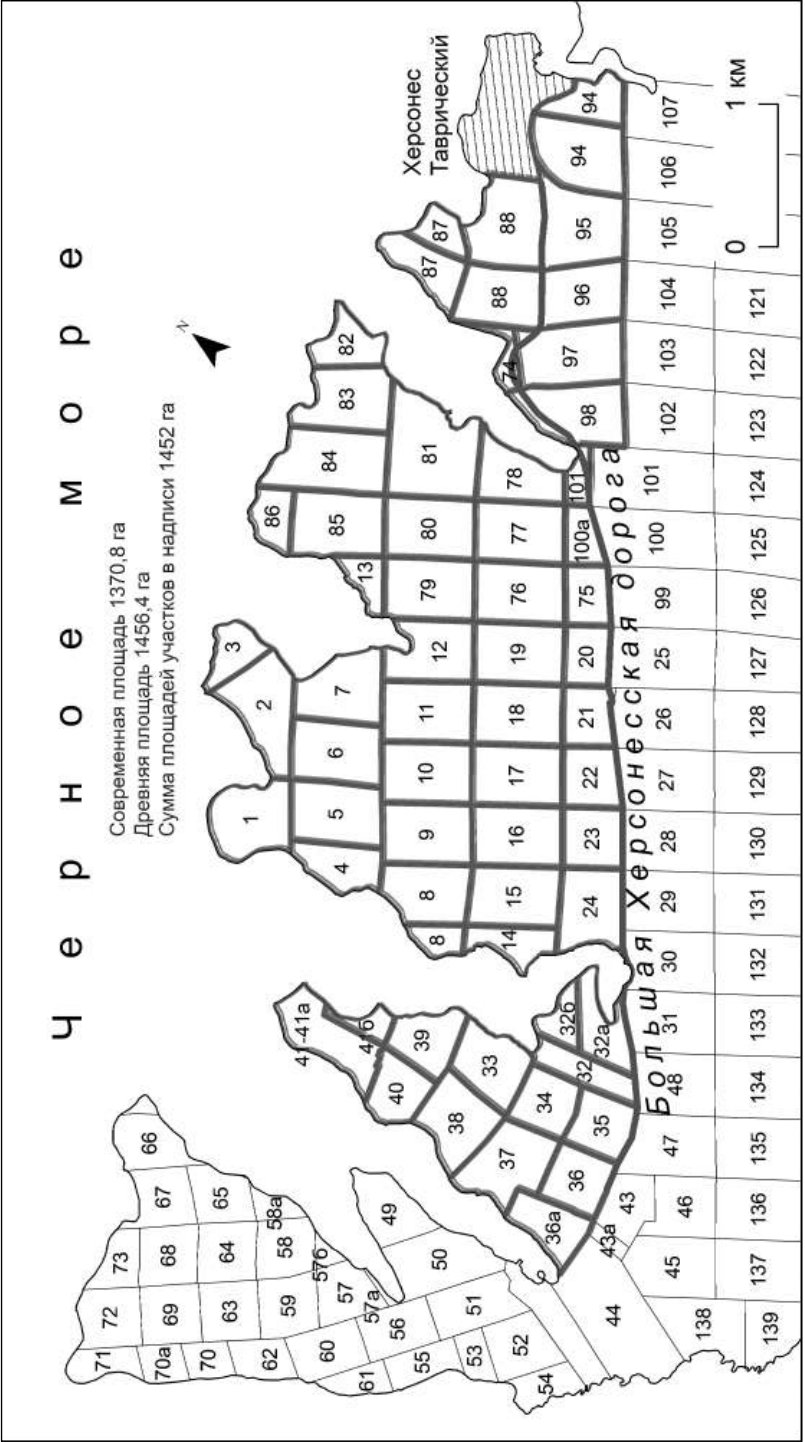

Рис. 3. Схема межевания северной приморской части Гераклеийского п-ва по данным архивной аэрофотосъемки 1940-х годов.

Ю.А. ВИНОГРАДОВ
IU.A. VINOGRADOV

**НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ЗАПАДНОЙ ОКРАИНЕ
ПОСЕЛЕНИЯ АРТЮЩЕНКО-1¹
NEW INVESTIGATION AT THE WESTERN BOUNDEY
OF THE SETTLEMENT ARTIUSCHENKO-1**

Античное поселение Артющенко-1, расположенное на Таманском полуострове на высоком, разрушающемся берегу Чёрного моря, исследуется Боспорской экспедицией ИИМК РАН уже более 20 лет. Это поселение сейчас является одним из наиболее изученных памятников такого рода на азиатской стороне Боспора, демонстрируя дискретность исторического развития от эпохи архаики до поздней античности и раннего Средневековья [Виноградов, 2013; Vinogradov, Lebedeva, 2005; Vinogradov, 2015]. Имеющиеся материалы позволяют считать, что в римское время поселение было сезонным, земледельцы приходили сюда только на время проведения полевых работ. Во всех археологических комплексах этого времени обнаружено большое количество лепной керамики, изготовленной в традициях варварского населения. Это обстоятельство, а также общий негреческий облик жилых и хозяйственных сооружений, представленных исключительно примитивными землянками, наводит на мысль, что обитатели поселения в основном не были эллинами.

В 2012 и 2015–2017 гг. на западной окраине поселения исследовался необычный комплекс сооружений, суммарно датированный I–III вв. н.э. Важнейшей его составляющей являлась глинобитная площадка (площадь около 130 кв. м), на поверхности которой было найдено огромное количество обгоревших зерновок пшеницы однозернянки (*Triticum monosocum* L.). Около площадки обнаружены четыре крупные ямы, выделяющиеся наличием в их заполнении большого числа скелетов животных (собак, свиней, коз и т.д.); эти останки иногда располагались слоями или ярусами. Вместе со скелетами встречались целые керамические сосуды, в основном лепные. Такие необычные ямы логично считать жертвенными и связывать с отправлением неких религиозных ритуалов. Наконец, поблизости от площадки расположены очень неглубокие ямы, содержавшие костные останки людей. В одной из них находилось скорченное захоронение мужчины. В другой были обнаружены четыре человеческих черепа, уложенные на дне по странам света.

¹ Исследование произведено в рамках темы государственного задания ФНИ ГАН № 0184-2018-0007 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

Ещё два человеческих черепа были найдены в культурном слое, около северного края площадки. Все эти археологические факты позволили предположить, что на западной окраине Артюшенко-1 существовал некий священный участок, на котором приносились жертвы, связанные с культом плодородия и, если акцентировать внимание на окраинном положении участка, вероятно, мотивированные также стремлением предохранить обитателей поселения от воздействия зловредных демонических сил. По понятным причинам такой священный участок никак нельзя связывать с греческой культурной традицией, но и в обычаях варварских народов, обитавших у границ Боспорского царства, подобные культовые комплексы тоже не зафиксированы [см.: Виноградов, 2017; 2019а; 2019б].

В 2017 г. к востоку и западу от глинобитной площадки были обнаружены две полуземлянки четырёхугольной, сравнительно хорошей для этого поселения формы [см.: Виноградов, 2013], но они не дали никаких необычных материалов. В том же году к северу от площадки были открыты небольшие части *двух каменных стен* (№ 2 и 3). Первая из них (рис. 1) ориентирована по линии С–С-З – Ю–Ю-В. Её сохранившаяся длина – 1,70 м, ширина – 0,55–0,60 м, высота – 0,28 м. Она сложена из небольших камней (в основном морских галек) на глинистом растворе. Более-менее тщательно оформлены лишь два фасада стены, внутреннее пространство забито мелкими камнями. Несмотря на это, в системе кладки прослеживается определённая система – нижний ряд сложен из сравнительно крупных камней; над ним идёт ряд галек, уложенных плашмя; ещё выше идёт ряд галек, установленных вертикально. Любопытно, что с севера к основанию этой стены примыкала небольшая жертвенная яма № 94; в ней был установлен лепной горшок, накрытый миской, в который была помещена голова поросёнка [Виноградов, 2019а, с. 264–265].

Стена № 3 никак не стыкуется с описанной выше. Она ориентирована по линии С–С-В – Ю–Ю-З; длина составляет 1,50 м, ширина – 0,64 м, высота – 0,14 м. По конструкции она вполне подобна описанной выше, т.е. сложена в основном из морской гальки; так же более-менее тщательно оформлены фасады, внутреннее пространство забито мелкими камнями. В системе кладки присутствуют камни, установленные вертикально.

Эти две стены вызывают большое количество вопросов. Во-первых, они, вероятнее всего, не являются частями какой-то единой конструкции. Во-вторых, основание, сложенное (скорей слепленное) из морской гальки, не может выдержать тяжести сырцовый или иной стены. В-третьих, система кладки абсолютно необычна для Боспора античного времени. Отчасти она напоминает кладку «в ёлочку» стен на поселениях салтово-маяцкой культуры, но сооружения, открытые на Артюшенко-1, вряд ли можно уверенно датировать временем Средневековья, поскольку находки фрагментов салтовской посуды являются большой редкостью на участке раскопок. Поселение салтово-маяцкого времени находится в десятках метров к западу от него [Виноградов, 2002].

В 2018–2019 гг. раскопки на западной окраине Артюшенко-1 были продолжены

и по понятным причинам основной их целью было получение дополнительных материалов для понимания священного участка. Кратко охарактеризую результаты этих раскопок в каждом из сезонов.

В сезоне 2018 г. раскоп был расширен в северном направлении. По диагонали с С-В на Ю-З через всю площадь раскопа по одной линии расположены *четыре ямы № 95–98* (рис. 2). Они «стандартны» по устройству: диаметр – 0,8-0,9 м, глубина – 0,3-0,5 м. Эти ямы почти не содержали находок, но их датировка римским временем не вызывает сомнения. Можно предположить, что в них были установлены деревянные столбы, служившие основой забора, ограничивающего поселение². Эта линия по существу является границей активного использования площади поселения, далее которой к северу археологические комплексы почти отсутствуют.

Центральную часть раскопа занимало крупное скопление мелких камней. Под ними находился котлован сильно оплывшей четырёхугольной по форме *полуземлянки XXII* (рис. 2). Её размеры составляют 4,25 × 3,40 м, глубина от поверхности материка – 0,80 м. С юга в структуру полуземлянки входила приступка шириной 1,5 м при глубине от поверхности материка 0,5 м. Вход в землянку находился с востока (2 × 1,75 м, глубина – 0,45 м), к нему с юга вела лесенка шириной 2,2 м, вырубленная в материке. В ней можно насчитать 3 ступеньки.

При разборке заполнения котлована обнаружен многочисленный археологический материал. Находки включали в себя 341 фрагмент различных керамических сосудов, керамическую пирамидальную подвеску, керамическое пряслице, кремневый скребок и пр. При статистической оценке общего керамического массива выявляется преобладание амфорных материалов, на долю которых приходится 44,3%. Прежде всего, это обломки крупных красноглиняных сосудов с вертикально поставленным горлом и круглыми в сечении ручками (рис. 3, 1-2). Такие находки представлены на боспорских памятниках римского времени [Зеест, 1960, с. 116, табл. XXXV, 84]. А.П. Абрамов предлагал датировать их концом II – первой половиной III в. н.э. [Абрамов, 1993, с. 49, табл. 58, 6.34, 6.35]. Есть основания считать, однако, что этот тип уже существовал в середине II в. н.э. [Журавлев, Ломтадзе, 1999, с. 99].

Фрагмент красноглиняного сосуда с венцом, оттянутым внутрь и имеющим «клювовидное» очертание (рис. 3, 5), является довольно редкой находкой. И.Б. Зеест датировала подобные сосуды II–III вв. н.э. [Зеест, 1960, с. 113, табл. XXXII, 76, а–б].

Значительно более многочисленные находки относятся к светлоглиняным южнопонтийским амфорам (рис. 3, 3-4, 6-10). Все они принадлежат к типу С по Д.Б. Шелову и соответственно могут быть датированы в основном II в. [Шелов,

² Расстояние между ямами № 95–97, расположенными компактной группой, составляет 0,5–0,7 м. Легко заметить, что между ямами № 97 и № 98 имеется значительно больший разрыв. Можно предположить, однако, что здесь, т.е. в заполнении котлована полуземлянки XXII, была вырыта ещё одна яма для столба, и мы её просто не смогли зафиксировать. Если это так, то следует считать, что забор был построен после того, как полуземлянка была засыпана.

1978, с. 18; см. также: Абрамов, 1993, с. 46, табл. 52, 6.5–6.7; Внуков, 2003, с. 117–128]. Базируясь на амфорных материалах, можно считать, что полуземлянка XXII была засыпана во второй половине II в. Другие находки не противоречат такой атрибуции.

Без учёта амфорных материалов керамический комплекс распределяется следующим образом: 22,6% приходится на фрагменты красноглиняной столовой кружалной посуды всех типов, 5,8% – на сероглиняную, 2,7% – на краснолаковую, 14,7% – на толстостенную и целых 54,2% – на лепную керамику.

В составе керамических находок можно выделить обломки красноглиняных боспорских кувшинов (рис. 3, 11, 12), некоторые из которых имели витые ручки (рис. 3, 14). Не менее типичны, хотя и не столь многочисленны, фрагменты сероглиняных кувшинов (рис. 3, 13) и краснолаковых чаш (рис. 3, 15). Толстостенная керамика представлена обломками пифосов боспорского производства (рис. 3, 16). Очень многочисленная в заполнении котлована лепная посуда представлена обломками горшков (рис. 3, 18), в меньшей степени – слабо лощёных мисок (рис. 3, 17). Имеются также фрагменты, которые, возможно, относятся к курильницам (рис. 3, 19). Последняя группа керамических находок, на мой взгляд, прекрасно характеризует сильный варварский компонент в составе населения Артющенко-1 в первые века н.э.

Следует признать, однако, что в 2018 г. никаких материалов, относящихся к священному участку, или каких-то иных, связанных с отправлением культа, выявлено не было. Вполне очевидно, что священный участок не распространялся далее к северу.

Раскоп 2019 г. был направлен к востоку от северного края глинобитной площадки. Здесь довольно быстро была открыта небольшая яма № 103 (диаметр – 1,15 м, глубина – 0,20 м), вырытая в культурном слое (рис. 4). В ней находился человеческий череп, лежавший основанием кверху; под ним находилась нижняя челюсть и фаланги пальцев. Восточнее его на дне ямы лежала типичная салтовская сероглиняная ойнохоя, украшенная пересекающимися пролощёнными полосами.

Эта яма поставила один в высшей степени важный вопрос. В принципе, она вполне вписывается в ряд подобных комплексов Артющенко-1, содержавших человеческие костные останки, которые были связаны нами со священным участком [Виноградов, 2019а, с. 265–268]. Датировка их первыми веками н.э. была основана на характере заполнения, представленного обычным культурным слоем римского времени, а также контекстом расположения – рядом находились ямы и другие сооружения, относящиеся только к этому времени. Яма № 103 была тоже заполнена культурным слоем римского времени, но находка салтовской ойнохой заставляет относить её к VIII–IX вв. Отсюда следует предположение, что и другие ямы такого рода не являются античными, но относятся к значительно более позднему времени и, таким образом, к священному участку не имеют никакого отношения.

Такой вывод, однако, представляется несколько поспешным. Находка этого черепа является седьмой на памятнике, при этом все они сосредоточены около глинобитной площадки. Нельзя ли предположить, что обитатели салтовского

поселения, расположенного, как уже говорилось, поблизости от участка раскопок, при случайных обстоятельствах нашли этот череп и решили перезахоронить его, при этом стремясь искупить вину перед усопшим, поместили рядом с черепом свою сероглиняную ойнохою. Особенности салтовской погребальной традиции, зафиксированные на Боспоре, однако не исключают и иных интерпретаций [Винокуров, Пономарев, 2017].

С салтовской традицией можно связывать также *стену № 4*, которая по существу ничем не отличается от двух описанных выше (рис. 5). Она ориентирована по линии С-3 – Ю-В; длина – 1,61 м, ширина – 0,60 м, высота – до 0,28 м. Опять стоит отметить сходство этой конструкции с салтово-маяцкими постройками, но странно при этом, что в культурном слое раскопа 2019 г. был обнаружен всего один обломок горшка, который можно уверенно считать салтовским.

Стена № 4 примыкает к *полуземлянке XXIII* (рис. 6–7), не перекрывая её. Можно даже полагать, что эта стена была частично разрушена при сооружении обозначенной заглублённой в землю конструкции, т.е. является относительно ранней. В таком случае, однако, придётся считать, что и другие обнаруженные нами наземные конструкции относятся к раннему (римскому) этапу обитания в этой части поселения, что тоже вызывает большие сомнения.

Полуземлянка XXIII ориентирована по линии С-3 – Ю-В. Она сохранилась плохо, котлован сильно оплыл, тем не менее размеры сооружения определяются достаточно уверенно: 5,25 × 2,80-3,10 м, глубина от уровня материка – 0,20-0,40 м. Любопытно, что уровень дна заметно понижается в северном направлении. В конструкцию полуземлянки входила *яма № 112* (диаметр – 1,7 м, глубина от пола – 0,30 м), находящаяся около её северо-западного угла.

При разборке заполнения котлована и ямы было обнаружено 346 фрагментов керамических сосудов, керамическое пирамидальное грузило и другие находки. При статистической оценке всего массива находок выясняется, что на фрагменты амфор приходится 34,1%, т.е. сравнительно немного для античных памятников. В составе этих материалов представлены обломки южнопонтийских светлоглиняных амфор типа С по Д.Б. Шелову (рис. 8, 1–2) [Шелов, 1978, с. 18], а также крупных боспорских красноглиняных сосудов с широким венцом и круглыми в сечении ручками (рис. 8, 3–4) [ср.: Зеест, 1960, с. 115–116, табл. XXXIV, 83]. Датировка последних, предложенная А.П. Абрамовым, в пределах конца II – первой половины III вв. н.э. [Абрамов, 1993, с. 48, табл. 57, 6.27–6.28], скорее всего, верна. На основании этих находок можно считать, что полуземлянка XXIII была засыпана несколько позднее, чем XXII, а именно в конце II – первой половине III вв.

Без учёта амфорного материала керамический комплекс распределяется следующим образом: 14% составляют обломки красноглиняной столовой кружальной посуды, 4,4% – обломки сероглиняной посуды, 1,3% – фрагменты краснолаковых сосудов – понтийской сигилляты (рис. 8, 6) [см.: Журавлёв, 1997; 1998, с. 35–36; Домжалский, 1998, с. 21; Шаров, 2007, с. 54–77], 3,1% – обломки толстостенной

керамики, всего 0,9% приходится на кружальную кухонную посуду и, наконец, целых 76,3% – на лепную керамику, изготовленную в традициях варварского населения. Последняя категория представлена обломками горшков (рис. 8, 7–8) и в гораздо меньшей степени мисок. Среди горшков выделяется обломок с кольцевым налепом (рис. 8, 7), подобные которому ранее на поселении не встречались.

Помимо полуземлянки, на участке было выявлено 8 очень небольших по размерам ям, которые являются обычными, бытовыми. В них нет и намёка на принадлежность к культовой сфере. Тем не менее в 2019 г. был обнаружен один контекст, который следует признать культовым.

К востоку от угла полуземлянки, совсем недалеко от него, на уровне древней дневной поверхности было открыто *скопление битой посуды* (1,70 × 1,40 м). Оно состояло из развалов трёх лепных горшков, сохранившихся лишь частично, одной лепной миски и пр. (рис. 9, 10). Рядом с каждым из горшков находилось по камню. Миска была украшена полусферическими налечами (рис. 11, 3). Горшки тоже были орнаментированными. Один был украшен полусферическими налечами (рис. 11, 2), другой – полусферическими налечами вместе с вертикальными (рис. 11, 1), третий имел налечи в виде подковок (рис. 10, 11, 4). Вполне очевидно, что на этом месте было совершено жертвоприношение. Относительно лепных горшков с подобной орнаментацией, характерных для культуры Боспора первых веков н.э., следует отметить, что Е.Г. Кастанаян связывала их с фракийской традицией и считала, что на берега Керченского пролива тогда проникли фракийские этнические группы [Кастанаян, 1981, с. 124 сл., 127].

Под описанным контекстом находилась небольшая яма № 110 (диаметр – 1,55 м, глубина – 0,25 м), на дне которой был поставлен лепной горшочек (рис. 12). Он был украшен тремя полусферическими налечами и одним вертикальным (рис. 11, 5). Внутри горшка находились кости черепа молочного поросёнка. Связь этой ямы с культовой практикой не вызывает сомнения. Выше говорилось, что подобная жертвенная яма (№ 94) с горшком, в который была положена голова поросёнка, обнаружена рядом со стеной № 2 [Виноградов, 2019а, с. 264–265].

Подводя итог, следует признать, что раскопки последних лет подтверждают предположение, что на западной окраине поселения Артющенко-1 существовал некий священный участок. Достаточно надёжно установлено, что он не распространялся к северу от исследованного ранее участка. Пока не вполне ясно, распространялся ли он далее к востоку, т.е. имеются ли культовые сооружения вдоль северной границы поселения.

Относительно комплекса этих сакральных сооружений можно с уверенностью утверждать, что в них не стоит искать проявление греческой традиции. Более того, священный участок Артющенко-1 не имеет ничего общего с сельскими святилищами, открытыми на европейской стороне Боспора и относящимися в основном к более раннему времени [см.: Масленников, 2006; 2007; Maslennikov, 2010]. Но и варварская интерпретация этого комплекса вызывает немалые трудности, поскольку у местных

Боспорские исследования, вып. XL

- Кастанаян Е.Г. Лепная керамика боспорских городов. Л., 1981. 176 с.
- Масленников А.А. Античное святилище на Меотиде. М., 2006. 152 с.
- Масленников А.А. Сельские святилища Европейского Боспора. Тула, 2007. 562 с.
- Шаров О. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг. Хронология комплексов с римскими импортами. М., 2007. 207 с.
- Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. 156. С. 16–21.
- Bozkova A. Pits of the first millennium B.C. in Thracia, *sine ira et studio* // Southern Europe and Anatolia in prehistory. Essays in honor Vassil Nikolov on the 65th anniversary. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. Bd. 23. Bonn, 2016. P. 475–483.
- Maslennikov A.A. Ancient rural sanctuaries of the Crimean Azov coast // Ancient Sacral Monuments in the Black Sea. Thessaloniki, 2010. P. 171–281.
- Theodossiev N. Ancient Thrace during the First Millennium BC // The Black Sea, Greece, Anatolia and Europe in the First Millennium BC. Peeters, 2011. P. 1–60.
- Tonkova M. Late Iron Age pit-sanctuaries in Thrace: the contribution of the studies at Glebacevo // Thrace. 2003. 15. P. 479–504.
- Vinogradov Yu.A. Excavations at the Settlement of Artyuschenko I (Bugazskoe) on the Taman Peninsula // Hyperboreus. 2015. Vol. 21. Fasc. 1. P. 157–160.
- Vinogradov Yu.A., Lebedeva E.V. Excavations at the Classical-Period Settlement of Artyushchenko-I (Bugazskoye) on the Taman Peninsula // Hyperboreus. 2005. Vol. 11. Fasc. 2. P. 316–319.

REFERENCES

- Abramov A.P. Antichnye amfory. Periodizatsiya i khronologiya. *Bosporskiy sbornik*. 1993. 3. S. 4–135.
- Bozkova A. Pits of the first millennium B.C. in Thracia, *sine ira et studio*. / Southern Europe and Anatolia in prehistory. Essays in honor Vassil Nikolov on the 65th anniversary. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. Bd. 23. Bonn, 2016. P. 475–483.
- Domzhal'skiy K. Iz istorii issledovaniya krasnolakovoy keramiki vostochnogo proizvodstva. *Ellinisticheskaya i rimskaya keramika Severnogo Prichernomor'ya*. Moscow, 1998. P. 17–30.
- Kastanayan E.G. *Lepnaya keramika bosporskih gorodov*. Leningrad, 1981. 176 s.
- Maslennikov A.A. *Antichnoe svyatilishe na Meotide*. Moscow, 2006. 152 s.
- Maslennikov A.A. *Sel'skie svyatilischa Evropejskogo Bospora*. Tula, 2007. 562 s.
- Maslennikov A.A. Ancient rural sanctuaries of the Crimean Azov coast. *Ancient Sacral Monuments in the Black Sea*. Thessaloniki, 2010. P. 171–281.
- Sharov O. *Keramicheskij kompleks nekropolya Chatyr-Dag. Khronologiya kompleksov s rimskimi importami*. Moscow, 2007. 207 s.
- Shelov D.B. Uzko gorlye svetloglinyane amfory pervykh vekov nashej ery. Klassifikatsiya i khronologiya. *KSIA*. 1978. 156. S. 16–21.
- Theodossiev N. Ancient Thrace during the First Millennium BC. *The Black Sea, Greece, Anatolia and Europe in the First Millennium BC*. Peeters, 2011. P. 1–60.
- Tonkova M. Late Iron Age pit-sanctuaries in Thrace: the contribution of the studies at Glebacevo. *Thrace*. 2003. 15. P. 479–504.
- Vinogradov Yu.A. Saltovo-mayackie komplekсы poseleniya Artyuschenko I na Tamanskom poluostrove. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Rossijskogo arheologicheskogo obshchestva. Novaya seriya*. 2002. T. I (XXVI). S. 73–81.
- Vinogradov Yu.A. Osnovnye itogi izucheniya poseleniya Artyuschenko I (Tamanskij poluostrov). *Problemy istorii, filologii i kul'tury*. 2013. No. 2. S. 233–241.
- Vinogradov Yu.A. Stroitel'nye komplekсы rimskogo vremeni na poselenii Artyuschenko I (Tamanskij poluostrov). *III 'Anfimovskie chteniya' po arheologii Zapadnogo Kavkaza. Materialy mezhdunarodnoj arheologicheskoy konferencii*. Krasnodar, 2013. S. 25–30.

Виноградов Ю.А. Новые исследования...

- Vinogradov Yu.A. Excavations at the Settlement of Artyushchenko I (Bugazskoe) on the Taman Peninsula. *Hyperboreus*. 2015. Vol. 21. Fasc. 1. P. 157–160.
- Vinogradov Yu.A. Molotil'nyj tok ili sel'skoe svyatilishe? K probleme interpretacii ob'ekta, otkrytogo na poselenii Artyushchenko–I. *Vishnyackij L.B. (Ed.). Ex Ungue Leonem. Sbornik statej k 90-letiyu L'va Samuilovicha Kleina*. St.Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017. S. 322–333.
- Vinogradov Yu.A. Svyaschennyj uchastok antichnogo poseleniya Artyushchenko–I. *Vinogradov Yu.A. i dr. (Eds). Proshloe chelovechestva v trudah peterburgskih arheologov na rubezhe tysyacheletij (K 100-letiyu sozdaniyu Rossijskoj kademicheskoy arheologii*. St.Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2019. S. 254–270.
- Vinogradov Yu.A. Osnovnye itogi izucheniya svyashchennogo uchastka poseleniya Artyushchenko–I (Tamanskij poluostrov). *Zin'ko V.N. (Ed.). Bosporskie chteniya. XX. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Osnovnye itogi i perspektivy issledovanij*. Simferopol' – Kerch, 2019. S. 110–115.
- Vinogradov Yu.A., Lebedeva E.V. Excavations at the Classical-Period Settlement of Artyushchenko-1 (Bugazskoye) on the Taman Peninsula. *Hyperboreus*. 2005. Vol. 11. Fasc. 2. P. 316–319.
- Vinokurov N.I., Ponomarev L.Yu. Mertvye sredi zhivych: pogrebal'nye saltovo-mayatskie komplekсы na gorodische Artezian. *Drevnosti Bospora*. 2017. 21. S. 40–63.
- Vnukov S.Yu. *Prichernomoskie amfory I v. do n.e. – II v. n.e. (morfologiya)*. Moscow, 2003. 217 s.
- Zeest I.B. *Keramicheskaya tara Bospora*. Moscow, 1960. 178 s. (MIA. № 83).
- Zhuravlev D.V. Krasnolakovaya keramika grupy Eastern sigillata B iz mogil'nika Bel'bek IV v Jugo-Zapadnom Krymu. *Drevnosti Evrazii*. Moscow, 1997. S. 227–260.
- Zhuravlev D.V. Krasnolakovaya keramika Severnogo Prichernomor'ya rimskogo vremeni: osnovnye itogi i perspektivy izucheniya. *Ellinisticheskaya i rimskaya keramika Severnogo Prichernomor'ya*. Moscow, 1998. S. 31–51.
- Zhuravlev D.V., Lomtadze G.A. Keramicheskij kompleks II v. n.e. s akropolya Pantikapeya. *Drevnosti Bospora*. 1999. 2. S. 98–113.

Резюме

Поселение Артющенко-1 является одним из хорошо изученных сельских поселений Азиатского Боспора. В последние годы на его западной окраине был открыт необычный священный участок I–III вв. н.э. Важным элементом являлась глинобитная площадка, на поверхности которой было обнаружено большое количество обгоревших зёрен плёчатой пшеницы. Рядом с ней находились глубокие ямы, содержавшие большое количество скелетов животных. Несколько небольших ям содержали человеческие останки. Раскопки 2018–2019 гг. показали, что священный участок не распространялся к северу, но восточнее площадки зафиксирован сакральный контекст, состоящий из трёх лепных горшков и одной миски (рис. 10, 11). Под скоплением керамики находилась яма № 110, на её дне был поставлен горшок, в который была положена голова молочного поросёнка. Таким образом, продолжение изучения священного участка в восточном направлении имеет перспективу.

Ключевые слова: Азиатский Боспор, римское время, поселение Артющенко-1, священный участок, ямы.

Summary

The settlement Artyushchenko-1 is one of the well-studied agricultural settlements of the Asian Bosporus. During the last years the very unordinary sacred site of the 1st – 3rd centuries AD was excavated at the western boundary of the settlement. An important element of it is an area with a layer of clay, which contained a large amount of charred grains of bearded wheat (*Triticum*

Боспорские исследования, вып. XL

monococcum). Next to it were deep pits containing a large number of animal skeletons. Several small pits contained human remains. Excavations of 2018–2019 demonstrates that the sacred site was not distributed to the north, and a sacred context consisting of three hand-made pots and one bowl was found to the east from platform (fig. 10, 11). The pit no. 110 was found under this context. A pot with the head of the yang pig was put on the bottom of it. Thus, the continuation of the study of the sacred site in the northern boundary of the site has a perspective.

Key words: Asian Bosphorus, Roman time, the settlement of Artyushenko-1, the sacred site, the pits.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Виноградов Юрий Алексеевич, д.и.н.,
ведущий научный сотрудник Института
истории материальной культуры РАН
(С.-Петербург),
+7 (812)-764-85-71.
vincat2008@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vinogradov Iurii Alekseevich,
doctor of the historical sciences,
leading scientific researcher of the Institute
for the History of Material Culture RAS
(St. Petersburg),
+7 (812)-764-85-71.
vincat2008@yandex.ru

Рис. 1. Стена № 2. Вид с юга.

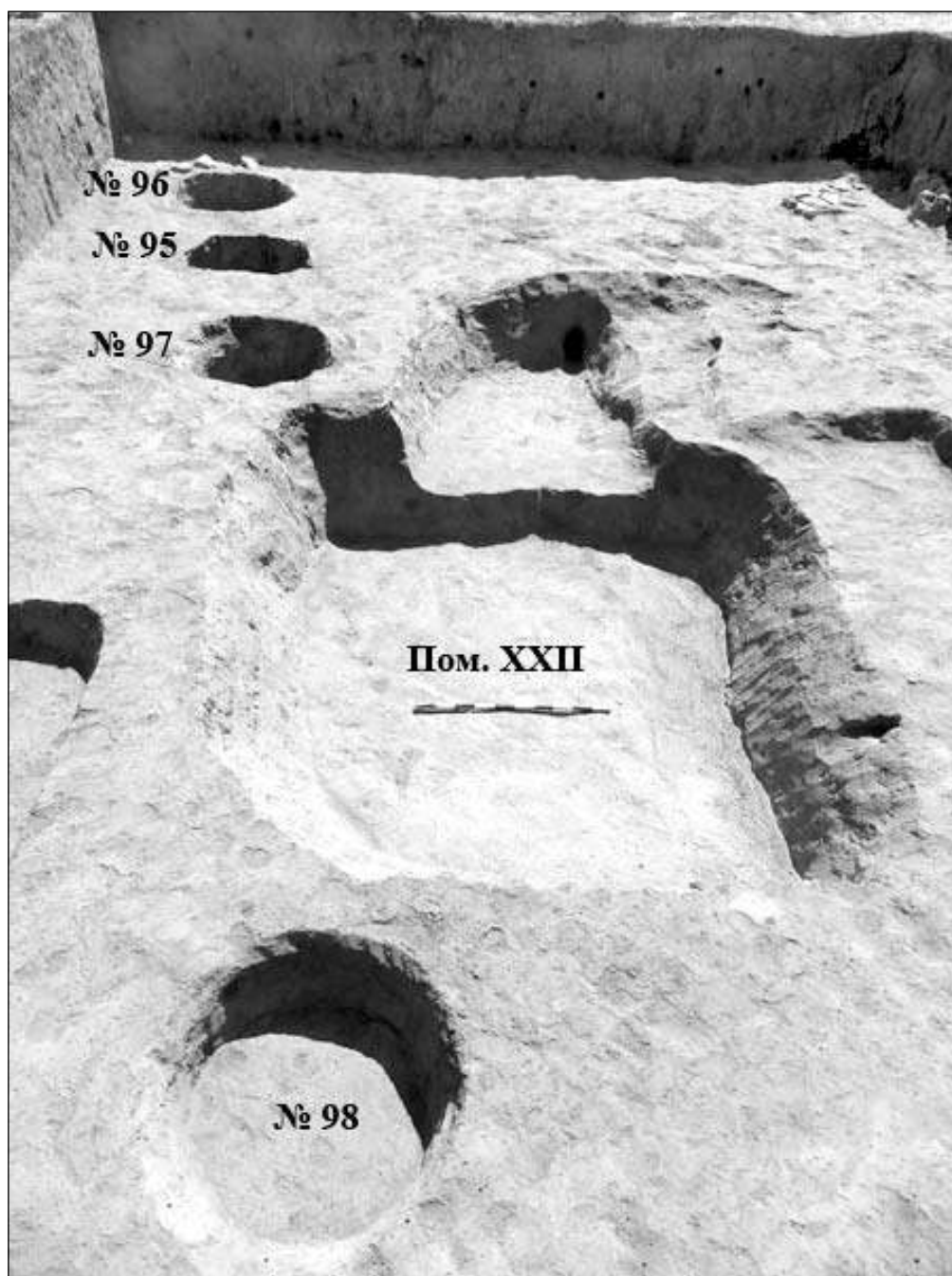

Рис. 2. Ямы (остатки забора?) и полуземлянка XXII. Вид с запада.

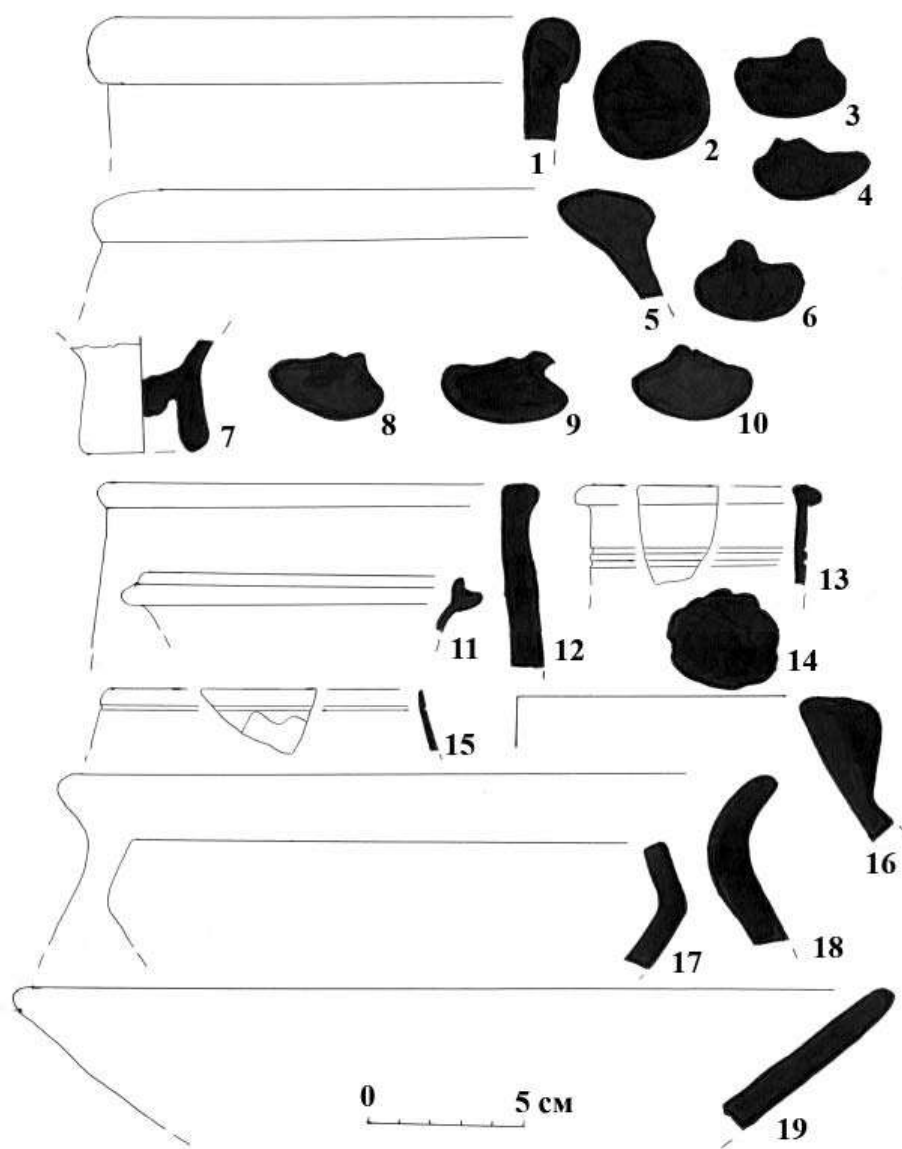

Рис. 3. Керамические находки из котлована полуземлянки XXII

1–10 – фрагменты амфор; 11–12, 14 – красноглиняная столовая посуда; 13 – сероглиняная керамика; 15 – красно-
 ковая посуда; 16 – толстостенная керамика; 17–19 – лепная посуда.

Рис. 4. Яма № 103, вид с севера.

Рис. 5. Стена № 4. Вид с севера.

Рис. 6. Полуземлянка XXIII. Вид с севера.

Рис. 7. Полуземлянка XXIII. Вид с востока.

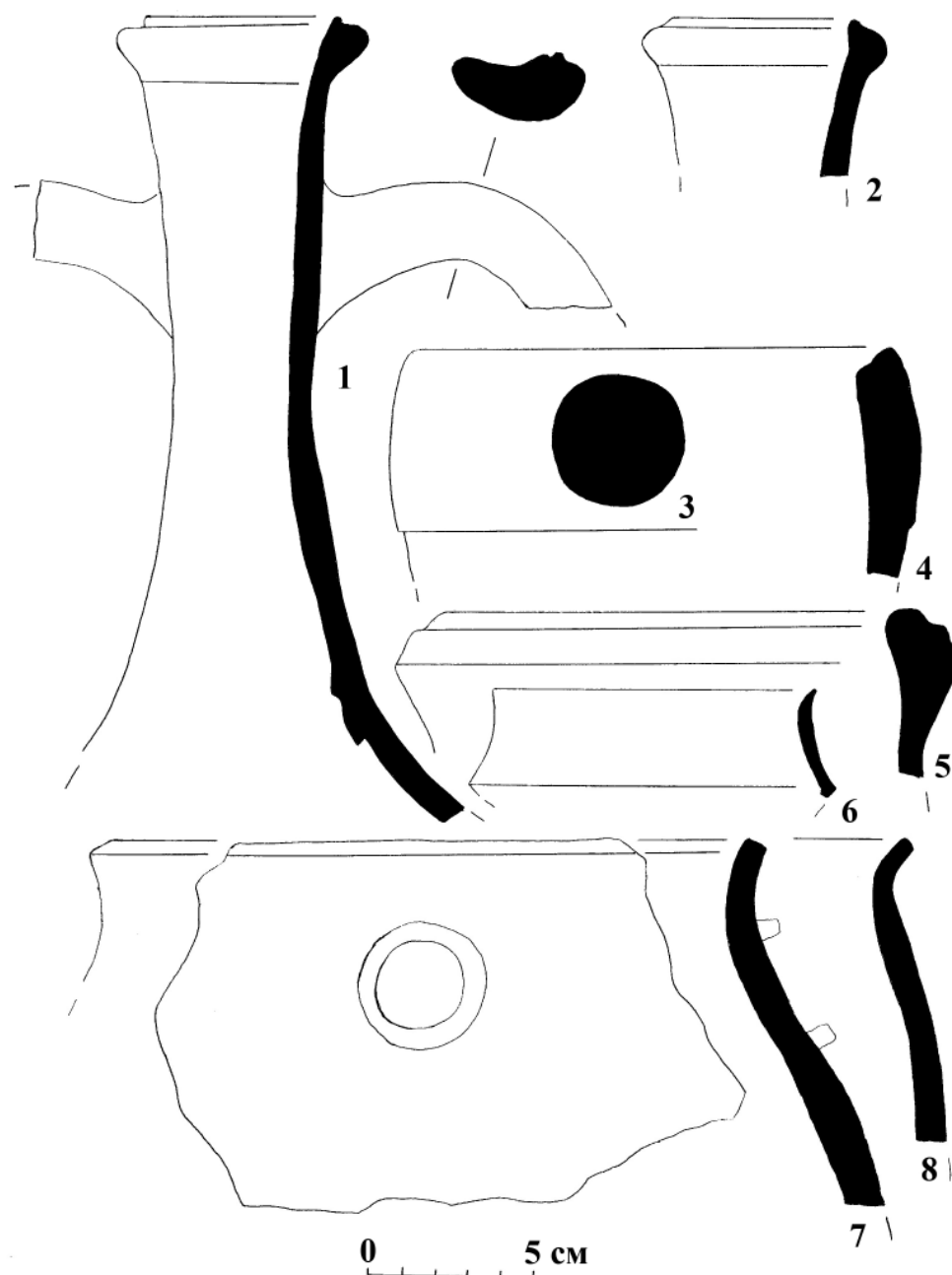

Рис. 8. Керамические находки из котлована полуземлянки XXIII
1–5 – фрагменты амфор; 6 – красный лак; 7–8 – лепные горшки.

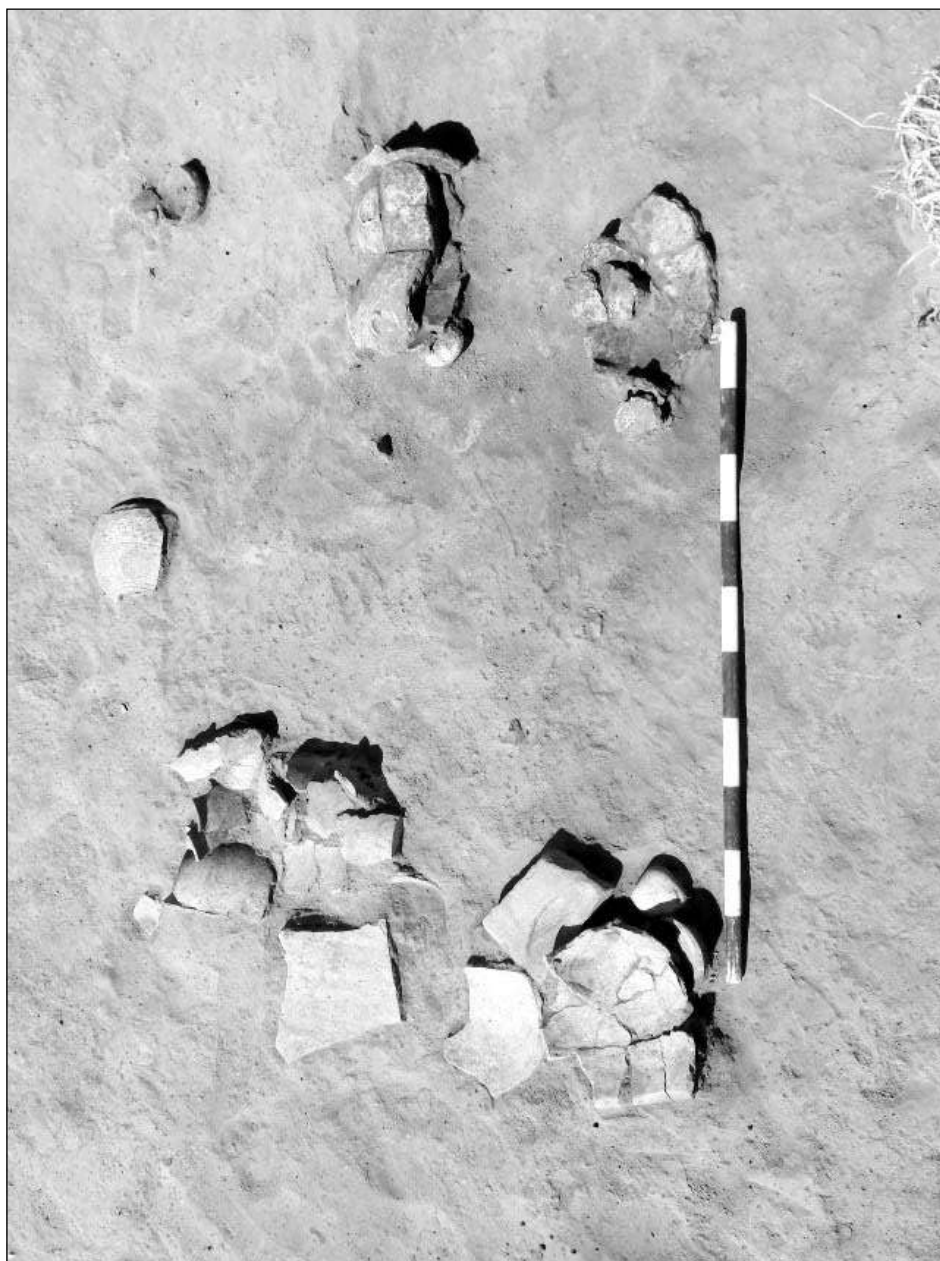

Рис. 9. Скопление керамики (остатки жертвоприношения). Вид с севера.

Рис. 10. Развал горшка, украшенного налепами в виде подковок. Вид с запада.

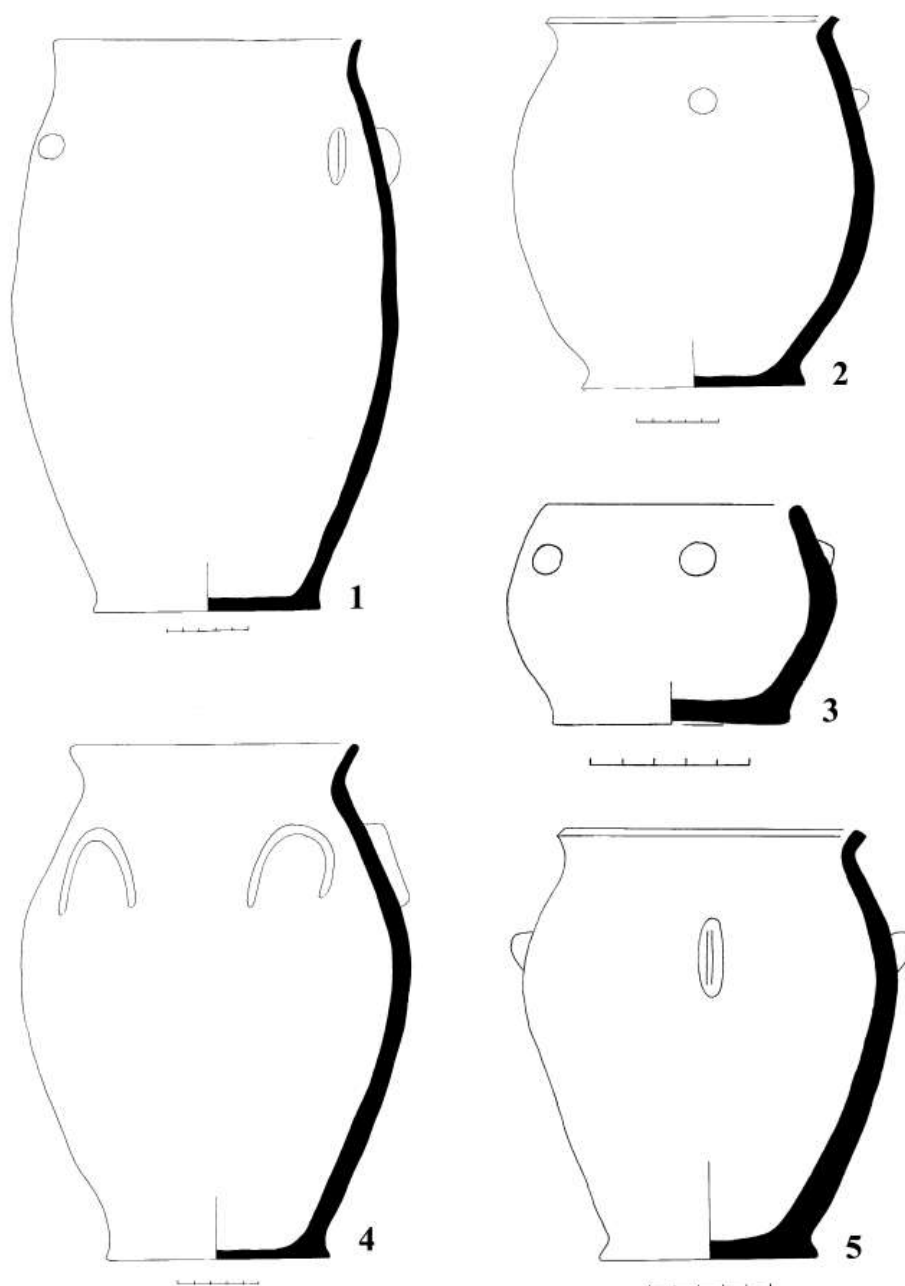

Рис. 11. Лепная керамика с места жертвоприношения.

Рис. 12. Горшок в яме № 112. Вид с севера.

В.В. ПАНЧЕНКО
V.V. PANCHENKO

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИФФЕРЕНТА «ТРЕЗУБЕЦ»
В МОНЕТНОМ ДЕЛЕ БОСПОРА I – IV ВВ. Н.Э.
THE USE OF THE DIFFERENT «TRIDENT» IN THE COINAGE
OF THE BOSPORUS OF THE I – IV CENTURIES AD**

Вопрос о назначении различных дифферентов (в т.ч. «трезубца») в монетном деле Боспора неоднократно привлекал внимание исследователей, однако на сегодняшний день не существует общепринятого мнения на этот счет. Дискуссия на эту тему продолжается – в течение последних лет были обнародованы несколько развернутых концепций по поводу характера использования дополнительных знаков [Чореф, 2012; Анохин, 2016; Сидоренко (в печати)]. Среди многообразия дифферентов, получивших распространение в монетном деле Боспора, «трезубец» относится к числу наиболее часто встречающихся. В нашей статье предлагается краткий обзор использования этого знака на боспорских монетах различного номинала на протяжении I – IV вв. н.э. Отдельно рассмотрены основные концепции, посвященные дифферентам. В качестве обобщения предложено собственное толкование назначения дополнительного знака «трезубец».

Первоначально дополнительный знак «трезубец» чеканился преимущественно на монетах младших номиналов, что, вероятно, связано с тем, что боспорские власти обладали известной свободой маневра при формировании изображений на такого рода монетах. В свою очередь, внешний облик золотых статеров к определенному времени уже сложился, разного рода отступления от него вряд ли приветствовались римскими властями. Примечательно, что «трезубец» на протяжении почти столетия часто выступал в сочетании с «палицей». Использование «трезубца» впервые засвидетельствовано на монетах Рескупорида I (68/69 – 92/93 гг. н.э.)¹, правление которого характеризуется укреплением внешнеполитического статуса Боспора, что нашло отражение в монетном деле царя [Фролова, 1997, ч. 1, с. 103–104]. На лицевой стороне сестерциев, относящихся к последним годам правления, справа от бюста царя помещен «трезубец», слева – «палица» (рис. 1) [Анохин, 1986, с. 154; Фролова, 1997, ч. 1, с. 106–107; 232–233]. Преемник Рескупорида Савромат I (93/94 – 123/124 гг.) продолжил использование этих символов, и оно по-прежнему носило скорее эпизодический, нежели регулярный характер. Так «трезубец» изображен перед бюстом царя на аверсе статера 405 г. б.э. (108/109 г. н.э.) (рис. 2) [Фролова, 1997, ч. 1, с. 236–237;

¹ Нумерация царей Боспора с именем Рескупорид здесь и далее дана в соответствии со статьей Н.В. Завойкиной [Завойкина, 2016, с. 160–166].

Анохин, 2016, с. 171, таб. V]. При всем многообразии монетных типов Савромата I «трезубец» встречается лишь на нескольких типах сестерциев последних лет правления. По аналогии с монетами Рескупорида «трезубец» фигурирует в сочетании с «палицей», знаки размещены на аверсе по сторонам бюста царя (рис. 3) [Анохин, 1986, с. 105–106, 157; Фролова, 1997, ч. 1, с. 132–133, 262–263]. При сыне Савромата Котисе II (123/124 – 132/133 гг.) чеканились сестерции с изображением бюста царя на аверсе нескольких типов: 1) без дополнительных знаков, 2) с «трезубцем» справа, 3) с «трезубцем» справа и «палицей» слева (рис. 4) [Фролова, 1997, ч. 1, с. 268–275]. Статеры Котиса II, как правило, лишены дифферентов на аверсе, однако эпизодически встречается «палица»; также зафиксированы «оружейные» дифференты – «меч» и «копье», «трезубец» отсутствует [Анохин, 1986, с. 108–109, 158–159; Фролова, 1997, ч. 1, с. 265–268; Анохин, 2016, с. 172, таб. VI].

В правление следующего царя Боспора Реметалка (131/132 – 153/154 гг.) преобладают статеры без дифферентов или со знаком «палица» на аверсе, значительно реже встречается «меч». «Трезубец» был изображен на аверсе только в 143/144 – 145/146 гг. Наиболее массовым типом медных монет Реметалка являлись сестерции с бюстом царя и «трезубцем» справа (рис. 5). Известен тип монет с изображением «трезубца» справа и «палицы» слева (рис. 6) [Анохин, 1986, с. 110–112, 159–160; Фролова, 1997, ч. 1, с. 141–145; Анохин, 2016, с. 173, таб. VII]. На статерах Евпатора (154/155 – 170/171 гг.) дифферент «трезубец» отсутствует полностью. Подобно монетному делу предшественника основным типом статеров являются монеты без дифферентов либо со знаком «палица» на аверсе. Вместе с тем в начальный период правления (154/155 – 160/161 гг.) Евпатор чеканил медные монеты с «трезубцем» на аверсе (рис. 7) [Анохин, 1986, с. 112–113, 160–162; Фролова, 1997, ч. 1, с. 145–147; Анохин, 2016, с. 174, таб. VIII].

На протяжении своего длительного правления Савромат II, сын Реметалка (174/175 – 210/211 гг.), чеканил статеры с изображением различных дифферентов. На аверсе чаще других знаков наблюдается «палица». В первой половине правления Савромата II «трезубец» не изображался, затем он вопреки традиции в течение нескольких выпусков был размещен на реверсе статеров, возле бюста императора/императоров (рис. 8). В 197/198 г. были выпущены статеры с «палицей» на аверсе и «трезубцем» на реверсе [Анохин, 1986, с. 114, 162–164; Фролова, 1997, ч. 1, с. 300–314; Анохин, 2016, с. 175–176, таб. IX]. Савромат II предпринял монетную реформу и ввел в обращение ряд новых типов медных монет неизвестных ранее номиналов (денарий, двойной денарий, два и три сестерция). Медная чеканка отличалась богатым разнообразием сюжетов, но дифференты «трезубец» и «палица» возле бюста царя отсутствовали. Вместе с тем на двойных денариях был изображен Савромат в полный рост с палицей и трезубцем в руках, венчаемый Никой (рис. 9). Достойна упоминания серия двойных денариев с изображением подвигов Геракла на реверсе. В большинстве сюжетов Геракл изображен со своей неизменной спутницей – палицей [Анохин, 1986, с. 115–117, 165; Фролова, 1997, ч. 1, с. 150–151, 319–321].

Подобно своему отцу и предшественнику Рескупорид II (211/212 – 226/227 гг.) размещал дифференты на статерах в разных комбинациях. В первые годы правления (211/212 – 215/216 гг.) Рескупорид II продолжил практику Савромата II и чеканил статеры с изображением «трезубца» на реверсе рядом с бюстом императора (наряду с другими знаками) (рис. 10). В дальнейшем (216/217 – 225/226 гг.) изображение «трезубца» вернулось на свое «традиционное» место на аверсе статеров и располагалось справа от бюста царя. Помимо этого, на аверсе встречается дифферент «палица». Рескупорид II чеканил несколько разновидностей медных денариев, которые отличались по типу реверсов. На реверсе одного из типов был изображен царь с палицей и трезубцем в рост (рис. 11) [Анохин, 1986, с. 118–120, 166–168; Фролова, 1997, ч. 2, с. 14–15].

Правление сына Рескупорида Котиса III (227/228 – 234/235 гг.)² было ознаменовано наличием нескольких соправителей. В первую половину своего недолгого царствования Котис III регулярно размещал «трезубец» на аверсе статеров (рис. 12), при этом «палица» на его монетах отсутствует [Анохин, 1986, с. 120–121, 168; Фролова, 1997, ч. 2, с. 20, 215–219; Анохин, 2016, с. 178, таб. XI]. Соправители Котиса Савромат III (229/230 – 231/232 гг.) и Рескупорид III (233/234 – 234/235 гг.) чеканили статеры как с различными дифферентами, так и без оных, однако ни «трезубца», ни «палицы» на них не зафиксировано [Анохин, 1986, с. 120–121, 168–169; Фролова, 1997, ч. 2, с. 222–225; Анохин, 2016, с. 179, таб. XII]. Что помешало им использовать эти присутствующие у всех царей на протяжении полутора веков атрибуты? Возможно, краткосрочность правления. Другой вариант – «трезубец» являлся признаком «старшего» царя, каковым в данном случае, очевидно, являлся Котис III, поэтому его соправители не имели права на использование знака. Следующий царь Боспора имел нетипичное для династии Тибериев Юлиев имя Ининфимей (233/234 – 238/239 гг.). На его статерах «трезубец» отсутствует, однако присутствует «палица» (на реверсе) (рис. 13). На оборотной стороне двойного денария изображен Геракл в кресле с продолговатым предметом, похожим на палицу [Анохин, 1986, с. 121–122, 169; Фролова, 1997, ч. 2, с. 32–35, 226–228; Анохин, 2016, с. 180, таб. XIV].

На протяжении продолжительного и насыщенного бурными событиями правления Рескупорид IV (242/243 – 276/277 гг.) применял при эмиссии статоров несколько дифферентов в разных комбинациях. В первые годы широкое распространение на реверсе статоров получил знак «палица»: 242/243 – 252/253 гг. [Анохин, 2016, с. 181, таб. XV]. С 250/251 по 257/258 г. Рескупорид выпускает статоры с «трезубцем» на реверсе, где он помещен справа от бюста императора (рис. 14). На аверсе наблюдается «меч» или отсутствие дифферента. Одновременно чеканятся статоры с другими дифферентами. С 263/264 г. «трезубец» «перемещается» на аверс и неизменно находится здесь до конца правления (рис. 15). Характерно, что другие дифференты

² Годы правления Котиса III, Савромата III, Рескупорида III и Инифимея приведены по Анохину, 1986 и Фроловой, 1997 с учетом поправок, внесенных С.И. Безугловым [Безуглов, 2015, с. 22–25].

на аверсе более не использовались. Во второй половине правления Рескупорид IV чеканил медные монеты с «трезубцем» на лицевой стороне (рис. 16) [Анохин, 1986, с. 122–126, 170–171; Фролова, 1997, ч. 2, с. 41–51, 67; Анохин, 2016, с. 181–182, таб. XV]. Изображение «трезубца» на монетах младших номиналов наблюдается впервые после столетнего перерыва. Статеры Фарсанза, который, судя по всему, на короткий период стал соправителем Рескупорида (253/4 – 254/255 гг.), не имеют никаких дифферентов на аверсе, на реверсе изображены «точка», «две точки», «звезда» [Анохин, 1986, с. 123, 171; Фролова, 1997, ч. 2, с. 51–52, 279–280]. Статеры Савромата IV (275/276 г.), соправителя Рескупорида, несмотря на краткосрочное правление, распределяются по нескольким типам. Среди них присутствуют статеры с «трезубцем» на аверсе. На реверсе – бюст императора с орлом на сфере (рис. 17) или без дифферентов [Анохин, 1986, с. 124, 171; Фролова, 1997, ч. 2, с. 71–72, 281–283]. Статеры Тейрана, датированные как 266/267 г., так и 275/276 – 278/279 гг., лишены всяческих дополнительных знаков [Анохин, 1986, с. 124, 171–172; Фролова, 1997, ч. 2, с. 73–74, 284–287]. Относительно чеканки Рескупорида IV следует отметить, что «трезубец» преобладал на монетах в наиболее беспокойные периоды его царствования в 250, 260 и 270 гг., насыщенные походами варваров через территорию Боспора и совместными правлениями³. Соправители Фарсанз и Тейран, имевшие нехарактерные для правящей династии имена, не чеканили «трезубец» на своих монетах. Использование Савроматом этого знака на двух типах статеров, возможно, свидетельствует о его принадлежности к Тибериям Юлиам.

Монетное дело Фофорса (285/286 – 309/310 (?) гг.) резко отличается от чеканки предыдущих правителей Боспора. При нем статеры становятся чисто медной монетой. Отныне чеканка разменной медной монеты становится излишней. В первые годы правления Фофорс подобно Тейрану выпускал статеры без каких-либо дифферентов. Впоследствии на лицевой стороне монет эпизодически появляется «трезубец»: с 294/295 по 296/297 г. (рис. 18). Дифферент «палица» отсутствует. На реверсе практически неизменно присутствует знак царской тамги [Анохин, 1986, с. 126–128, 172–173; Фролова, 1997, ч. 2, с. 75–83; Анохин, 2016, с. 183–184, таб. XVI]. Все статеры Радамсада (309/310 – 319/320 (?) гг.) имеют обычный дофофорсовский тип монет. Впервые после почти 60-летнего перерыва на реверс статеров возвращается «палица». Этот дифферент присутствует на всех монетах Радамсада. Вместе с тем «трезубец» отсутствует [Анохин, 1986, с. 128, 173; Фролова, 1997, ч. 2, с. 112–117, 313–322; Анохин, 2016, с. 160]. Общая картина употребления дополнительных знаков царем Боспора Рескупоридом V (318/319 (?) – 336/337 (?) гг.) представляется весьма сложной и запутанной. Многочисленные дифференты использовались в самых разнообразных комбинациях. При этом в случае наличия «трезубец» фигурировал исключительно на аверсе, «палица» периодически изображалась на реверсе.

³ О событиях царствования Рескупорида IV смотрите, например, [Болгов, 1996, с. 26–32; Шаров, 2009, с. 251–281].

родового знака сына Савромата I Котиса II и его прямых потомков. «Палица» и «меч» являются родовыми знаками ветвей династии, происходящих от других сыновей Савромата I: Реметалка и Евпатора соответственно [Анохин, 2016, с. 151; 162–164].

Р.А. и Е.Р. Исанчурины относят палицу и трезубец, наряду с жезлом, к числу связанных с персоной царя символов, атрибутов царской власти. Эти символы отражали представление о божественном происхождении царя и его власти. Исследователи возводят их к палице Геракла и трезубцу Евмолпа. Отмечается, что палица появляется на ободах боспорского царя на рубеже нашей эры, а палица вместе с трезубцем – на ассах Митридата III. Наиболее полно эта эмблематика выражена на двойных денариях Савромата II, где Ника венчает царя, изображенного в образе героя – покровителя земли и моря с палицей Геракла и трезубцем Евмолпа. Эта символика монет была ориентирована на греческую часть населения или, во всяком случае, на людей, знакомых с греческой мифологией. Появление палицы на золотых монетах и исчезновение ее с медных номиналов во второй четверти II в. н.э. объясняется широким распространением при Антонинах официального культа Геракла как покровителя императора. Перемещение палицы с аверса на реверс при Инифимее (от изображения царя к изображению императора) исследователи связывают с тем, что отражение традиционной греческой генеалогии боспорских царей, восходящей к Гераклу и Евмолпу, потеряло актуальность. Вместо символа царской власти палица стала символом императорской доблести и могущества [Исанчурин, Исанчурин, 1989, с. 71–73].

Н.А. Фролова в своей фундаментальной работе «Монетное дело Боспора» не обошла вниманием вопрос о дифферентах [Фролова, 1997, ч. 2, с. 37–39; 156–166]. Исследователь подробно рассмотрела разные типы дополнительных знаков, проследила историю их использования. В различных дифферентах Н.А.Фролова видела символы мифических предков и покровителей боспорских царей греческого и иранского круга, знаки царской власти, обозначения денежных номиналов. Согласно ее мнению изображения палицы и трезубца были призваны символизировать могущество царской власти и связаны с почитанием на Боспоре культа Геракла и Посейдона, потомками которых считали себя боспорские цари [Фролова, 1997, ч. 2, с. 157–158]. Такие дифференты, как копье, скипетр/меч и венок, являлись символами царской власти [Фролова, 1997, ч. 2, с. 158–159]. Изображение шара или сферы и его производных нумизмат связывает с культом Афродиты Урании, которая являлась основной официальной богиней Боспорского царства, дающей власть царям, и с распространенным в иранском мире культом Митры [Фролова, 1997, ч. 2, с. 159–163]. Помимо этого, Н.А. Фролова отметила, что «символы власти – скипетр, трезубец, кадуцей, копье, меч, лук, орел с венком в клюве, сидящий на алтаре или держащий в когтях земной шар, встречающийся в типологии боспорских монет середины II – до 30-х гг. IV в. н.э., присутствуют и в памятниках изобразительного искусства, связанных с культом бога Митры» [Фролова, 1997, ч. 2, с. 163–164].

М.М. Чореф считает дифференты метками различных эмиссионных центров

Панченко В.В. Использование дифферента...

Боспора. В частности, согласно гипотезе исследователя монеты с дифферентом «звезда» были отчеканены на монетном дворе Пантикапея [Чореф, 2012, с. 174–177]. Знаки «палица» и «трезубец» М.М. Чореф атрибутировал как эмиссионные символы монетных дворов эллинских поселений, богами-покровителями которых являлись Посейдон и Геракл. Поскольку в качестве эмблем этих поселений не были использованы буквенные монограммы, они не являлись полисами. Центры, использовавшие «палицу» и «трезубец», представляли собой царские крепости – центры стратегий, служившие опорными пунктами Митридатидов на землях царства, которые находились за пределами Таврики [Чореф, 2012, с. 180–181].

О.Н. Мельников в одной из работ подверг критике устоявшуюся в историографии версию о совместных правлениях на Боспоре римского времени, которая порождает «лишние сущности – сомнительные предположения о «соправлениях» и частые отсюда выводы о «разделении царства»». Наиболее адекватным объяснением синхронных монет с именем более раннего династа он считает версию «о личностной коммеморативности, т.е. посмертной в его честь чеканке, пропагандирующей легитимность и династическую преемственность нового царя» [Мельников, 2014, с. 59]. В этой связи он рассматривает отдельные дифференты. Впрочем, символов «трезубец» и «палица» анализ исследователя не коснулся [Мельников, 2014, с. 59–73].

В 2018 г. В.А. Сидоренко провел тщательный анализ применения различных дифферентов и выступил с идеей об их принадлежности мастерам, ответственным за конкретные эмиссии монет⁴.

Не только нумизматы, но и исследователи сарматских знаков-тамг обращали внимание на изображение трезубца. Э.И. Соломоник отметила присутствие небольшого знака в виде трезубца около портрета на монетах ряда боспорских царей II – IV вв. н.э. Вместе с тем этот знак исследователь отнесла к тем изображениям на монетах, которые не могут считаться именными знаками боспорских царей, так как они совершенно не соответствуют знакам этих царей на каменных плитах и повторяются на монетах различных царей. «По своим очертаниям они отличаются от известных нам причерноморских знаков и скорее представляют собой какие-то специальные значки» [Соломоник, 1959, с. 43].

В.С. Драчук в работе, посвященной знакам Северного Причерноморья, прослеживает историю использования «трезубца» на Боспоре. Он отмечает, что триденс – символ бога Посейдона, известный на Боспоре еще со времен Спартокидов, – являлся символом боспорских правящих династий. Использование триденса в качестве своеобразного царского герба объясняется легендарной генеалогией царей Боспора, якобы происходивших от Геракла и Евмолпа, сына Посейдона. На ранних образцах триденс встречается иногда с дельфином, иногда с палицей Геракла и шкурой льва.

⁴ Доклад был представлен на конференции «XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Традиции и инновации».

В.С. Драчук согласен с Д.Б. Шеловым в том, что главный смысл выпуска золотых спартокидовских статеров с триденсом – «подтверждение права чеканки монет, которым обладали все эллинистические династии и реализация которого была необходима боспорским правителям для утверждения своего царского достоинства». С тех пор всегда, когда цари Боспора желали указать на принадлежность чего-либо правящим боспорским династиям, на их приоритет и т.п., они ставили традиционную эмблему – триденс. Так, например, сделали Митридат III, объявив себя царем вопреки решению Рима, Реметалк, Евпатор во времена ослабления римского влияния и Савромат II, уничтожив все следы зависимости от Рима [Драчук, 1975, с. 62–63]. Согласно мнению исследователя триденсы Боспор использовал для противопоставления Риму [Драчук, 1975, с. 64].

Согласно предположению исследователя сарматизация многих сфер жизни Боспора привела к изменению царской эмблематики – появились новые сложные знаки, которые употреблялись только внутри страны. Эти знаки состояли из двух частей. Нижняя часть знаков (триденс) символизировала правящую династию и являлась общей на всех знаках, а верхняя часть была именным символом, который менялся с переходом по наследству. Не исключено, что сложные царские знаки соединили в один компонент два символа разного происхождения и принадлежности: издавна употреблявшийся символ боспорских династий – триденс и знак сарматского населения Боспора – именную тамгу. На предметах, имеющих международный характер, какими были монеты, цари правящей династии по-прежнему ставили триденс, а не новые именные знаки, «ущемившие» древний герб боспорских правителей [Драчук, 1975, с. 62–63].

Наличие на монетах отдельных царей (Фофорса, Ининфимея и других выходцев из сарматской этнической среды) иных знаков исследователь трактует следующим образом: как только к власти приходили цари, для которых была чужда боспорская символика, забывались триденсы и сложные знаки боспорских царей, по-видимому представляющие собой предполагаемое соединение. Новые цари имели свою родословную и свои эмблемы. [Драчук, 1975, с. 63–64].

Анализ использования трезубца, предпринятый В.С. Драчуком, представляется логичным. При этом необходимо учитывать один нюанс – трезубец никогда не изображался на монетах древком вниз, как он размещен на таблицах [Драчук, 1975, табл. XIII. Рис. 2, 1–16]. На этот факт в свое время обратили внимание другие исследователи [Масленников, 1990, с. 129; Фролова, 1997, ч. 2, с. 158; Яценко, 2001, с. 50].

С.А. Яценко отметил, что при внимательном рассмотрении нижнюю часть упомянутых сложных «царских» знаков невозможно свести к простому искажению трезубца. Так, «боковые отроги» «триденсов» трудно считать лишь результатом длительной и поздней стилизации изображений трезубца. К тому же, по мнению исследователя, В.С. Драчук игнорирует в своей монографии хорошо известные к тому времени аналогии «триденсам» на крайнем востоке иранского мира – в Монголии. Самая большая серия сходных «триденсов» найдена в Юго-Западной

Панченко В.В. Использование дифферента...

Монголии, в скоплениях на р. Цаган-гол на фоне «сакских» петроглифов. При этом в других регионах подобные аналогии практически отсутствуют [Яценко, 2001, с. 50–51].

В свою очередь С.В. Ярцев называет нижнюю часть царских знаков позднесарматским «триденсом» и связывает ее с сармато-иранской династией на Боспоре [Ярцев, 2016, с. 33–34]. Дифференты «трезубец» и «палица» исследователь ассоциирует с мифическими предками боспорских царей – Посейдоном и Гераклом. Принципиальное размещение «трезубца» на аверсе статеров Рескупорида V свидетельствует о том, что в данное время этот знак Посейдона превратился в главный символ царской власти и ее сакральной поддержки [Ярцев, 2016, с. 35–38].

Таким образом, не касаясь сложного и запутанного вопроса о предназначении дифферентов в целом, представляется возможным констатировать, что дополнительные знаки «трезубец» и «палица» так или иначе связаны с культами Посейдона и Геракла. Действительно, на Боспоре издавна чтили обоих персонажей. К эллинистическому периоду относятся надписи, посвященные Гераклу [КБН, 16, 973, 1036]. Со времен Спартокидов, видимо, существовала традиция, возводившая происхождение боспорских царей к Гераклу и сыну Посейдона Евмолпу. Об этом косвенно свидетельствует выпускавшаяся царскими эргастериями в III в. до н.э. кровельная черепица, которая иногда снабжалась клеймами, содержащими эмблемы в виде трезубца и дельфина [Гайдукевич, 1949, с. 55–56]. Культ Посейдона зафиксирован в надписях времени правления Асандра (ок. 49–21 гг. до н.э.) [КБН, 30], а также времени правления Савромата II [КБН, 1134]. Савромат I, сын Рескупорида I, при котором трезубец впервые появился на монетах в качестве дифферента, являлся потомком Посейдона и Геракла [КБН, 1048; Сапрыкин, 2005]. Другие представители династии Тибериев Юлиев также упоминали о своем происхождении от этих богов в ряде эпитафических памятников [КБН, 53, 980].

В свою очередь традиция использования атрибутов Посейдона и Геракла на монетах правителей Боспора имеет глубокие корни. Трезубец фигурирует на золотом статере архонта Гигиэнонта (ок. 215–205 гг. до н.э.). Он размещен на оборотной стороне под изображением сидящей Афины в сопровождении двух дельфинов (рис. 20) [Шелов, 1956, с. 184; Анохин, 1999, с. 89–90]. Во II в. до н.э. аналогичные изображения зафиксированы на реверсах статеров царей династии Спартокидов, носивших имя Перисад (рис. 21) [Шелов, 1956, с. 187–189; Анохин, 1999, с. 94–99]. Трезубец изображен горизонтально под вертикально стоящим горитом на реверсе серебряной дидрахмы Спартока V (ок. 205 – 185 гг. до н.э.) (рис. 22) [Анохин, 1999, с. 93]. Трезубец присутствует на серебряной монете Перисада IV (ок. 155 – 125 гг. до н.э.) [Анохин, 1999, с. 96–97] и на медном дихалке Перисада V (ок. 125 – 109 гг. до н.э.) (рис. 23). На медных оболах Пантикапея и Фанагории времен Митридата Евпатора на аверсе изображена голова Посейдона вправо, слева трезубец. Предположительно монеты относятся к 109–95 гг. до н.э. (рис. 24). На реверсе оболы Асандра трезубец изображен справа от проры (рис. 25). Судя по титулу архонта, который размещен

над пророй, скорее всего, эта монета относится к первым годам правления Асандра [Анохин, 1986, с. 79; Анохин, 2011, с. 188].

Трезубец и палица хорошо известны в типологии монет Боспора римского периода. Среди медных монет конца I в. до н.э. – начала I в. н.э. с монограммой ВАЕ существует несколько типов, имеющих отношение к культу обоих богов: 1) дельфин и трезубец на аверсе (рис. 26), 2), голова Геракла на аверсе и палица с наброшенной на нее львиной шкурой на реверсе, 3) бюст Посейдона и трезубец на аверсе (рис. 27) [Фролова, 1997, ч. 1, с. 42–46]. На реверсе ассариев Митридата III (ок. 39/40 – 44/45 гг. н.э.) изображены палица с наброшенной на нее львиной шкурой, лук с колчаном и трезубец (рис. 28) [Анохин, 1986, с. 96–97, с. 151]. Митридат III известен тем, что проводил независимую от Рима политику и включил в свою титулатуру уникальный эпитет «филопатрид» (любящий отечество) [Функ, 1992, с. 87–88]. Представляется характерным, что эти символы напрочь отсутствовали на монетах Котиса I (45/46 – 68/69 (?) гг.), правление которого было пропитано сервилизмом по отношению к Риму. На золотых статерах отсутствует не только изображение царя, но и его полное имя, вместо этого оно зашифровано в монограмму. На некоторых сериях медных монет Котис чеканил собственный портрет, но имя опять-таки скрывал в монограмме [Анохин, 1986, с. 97–99, 151–152]. Впоследствии, как было указано выше, символику обоих богов активно использовали Савромат II и Рескупорид II в своих медных чеканках.

Использование различных атрибутов Евмолпа, сына Посейдона, и Геракла имеет глубокую традицию в монетном деле Боспора. В этом контексте представляется закономерным применение «трезубца» и «палицы» в качестве собственно дополнительных знаков, которое наблюдается на протяжении трехсот лет [Исанчурин, Исанчурин, 1989, с. 72]. С течением времени использование дифферентов претерпело существенные изменения, одни из которых поддаются объяснению, другие нет. Вначале они появились на медных монетах, относительно изображения на которых цари Боспора пользовались большей свободой маневра, нежели относительно изображения на статерах. По истечении некоторого времени дифференты «переместились» на золотые монеты. В первые десятилетия дифференты использовались совместно – по сторонам царского бюста (медные монеты Рескупорида I, Савромата I и Котиса II). Постепенно они «зажили раздельной жизнью». В течение первых ста лет использования, вплоть до правления Евпатора, «трезубец» и «палица» размещались на аверсе статеров и медных монет, в последующем они стали периодически изображаться на реверсе. Начиная с Рескупорида IV и до правления Рескупорида V включительно «трезубец» в случае использования чеканился исключительно на аверсе, «палица» – на реверсе.

Подводя итоги, можно заключить, что трезубец в различных комбинациях периодически присутствует на монетах Боспора с конца III в. до н.э. Вероятно, первоначально он являлся одним из символов правителей царства, причем вне зависимости от их происхождения (Гигиэонт, Спартокиды, правители I в. до н.э., в т.ч. Асандр).

Панченко В.В. Использование дифферента...

Трезубец имел полную длину. Начиная с конца I в. н.э. «трезубец» уже в качестве дифферента чеканится на монетах практически всех царей Боспора, которые носили типичные для Тибериев Юлиев имена. Вместе с тем он отсутствует у тех правителей, принадлежность которых к этой династии вызывает сомнения (Ининфимей, Фарсанз, Тейран, Радамсад). В качестве исключения знак эпизодически присутствует на статерах Фофорса, который известен в истории рядом нововведений в монетном деле. Этот факт позволяет склониться к суждению о том, что на протяжении I – IV вв. н.э. «трезубец» прежде всего являлся символом правящей династии Тибериев Юлиев, а не правителей Боспора вообще. Менее однозначная картина наблюдается с «палицей». Изображение этого знака зафиксировано практически у всех представителей законной династии и отсутствует у Фарсанза, Тейрана и Фофорса. Зато «палица» присутствует на регулярной основе на монетах Ининфимея и Радамсада. Дополнительно можно отметить «трезубец» как атрибут Посейдона и «палицу» в качестве атрибута Геракла, могли быть ориентированы на эллинизированное население полисов [Исанчурина, Исанчурина, 1989, с. 72], на которое в значительной мере опирались представители Тибериев Юлиев. Подобное толкование назначения дифферента, впрочем, не исключает наличия у него иных функций на протяжении различных периодов истории Боспора.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 184 с.
- Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев: ООО «Одигитрия», 1999. 250 с.
- Анохин В.А. Античные монеты Северного Причерноморья: Каталог. Киев: ИД «Стилос», 2011. 328 с.
- Анохин В.А. Монеты Северного Причерноморья и царей Колхиды. Киев: ИД «Стилос», 2016. 280 с.
- Безуглов С.И. К династической истории Боспора в III в. н.э. // XVI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015. С. 22–25.
- Бертье-Делагард А.Л. Дифференты на боспорских царских монетах римского времени. Москва: Моск. синод. тип., 1911. 26 с.
- Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Белгород: Издательство Белгородского государственного университета, 1996. 180 с.
- Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1949. 624 с.
- Голенко К.В., Сокольский Н.И. Клад 1962 г. из Кеп // Нумизматика и эпиграфика. 1968. Т. 7. С. 72–126.
- Голенко К.В. Третий Патрэйский клад (1970 г.) и некоторые замечания о боспорской монетной чеканке III в.н.э. // Нумизматика и эпиграфика. 1978. Т. 12. С. 10–40.
- Драчук В.С. Система знаков Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1975. 224 с.
- Завойкина Н.В. Царь Аспург, он же Рескупорид I, или Реметалк? Источники и гипотезы // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 160–166.
- Зограф А.Н. Античные монеты. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1951. 264 с.
- Исанчурина Р.А., Исанчурина Е.Р. Монетное дело боспорского царя Радамсада // Нумизматика и эпиграфика. 1989. Т.15. С. 53–96.
- Корпус боспорских надписей. М.-Л.: Издательство «Наука», 1965. 952 с.
- Масленников А.А. Население Боспора в первых веках нашей эры. М.: Наука, 1990. 230 с.
- Мельников О.Н. Коммеморативность и соправительство в нумизматике Боспора этапа поздней империи

Боспорские исследования, вып. XL

- (210 – 341/342 гг.) // Записки отдела нумизматики и торевтики Одесского археологического музея. 2014. Вып. II. С. 59–73.
- Сайт «Монеты Боспора». URL: <http://bosporan-kingdom.com/> Дата обращения: 03.12.2019.
- Сапрыкин С.Ю. Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II вв. н.э. // ВДИ. 2005. № 2. С. 45–81.
- Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев: Издательство АН УССР, 1959. 180 с.
- Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.). Часть I. Монетное дело Боспора 49/48 г. до н.э. – 210/211 г. н.э. М.: Эдиториал УРСС, 1997а. 448 с.
- Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.). Часть II. Монетное дело Боспора 211 – 341/342 гг. н.э. М.: Эдиториал УРСС, 1997б. 536 с.
- Функ Б. Проримская ориентация в титулатуре боспорских царей // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб, 1992. С. 74–93.
- Чорев М.М. «Non multa, sed multum», или дифференцы на монетах Боспорского царства периода «скифских войн» как исторический источник // Stratum plus. 2012. № 4. С. 71–200.
- Шаров О.В. Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеимперскую эпоху (середина II – середина IV вв. н.э.). Дисс. док. истор. наук. СПб, 2009. 571 с.
- Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М.: Издательство АН СССР, 1956. 232 с.
- Яценко С.А. Знаки тамги ираноязычных народов древности и раннего Средневековья. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 190 с.
- Ярцев С.В. Сармато-иранская династия на Боспоре // Кондаковские чтения – V. Античность – Византия – Древняя Русь: сборник материалов международной научной конференции. Белгород, 2016. С. 26–38.

REFERENCES

- Anokhin V. A. *Monetnoe delo Bospora*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1986, 184 p.
- Anokhin V.A. *Istoriia Bospora Kimmeriiskogo*. Kiev, Odigitriia Publ., 1999, 250 p.
- Anokhin V.A. *Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ia: Katalog*. Kiev, Stilos Publ., 2011, 328 p.
- Anokhin V.A. *Monety Severnogo Prichernomor'ia i tsarei Kolkhidy*. Kiev, Stilos Publ., 2016, 280 p.
- Bert'e-Delagard A.L. *Differenty na bosporskikh tsarskikh monetakh rimskogo vremeni*. Moskva, Mosk. sinod. Publ., 1911, 26 p.
- Bezuglov S.I. K dinasticheskoj istorii Bospora v III v. n.e. *XVI Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Geograficheskaja sreda i sotsium*. Kerch', 2015, pp. 22–25.
- Bolgov N.N. *Zakat antichnogo Bospora*. Belgorod, Belgorod State University Publ., 1996. 180 p.
- Choref M.M. «Non multa, sed multum», ili differenty na monetakh Bosporskogo tsarstva perioda «skifskikh vojn» kak istoricheskii istochnik. *Stratum plus*, 2012, № 4, pp. 171–200.
- Drachuk V.S. *Sistema znakov Severnogo Prichernomor'ia*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1975, 224 p.
- Frolova N.A. *Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n.e. – seredina IV v. n.e.). Vol. I. Monetnoe delo Bospora 49/48 g. do n.e. – 210/211 g. n.e.* Moscow, Editorial URSS Publ., 1997a. 448 p.
- Frolova N.A. *Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n.e. – seredina IV v. n.e.). Vol. I. II. Monetnoe delo Bospora 211 – 341/342 gg. n.e.* Moscow, Editorial URSS Publ., 536 p.
- Funk B. *Prorimskaia orientatsiia v titulature bosporskikh tsarei. Etiudy po antichnoi istorii i kul'ture Severnogo Prichernomor'ia*. St. Petersburg, 1992. pp. 74–93.
- Gaidukevich V.F. *Bosporskoe tsarstvo*. Moscow-Leningrad, AN SSSR Publ., 1949, 624 p.
- Golenko K. V., Sokol'skii N. I. Klad 1962 g. iz Kep. *Numizmatika i epigrafika*, 1968, vol. 7, pp. 72–126.
- Golenko K.V. Tretii Patreiskii klad (1970 g.) i nekotorye zamechaniia o bosporskoj monetnoi chekanke III v. n.e. *Numizmatika i epigrafika*, 1978, vol. 12, pp. 10–40.
- Iatsenko S.A. *Znaki tamgi iranoiazыchnykh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ia*. Moscow, Vostochnaia literatura RAN Publ., 2001, 190 p.

Панченко В.В. Использование дифферента...

- Iartsev S.V. Sarmato-iranskaia dinastiia na Bospore. *V Kondakovskie chteniia. Antichnost' – Vizantiia – Drevniaia Rus': sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Belgorod, 2016, pp. 26–38.
- Isanchurin R.A., Isanchurin E.R. Monetnoe delo bosporskogo tsaria Radamsada. *Numizmatika i epigrafika*, 1989, vol.15, pp. 53–96.
- Korpus bosporskikh nadpisei*. Moscow-Leningrad, Nauka Publ., 1965, 952 p.
- Maslennikov A.A. *Naselenie Bospora v pervykh vekakh nashei ery*. Moscow, Nauka Publ., 1990, 230 p.
- Mel'nikov O.N. Kommemorativnost' i upravitel'stvo v numizmatike Bospora etapa pozdnei imperii (210 – 341/342 gg.). *Zapiski otdela numizmatiki i torevtiki Odesskogo arheologicheskogo muzeia*, 2014, vol. II, pp. 59–73.
- Saprykin S.Iu. Enkomii iz Pantikapeia i polozhenie Bosporskogo tsarstva v kontse I – nachale II vv. n.e. *Vestnik drevnei istorii*, 2005, № 2, pp. 45–81.
- Sharov O.V. *Bospor i varvarkii mir Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy v pozdnerimskuiu epokhu (seredina II – seredina IV vv. n.e.)*. Diss. of dok. istor. nauk. St. Petersburg, 2009, 571 p.
- Shelov D.B. *Monetnoe delo Bospora VI–II vv. do n.e.* Moscow, AN SSSR Publ., 1956, 232 p. Site «Monety Bospora». Available at: <http://bosporan-kingdom.com/> (accessed: 03.12.2019).
- Solomonik E.I. *Sarmatskie znaki Severnogo Prichernomor'ia*. Kiev, AN SSSR Publ., 1959, 180 p.
- Zavoikina N.V. Tsar' Aspurg, on zhe Reskuporid I ili Remetalk? Istochniki i gipotezy. *XVII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Issledovateli i issledovaniia*. Kerch', 2016, pp. 160–166.
- Zograf A. N. *Antichnye monety*. Moscow-Leningrad, AN SSSR Publ., 1951, 264 p.

Резюме

Статья посвящена дифференту «трезубец», который получил широкое распространение в монетном деле Боспора I – IV вв. н.э. Дан краткий обзор использования этого знака на боспорских монетах различного номинала. Рассмотрены основные концепции, посвященные дифферентам.

Отмечено, что трезубец в различных комбинациях периодически присутствует на монетах Боспора с конца III в. до н.э. Вероятно, первоначально он являлся одним из символов правителей царства, причем вне зависимости от их происхождения (Гигиэнонт, Спартокиды, правители I в. до н.э., в т.ч. Асандр). Трезубец имел полную длину. Начиная с конца I в. н.э. «трезубец» уже в качестве дифферента чеканится на монетах практически всех царей Боспора, которые носили типичные для Тибериев Юлиев имена. Вместе с тем он отсутствует у тех правителей, принадлежность которых к этой династии вызывает сомнения (Инифимей, Фарсанз, Тейран, Радамсад). Этот факт позволяет склониться к суждению о том, что на протяжении I – IV вв. н.э. «трезубец» прежде всего являлся символом правящей династии Тибериев Юлиев, а не правителей Боспора вообще.

Ключевые слова: Боспор, дифферент, трезубец, монетное дело, статер.

Summary

The article is devoted to the different “trident”, which was widely used in the coinage of the Bosporus of the 1st - 4th centuries AD. A brief overview of the use of this sign on Bosporus coins of various denominations is given. The basic conceptions of differents are considered.

It is noted that the trident in various combinations is periodically present on the coins of the Bosporus from the end of the 3rd century BC. Probably, initially it was one of the symbols of the rulers of the kingdom without depending on their origin (Hygienont, Spartokids, rulers of the 1st century BC, including Asander). The trident had full length. Starting from the end of the 1st century

Боспорские исследования, вып. XL

AD, the different “trident” had been minted on the coins of almost all the Bosphorus kings, who bore the names typical of Tiberii Yulii. However, it is absent on coins of those rulers whose membership in this dynasty is in doubt (Ininfimey, Farsanz, Teyran, Radamsad). This fact allows us to incline to the judgment that during the 1st - 4th centuries AD the «trident» was primarily a symbol of the ruling dynasty of Tiberii Yulii, and not the rulers of the Bosphorus in general.

Key words: Bosphorus, different, trident, coinage, stater.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Панченко Вадим Владимирович,
научный сотрудник Отдела междисциплинарных исследований,
ФГБУК ГИАМЗ «Херсонес Таврический» (Севастополь).
vad_panchenko@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Panchenko Vadim Vladimirovich,
Researcher at the Department of Interdisciplinary Studies,
State Historical-archeological Museum-reserve «Tauric Chersonesos» (Sebastopol).
vad_panchenko@mail.ru

Рис. 1. Сестерций Рескупорида I (<https://bosporan-kingdom.com/385-4258/2.html>)

Рис. 2. Статер Савромата I 108/109 г. н.э. (<https://bosporan-kingdom.com/399-4807/>)

Рис. 6. Сестерций Реметалка с трезубцем и палицей (<https://bosporan-kingdom.com/525-4580/1.html>)

Рис. 7. Сестерций Евпатора (<https://bosporan-kingdom.com/548-4377/>)

Рис. 8. Статер Савромата II с трезубцем, 196/197 г. н.э. (<https://bosporan-kingdom.com/574-4364/5.html>)

Рис. 9. Двойной денарий Савромата II (<https://bosporan-kingdom.com/604-4025/>)

Рис. 10. Статер Рескупорида II, 212/213 г. н.э. (<https://bosporan-kingdom.com/629-4284/>)

Рис. 11. Денарий Рескупорида II (<https://bosporan-kingdom.com/651-4490/3.html>)

Рис. 12. Статер Котиса III, 229/230 г. н.э. (<https://bosporan-kingdom.com/656-4304/12.html>)

Рис. 13. Статер Ининфимея, 237/238 г. н.э. (<https://bosporan-kingdom.com/676-4339/>)

Рис. 14. Статер Рескупорида IV, 255/256 г. н.э. (<https://bosporan-kingdom.com/703-4601/14.html>)

Рис. 15. Статер Рескупорида IV, 266/267 г. н.э. (<https://bosporan-kingdom.com/714-4064/57.html>)

Рис. 16. Денарий Рескупорида IV (<https://bosporan-kingdom.com/721-4394/12.html>)

Рис. 17. Статер Савромата IV, 275/276 г. н.э. (<https://bosporan-kingdom.com/725-4738/1.html>)

Рис. 18. Статер Фофорса, 294/295 г. н.э. (<https://bosporan-kingdom.com/739-4642/1.html>)

Рис. 19. Статер Рескупорида V, 327/328 г. н.э. (<https://bosporan-kingdom.com/773-4809/1.html>)

Рис. 20. Статер Гигиэнонта (<https://bosporan-kingdom.com/148-3173/>)

Рис. 24. Обол Фанагории времен Митридата Евпатора (<https://bosporan-kingdom.com/000-3172/1.html>).

Рис. 25. Обол архонта Асандра, 50/49-48/47 гг. до н.э. (<https://bosporan-kingdom.com/224-3093/16.html>)

Рис. 26. Дельфин и трезубец на аверсе и монограмма ВАЕ на реверсе (<https://bosporan-kingdom.com/258-4016/12.html>)

Рис. 27. Посейдон и трезубец на аверсе и монограмма ВАЕ с дельфином на реверсе (<https://bosporan-kingdom.com/279-4022/19.html>)

Рис. 28. Ассарий Митридата III (<https://bosporan-kingdom.com/330-4060/19.html>)

В.Г. ЗУБАРЕВ, С.В. ЯРЦЕВ, С.Л. СМЕКАЛОВ
V.G. ZUBAREV, S.V. YARTSEV, S.L. SMEKALOV

**ОСОБЕННОСТИ ПЛАНИРОВКИ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ
ОСВОЕНИЯ ВОСТОЧНОГО УЧАСТКА ГОРОДИЩА БЕЛИНСКОЕ**
**FEATURES OF PLANNING AND THE BASIC STAGES OF
DEVELOPMENT OF THE EASTERN PLOT OF THE HILLFORT
BELINSKOE**

Со времени опубликования обобщающей статьи, посвящённой планировке и основным этапам застройки городища Белинское, прошло шесть лет [Зубарев, Седых, с. 250–274]. На тот момент в восточной части городища (раскоп «Восточный») был исследован (да и то не в полном объёме) лишь небольшой участок площадью 75 кв.м. В работе 2013 года мы преимущественно опирались на данные раскопок других участков городища, в первую очередь северного, южного и западного раскопов. Предлагаемая статья призвана дополнить эти сведения.

Восточный участок городища Белинское представляет собой выступающий в сторону Аджиэльской балки мыс, резко обрывающийся по склону с восточной, юго-восточной и южной стороны (рис. 1). Он выше по уровню, чем северная и северо-западная части плато, но ниже, чем южная и юго-западная. Участок серьёзно пострадал в годы Великой Отечественной войны. Дневная поверхность нарушена воронками от разрывов снарядов и следами оборонительных земляных сооружений. Возможно, часть плато по южной границе раскопа и к западу от него полностью разрушена как в ходе военных действий, так и в результате разработки жёлтого ракушечника (следы его добычи прослеживаются по обрыву).

Жёлтый ракушечник является основой материковой скальной поверхности. Низменные участки, расщелины и впадины заполнены предматериковым суглинком и глиной. Древняя дневная поверхность здесь была относительно плоской и имела небольшой уклон к северу и северо-западу, что совпадает с общим понижением плато, на котором расположено городище (рис. 2).

Общая площадь исследованного участка в восточной части городища составила 620 кв.м. Максимальная мощность культурного слоя здесь 1,95 м. Минимальная мощность культурного слоя (0,3 м) прослеживается в южной и восточной частях раскопа по склону плато. Стратиграфия раскопа «Восточный» аналогична системе культурных напластований на других участках городища (рис. 3):

- слой первой четверти II в. н. э. – середины – третьей четверти III в. н. э. – преимущественно серо-коричневый суглинок толщиной до 0,2 м.
- слой последней четверти III в. н. э. – середины IV в. н. э. – жёлто-коричневый суглинок, местами с включениями золы и щебня толщиной до 0,5 м.

- слой третьей четверти IV в. н. э. – первой половины V в. н. э. – преимущественно золистая супесь с щебнем толщиной до 0,4 м.

Особенностью стратиграфии является наличие пласта, связанного с салтовским временем (IX – первая половина X вв.), и слоя жёлтого суглинка, насыщенного изделиями из кремня. Слой жёлтого предматерикового суглинка на большей части раскопа либо стерилен, либо практически уничтожен в ходе нивелировочных работ. Лишь в юго-западном углу раскопа на площади чуть больше 150 кв.м. в нём присутствуют изделия из кремня и фрагменты керамики неолитического облика (рис. 4).

К числу общих особенностей стратиграфии раскопа «Восточный» следует также отнести наличие в центральной части раскопа большого количества ям салтовского времени, которые прорезают практически все предшествующие слои и зачастую впущены в горловины античных ям.

Самое раннее появление человека на этом участке плато, по-видимому, следует отнести к эпохе камня. Изделия из кремня (более 80 единиц) сконцентрированы в слое жёлтого суглинка, по структуре аналогичного предматериковому суглинку. Большинство их обнаружено на глубине от 1,9 до 1,95 м от уровня дневной поверхности. Самую многочисленную группу изделий из кремня составляют отщепы и пластины. Прочие предметы представлены нуклеусами, скребками, обломками кремневых ножей, наконечников и просто обломками кремня, в том числе со следами термической обработки (рис. 5). Датируется материал временем как минимум от эпохи мустье до ранней бронзы¹. Встречается и небольшое количество керамики эпохи неолита (рис. 6).

Слой жёлтого суглинка по большей части нарушен в период Античности. В первую очередь это связано с использованием грунта при нивелировочных работах в этой части городища. Анализ керамического материала античного времени из слоя жёлтого суглинка позволяет отнести время формирования нивелировочного слоя в восточной части городища ко II – середине–третьей четверти III в. н. э. К этому же времени относится и часть хозяйственных ям, прорезающих слой суглинка. Тем не менее часть грунта осталась нетронутой, что свидетельствует в пользу локализации многослойной стоянки эпохи каменного века и ранней бронзы именно в этой части городища.

Поселение периода поздней бронзы располагалось в южной части городища, занимая южный мыс плато [Зубарев, Ярцев, с. 60–64]. Вероятно, оно не было связано с более ранними следами жизнедеятельности человека на восточном участке, следующий этап освоения которого относится к римскому и позднеантичному периодам. Впрочем, следует отметить, что среди находок присутствует известное количество фрагментов керамики (преимущественно амфор) эллинистического времени, однако до сих пор культурного слоя этого времени на городище выявлено

¹ Определение изделий из кремня и их датировка проведены К.Н. Гавриловым и М.Г. Жилиным (ИА РАН) в 2016–2017 гг.

не было. Известные в урочище Аджиэль селища IV–III вв. до н.э. расположены к востоку и югу от городища в низинах между возвышенностями.

К 2019 году на восточном участке городища были выявлены и исследованы многочисленные объекты, связанные с античными слоями. К их числу относятся остатки 11 помещений, остатки фундаментов 25 стен, участки двух улиц, несколько вымосток, 4 каменных круглых сооружения и 34 хозяйственные ямы.

Начальный период истории античного городища в восточной части плато представлен крайне фрагментарно. Здесь не выявлены остатки каких-либо фортификационных сооружений (возможно, они были разрушены в период BOB). Однако остатки фундамента прямоугольного в плане здания казарменного типа, вытянутого в сторону обрыва по южной части плато (рис. 7), и остатки покрытия двух улиц (рис. 8) указывают на общность планировки с северным участком городища, где фортификационные сооружения сохранились гораздо лучше. Кроме того, в 2019 году после разбора мощного каменного завала удалось зафиксировать остатки угла раннего помещения в северо-западной части раскопа (рис. 9). Характер кладки на слегка выступающем цоколе идентичен ранним постройкам на других участках городища. Возможно, также с начальным периодом в истории античного городища связаны отдельные хозяйственные ямы. Во всяком случае, материал из грунта заполнения этих ям не выходит за середину III в. н.э.

После варварских походов середины – третьей четверти III в. н.э. ситуация в восточной части городища меняется значительно в большей степени, чем на других исследованных участках городища. Прежде всего отметим, что практически ни одна постройка предыдущего периода здесь не была восстановлена в полном объеме. Часть из них вообще была разобрана. Центральное место заняла конструкция, состоящая из двух помещений (помещение № 55 и 56), одно из которых (круглое в плане) построено над естественной расщелиной в материковой скале, а другое имело в центральной части алтарь или жертвенник (рис. 10).

Помещение № 55. Остатки фундамента образующей помещение стены № 151 были выявлены в северной части квадрата № 16 и на большей части квадрата № 21 под слоем золы (золяника). Помещение имеет круглую в плане форму. Его площадь внутри ограничивающей стены № 151 составляет 23,75 кв. м.

Помещение № 56. Надстроенная в салтовский период часть фундаментов стен № 158 и 161, ограничивающих помещение № 56 (квадраты № 22 и 24), была выявлена под дерновым покрытием в слое темно-серой супеси в 2015 году. В 2018 году надстройки были разобраны, а сохранившиеся остатки кладок античного времени зачищены. Две другие стены, № 151 и 162, образующие помещение № 56, были обнаружены в 2018 году в слое желто-коричневого суглинка. Помещение имеет подпрямоугольную в плане форму и вплотную пристроено с северо-западной стороны к стене 151, ограничивавшей помещение № 55. Ориентировано по оси северо-запад – юго-восток. Площадь помещения внутри ограничивающих его стен составляет 15,9 кв. м.

Полученный в результате раскопок материал позволяет отнести время функционирования комплекса помещений к первой четверти IV в. н.э. на основании явного доминирования среди амфорного материала амфор типа Делакеу, а также найденного в 2019 году на уровне материковой скалы внутри помещения статера Рескупорида VI 320-321 гг.

Как мы уже неоднократно отмечали, даже самый незначительный фрагмент амфор типа «Делакеу» в культурном горизонте, предшествующем разрушению периода варварских походов, до сих пор не обнаружен. Нет их и в хорошо фиксируемых слоях разрушений на городище периода этих походов. Более того, количество фрагментов амфор этого типа в слое, связанном с восстановительными работами на городище, т.е. в слое последней четверти III в. н.э., крайне незначительно. В то же время в слое разрушения рубежа первой-второй четверти IV в. н.э. они доминируют (до 60 % от общего числа амфорного материала). С другой стороны, в слое, перекрывающем разрушения первой-второй четверти IV в. н.э., количество фрагментов амфор с аналогичными морфологическими признаками, в первую очередь венчика (в сечении он приближается к четырёхугольнику), резко сокращается [Зубарев, 2005, с. 82]. Развалы именно таких амфор были обнаружены зафиксированными *in situ* на момент гибели постройки в другом помещении этого времени в непосредственной близости от рассматриваемого комплекса [Зубарев, Шапцев, с. 190–196].

Функциональное назначение исследованных помещений однозначно пока определить нельзя. Возможны две версии: хозяйственная или культовая. В пользу первой версии говорит доминирование среди найденных археологических находок обломков тарной посуды, большое количество изделий из стенок амфор, одна из интерпретаций которых определяет их в качестве пробок, наличие вблизи хозяйственных ям того же времени, наконец отсутствие в обоих помещениях отопления. В пользу второй версии говорит наличие в помещении № 56 алтаря, находки по соседству с комплексом культовых предметов (переносного алтаря, жертвенника) и характер зольника, сформированного над помещением № 55. Кроме того, следует отметить нахождение в непосредственной близости от этих помещений (в восточной части раскопа «Восточный») так называемых каменных кругов, интерпретируемых как культовые сооружения (ближайшие аналоги на некрополе Илурата [Ханутина, Хршановский, 2003, с. 317–318]) (рис. 11).

Ещё несколько помещений античного времени удалось расчистить в 2019 году в северо-западной части раскопа в ходе разбора каменного завала (рис. 12). Этот участок был сильно повреждён в результате интенсивного хозяйственного использования в салтовский период. Практически нигде культурный слой античного времени не сохранился неповрежденным, поэтому отнесение строительных остатков к тому или иному периоду является предварительным и носит условный характер.

Прежде всего к этому периоду можно отнести остатки фундамента стены

№ 169 (рис. 13). Помещение, которое ограничивала эта стена, на исследованном участке полностью разрушено более поздними постройками. Однако то обстоятельство, что стена образует явный полукруг, уходящий в северный борт, позволяет предположить, что мы имеем дело с остатками круглого сооружения, аналогичного помещению № 55 и синхронному ему по времени. На это указывает и аналогичный характер кладки, и обнаруженные поблизости хорошо обработанные строительные блоки, подобные тем, что присутствуют в кладке стены № 151, ограничивающей помещение № 55.

Ещё два помещения (№ 58 и № 60), составлявшие, возможно, одно здание, относятся, скорее всего, к третьему строительному периоду. С одной стороны основания образующих их стен расположены выше остатков фундамента стены № 169. С другой – основание фундамента одной из стен, ограничивающих помещение № 58, сложено из крупных необработанных или слегка подтесанных плоских плит белого известняка (рис. 14). Такие конструкции известны на северном участке городища, где они датируются третьей четвертью IV – серединой V вв. н.э. Оба помещения исследованы в 2019 году частично (20,76 кв. м и 11,26 кв. м соответственно). Неисследованные участки уходят в северный и западный борта раскопа.

Говоря об остатках строительных конструкций, следует упомянуть также о результатах, полученных при выполнении магниторазведки на восточном участке городища в 2008–2009 гг. до начала раскопок (рис. 15,а). При первоначальном анализе карты аномалий индукции магнитного поля [Зубарев, Смекалов, 2010, с. 236] мы выделяли отрицательные аномалии как возможные остатки строений и линейные положительные аномалии как возможные улицы, покрытые золистым грунтом. Явные линейные структуры на магнитной карте в области раскопа на восточном участке отсутствуют, а имеющиеся аномалии носят сложную форму и, вероятно, связаны с завалами камней на месте разрушенных стен.

Сопоставление с результатами раскопок дало возможность связать часть имеющихся аномалий с обнаруженными строительными конструкциями (рис. 15,а,б). На рис. 15,а обозначены некоторые отрицательные аномалии и некоторые границы зон положительных и отрицательных аномалий.

Отрицательным аномалиям соответствуют стены, развалами верхних частей которых, вероятно, и вызваны аномалии. Граничным зонам соответствуют граничные зоны, разрывы в структуре раскопанных объектов (рис. 15,б). Для некоторых аномалий сложно указать однозначно их источники. По-видимому, для отрицательных аномалий это завалы камней, смещенные от фундаментов, вымостки, а для положительных аномалий по большей части – заплывшие воронки или золистый грунт. Для выявления источников всех аномалий необходимо было проведение повторных измерений магнитного поля после снятия каждого слоя, что существенно замедлило бы ход раскопок.

Общим моментом с другими исследованными участками городища является существенное увеличение во второй и третий периоды количества хозяйственных

ям. Конструкция этих ям однотипна. Устье, впущенное в слои, перекрывающие материковую скалу, как правило, имело каменную обкладку. Горловина ямы также чаще всего в обкладке (рис. 16). Основная часть ямы грушевидной формы вырублена в скале. Крошка жёлтого ракушечника из вырубки ям использовалась здесь же для выравнивания поверхности и укрепления с внешней стороны устьев ям. Наибольшей мощности слой крошки жёлтого ракушечника достигает именно вблизи хозяйственных ям.

Следующим объектом, который привлекает внимание на восточном участке городища, является зольник. Исследование зольника (слоя золы) началось в 2013 году. В 2015 – 2018 годах работы были продолжены в западной части раскопа «Восточный». Здесь наиболее мощные слои фиксируются над помещением № 55. Этот участок являлся, судя по всему, центром зольника. Общая площадь распространения слоя золы – более 275 кв. м. Верхняя граница слоя золы отстоит от дневной поверхности на 0,15–0,3 м. На отдельных участках он начинается сразу под дерновым покрытием. Нижняя граница колеблется в пределах 0,5–1,3 м.

Структура зольника типична: это преимущественно рыхлый грунт с большим содержанием золы, раковин мидий, виноградной улитки и мелких обломков камней. Встречается небольшое количество фрагментов древесного угля и пещины. Материал из зольника представлен преимущественно фрагментами керамических изделий (тарная, гончарная столовая, краснолаковая и лепная посуда).

Анализ археологических предметов, выявленных в ходе исследования зольника, позволяет уточнить время его образования и функционирования. Подавляющее большинство артефактов происходит из центральной части зольника. Здесь слой золы перекрывает остатки комплекса помещений № 55-56 и не затронут перекопами салтовского периода. Начало его функционирования не может быть отнесено ранее чем ко второй четверти IV в. н.э., прекращение связано с концом жизнедеятельности на городище к середине V в. н.э. Это подтверждается как стратиграфическим горизонтом, занимаемым зольником, так и выявленным в нём материалом (амфоры типа Е по Д.Б. Шелову и стеклянные сосуды с синими каплевидными включениями). Единичная более ранняя примесь общей картины не нарушает. Следует также отметить, что зольник этого времени был исследован и в северной части городища.

Расположение зольника над предположительно культовыми объектами, возможно, свидетельствует также в пользу его сакрального характера. Косвенным подтверждением тому может служить и заполнение ямы № 158.

Яма была выявлена в 2018 году на глубине 0,6 м от дневной поверхности в зольнике. Форма ямы грушевидная в разрезе. Верхняя часть ямы впущена в слой золы, нижняя прорезает слой жёлтого суглинки. Дно ямы вырублено в скале. Горловина и стенки ямы не укреплены, что свидетельствует о разовом её использовании. Диаметр горловины – 0,5 м. Диаметр дна – 0,77 м. Глубина – 0,8 м. Дно плоское. Соединение со стенками слегка закруглено.

Грунт заполнения ямы однороден – рыхлая зола, частично напоминающая серый пепел, с фрагментами печины и мелкими кусками горелого ракушечника. На глубине 0,4-0,55 м от горловины ямы выявлены 18 компактно сложенных фрагментов печины. Материал из грунта заполнения располагался в нём неравномерно. Все отдельные фрагменты керамики, попавшие в яму при её засыпке, выявлены выше закладки из печины. Это ножка светлоглиняной амфоры с воронкообразным горлом второй половины IV – начала V вв. н.э. и ручка лепного сосуда. Ниже печины, на глубине 0,7 м от горловины, обнаружен развал амфоры типа 99 по И.Б. Зеест со сбитыми профилированными частями. Под ним по центру на глубине 0,8 м от горловины найден фрагмент топора эпохи бронзы из чёрного гранита (в античное время топор использовался в качестве ложила или тёрочника) (рис. 17).

Структура заполнения ямы № 158 и археологические предметы, обнаруженные в ней, позволяют предположить её культовое назначение. Яма была вырыта в зольнике специально для отправления какого-то обряда, скорее всего, связанного с хтоническим культом, на последнем этапе существования античного городища в первой половине V в. н.э.

Следующий этап в освоении восточного участка городища Белинское связан с приходом сюда носителей салтово-маяцкой археологической культуры и относится к IX веку². Однако общей с северным участком особенностью здесь является наличие безынвентарных погребений, как правило, впущенных в зольник или слой третьей четверти IV в. н.э. – первой половины V в. н.э. Слой салтовского периода (тёмно-серая супесь мощностью до 0,4 м), прослеживаемый только в восточной части городища, перекрывает эти погребения.

Более того, в 2019 году в северо-западной части раскопа «Восточный» были обнаружены остатки двух могил трапецевидной формы, частично вырубленных в скальном грунте (рис. 18). В салтовский период в них были впущены основания ям под пифосы, что исключает отнесение этих погребений к салтовскому времени. Да и в целом салтовские захоронения в жилой и хозяйственной зонах их поселений (а именно таким был восточный участок) нам неизвестны. Вероятнее всего, какое-то население на территории городища Белинское или вблизи него проживало в промежутке между серединой V в. н.э. и приходом сюда салтовцев и обнаруженные погребения следует связывать именно с ним.

С салтовским периодом в истории освоения восточного участка городища связаны остатки фундаментов 3 помещений; остатки фундаментов 5 стен, 2 каменных круга и 15 хозяйственных ям. Кроме того, как минимум фундаменты 3 стен античного времени были частично восстановлены и использовались в этот период.

Характер застройки исследованного участка (преимущественно это неотапливаемые нежилые постройки), обилие хозяйственных ям, в том числе под пифосы, сви-

² Определение салтовской керамики и её датировка проведены В.В. Майко (Институт археологии Крыма РАН).

детельствуют в пользу того, что эта территория использовалась для хозяйственных нужд (рис. 19).

Исследование слоя и построек салтовского времени в восточной части городища дало богатый материал (рис. 20), позволивший уточнить время активного освоения этой территории носителями салтовской АК. В частности, можно вполне уверенно говорить об их присутствии здесь не только в IX веке, но и в первой половине X века [Зубарев, Майко, Ярцев, 2018, с. 289–290]. Разбор фундаментов стен построек салтовского времени, с одной стороны, подтвердил их сооружение и функционирование в IX – первой половине X веков, с другой – позволил выявить то обстоятельство, что при возведении части из них были использованы остатки фундаментов античных стен, что в целом характерно для Восточного Крыма. В то же время фундаменты большинства стен были полностью возведены в салтовский период. Наконец, находка в слое салтовского времени фрагмента христианского керамического просфорного штампа (рис. 21) является свидетельством уникального религиозного синкретизма Крымской Хазарии [Майко, Зубарев, Ярцев, 2016, с. 264].

Перспективность дальнейшего археологического исследования в восточной части городища определяется в первую очередь тем обстоятельством, что здесь представлены практически все периоды в истории освоения человеком данной территории: от позднего палеолита до раннего Средневековья. Во-вторых, обилие объектов и археологических предметов, в той или иной степени связанных с сакральной сферой (причём в течение длительного хронологического периода), даёт основание предполагать, что восточный участок городища, по крайней мере с конца III в. н. э., использовался в полном объёме или частично для культовых целей. Это открывает возможность расширить наши представления о духовной жизни местного населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Зубарев В.Г. Возможности использования амфорных инноваций при датировании слоёв и комплексов поселений (из практики раскопок городища Белинское) // БИ. 2005. Вып. X. С. 80–89.
- Зубарев В.Г., Майко В.В., Ярцев С.В. Керамический комплекс средневекового времени городища Белинское // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции / Отв. ред.-сост.: В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб. 2018. Ч. 2. С. 285–290.
- Зубарев В.Г., Седых Е.Е. Планировка и основные этапы застройки городища Белинское во II–первой половине V вв. н.э. // БИ. 2013. Вып. XXVIII. С. 250–274.
- Зубарев В.Г., Смекалов С.Л. К вопросу о планировке и численности населения городища Белинское на начальном этапе его существования // ДБ. 2010. Т. 14. С. 233–243.
- Зубарев В.Г., Шапцев М.С. Комплекс с амфорами типа C SNP («Делакеу») из раскопок городища Белинское // XV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Актуальные проблемы хронологии: материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь. 2014. С. 190–196.

Боспорские исследования, вып. XL

- Зубарев В.Г., Ярцев С.В. Новое поселение эпохи поздней бронзы в Восточном Крыму // Таврійські студії. Историчні науки. 2013. № 1. С. 60–64.
- Майко В.В., Зубарев В.Г., Ярцев С.В. Христианизация салтовского населения Восточного Крыма. Исследователи и исследования // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Исследователи и исследования / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь. 2016. С. 261–264.
- Ханутина З.В., Хршановский В.А. Ритуальные сооружения на некрополе Илурата // БИ. 2003. Вып. III. С. 315–328.

REFERENCES

- Zubarev V.G. Vozmozhnosti ispol'zovaniia amfornykh innovatsii pri datirovanii sloev i kompleksov poselenii (iz praktiki raskopok gorodishcha Belinskoe). *Bosporskie issledovaniia*, 2005, iss. X, pp. 80–89.
- Zubarev V.G., Maiko V.V., Iartsev S.V. Keramicheskii kompleks srednevekovogo vremeni gorodishcha Belinskoe. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Bosporskii fenomen. Obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira"*. Saint-Petersburg, 2018, part. 2, pp. 285–290.
- Zubarev V.G., Sedykh E.E. Planirovka i osnovnye etapy zaostroiki gorodishcha Belinskoe vo II–pervoi polovine V vv. n.e. *Bosporskie issledovaniia*, 2013, iss. XXVIII, pp. 250–274.
- Zubarev V.G., Smekalov S.L. K voprosu o planirovke i chislennosti naseleniia gorodishcha Belinskoe na nachal'nom etape ego sushchestvovaniia. *Drevnosti Bospora*, 2010, vol. 14, pp. 233–243.
- Zubarev V.G., Shaptsev M.S. Kompleks s amforami tipa C SNP («Delakeu») iz raskopok gorodishcha Belinskoe. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "XV Bosporskie chteniia. Bospor Kimeriyskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Aktual'nye problemy khronologii"*. Kerch', 2014, pp. 190–196.
- Zubarev V.G., Iartsev S.V. Novoe poselenie epokhi pozdnei bronzy v Vostochnom Krymu. *Tavriiskii studii. Istorichni nauki*, 2013, № 1, pp. 60–64.
- Maiko V.V., Zubarev V.G., Iartsev S.V. Khristianizatsiia saltovskogo naseleniia Vostochnogo Kryma. Issledovateli i issledovaniia. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "XVII Bosporskie chteniia. Bospor Kimeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Issledovateli i issledovaniia"*. Kerch', 2016, pp. 261–264.
- Khanutina Z.V., Khrshanovskii V.A. Ritual'nye sooruzheniia na nekropole Ilurata. *Bosporskie issledovaniia*, 2003, iss. III, pp. 315–328.

Резюме

В статье анализируются основные этапы застройки восточной части городища Белинское на протяжении всего времени его существования. Рассматриваются особенности планировки, даётся характеристика жилых и хозяйственных построек, предлагается возможная интерпретация их функционального назначения. Авторы констатируют, что на восточном участке городища представлены практически все периоды в истории освоения человеком данной территории: от позднего палеолита до раннего Средневековья. Кроме того, обилие объектов и археологических предметов, в той или иной степени связанных с сакральной сферой (причём в течение длительного хронологического периода), даёт основание предполагать, что восточный участок городища, по крайней мере с конца III в. н.э., использовался в полном объёме или частично для культовых целей.

Ключевые слова: Восточный Крым, городище Белинское, восточный участок, планировка, эпоха камня, античный период, салтовский период.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zubarev Viktor G., DSc, Professor,
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education «Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University»,
Russia, 300026, Tula Region, Tula, Lenin Avenue, 125,
Head of department,
parosta@mail.ru, +79107005455

Yartsev Sergei V., DSc, Docent,
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education «Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University»,
Russia, 300026, Tula Region, Tula, Lenin Avenue, 125,
Professor,
s-yartsev@yandex.ru, +79157834326

Smekalov Sergei L., PhD,
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education «Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University »,
Russia, 300026, Tula Region, Tula, Lenin Avenue, 125,
Senior Researcher,
slsmek@mail.ru, +79110335490

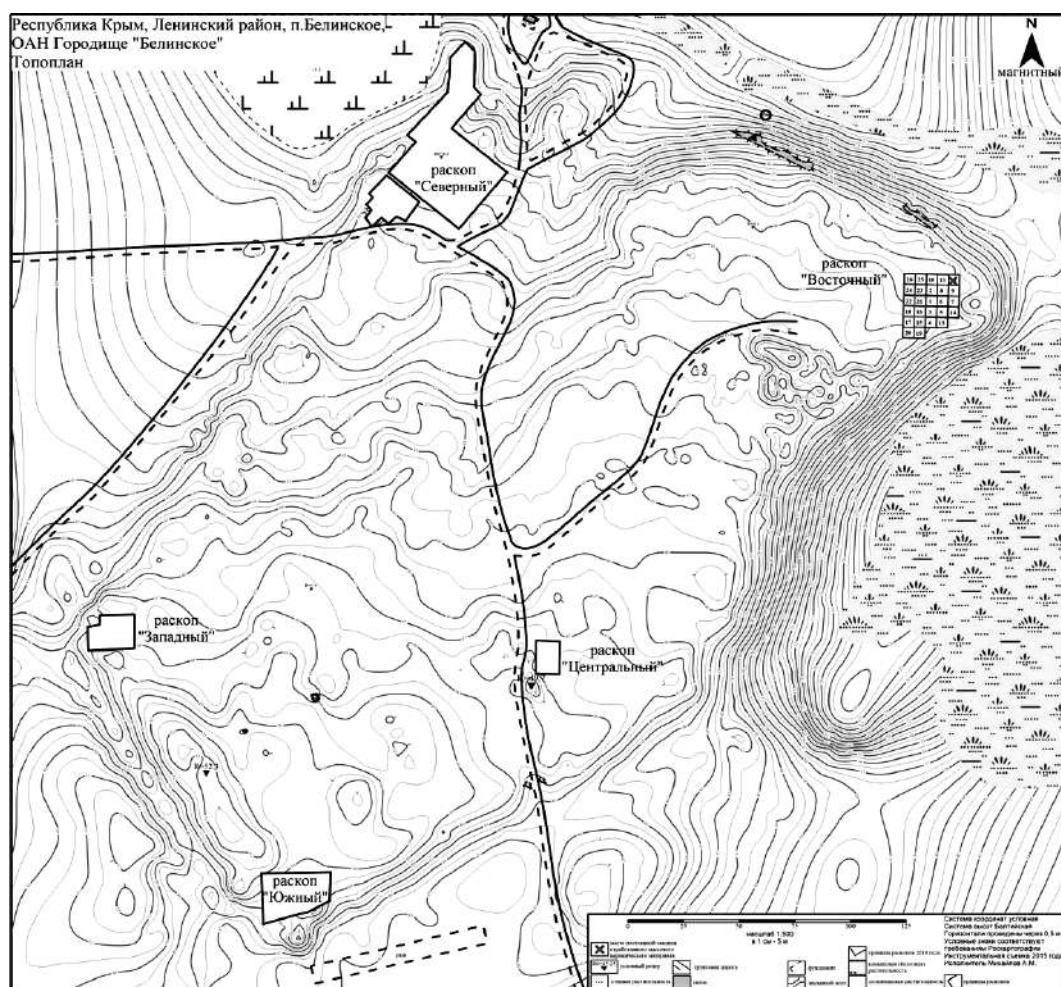

Рис. 2. Топографический план городища Белинское.

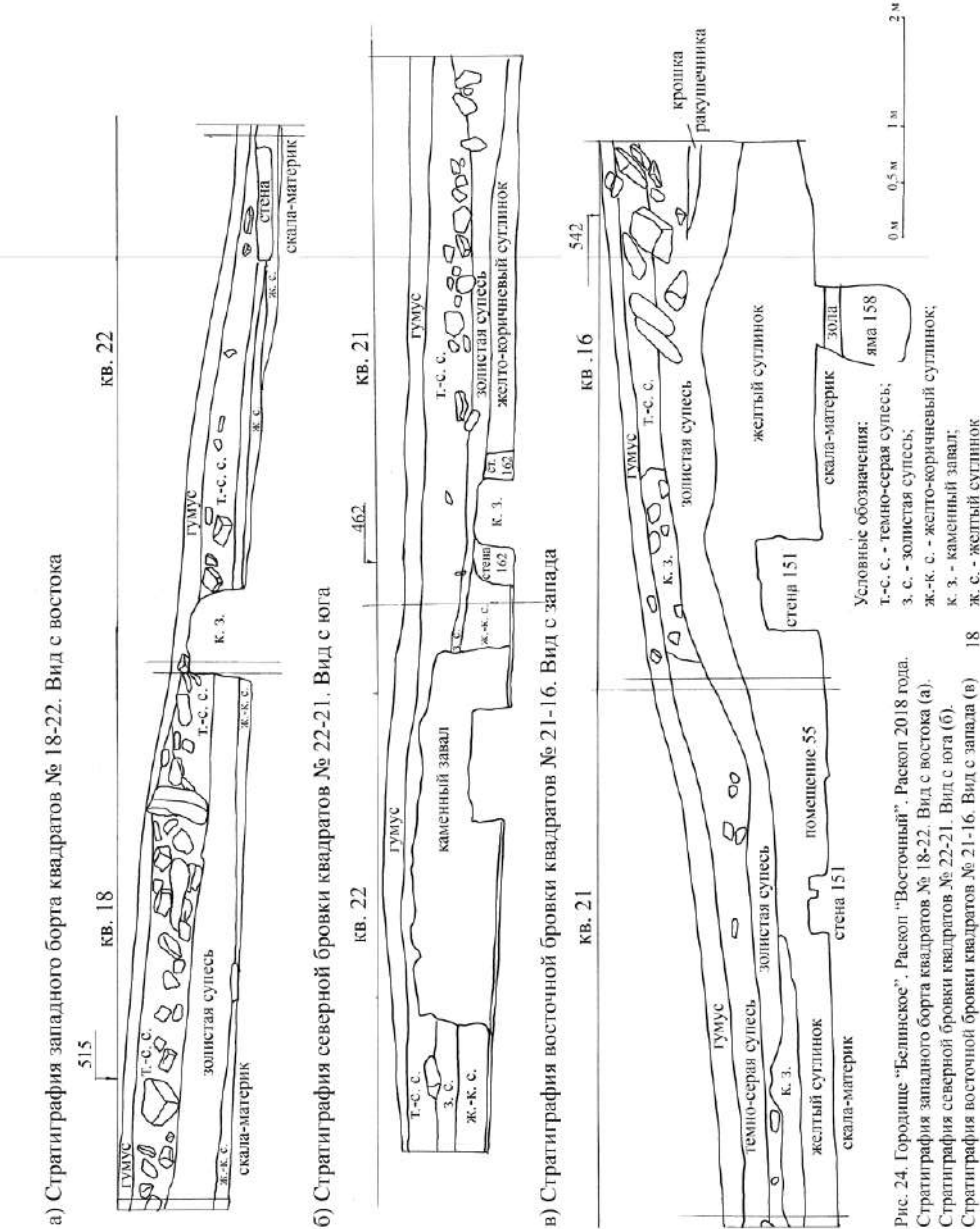

Рис. 3. Стратиграфия восточного участка городища Белинское.

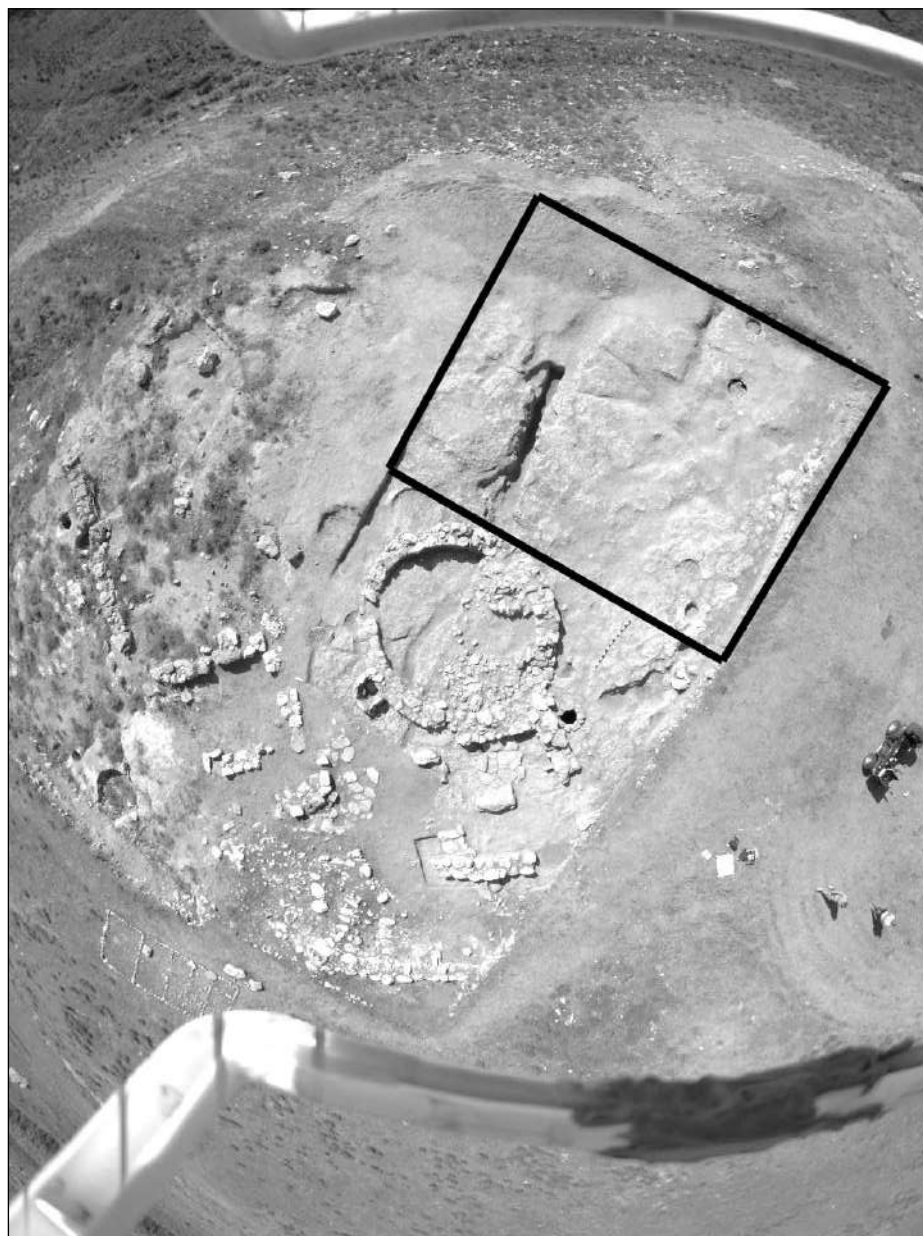

Рис. 4. Городище Белинское. Раскоп «Восточный». Выделен участок с находками изделий из кремня. Снимок с дрона.

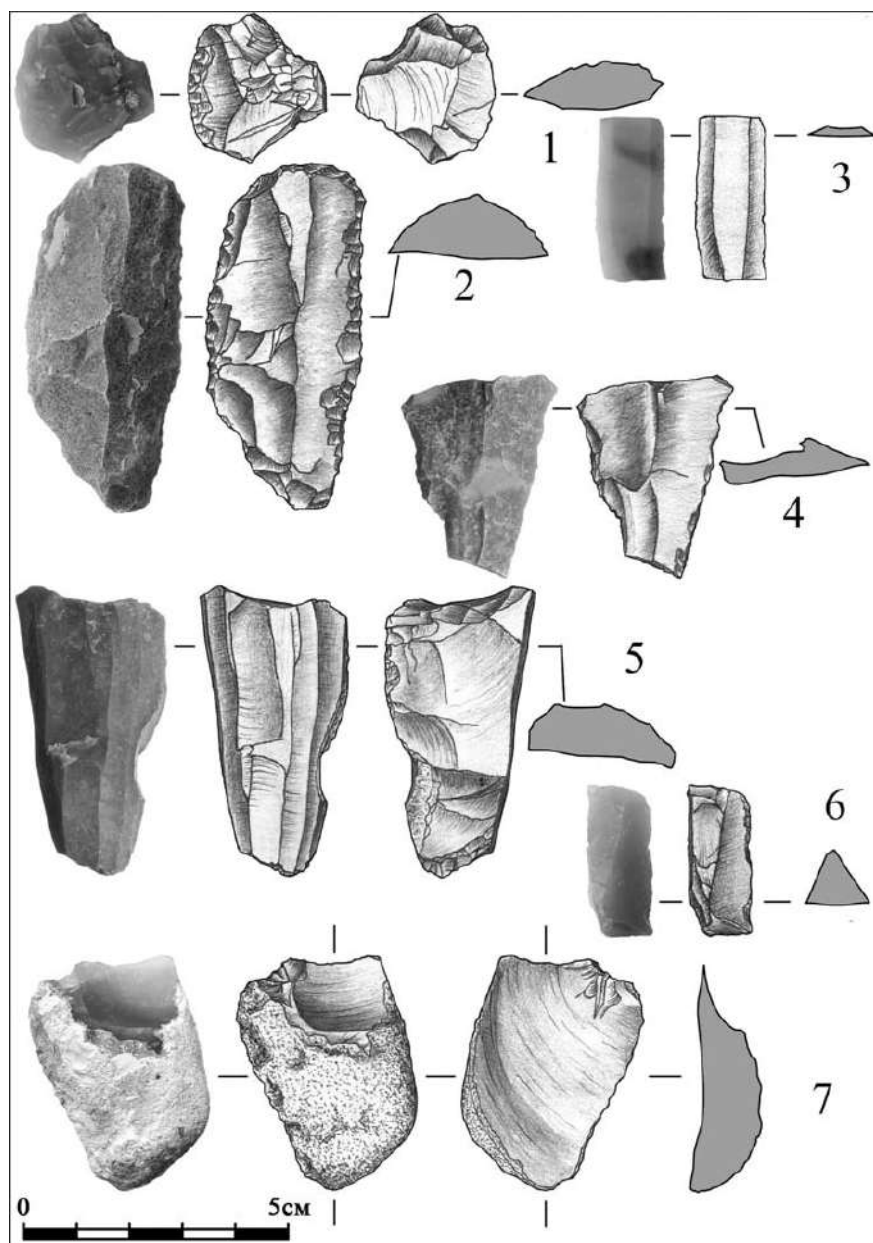

Рис. 5. Изделия из кремня с восточного участка городища Белинское.

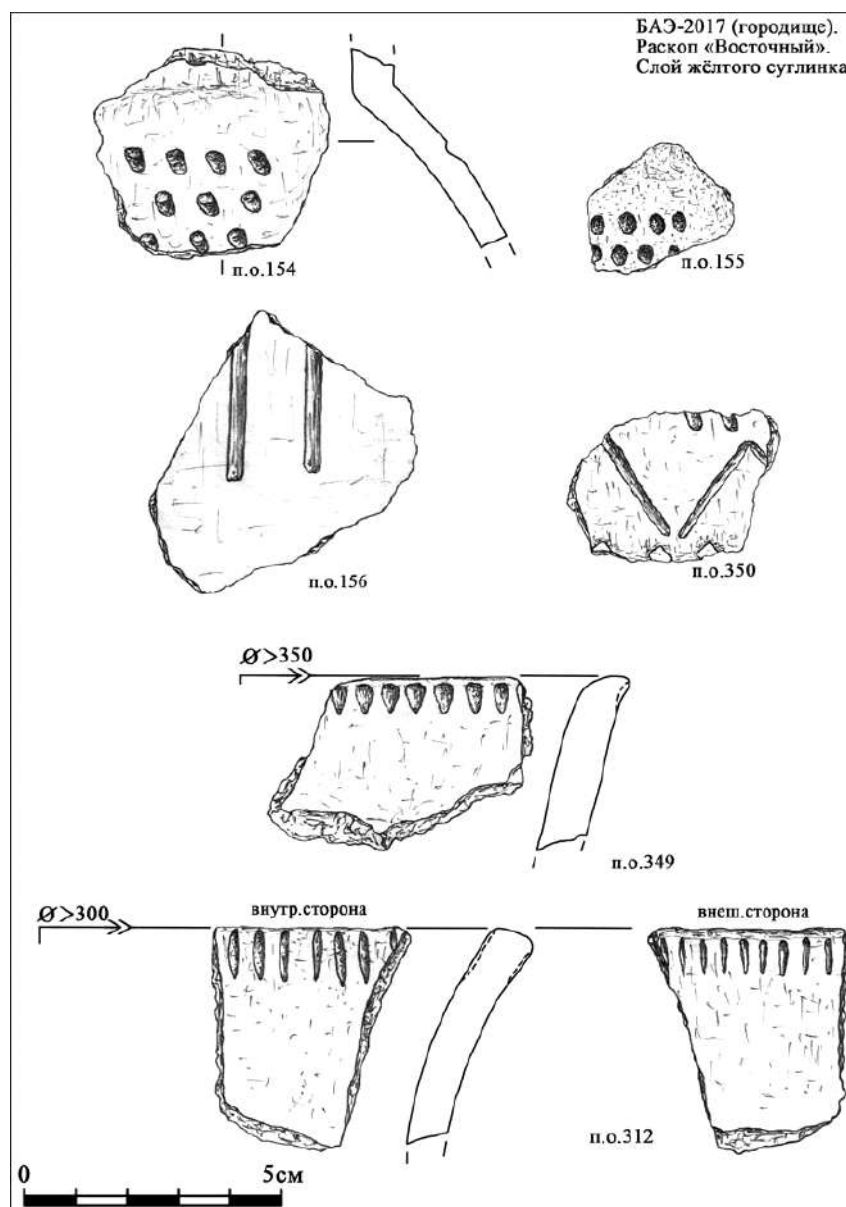

Рис. 6. Фрагменты неолитической керамики с восточного участка городища Белинское.

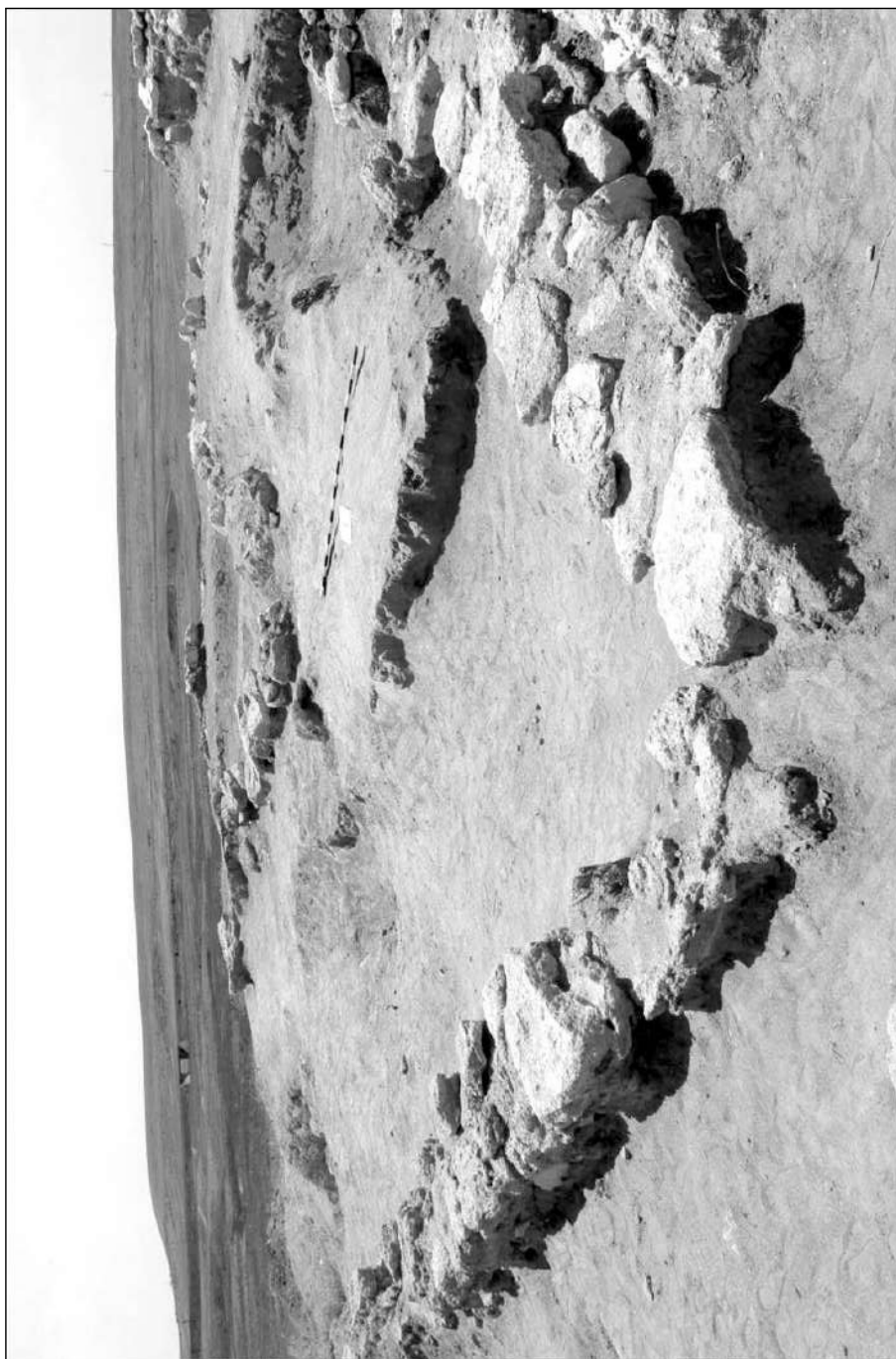

Рис. 7. Остатки прямоугольного в плане помещения первого строительного периода. Вид с севера.

Рис. 8. Остатки улиц первого строительного периода в восточной части городища Белинское. Вид с юго-востока.

Рис. 9. Угол фундамента помещения первого строительного периода в северо-западной части раскопа «Восточный». Вид с юго-запада.

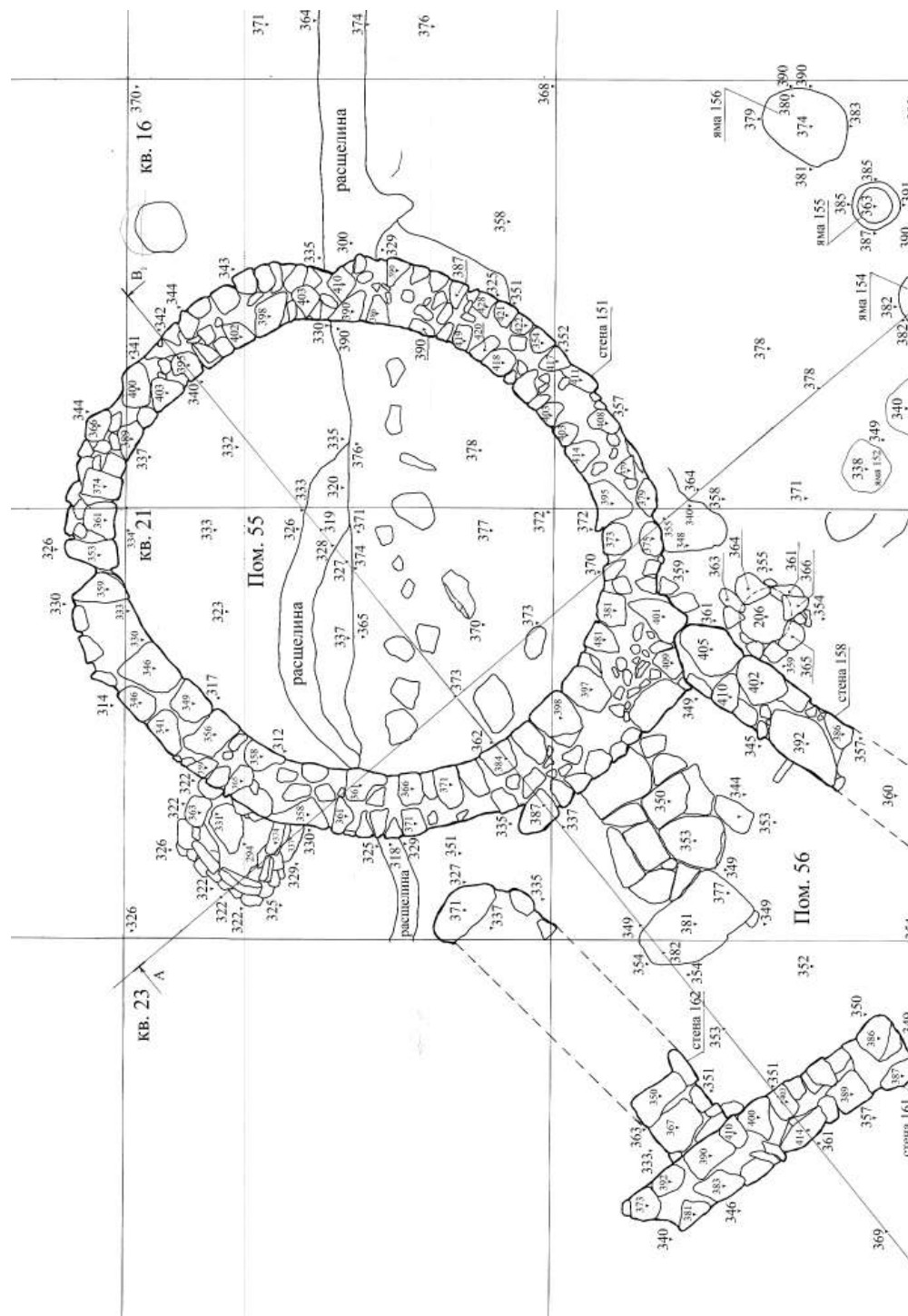

Рис. 10. Общий план помещений № 55 и № 56.

Рис. 11. Каменные круги в восточной части городища Белинское. Вид с юго-запада.

Рис. 12. Остатки фундаментов помещений античного времени в восточной части городища Белинского. Вид с севера.

Рис. 13. Остатки фундамента стены № 169 в восточной части городища Белинское. Вид с северо-запада.

Рис. 14. Остатки фундамента позднеантичной стены в восточной части городища Белинское. Вид с северо-запада.

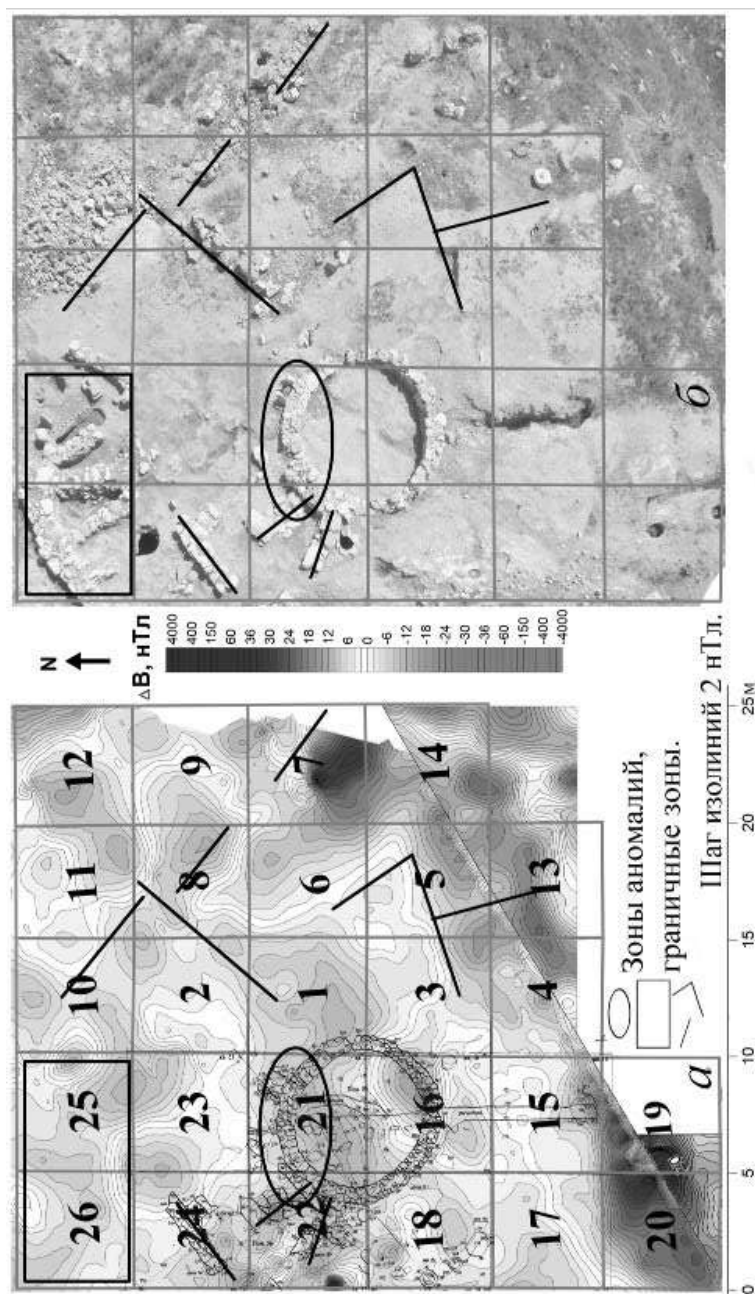

Рис. 15. Сопоставление результатов магнитной съемки с объектами, обнаруженными в ходе раскопок.

Рис. 16. Хозяйственная яма в восточной части городища Белинское. Вид с юго-запада.

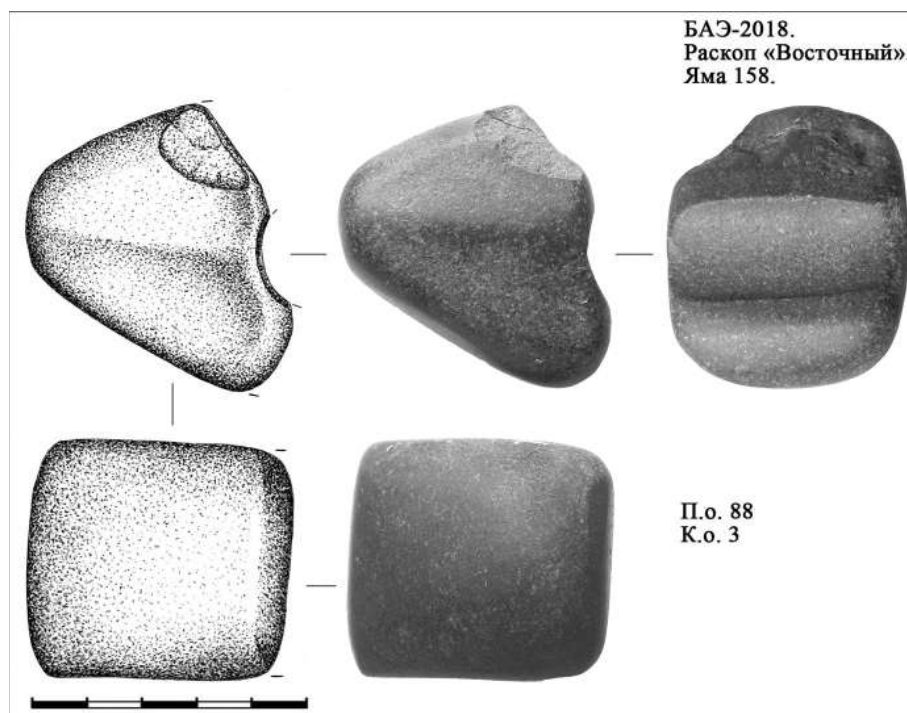

Рис. 17. Каменный топор из ямы № 158 в восточной части городища Белинское.

Рис. 18. Остатки могил с ямами под пифосы в восточной части городища Белинское. Вид с северо-запада.

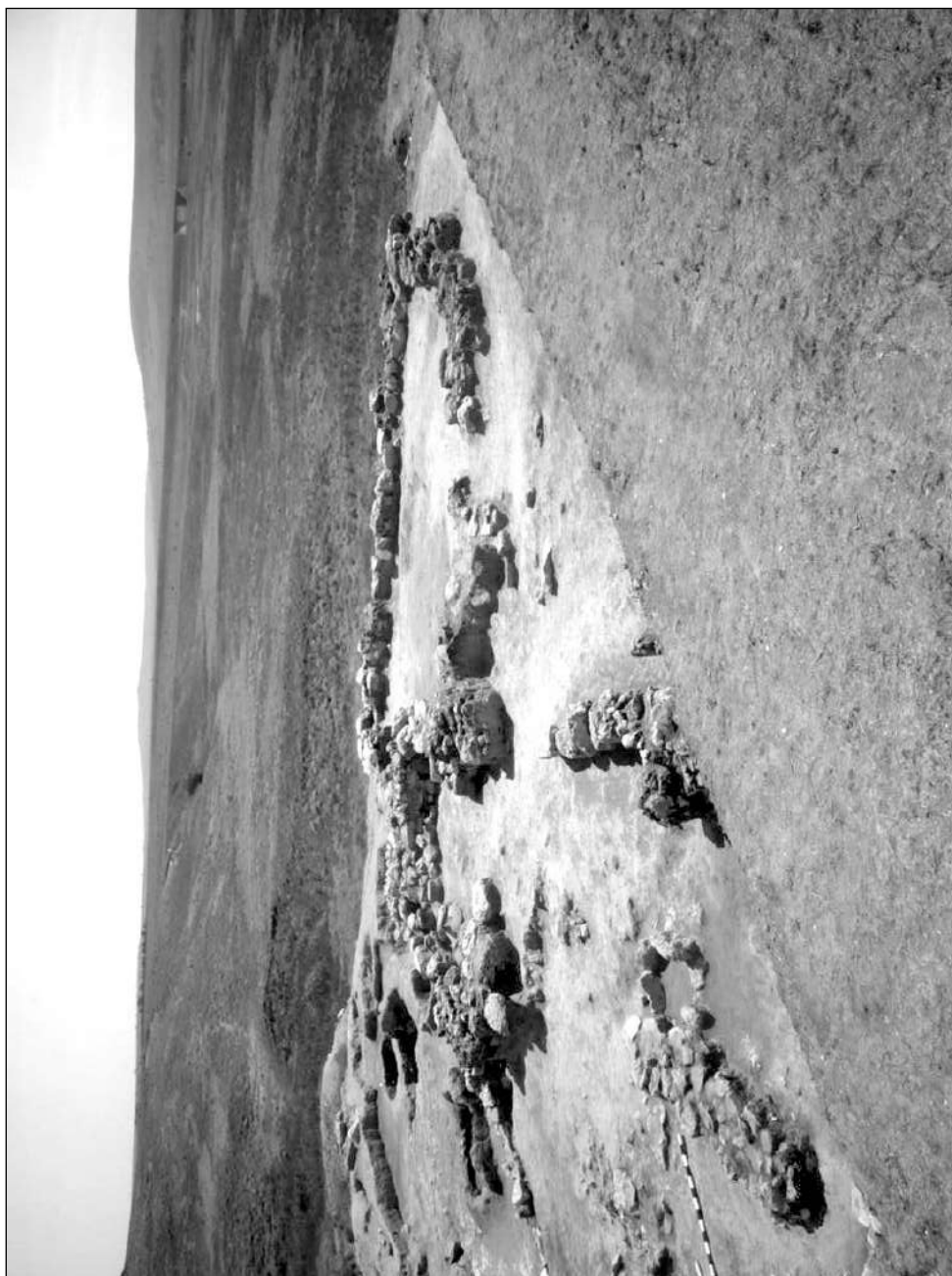

Рис. 19. Остатки построек салтовского времени в восточной части городища Белинское. Вид с северо-запада.

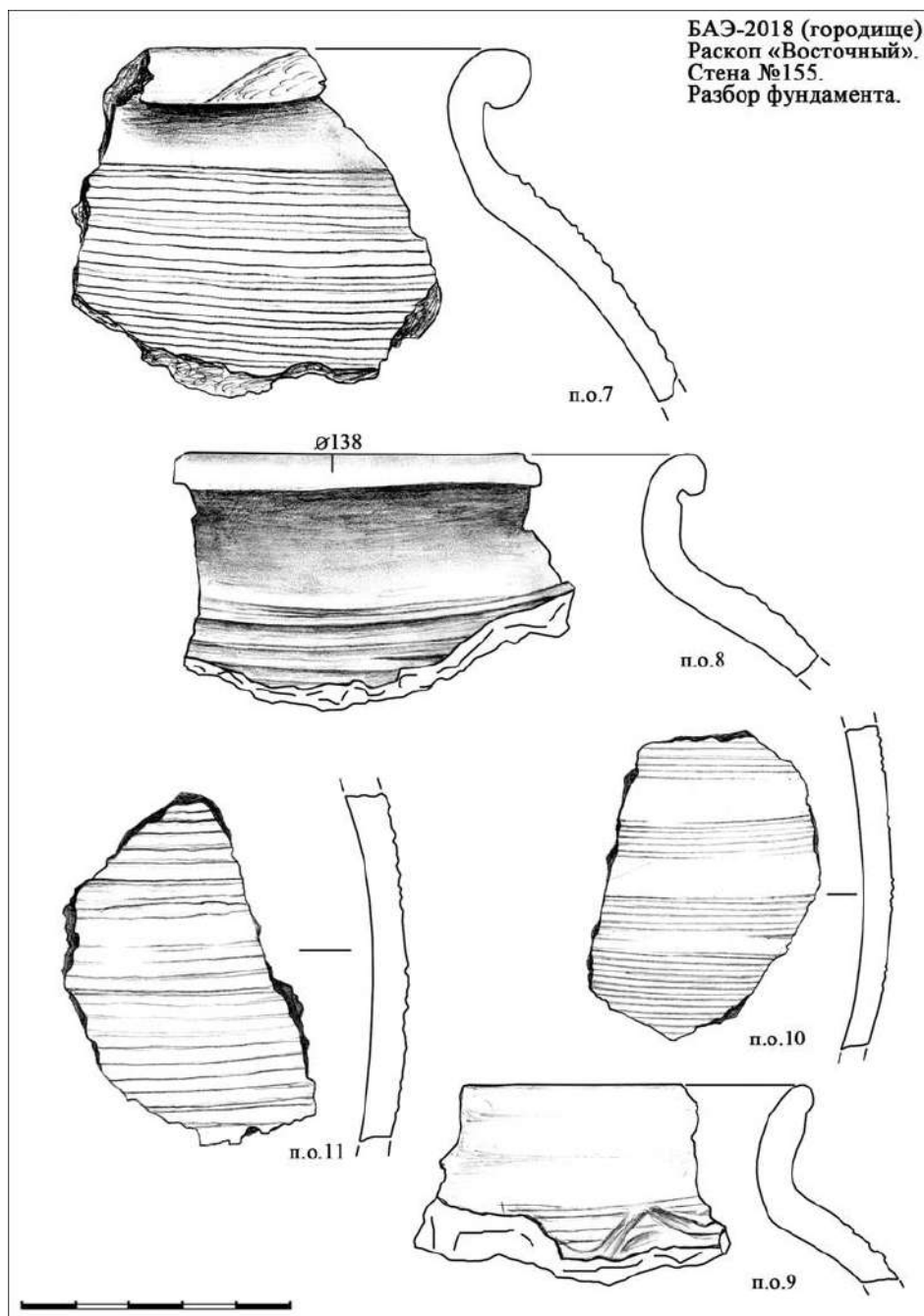

Рис. 20. Фрагменты салтовской керамики.

Рис. 21. Фрагмент христианского керамического просфорного штампа.

М.М. КАЗАНСКИЙ

M.M. KAZANSKI

**ГОТЫ НА БОСПОРЕ КИММЕРИЙСКОМ В НАЧАЛЕ ЭПОХИ
ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ
GOTHS ON THE CIMMERIAN BOSPORUS AT THE BEGINNING OF
THE GREAT MIGRATION PERIOD**

Здесь будут рассмотрены некоторые элементы материальной культуры из погребений знати, свидетельствующие о присутствии готов на Боспоре Киммерийском в начале эпохи Великого переселения народов¹, что соответствует периоду D1 «варварской» хронологии (360/370–400/410 гг.). Перечислим хронологические индикаторы этого периода в контексте привилегированных боспорских могил:

1. Малые (менее 8 см) двупластинчатые фибулы (рис. 1, 1-3) группы Амброз 21/I [Амброз, 1966. С. 77–86], принадлежащие черняховской традиции и датированные периодами C3 и D1 (т.е. 300/320 – 350/360 и 360/370–400/410 гг.). Одна фибула типа Амброз I AB найдена в тайнике склепа 145.1904, две фибулы типа Амброз I AA, одна из них – с полихромным декором, найдены в склепах 24.6.1904 г., из Новиковского склепа 1890 г. происходит полихромная фибула типа Амброз I AB, наконец обломок полихромной фибулы, скорее всего, группы Амброз I, найден в погр. 7 склепа 154.1904 г. [подробнее Казанский, 1999. С. 278–280, там же библиография].

2. Дуговидные фибулы (рис. 1, 4, 5) из склепа на Тарханской дороге 1914 г. [Засецкая, 1993. Табл. 62, № 371], а также из могилы 1918 г. на склоне горы Митридат [Казанский, 2016. Рис. 1, 4] принадлежат местной «греко-сарматской» традиции позднеримского времени, хотя и встречены в погребениях начала эпохи переселения народов.

3. Пряжки с удлинённым щитком, простым геометрическим декором стиля клуазонне и язычком, слабо выступающим за утолщённое кольцо (рис. 1, 6-9). Они явно типологически более ранние, чем типичные для периодов D1 и D2 (последний соответствует 380/400–440/450 гг.) пряжки с длинными хоботковидными язычками. Такие ранние пряжки обнаружены в тайнике склепа 145.1904 г. [Засецкая, 1993. Табл. 13, № 26] и в склепах, разграбленных 24.06.1904 г. [Засецкая, 1993. Табл. 26, № 103].

¹ Эпоха Великого переселения народов в Европе начинается с появления гуннов в Северном Причерноморье около 375 г., что ознаменовалось легендарным переходом этого народа через Керченский пролив. Рассказ о переходе гуннами Боспора Киммерийского впервые появляется у Созомена в первой половине V в., при этом гунны после перехода Боспора нападают на готов, затем он фигурирует у Зосима и более поздних авторов. Восходит этот тоpos к Евнапию, автору рубежа IV–V вв. (до 404 г.). А.А. Васильев считал, что рассказ отражает некую реальность, видимо, какая-то часть гуннов прошла через Боспор в эпоху Валента [Васильев, 1921. С. 315–317, 320, 321].

4. Пряжки с овальным щитком, несущим геометрический декор стиля клуазонне и язычком, слабо выступающим за утолщённое кольцо (рис. 1,10,11), из склепа на Тархаской дороге 1914 г. [Засецкая, 1993. Табл. 61, № 355]. Они также типологически предшествуют «классическим» пряжкам периода D2.

5. Мечи «персидского» типа (рис. 1,12-15), по терминологии И. Боны [Bóna, 2002. P. 199, Fig. 104], с перехватом и дисковидным окончанием на навершии. Они найдены в тайнике склепа 145.1904 г. [Засецкая, 1993. Табл. 17, № 47] и в склепе на Тарханской дороге 1914 г. [Засецкая, 1993. Табл. 62, № 364]. Такие мечи известны и в других регионах Восточной Европы, в частности в Степном Крыму, Приуралье и на Кавказе. Их появление по находке в уральском погребении Муслюмово устанавливается в пределах второй половины IV в. [подробнее Казанский, 1994. С. 243].

6. Умбоны типа Малаешты (рис. 1,19,20), характерные для финала черняховской культуры, встречены в керченских склепах 24.6.1904 г. и в склепе 1954 г. на ул. Овощная, 1954 г. Подобные умбоны широко распространены в Европе от Скандинавии до Абхазии в периоды C3 - D1 [подробнее Kazanski, 1994. P. 443-445].

7. Умбоны с широкими полями типа Цилинг - K1 (рис. 1,16) встречены в разграбленном склепе 181.1902 г. и в склепе 154.1904 г. (на полу у входа). В последнем есть погребения периодов D1 (погр. 7) и более поздние захоронения периода D2. Умбоны этого типа довольно широко распространены в центрально- и североевропейском Барабрикуме в периоды C3 - D1, имеются они и в черняховской культуре [подробнее Kazanski, 1994. P. 440, 441].

8. Умбоны с фасетчатой калоттой (рис. 1,17,18), найденные в тайнике керченского склепа 145.1904 г., имеют аналоги лишь в абхазском погребении Шапка-Абгызраху 12 (фаза III/5-8 местной хронологии, т.е. 380/400 – 440/450 гг.). Видимо, представляют собой местную понтийскую форму [подробнее Kazanski, 1994. P. 448]. Ввиду малочисленности находок отнесение этих умбонов к индикаторам периода D1 пока условно.

9. Ременные наконечники, видимо от конского снаряжения, принадлежащие группе IIIб по типологии ременных гарнитур В.Ю. Малашева (рис. 1, 21,22), датируемые 320/330 – 360/370 гг. [Малашев, 2000. С. 202-206]. Такие наконечники были найдены в «гробнице Мессаксудии» 1918 г. [Казанский, 2016. Рис. 1,22], в склепе 1914 г. на Тарханской дороге [Засецкая, 1993. Табл. 61, № 357].

В культуре боспорской знати эпохи переселения народов надо отметить слабое присутствие каких-либо гуннских вещей или других признаков степного влияния. Это уже упоминавшиеся «персидские» парадные мечи, явно занесенные с востока, трехлопастные стрелы (рис. 2,4) (склеп 154.1904 г.: Засецкая, 1993. Табл. 47, № 217; склеп 176.1904 г.: Засецкая, 1993. Табл. 57, № 330), помещение в гробнице боспорской знати седел (склеп 165.1904 г., погр. 5: Засецкая, 1993. С. 97) и луков с костяными накладками (рис. 2,3) (склеп 154.1904 г., погр. 3:

Казанский М.М. Готы на Боспоре...

Засецкая, 1993. Табл. 49, № 229). К числу гуннских престижных вещей относится женская диадема из коллекции Диергардта (рис. 2), вроде бы происходящая из склепа на горе Митридат, но происхождение диадемы не до конца ясно (Damm, 1988. S. 85–93; Eger, 2017).

Показательно, что на Боспоре Киммерийском до сих пор не нашли следов разрушений, однозначно связываемых с нашествием гуннов (о памятниках этого времени см. Айбабин, 1999. С. 79, 80; Айбабин, 2003. С. 14, 15; Засецкая, 2003; Kazanski, 2009. P. 181–216). К сожалению, значительная часть археологического материала Боспора гуннского времени до сих пор не введена в научный оборот, поэтому пока трудно говорить о реальности гуннских разрушений. Кстати, захват гуннами Боспора мог произойти и без разрушения городов, например, если исход дела был решён в полевом сражении или путем переговоров.

Подчинился ли Боспор гуннам, неизвестно, прямых свидетельств нет. В этом смысле рассказ Приска Панийского об экспедиции «царских» гуннов Васи́ха и Курсиха в 420–430 гг. против Ирана заслуживает особого внимания. «Царские» гунны Васи́ха и Курсиха вышли в поход из степей Скифии, подчинявшихся в это время уарям Руе и Аттиле, вероятнее всего, в Северном Причерноморье. Они пересекли пустынные земли, затем какое-то озеро (Меотиду, по мнению информаторов Приска, но это могут быть и Сиваш, заболоченная дельта Дона или Керченский пролив) и через 15 дней, перейдя горы, видимо Кавказский хребет, вторглись в Иран. Приск прямо говорит, что благодаря этой экспедиции гунны узнали о возможном пути в Мидию из Скифии. Если бы гунны Руи-Аттилы владели степями Крыма и Северного Кавказа, они отлично знали бы дорогу в Иран [Казанский, Мастыкова, 2009. С. 123, 124]. Из данного рассказа можно заключить, что если Боспор Киммерийский и входил в орбиту военно-политического доминирования гуннов, то речь может идти только о местных степных племенах, а не об «империи Аттилы».

Зато на Боспоре Киммерийском уже в позднеримское время хорошо представлены восточногерманские (черняховские и вельбаркские) вещи, найденные в слоях поселений и в погребениях местного населения. К этому германскому кругу древностей принадлежат некоторые типы арбалетных фибул, уже упоминавшиеся малые двупластинчатые фибулы и умбоны щитов, односторонние гребни, костяные пирамидальные подвески, серогончарная черняховская керамика. В основном эти вещи датируются в рамках периодов C2-D1 (260/270–400/410 гг.) согласно хронологии европейского Барбарикума. При этом оптимальная дата черняховских вещей на Боспоре Киммерийском – это периоды C3-D1 (300/320–400/410 гг.) (подробнее: Кропоткин, 1978; Казанский, 1999; Kazanski, 2002; Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 86, 87, 92; Казанский, 2019)². В эпоху переселения народов, помимо уже названных

² При этом в Северном Причерноморье известны и вещи более раннего времени (периода B2/C1, то есть 150/1600–200/210 гг.), происходящие из балтийского региона, см., например, Васильев, 2005; Казанский, Мастыкова, 2007; Шаров, 2010; Шаров, 2013. С. 143, 144; Чореф, 2015.

выше фибул и умбонов из керченских склепов, происходит двупластинчатая фибула типа Амброз I с полихромным декором (рис. 3,9), относящаяся к периоду D1 (360/370 – 400/410 гг.), а также большая арбалетная фибула того же времени (рис. 3,10). В погребальном комплексе периодов D1 - D2 в Керчи также найдены, как уже говорилось, пирамидальные костяные подвески с циркульным орнаментом (рис. 3,1), типичные для черняховской культуры (Керчь, в погр. 1867 г. и 177-178.1904 г.), подвязные черняховские фибулы типа Амброз 16/2-1-3 (погр. 2 склепа 179.1904 г. а также из комплексов и за пределами Керчи – погр. 22 некрополя Заморское) (рис. 3,12), черняховские гребни типа Томас III (напр., погр. 24.06.1904 г.) (рис. 3,2). Также к восточногерманской традиции эпохи переселения народов относятся малые фибулы группы Амброз II / Виллафонтана (погр. 2 склепа 165.1904 г., погр. 10 склепа 165.1904 г., депаспортизированные находки и за пределами Керчи - Илурат) (рис. 3,4-6) и большие фибулы той же группы Амброз II (погр. 2 склепа 154.1904 г.) (рис. 3,7,8) (подробнее Казанский, 1999. С. 278, 279, там же библиография).

Итак, археологический материал однозначно свидетельствует о присутствии на Боспоре готов в позднеримское и гуннское время. Особенно важным представляется наличие женских украшений и деталей костюма. Общеизвестно, что женский костюм в архаических обществах является этнографической особенностью конкретного “этноса” (насколько вообще это понятие применимо к древним социумам, где ориентация на престижного вождя или сакрализованную династию часто заменяла этническое самосознание), он крайне редко копируется и распространяется за пределами данного коллектива лишь с его носительницами. Исключение может составлять престижный аристократический костюм, несущий знаковые социальные функции (подробнее Мاستыкова, 2009. С. 7,8, там же библиография).

Надо особо отметить, что в периоды C3 и D1 германские вещи начинают попадать в погребения высшей боспорской знати, см., напр., Новиковский склеп (рис. 4), склеп 145.1904 или две гробницы, ограбленные 24.6.1904 г. Это явление не случайно – двупластинчатые фибулы из Новиковского склепа, из могил 24.6.1904, из коллекции Эрмитажа и, наконец, упомянутая большая фибула типа Амброз I обтянуты золотой фольгой и украшены гранатами, их явно изготовили для представителей (точнее, представительниц) германской или германизированной аристократии (рис. 1,1, 3,5,9, 4,1). При этом германские престижные вещи происходят из склепов, вне всякого сомнения принадлежащих местной, «греко-сарматской» погребальной традиции. Поэтому можно утверждать, что, с одной стороны, германцы были интегрированы в местную аристократическую среду, а с другой – что эта местная аристократия в эпоху переселения народов сохранила свои социальные позиции.

Когда же готы смогли занять столь высокое положение в Боспорском царстве? Рассмотрим вкратце ситуацию на Боспоре в IV в.

В 320 годы царство входит в полосу кризиса. В 322 г. прекращается, по нумизматическим данным, совместное правление Рескупорида VI и Радамсада [Фролова, 1997. С. 123]. А в 323 г. на дунайскую границу империи вдруг нападает

Казанский М.М. Готы на Боспоре...

некий Равсимонд, царь меотийских сармат (именно давно исчезнувших там сармат, а не господствующих в это время в понтийских степях аланов) (Zosime, *Historia nova*, II.XXI.1). Известно, что боспорские цари претендовали на некую связь с сарматами, об этом явно свидетельствует их родовое имя “Савромат”. Напомним также, что в известном легендарном рассказе Константина Багрянородного о боспорохерсонесских войнах в эпоху Диоклетиана царь боспорян выступает как предводитель «понтийских сармат» (Константин Багрянородный. Об управлении империей, 53). Не кажется таким уж фантастическим предположение, что неизвестно куда пропавший в 322 г. боспорский царь Радамсад и внезапно появившийся в 323 г. Равсимонд, царь “меотийских сармат”, убитый римлянами на Дунае, это одно и то же лицо. Если это так, то можно предполагать, что в 322–323 гг. произошёл конфликт между проримски настроенным Рескупоридом VI и противником римской ориентации Радамсадом [Болгов, 1996. С. 404].

В 320–330 гг. военная ситуация на границах царства осложняется. В 326–328 гг., если судить по последней монете, зарывается несколько кладов в Восточном Крыму (рис. 5-1,1,3,4) [Фролова, 1989. С. 198, 199; Исанчури, Исанчури, 1989. С. 92; Казанский, 1999. С. 283; Абрамзон, Молев, 2016, табл. 3, рис. 2; Абрамзон, Сударев, 2018; сводка боспорских кладов: Абрамзон, Фролова 2007–2008]. Видимо, какие-то потрясения произошли на европейской стороне Боспора, о чем свидетельствуют два клада (рис. 5-1,2). Возможно, в это время на Азиатском Боспоре разрушена крепость Батарейка-1 (Темрюкский район, Краснодарский край), по крайней мере слой пожара и разрушений, если судить по краткой публикации, содержит типичный материал IV в., например, т.н. амфоры инкерманского типа [Сокольский, 1963. Рис. 6.6]. В одном из помещений, сгоревших в пожаре, найдены боспорские монеты 327/328 гг. [Абрамзон, Сударев, 2018. С. 157].

К 335 г. относится известная надпись с Тамани (Темрюкский район, Краснодарский край) об укреплении стен с пожеланием победы городу [Гайдукевич, 1949. С. 464], а в 335–336 гг. на Тамани и в Восточном Крыму зарывается несколько кладов [Фролова, 1989. С. 198, 199; Исанчури, Исанчури, 1989. С. 92; Казанский, 1999. С. 283; Абрамзон, Молев, 2016. Табл. 3. Рис. 2] (рис. 5-2). Их география показывает, что опасности теперь подверглась вся территория царства.

Наконец, серия кладов на обоих берегах Боспора с последней монетой 341–342 гг. [Фролова, 1989. С. 198, 199; Исанчури, Исанчури, 1989. С. 92; Казанский, 1999. С. 283; Абрамзон, Молев, 2016. Табл. 3, рис. 2; Абрамзон, Новичихин, 2019. С. 33, 34] (рис. 5-3), совпадает по времени с прекращением чеканки монеты на Боспоре. Важно, что Боспор сохраняет династию Тибериев Юлиев как минимум до 341–342 гг., когда известны последние монеты Рескупорида VI [Фролова, 1997. С. 134, 135]. Сохраняется и проримская ориентация Боспора [Болгов, 1996. С. 40, 41], включённого в IV в. в систему обороны империи [Kazanski, 1991. P. 508–512]. В 343 г. представители боспорской знати, впоследствии захороненные в склепах 145.1904 г. и 24.06.1904 г., получают от Констанция II дарственные блюда (рис. 6),

что явно свидетельствует о римских симпатиях правящей элиты Боспора (подробнее Казанский, 1999. С. 28, 283, там же библиография). Однако с 342-343 гг. надолго обрываются сведения о боспорской династии и вообще о существовании Боспорского царства как государственной системы. Похоже, что получение даров от Констанция было последним археологически документированным актом Боспорской державы.

Разумеется, позднеантичный Боспор с грекоязычным населением, античной цивилизацией и сложившейся социальной структурой продолжал существовать по крайней мере до конца VI в., об этом свидетельствует изучение как городских слоев, так и некрополей. Речь может идти лишь об исчезновении царской власти, да и то, видимо, не навсегда (вспомним царя Диптуна, правившего в V в.). Никуда не делась и местная боспорская аристократия, — как мы убедились, богатые погребения в родовых гробницах знати продолжают совершаться. Для периода D1 это, например, уже упоминавшиеся Новиковский склеп, склепы 24.06.1904 г., склеп 145.1904 г., склеп 154.1904 г., гробница 1918 г. («гробница Месаксудии»). Только вот ведет себя эта боспорская аристократия странным образом.

Действительно, в 362 г. «*ab aquilone et regionibus solis, per quas in mare Fasis accipitor; Bosporanis aliisque antehac ignotis, legationes vehentibus supplices, ut annua complentes sollemnia, intra terrarum gentilium terminos otiose vivere senerentur*» («с севера из пустынных областей, по которым в море впадает Фасис, ехали посольства Боспорян и других неведомых раньше народов с мольбою, чтобы, за внесение ежегодной дани, им было дозволено мирно жить в пределах родной земли») (Ammien Marcellin, XXII.7). Почему вдруг дети и внуки боспорских аристократов, делавших карьеру при императорском дворе и даже лично знакомых с цезарями, как известный Валерий Сог, стали «неведомым» народом? И почему старые союзники Рима, которые, если бы им угрожала какая-то внешняя опасность, вправе бы требовать от империи военной и финансовой поддержки, просят лишь «мирно жить в пределах родной земли», то есть если понимать текст буквально, уговаривают римлян не предпринимать против Боспора Киммерийского военных действий и даже готовы за это заплатить?

Представляется, что наиболее логичным ответом на эти вопросы является гипотеза А.А. Васильева, согласно которой около 362 г. (а может быть, раньше, около 343 г.?) Боспорское царство перешло под власть готов [Васильев, 1921. С. 312, 313, см. также Вольфрам, 2003. С. 119]. Это предположение вызывало и вызывает неприятие у многих исследователей, но логичной контргипотезы они предложить не смогли. Поэтому вслед за А.А. Васильевым можно предположить, что готы и есть «неведомый» народ³, который хотел легитимизировать свою власть на Боспоре

³ Иногда утверждается, что готы были хорошо известны в империи и даже состояли с Римом в союзнических отношениях, поэтому нельзя считать их «неведомым народом». Однако римскими союзниками были нижнедунайские готы, вряд ли в это время имевшие отношение к готам, действовавшим в Северном Причерноморье.

Дуптуном и последним Рескупоридом составляет около 140 лет, а заполнен он лишь анонимным готским королем 404 г., никакого отношения к Тибериям Юлиям не имеющим.

В конце концов, кто угодно мог взять себе престижное на Боспоре имя Тибериев Юлиев и преемственность между Рескупоридом VI и Диптуном, возможно, мнимая. Поэтому, если можно согласиться с мнением Ю. Г. Виноградова о континуитете боспорской государственности как системы (местная аристократия, судя по могильникам, удержалась и обеспечила преемственность своей власти), то лидеры могли меняться и какое-то время ими были готские короли. А после Дуптуна, в начале VI в., таким лидером оказался гуннский царь Грод, убитый своими варварскими подданными за провизантийскую религиозную политику (см. Артамонов, 1962. С. 88–91; Айбабин, 1990. С. 9, 95).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. Корпус боспорских кладов античных монет Т. I (1834–2005 гг.). Симферополь, Керчь 2007–2008: ЦАИ БФ «Деметра» (Боспорские исследования, Suppl. 2).
- Абрамзон М.Г., Молев Е.А. Клад позднебоспорских статеров из Китея // Вестник древней истории. № 2. 2016. С. 387–409.
- Абрамзон М.Г., Новичихин А.М. «Забытые» монетные клады из Анапского Археологического музея (поступления 1980-х гг.) // XX Боспорские чтения / Отв. ред. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько, Симферополь, Керчь 2019: НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского; ЦАИ БФ «Деметра». С. 31–34.
- Абрамзон М.Г., Сударев Н.И. Клад позднебоспорских статеров из окрестностей Гермонассы // РА. 2018. № 1. С. 150–163.
- Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар. 1990.
- Айбабин А.И. Крым // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья. IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева, Москва: Наука. 2003. С. 9–145.
- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII вв.). Симферополь: Антиква. 2017.
- Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР (Свод археологических источников, вып. Д1-30). Москва: Главная редакция восточной литературы. 1966.
- Артамонов М.И. История хазар. Ленинград: Издательство Государственного Эрмитажа. 1962.
- Болгов Н.Н. Закат позднеантичного Боспора. Белгород: 1996.
- Васильев А.А. Готы в Крыму. Часть 1 // Известия Российской академии истории материальной культуры. Т. 1. 1921. С. 247–326.
- Васильев А.А. О времени появления германских дружин на Боспоре // Боспорский феномен / Отв. ред. И.Ю. Зуев. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2005. С. 343–349.
- Виноградов Ю.Г. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия // ВДИ. 1998. № 1. С. 233–262.
- Вольфрам Х. Готы. СПб.: Ювента. 2003.
- Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. Москва, Ленинград: Издательство АН СССР. 1949.
- Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV–первой половины V вв. // МАИЭТ. Вып. 3. Симферополь, 1993. С. 23–105.
- Засецкая И.П. Боспорский некрополь как эталонный памятник древностей IV – начала VII веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья. IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева, Москва: Наука. 2003. С. 31–40.
- Исанчурин Р.А., Исанчурин Е.Р. Монетное дело царя Радамсаты // Нумизматика и Эпиграфика. Вып. 15. 1989. С. 53–96.

Казанский М.М. Готы на Боспоре...

- Казанский М.М. Могилы сармато-аланских вождей IV в. в Понтийских степях // МАИЭТ. Т. IV. Симферополь, 1994. С. 238–256.
- Казанский М.М. Готы на Боспоре Киммерийском // 100 лет черняховской культуре / Ред. М.Е. Левада. Киев: 1999. С. 277–297.
- Казанский М.М. Находка 1918 г. в Керчи (коллекция Месаксуди) // XVII Боспорские чтения. Керчь, 2016. С. 206–215.
- Казанский М.М. Начало эпохи Великого переселения народов на Боспоре Киммерийском: итоги и перспективы // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Основные итоги и перспективы / Отв. ред. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько, Симферополь, Керчь: 2019. С. 256–265.
- Казанский М.М., Мاستыкова А.В. Золотая гривна из Фанагории: о германцах на Боспоре Киммерийском в позднеримское время // VIII Боспорские чтения / Отв. ред. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько, Керчь: 2007. С. 169–177.
- Казанский М.М., Мастыкова А.В. «Царские» гунны и акациры // Гунны, готы, сарматы между Волгой и Дунаем / Отв. ред. А.Г. Фурасев. Санкт-Петербург: 2009. С. 114–126.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. Изд. Г.Г. Литаврин, А.П. Новосельцев. Москва: Наука, 1989.
- Кропоткин В.В. Черняховская культура и Северное Причерноморье // Проблемы советской археологии / Отв. ред. В.В. Кропоткин, Г.Н. Матюшин, В.Г. Петерс, Москва: Наука. 1978. С. 147–163.
- Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: 2000. С. 194–232.
- Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV–середине VI вв. Москва: 2009.
- Прокопий из Кесарии, Война с готами. Пер. С.П. Кондратьева. М.: Издательство АН СССР, 1950.
- Соколовский Н.И. Крепость на городище у хутора Батарейка-1 // СА. 1963. № 1. С. 179–191.
- Фролова Н.А. 1989. Вторжения варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным // СА. 1989. № 4. С. 196–206.
- Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. Том 2. Москва: Эдиториал УРСС. 1997.
- Шаров О.В. Данные письменных и археологических источников о появлении германцев на Боспоре (проблема выделения «германских древностей» на Боспоре). // Stratum plus. 2010. № 4. С. 251–285.
- Шаров О.В. В поисках страны «Ойум»: эпос или реальность? // Древности Западного Кавказа. Вып. 1. 2013. С. 118–155.
- Шаров О.В., Чореф М.М. К вопросу о датировке tabula ansata с именем Юлия Каллисфена // Stratum plus. 2015. № 4. С. 357–378.
- Яйленко В.П. Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э. Москва: 2010.
- Ammien Marcellin, Histoire, livres XIV-XXVIII (éd. J. Fontaine et alii), Paris, 1968–1996.
- Bóna I. Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe (IVe-Ve siècles). Paris : Errance. 2002.
- De Baye J. La bijouterie des Goths en Russie // Mémoires de la Société Nationale des Antiquaires de France. 1892. Vol. 51. P. 359–372.
- Damm I.G. Goldschmiedarbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem Nördlichen Schwarzmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2 // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. 1988. Bd; 21. S. 65–210.
- Eger C. Die Hunnen kommen : die «Krone» aus Kerč // Goldenes Zeitalter. 100 Meisterwerke der Völkerwanderungszeit / Hrsg! F. Naumann-Steckner, M. Trier. Köln, München: Römisch-Germanisches Museum der Stadt Köln, Harmer Verlag GmbH. 2017. S. 98, 99.
- I Goti. 1994. Milano : Electa.
- Kazanski M. Contribution à l'histoire de la défense de la frontière pontique au Bas-Empire, Travaux et Mémoires 11, 1991. P. 487–526.
- Kazanski M. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion // Beiträge zur römischer und barbarischer Bewaffnung in

- der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim, Lubin -Marburg : Vorgeschichtliches Seminar der Phillips-Universität Marburg. 1994. P. 429–485.
- Kazanski M. Les antiquités germaniques de l'époque romaine tardive en Crimée et dans la région de la mer d'Azov // *Ancient West & East* I/2. 2002. P. 393–441.
- Kazanski M. Archéologie des peuples barbares. București – Brăila: Editura Academiei române. 2009.
- Schukin M., Kazanski M., Sharov O. Des Goths aux Huns : Le Nord de la mer Noire au Bas –Empire et à l'époque des Grandes Migrations. Oxford : Archaeopress (BAR –International Series 1535). 2006.
- Zosimus, *Historia Nova*. Ed. F. Paschoud, Paris : Les Belles Lettres, 1971.

REFERENCES

- Abramzon M.G., Frolova N.A. 2007–2008. Korpus bosporskih kladov antichnyh monet T. I (1834–2005 gg.). Simferopol', Kerch' : CAI BF «Demetra» (Bosporskie Issledovaniya, Suppl. 2).
- Abramzon M.G., Molev E.A. 2016. Klad pozdnebosporskih staterov iz Kiteja // *Vestnik drevnej istorii*. № 2. S. 387–409.
- Abramzon M.G., Novichihin A.M. 2019. «Zabytye» monetnye klady iz Anapskogo Arheologicheskogo muzeja (postupleniya 1980h gg.) // *HH Bosporskie chtenija* / Otiv. red. V.N. Zin'ko, E.A. Zin'ko, Simferopol', Kerch': NIC IAK KFU im. V.I. Vernadskogo; CAI BF «Demetra». S. 31–34.
- Abramzon M.G., Sudarev N.I. 2018. Klad pozdnebosporskih staterov iz okrestnostej Germonassy // *Rossijskaja Arheologija*. # 1. S. 150–163.
- Ajbabin A.I., 1990. Jetnicheskaja istorija rannevizantijskogo Kryma. Simferopol': Dar.
- Ajbabin A.I., 2003. Krym // *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v jepohu srednevekov'ja*. IV–XIII veka / Otiv. red. T.I. Makarova, S.A. Pletneva, Moskva: Nauka. S. 9–145.
- Ajbabin A.I., Hjredinova Je.A., 2017. Krymskie goty strany Dori (seredina III – VII vv.). Simferopol': Antikva.
- Ambroz A.K. 1966. Fibuly juga evropejskoj chasti SSSR (Svod Arheologicheskikh istochnikov, vyp. D1-30). Mosva: Glavnaja Redakcija Vostochnoj Literatury.
- Ammien Marcellin, *Histoire*, livres XIV–XXVIII (éd. J. Fontaine et alii), Paris, 1968–1996.
- Artamonov M.I. 1962. *Istorija hazar*. Leningrad : Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Jermitezha.
- Bolgov N.N. 1996. Zakat pozdneantichnogo Bospora. Belgorod: Izdatel'stvo Belgorodskogo gosudarstvennogo Universiteta.
- Bóna I., 2002. Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe (IVe–Ve siècles). Paris : Errance.
- De Baye J. 1892. La bijouterie des Goths en Russie // *Mémoires de la Société Nationale des Antiquaires de France*. Vol. 51. P. 359–372.
- Damm I.G. 1988. Goldschmiedarbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem Nördlichen Schwarzmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2 // *Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte*. Bd; 21. S. 65–210.
- Eger C., 2017. Die Hunnen kommen : die «Krone» aus Kerč // *Goldenes Zeitalter. 100 Meisterwerke der Völkerwanderungszeit* / Hrsg! F. Naumann-Steckner, M. Trier. Köln, München: Römisch-Germanisches Museum der Stadt Köln, Harmer Verlag GmbH. S. 98, 99.
- Frolova N.A. 1989. Vtorzhenija varvaskih plemen v goroda Severnogo Prichernomor'ja po numizmaticheskim dannym // *Sovetskaja Arheologija*. # 4. S. 196–206.
- Frolova N.A. 1997. Monetnoe delo Bospora. Tom 2. Moskva: Jeditorial URSS.
- Gajdukevich V.F. 1949. Bosporskoe carstvo. Moskva, Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR.
- I Goti. 1994. Milano : Electa.
- Isanchurin R.A., Isanchurin E.R. 1989. Monetnoe delo carja Rpdamsata // *Numizmatika i Jepigrafika*. Vyp. 15. S. 53–96.
- Jajlenko V.P. 2010. Tysjacheletnij Bosporskij rejh. Istorija i jepigrafika Bospora VI v. do n.je. – V v. n.je. Mskva : Grif i K.
- Kazanski M. 1991, Contribution à l'histoire de la défense de la frontière pontique au Bas-Empire, *Travaux et Mémoires* 11, 487–526.
- Kazanski M., 1994. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion // *Beiträge zur römischer und barbarischer*

Казанский М.М. Готы на Боспоре...

- Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim, Lubin -Marburg : Vorgeschichtliches Seminar der Phillips-Universität Marburg. P. 429–485.
- Kazanski M. 2002. Les antiquités germaniques de l'époque romaine tardive en Crimée et dans la région de la mer d'Azov // *Ancient West & Est* 1/2. P. 393–441.
- Kazanskij M.M., 1994. Mogily sarmato-alanskih vozhdjev IV v. v Pontijskih stepjah // *Materialy po Arheologii, Istorii i Jetnografii Tavrii*. T. IV. S. 238–256.
- Kazanskij M.M. 1999. Goty na Bospore Kimmerijskom // 100 let chernjahovskoj kul'ture / Red. M.E. Levada. Kiev: Tovarištvo Arheologii ta Antropologii. S. 277–297.
- Kazanski M., 2009. Archéologie des peuples barbares. București – Brăila: Editura Academiei române.
- Kazanskij M.M., 2016. Nahodka 1918 g. v Kerchi (kollekcija Mesaksudi) // *XVII Bosporskie chtenija*. S. 206–215.
- Kazanskij M.M. 2019. Nachalo jepohi velikogo pereselenija narodov na Bospore Kimmerijskom: itogi i perspektivy // *HH Bosporskie chtenija*. Bospor Kimmerijskij i varvarkij mir v period antichnosti i srednevekov'ja. Osnovnye togi i perspektiv / Otv. red. V.N. Zin'ko, E.A. Zin'ko, Simferopol', Kerch': NIC IAK KFU im. V.I. Vernadskogo; CAI BF «Demetra». S. 256–265.
- Kazanskij M.M., Mastykova A.V. 2007. Zolotaja grivna iz Fanagorii: o germancah na Bospore Kimmerijskom v pozdnerimskoe vremja // *VIII Bosporskie chtenija* / Otv. red. V.N. Zin'ko, E.A. Zin'ko, Kerch': CAI BF «Demetra». C. 169–177.
- Kazanskij M.M., Mastykova A.V., 2009. «Carskie» gunny i akaciry // *Gunny, goty, sarmaty mezhdru Volgoj i Dunaem* / Otv. red. A.G. Furas'ev. Sankt-Peterburg: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU. S. 114–126.
- Konstantin Bagrjanorodnyj. Ob upravlenii imperiej. Izd. G.G. Litavrin, A.P. Novosel'cev. Moskva: Nauka, 1989.
- Kropotkin V.V. 1978. Chernjahovskaja kul'tura i Severnoe Prichernomor'e // *Problemy sovetskoj arheologii* / Otv. red. V.V. Kropotkin, G.N. Matjushin, V.G. Peters, Moskva: Nauka. S. 147–163.
- Malashev V.Ju., 2000. Periodizacija remennyh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni // *Sarmaty i ih sosedi na Donu* / Otv. red Ju.K. Guguev. Rostov-na-Donu: Terra. S. 194–232.
- Mastykova A.V. 2009. Zhenskij kostjum Central'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ja v konce IV - seredine VI vv. Moskva: Institut Arheologii RAN.
- Prokopij iz Kesarii, Vojna s gotami. Per. S.P. Kondrat'eva. M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1950.
- Schukin M., Kazanski M., Sharov O. 2006, Des Goths aux Huns : Le Nord de la mer Noire au Bas -Empire et à l'époque des Grandes Migrations. Oxford : Archaeopress (BAR –International Series 1535).
- Sharov O.V. 2010. Dannye pis'mennyh i arheologicheskikh istochnikov o pojavlenii germancev na Bospore (problema vydelenija «germanskih drevnostej» na Bospore). // *Stratum plus*. 2010. № 4. S. 251–285.
- Sharov O.V. 2013. V poiskah strany «Ojum»: jepos ili real'nost'? // *Drevnosti Zapadnogo Kavkaza*. Vyp. 1. S. 118–155.
- Sharov O.V., Choref M.M. 2015. K voprosu o datirovke tabula ansata s imenem Julija Kallisfena // *Stratum plus*. 2015. № 4. S. 357–378.
- Sokol'skij N.I. 1963. Krepost' na gorodishhe u hutora Batarejka 1 // *Sovetskaja Arheologija*. № 1. S. 179–191.
- Vasil'ev A.A. 1921. Goty v Krymu. Chast' 1 // *Izvestija Rossijskoj Akademii Istorii Material'noj Kul'tury*. T. 1. S. 247–326.
- Vasil'ev A.A. O vremeni pojavlenija germanskih družin na Bospore // *Bosporskij fenomen* / Otv. red. I.Ju. Zuev. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Jermitazha, 2005. S. 343–349.
- Vinogradov Ju.G. 1998. Pozdneanichnyj Bospor i rannjaja Vizantija // *Vestnik Drevnej Istorii*. № 1. S. 233–262.
- Vol'fram H., 2003. Goty. SPb. : Juventa.
- Zaseckaja I.P., 1993. Materialy Bosporskogo nekropolja vtoroj poloviny IV- pervoj poloviny V vv // *Materialy po Arheologii, Istorii i Jetnografii Tavrii*. 3. S. 23–105.
- Zaseckaja I.P., 2003. Bosporskij nekropol' kak jetalonnij pamjatnik drevnostej IV - nachala VII veka // *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v jepohu srednevekov'ja*. IV-XIII veka / Otv. red. T.I. Makarova, S.A. Pletneva, Moskva: Nauka. S. 31–40.
- Zosimus, Historia Nova. Ed. F. Paschoud, Paris : Les Belles Lettres, 1971.

Резюме

Рассматриваются некоторые элементы материальной культуры из погребений знати, свидетельствующие о присутствии готов на Боспоре Киммерийском в начале эпохи Великого переселения народов. На Боспоре Киммерийском, уже в позднеримское время, хорошо представлены восточногерманские вещи, найденные в слоях поселений и в погребениях местного населения, – фибулы, подвески, гребни, керамика. Оптимальная дата черняховских вещей на Боспоре Киммерийском – это 300/320–400/410 гг. Надо особо отметить, что германские вещи начинают попадать в погребения высшей боспорской знати. При этом германские престижные вещи происходят из склепов, вне всякого сомнения принадлежащих местной, «греко-сарматской» погребальной традиции. Поэтому можно утверждать, что, с одной стороны, германцы были интегрированы в местную аристократическую среду, а с другой – что эта местная аристократия в эпоху переселения народов сохранила свои социальные позиции. Можно предполагать, что в середине IV века готы захватили власть на Боспоре Киммерийском, о чем косвенно свидетельствуют и письменные источники.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, готы, погребения знати, царь Дуптун.

Summary

Some elements of material culture from the burials of the nobility of the Cimmerian Bosphorus are examined, which testify to the presence of the Goths on the Cimmerian Bosphorus at the beginning of the Great Migration Period. In the Cimmerian Bosphorus, already in the late Roman time, East German things found in the layers of settlements and in the burials of the local population – brooches, pendants, ridges, and ceramics are well represented. The optimal date for German things in the Cimmerian Bosphorus is 300 / 320 – 400 / 410. It should be noted that German things begin to fall into the burials of the higher Bosphorus nobility. At the same time, German prestigious things come from crypts, without a doubt belonging to the local, «Greco-Sarmatian» funerary tradition. Therefore, it can be argued that, on the one hand, the Germans were integrated into the local aristocratic environment, and on the other, that this local aristocracy retained its social positions in the era of the migration of peoples. It can be assumed that in the middle of the 4th century the Goths seized power on the Cimmerian Bosphorus, as written sources indirectly testify to.

Key words: Bosphorus of Kimmerian, goths, burials of the nobility, King Duptun.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Казанский Михаил Михайлович,
доктор - кандидат,
Национальный центр научных исследований,
Лаборатория UMR 8167 «Восток и Средиземноморье»,
Центр исследований по истории и цивилизации
Византии, Париж, Франция,
ведущий научный сотрудник.
michel.kazanski53@gmail.com
(33) 2 31 34 38 60

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kazanski Michel,
dr. hab.,
Centre national de la recherche scientifique,
UMR 8167 «Orient et Méditerranée»,
Centre d'histoire et civilisation de Byzance
(Paris, France),
Directeur de Recherche.
michel.kazanski53@gmail.com
(33) 2 31 34 38 60

Рис. 1. Хронологические индикаторы периода D1 в привилегированных погребениях Боспора Киммерийского.

1,2,6-8,19,20: Два склепа 24.06.1904 г.; 3,9,12-14,17,18: тайник склепа 145.1904 г.; 4,5,10,11,15, 21,22: склеп 1914 г. у Тарханской дороги; 16: склеп 154.1904 г. По Засецкая, 1993.

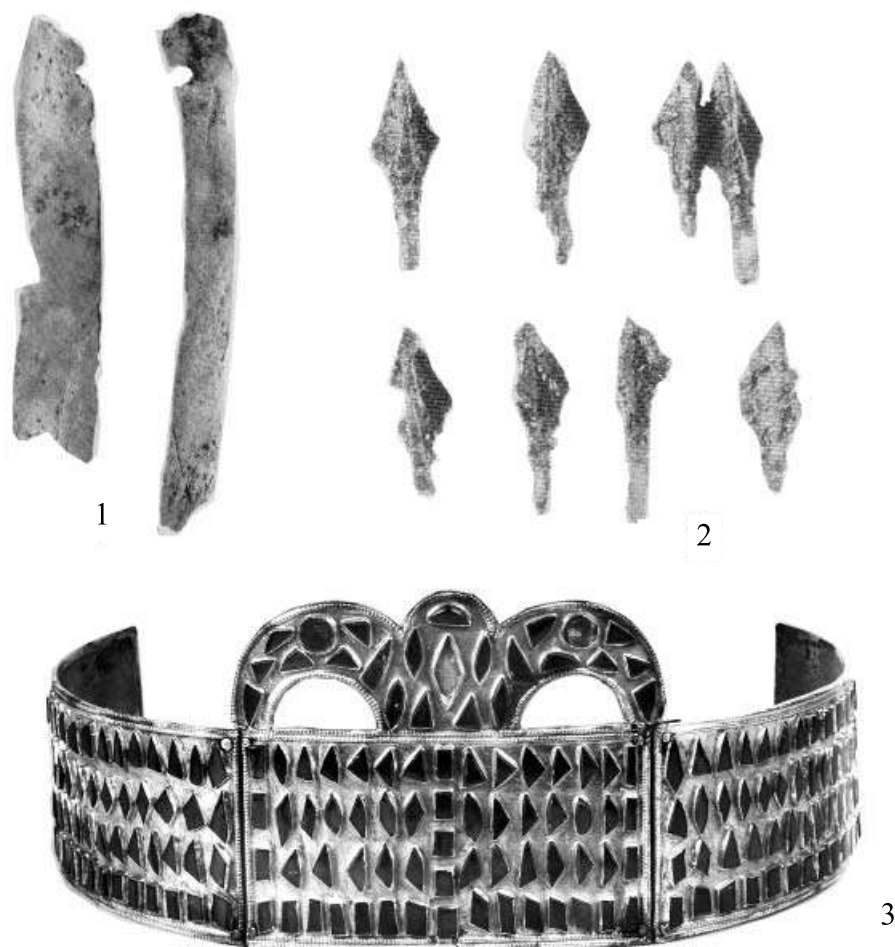

Рис. 2. Вещи гуннской традиции из Керчи.

1,2: склеп 154.1904 г. ; 3 : коллекция Дьергардта. 1,2: по Засецкая, 1993; 3: по Eger, 2017.

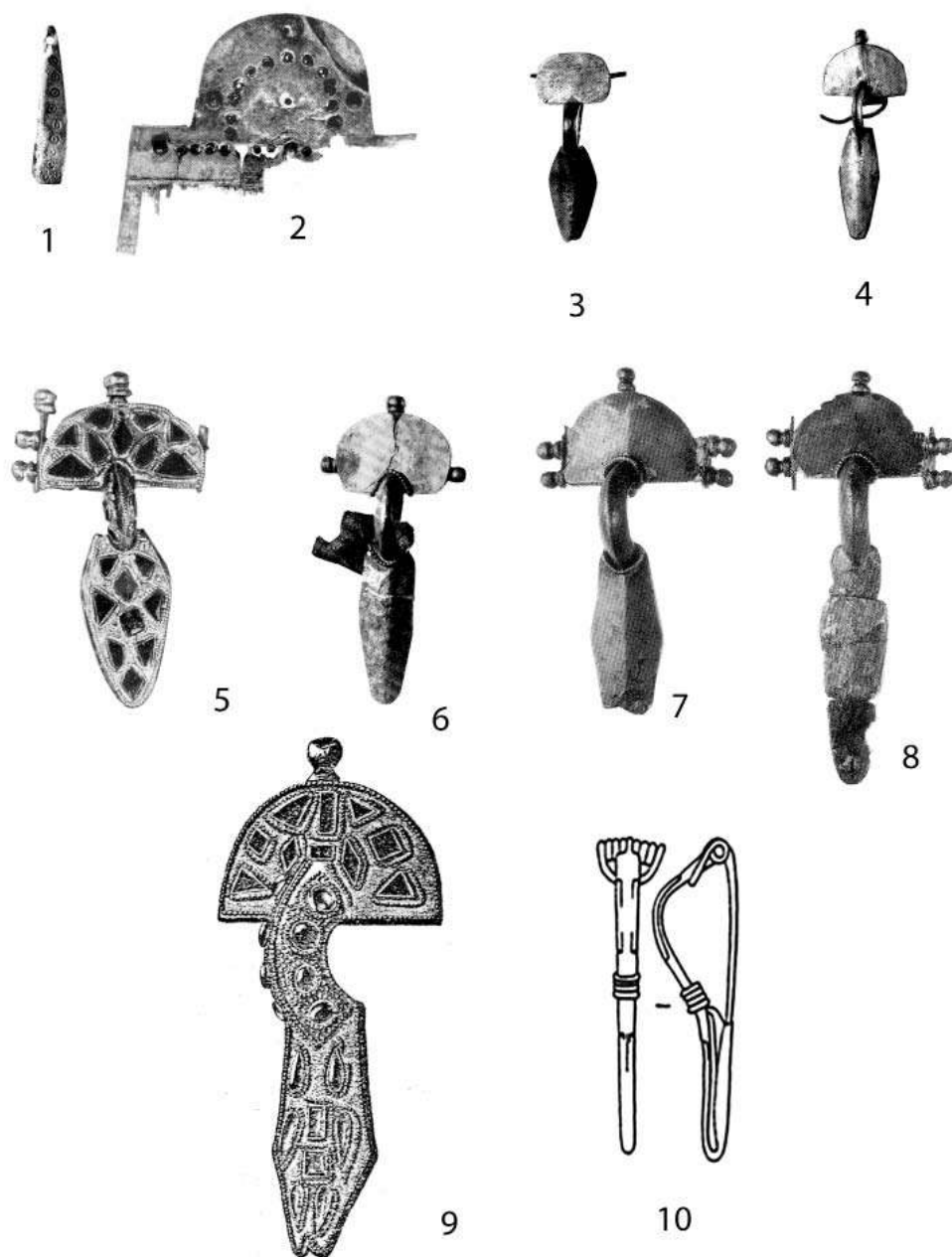

Рис. 3. Вещи восточногерманской традиции из Керчи.

1: склепы 177-178.1904 г.; 2: склепы 24.06.1904 г.; 3,4,6: склеп 165.1904 г.; 5,9,10: контекст неизвестен; 7,8: склеп 154.1904 г. 1-4,6: по Засецкая, 1993; 7,8: по I Goti 1994; 9,10: по Казанский, 1999.

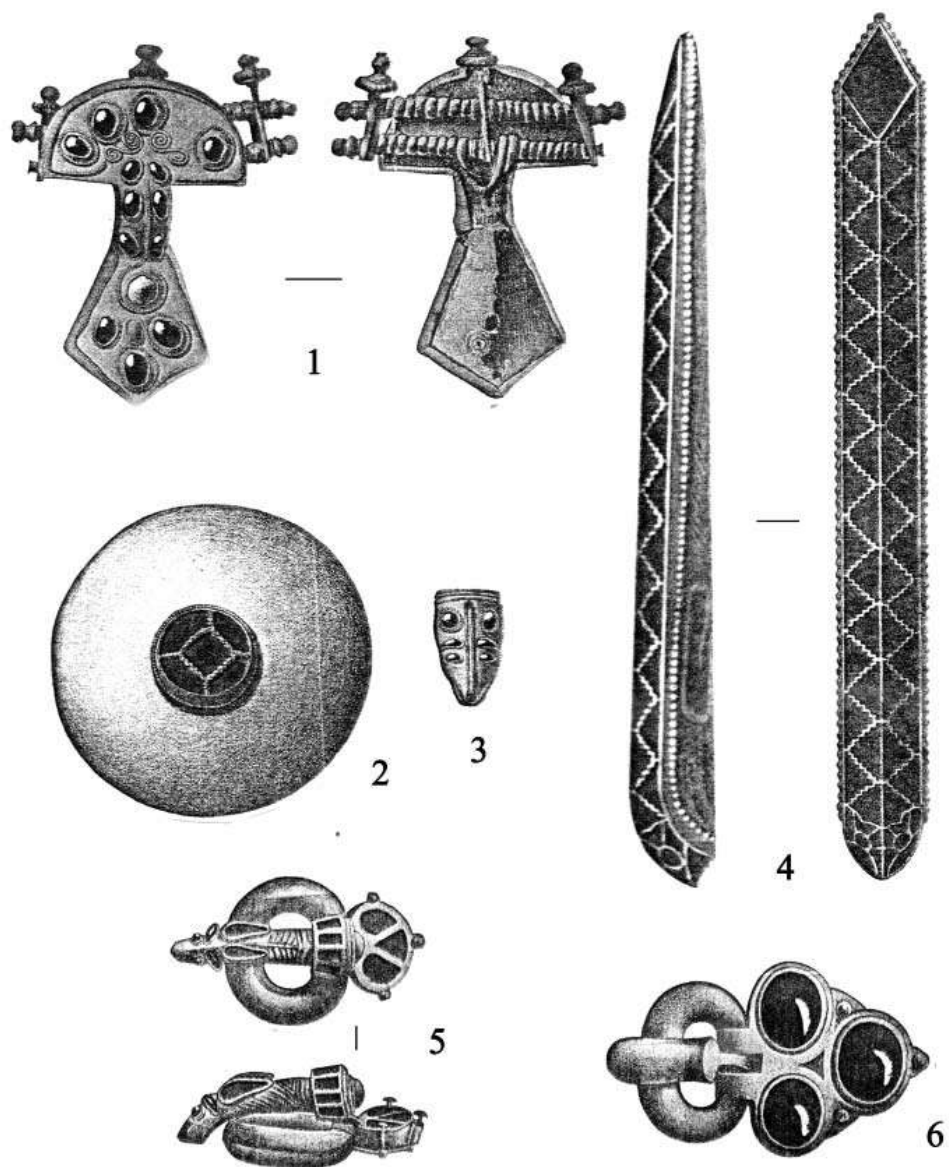

Рис. 4. Вещи из Новиковского склепа.
По De Baye, 1892.

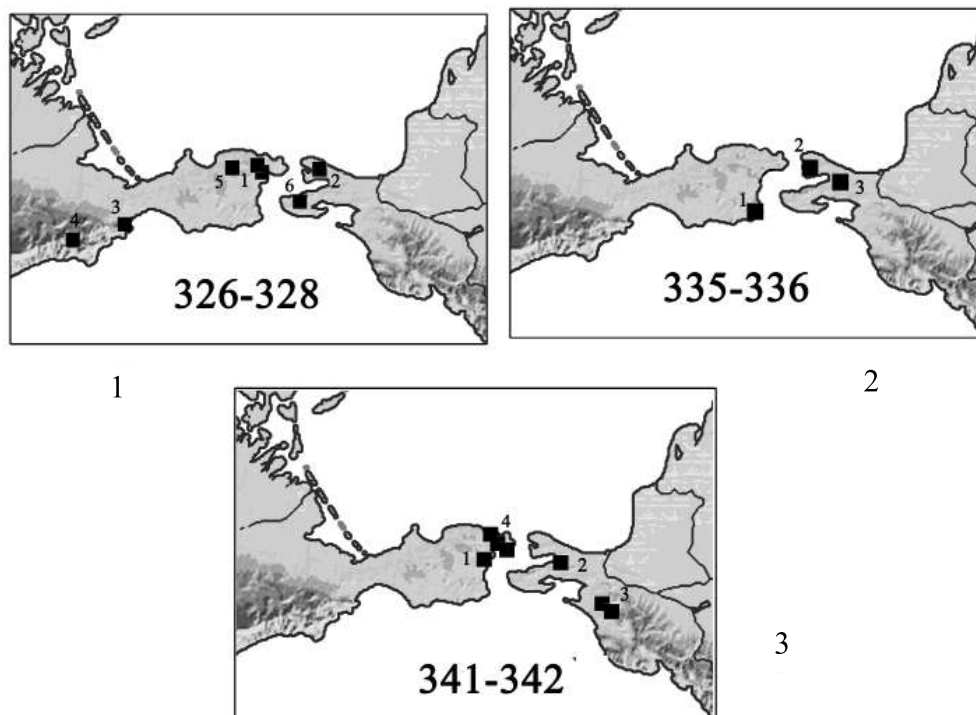

Рис. 5. Находки монетных кладов IV в. на территории Боспорского царства и в прилегающих регионах (по Абрамзон, Молев, 2016; Абрамзон, Сударев, 2018).

1 – 326-28 гг.: 1 – Керчь/Пантикапей; 2 – Ильичевка; 3 – Феодосия; 4 – Таракташ; 5 – Андреевка Северная; 6 – Тамань.
2 – 335-336 гг.: 1 – Китей; 2 – Батареика; 3 – Патрей. 3 – 341-342 гг.: 1 – Тиритака; 2 – Келы; 3 – Гайкодзор; 4 – Керчь.

Рис. 6. Дарственные блюда Констанция II из керченских склепов.
1: склепы 24.061904 г.; 2: склеп 145.1904 г. По Засецкая, 1993.

Н.А. АЛЕКСЕЕНКО
N.A. ALEKSEIENKO

**ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ
ВИЗАНТИЙСКИХ ПЕЧАТЕЙ В КРЫМУ
PERSPECTIVES ON RESEARCHES
OF BYZANTINE SEALS IN THE CRIMEA**

Уже не раз отмечалось, что среди археологических источников, определяющих основную составляющую для исследования проблем истории развития византийской Таврики в целом и ее отдельных центров (Херсон, Сугдея, Боспор и др.), неизменный интерес представляют памятники сфрагистики. Еще со времен Г. Шлюмберже и Н.П. Лихачева становятся известными находки византийских печатей не только в Херсоне [Schlumberger, 1881, p. 136–154; 1884, p. 235–238; Лихачев, 1991, с. 57, 58; Sokolova, 1993, p. 99–111], но и в Восточном Крыму, и на Тамани [Степанова, 2007, с. 364–374]. С последней четверти XX столетия значительным центром на сфрагистической карте византийской Таврики стала и Сугдея [Šandrovskaĵa, 1993, p. 85–98; 1995, p. 153–162; Stepanova, 1999, p. 47–58; 2003, p. 123–130; Степанова, 2001, с. 97–108; Булгакова, 2008, с. 296–330].

В последнее время новые находки моливдовулов, несущих беспристрастную информацию об их собственниках, всё чаще и чаще существенно дополняют скудные сведения средневековых хронистов и немногочисленных памятников эпиграфики, позволяя в новом свете представить место и роль средневековой Таврики в интересах византийского государства и константинопольского патриархата в различные периоды её истории. Сегодня печати находят в самых разных регионах Крыма, что в известной степени даёт возможность представить территорию определенного византийского влияния на самых северных границах империи [Алексеев, 2011, с. 121–135; 2013а, с. 405–414; 2016а, с. 6–18]. В то же время лидирующими в количестве находок печатей по-прежнему остаются Юго-Западная Таврика (в большей степени византийский Херсон и его окрестности). Но это и понятно, т.к. Херсон длительное время оставался главным форпостом Византии в Таврике и здесь были в основном сосредоточены основные административные силы, управлявшие провинцией.

Ценность крымской коллекции византийских печатей состоит в том, что на её основе представляется возможным не только проследить эволюцию органов местного управления и определить основные этапы формирования византийской администрации в Таврике, но и благодаря данным сфрагистики проникнуть в специфику взаимоотношений империи с периферией во всём их многообразии и особенностях. Что, в свою очередь, позволяет рассматривать моливдовулы наравне с письменными свидетельствами как исключительно перспективный разряд

источников, обладающих ценнейшей информацией и по истории региона в целом, и по отдельным отраслям её развития – политике, экономике, финансам, военным и торговым отношениям.

Находка в акватории Херсона целого комплекса византийских печатей VI–XIII вв. [Алексеев, 1996, р. 8414; 2006, с. 7–16] и до сих пор продолжающиеся находки новых булл как на городище [Алексеев, 2013b, с. 277, 285, рис. 1; 2017a, с. 103, 104], так и вне его [Алексеев, 2015a, с. 192–207; 2019a, с. 95–110, рис. 1–9] к настоящему времени позволили не только выстроить определенную модель административного устройства этой военно-административной области империи, но и показать её характерные особенности, сначала связанные с организацией архонтии Херсона в VIII в., затем фемы-стратегии в середине IX в. и, наконец, со знанием во второй половине XI столетия катепаната Херсона и Хазарии [Алексеев, Цепков, 2012, с. 7–17; Алексеев, 2015b, с. 345–418; 2016b, с. 435–474].

Согласно памятникам сфрагистики администрация Херсона в целом предстаёт в образе традиционных должностных лиц имперских провинциальных властей (стратегии, *ἐκ πρὸςβίου*, коммерции, нотариусы), что, безусловно, свидетельствует о государственном характере их службы. В то же время появление своеобразных местных «внетабельных» чиновников, не входивших в официальные списки обширного бюрократического аппарата империи (киры, экдик, патер полиса, протевонты), демонстрирует очевидную специфику в управлении провинцией, надо полагать, сохранявшей определённые привилегии для представителей местного нобилитета, поступивших на государственную службу [Алексеев, 2017b, с. 19–168].

Однако данные херсонских печатей представляют не только местных должностных лиц, входивших во властные структуры управления провинцией, но и многочисленных представителей обширного имперского бюрократического аппарата, занимавших самые разные ступени на чиновничьей иерархической лестнице, что, собственно, и даёт ценнейшую информацию о взаимоотношениях Херсона с окружающим миром, его контактах и связях с самыми разными корреспондентами. Печати адресантов Херсона во многих случаях позволяют подтвердить или дополнить свидетельства письменных и других источников о самых различных сферах его жизнедеятельности, его сношениях с высшей властью – византийскими императорами и константинопольскими патриархами; придворной аристократией и центральной администрацией; различными гражданскими и военными ведомствами и службами, провинциальными епархиями и торгово-экономическими партнерами [Алексеев, 2016c, с. 133–149].

Блестящей иллюстрацией особой заинтересованности в Херсоне как проводнике и защитнике имперских интересов, неразрывно связанных с продвижением идей христианства, безусловно, являются находки печатей императоров [Алексеев, 1999, с. 145–160; 2009, с. 237–241; 2019b, с. 121–139], константинопольских патриархов и периферийных церковных сановников [Юревич, 1886, с. 20–21; Соколова, 1991, с. 209, 210, № 33, 40; 1992, с. 195, 196; Смычков, 1999,

с. 124–129; Алексеенко, 1990, с. 25–29; 1999/2000, с. 95–103; 2004а, с. 260–264; 2007, с. 11–16; Алексеенко, Самойленко, 2008, с. 91–99; Alekseenko, Romancuk, Sokolova, 1995, p. 150–151. nr. 14].

Важное стратегическое положение Херсона, как форпоста империи, обуславливало постоянное внимание к городу и со стороны различных чинов византийской армии и флота, о чем свидетельствуют находки печатей комитетов различных рангов, турмархов, друнгариюв и стратигув фем Сицилии, Эллады, Фесалоники, Кефалонии, Армениака [Алексеев, 2008, с. 8–15; 2014, с. 69–83].

Анализ корреспондентских булл показывает, что Херсон не только не был обделен вниманием различных имперских и провинциальных ведомств, но, очевидно, играл весьма заметную роль в защите финансово-экономических интересов империи и в развитии международной торговли в причерноморском регионе [Aleksèenko, 2003, p. 75–83; Алексеенко, 2013b, с. 275–285]. Находки печатей представителей фиска и таможен очерчивают вполне определенный ареал контактов местных чиновников со своими коллегами не только из столицы (многочисленные печати главных логофетов) [Алексеенко, 2003, с. 174–205], но и центров Южного Причерноморья, Геллеспонта и малоазийского побережья Средиземноморья [Алексеенко, 1997, с. 122–133; 2004b, с. 265–275; 2015с., с. 415–424], существовавших по крайней мере с середины VII в. вплоть до второй половины XI столетия.

Таким образом, совокупность сфрагистических данных на современном этапе показывает достаточно широкий, но, надо полагать, сегодня далеко не исчерпывающий спектр связей византийской Таврики и её стратегического центра Херсона – города-порта и города-стража с его спецификой и особенностями и даёт возможность во многом по-новому рассматривать и роль региона в кругу имперских интересов в Северном Причерноморье, и место в них главного византийского форпоста в Таврике [Алексеев, 2016с, с. 133–149]. В последнее время растёт не только количество самих печатей, но и ширится ареал их распространения по территории полуострова (рис. 1).

В ассортименте сфрагмистических постов и рангов появляются всё новые и новые фигуранты. Совсем недавно введены в научный оборот ранее не встречавшиеся в Крыму моливдовулы: коммеркиария южно-понтйского города-порта Амиса Кирилла (конец VIII – начало IX вв.) [Алексеев, 2018а, с. 248–257] и одного из функционеров столичного элитного корпуса Великой этерии, императорского спатария Евстафия (вторая половина X в.) [Алексеев, 2018b, с. 102–119]. Среди церковных булл, иллюстрирующих широкие связи Таврики с византийскими паломническими центрами, особый интерес вызывают печати трёх широко известных монашеских обителей с Южнопонтйского и Малоазийского побережий – монастырей Апостолон в Руфинианах (Пропонтида), в котором в церкви Петра и Павла хранились полученные из Рима ещё в IV в. мощи прославленных апостолов [Janin, 1975, р. 37]; и Хрисеас Петра (Пафлагония), посвящённого св. Илие [Janin, 1975, р. 116, 442; McGeer, Nesbitt, Oikonomides, 2001, р. 43, нр. 14.1] и Святой Троице из пред-

местья византийской столицы – Борадиона на Босфоре, датируемые X – рубежом XI/XII вв. [Алексеев 2019с, с. 225–241].

Но сегодня ещё ждет отдельных публикаций целый ряд важных и ценных для крымской истории памятников сфрагистики. Среди них можно выделить императорскую печать Алексея I Комнина (рис. 2) из округа византийского Херсона.

1. Частная коллекция. Местонахождение неизвестно.

D – 22 mm.

Аверс. Изображение Иисуса Христа в крестчатом нимбе, сидящего на престоле с прямой высокой спинкой, украшенной по краям рядом крупных жемчужин; правая рука поднята к груди. Титлы по сторонам [IC – XC] – не сохранились.

Реверс. Изображение фигуры императора в рост, анфас, держащего в правой руке лабарум, а в левой – державу, увенчанную крестом. По кругу частично сохранившаяся надпись, представленная в дательном падеже: слева – +ΑΛΕΧΙΩ Δ; справа – [ΕC]ΓΟΤ [ΤΩ ΚΟΜΝ] – Αλεξίω δε[εc]πότ(η) [τῷ Κομν(ηνῷ)] – Алексей Комнину, деспоту. Полный текст легенды печати восстанавливается по аналогичным экземплярам из собрания Государственного Эрмитажа [Соколова, 2007, с. 79–85, № 147–164].

1081–1118 гг.

Находка этой буллы в Крыму является очевидным подтверждением известных по письменным источникам стремлений Византии укрепить свои позиции в конце XI – на рубеже XI/XII столетий.

Не малый интерес вызывает патриарший моливдовул Мефодия I Омологита (843–847), найденный недавно в Горном Крыму, на городище Тепе-Кермен (рис. 3).

2. Частная коллекция К. Ефименко¹ (Севастополь).

D – 35 x 39 mm; толщина заготовки – ок. 4 mm; вес – 41 g.

Аверс. В ободке из слившихся в линию жемчужин (практически не сохранился) изображение фигуры Богородицы Одигитрии в нимбе, анфас, держащей на левой руке младенца Иисуса Христа в нимбе. По кругу остатки надписи с инвокативным обращением к Богородице, начинающейся слева внизу: слева – [VΠΕΡΑΓΙΑ ΘΕΟ] (не сохранилась); справа – ...ΤΟΚΕ ΒΟΗΘΕΙ – [Υπεραγία Θεο]τόκε βοήθει – Пресвятая Богородица, помоги. Полный текст легенды восстанавливается по аналогичным экземплярам из коллекции Г. Закоса [Zacos, 1984, p. 4, 5, nr. 5].

Реверс. Шестистрочная надпись (ободок практически не сохранился):

+ΜΕΘΟΔΙ	Μεθοδί
ΩΕΠΙΣΚΟΠΩ	ω ἐπισκόπῳ
ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΩ	Κωνσταντίνου
ΠΟΛΕΩΣ ΔΟΥΛΩ	πόλεως δούλῳ
ΤΩΝ ΔΟΥΛΩΝ	τῶν δούλων
ΤΟΝ ΘΕΟΥ	τοῦ Θεοῦ

¹ Благодарю Константина Ефименко за предоставленную возможность публикации этого интересного и важного для истории Крыма памятника.

Ὑπεραγία Θεοτόκε, βοήθει Μεθοδίω, ἐπίσκοπῳ Κωνσταντινουπόλεως
 δούλῳ τῶν δούλων τοῦ Θεοῦ – Пресвятая Богородица, помоги Мефодию,
 епископу Константинополя, слуге (рабу) слугителей Господа.

Не исключено, что появление патриаршей буллы в Крыму следует связывать с церковными событиями, ознаменовавшими окончание иконоборческого движения и официального восстановления иконопочитания в Византии в марте 843 г.

Новую неожиданную информацию даёт нам и булла Косьмы, главного коммер-
киария провинции Понт (первая половина IX в.), обнаруженная на юго-восточном
побережье Крыма, в окрестностях Коктебеля (рис. 3).

3. Частная коллекция Ю. Цепкова² (Севастополь)

D – 31 mm; толщина заготовки – 1,5–2,0 mm; вес – 15,2 g.

Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма [Laurent, 1952, pl. LXX, V] с тетраграммой [T]ω - Cω | [Δ]ϑ - Λω в углах в «верёвочном» ободке.

Реверс. Четырёхстрочная надпись в «верёвочном» ободке.

•

[+]ΚΟΣΜΑ	Κοσμά
ΓΕΝΝΙΚΩ	γεννικῶ
ΚΟΜΕΡΚΙΤῚ	κομμερκ(ιαρίῳ) τοῦ
ΠΟΝΤῚ	Πόντου

Θεοτόκε βοήθει τῷ σῶ δούλῳ Κοσμᾷ γενικῶ κομμερκιαρίῳ τοῦ Πόντου
 – Богородица, помоги твоему рабу Косме,
 главному коммеркиарию Понта.

Фрагмент аналогичного моливдовула известен в коллекции Г. Закоса [Zacos, Veglery, 1972, p. 1156, nr. 2077a], а также в составе судакского архива печатей [Stepanova, 1999, p. 56, nr. 20]. Не исключено, что новую находку можно связывать с городищем, располагавшимся на плато Тепсень, которое имело собственный порт именно в окрестностях современного посёлка Коктебель.

Нельзя не отметить, что выше перечисленные и другие не менее интересные сфрагистические памятники, еще ожидающие своих публикаций, показывают самый широкий спектр контактов полуострова и одновременно с этим демонстрируют очевидные предпосылки того, что и в дальнейшем нас ожидают большие перспективы новых удивительных открытий не только в области византийской сфрагистики, но и в истории развития взаимоотношений византийской Таврики и её отдельных центров (Херсона, Сугдеи, Боспора и других менее известных мест) как с окружающим их миром греческой ойкумены, так и центральными и периферийными регионами империи, их административными структурами и отдельными представителями византийской придворной аристократии.

² Выражаю глубокую благодарность своему соратнику по увлечению, Юрию Цепкову, за постоянную заботу о развитии сфрагистической науки и возможность изучения и публикации моливдовулов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеевко Н.А.* Патриарший моливдовул из Херсонеса // АДСВ. – Свердловск, 1990. Вып. 25. С. 25–29.
- Алексеевко Н.А.* Уникальная находка группы византийских печатей из Херсона // «Byzantium Identity, Image, Influence». XIX International Congress of Byzantine Studies. (University of Copenhagen, 18–24 August, 1996). Abstracts of Communications. – Copenhagen, 1996. С. 8414.
- Алексеевко Н.А.* Моливдовулы адресантов Херсона // Древности–1996. – Харьков, 1997. С. 122–133.
- Алексеевко Н.А.* Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора по данным императорских моливдовулов // Древности 1997–1998. – Харьков, 1999. С. 145–160.
- Алексеевко Н.А.* Печати церковных иерархов из Херсона // Nomos. – Krakow, 1999/2000. Nr. 28/29. С. 95–103.
- Алексеевко Н.А.* Печати главных логофетов из херсонского архива // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. Вып. 34. С. 174–205.
- Алексеевко Н.А.* Булла патриарха Николая Мистика из Херсона // Древности 1999–2000. – Харьков, 2004а. С. 260–264.
- Алексеевко Н.* Чиновники балкано-малоазийского региона на моливдовулах херсонского архива // Acta Musei Varnensis. – Varna, 2004b, Т. 2. С. 265–275.
- Алексеевко Н.А.* Херсонский архив печатей: миф или реальность? // ХСБ. – Севастополь, 2006. Вып. XV. С. 7–16.
- Алексеевко Н.А.* Печать Митрофана Смирнского из Херсона – ссыльный митрополит в Таврике // Sacrum et Profanum. – Севастополь, 2007. Т. III. Небесные патроны и земные служители культа. С. 11–16.
- Алексеевко Н.А.* Торговый и военный порт византийского Херсона по данным печатей представителей морского ведомства империи // Сугдейский сборник. – Киев; Судак, 2008. Вып. III. С. 8–15.
- Алексеевко Н.А.* Новые императорские моливдовулы из Херсона (к вопросу о малых печатях византийских императоров) // Древности–2009. – Харьков, 2009. С. 237–241.
- Алексеевко Н.А.* Новые находки византийских печатей на территории Крыма // АДСВ. – Екатеринбург, 2011. Вып. 40. С. 121–135.
- Алексеевко Н.А.* Печать аристократа Иоанна Комнина с Южного берега Крыма: новые данные к сфрагистической карте // МАИЭТ. – Симферополь, 2013а. Вып. XVIII. С. 405–414.
- Алексеевко Н.А.* Ранневизантийская Таврика в ареале интересов имперских таможен (находки моливдовулов коммерциариев как отражение процесса развития крымских городских центров в «темные века») // БИ. – Керчь, 2013b. Вып. XXVIII. С. 275–285.
- Алексеевко Н.А.* Данные моливдовулов как важный источник по истории византийской армии и флота (на примере находок из Херсона) // Военная история России: проблемы, поиски, решения. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Первой мировой войны. – Волгоград, 2014. С. 69–83.
- Алексеевко Н.А.* Новые сфрагистические данные по истории византийского Херсона VII–IX вв. // АДСВ. – Екатеринбург, 2015а. Вып. 43. С. 192–207.
- Алексеевко Н.А.* Имперская администрация в Крыму и Херсон в X – первой половине XI в.) // РИС – М., 2015b. Т. 8: Средневековый Херсон X–XI вв. С. 345–418.
- Алексеевко Н.А.* Византийская Таврика в системе имперских финансовых и экономических коммуникаций по данным печатей чиновников фиска и торгово-таможенной службы // ТГЭ. – СПб., 2015с. Т. LXIV. С. 415–424.
- Алексеевко Н.А.* Новые сфрагистические находки в окрестностях византийского Херсона (к вопросу об адресатах корреспонденции) // Вестник ВолГУ. – Волгоград, 2016а. Т. 21. № 5. С. 6–18.
- Алексеевко Н.А.* Имперская администрация Херсона: от архонтии до катепаната (по данным сфрагистики) // ДГВЕ 2014 г. Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. – М., 2016b. С. 435–474.
- Алексеевко Н.А.* «И страж, и пастырь, и купец...»: византийский Херсон в зеркале данных сфрагистики // ВВ. – М., 2016с. Т. 75 (100). С. 133–149.

Алексеев Н.А. Перспективы исследований... ██████████

- Алексеевко Н.А.* Византийская Таврика во второй половине XI века и новая печать Льва Алиата из Херсона // Вестник ВолГУ. – Волгоград, 2017а, Т. 22, № 5. С. 100–111.
- Алексеевко Н.А.* Византийский Херсон VI–XIII столетий в памятниках сфрагистики. 1. Чиновники Херсона VIII–XI вв. – Севастополь, 2017b.
- Алексеевко Н.А.* Моливдовул коммеркиария Амиса из византийского Херсона // БИ. – Керчь, 2018а. Вып. XXXVI. С. 248–257.
- Алексеевко Н.А.* Новые данные о связях юго-восточной Таврики с имперским военным ведомством на рубеже X/XI вв. // АДСВ. – Екатеринбург, 2018b. Вып. 46. С. 102–119.
- Алексеевко Н.А.* Ранневизантийское чиновничество в Юго-Западной Таврике в свете сфрагистических данных из Херсона и его окружи // Вестник ВолГУ. – Волгоград, 2019а, Т. 24, № 6. С. 95–110.
- Алексеевко Н.А.* Византия и Крым в контексте имперских интересов в Северном Причерноморье. Новые находки императорских моливдовулов в Таврике // АДСВ. – Екатеринбург, 2019b. Вып. 47. С. 121–139.
- Алексеевко Н.А.* Межцерковные связи византийской Таврики: традиции и новации (находки монастырских моливдовулов в Херсоне и его округе) // БИ. – Керчь, 2019с. Вып. XXXVIII. С. 225–241.
- Алексеевко Н.А., Самойленко Ю.Н.* Моливдовулы деятелей церкви из херсонского архива: новые находки // Acta Musei Varnensis. – Varna, 2008. Т. VII (2). С. 91–99.
- Алексеевко Н.А., Цепков Ю.А.* Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // ХСб. – Севастополь, 2012. Вып. XVII. С. 7–17.
- Булгакова В.А.* Сигиллографический комплекс порта Сугдеи (материалы подводных исследований 2004–2005 гг.) // Сугдейский сборник. – Киев; Судак, 2008. Вып. III. С. 296–330.
- Лихачев Н.П.* Моливдовулы греческого Востока. // Научное наследство. – М., 1991. Т. 19.
- Смычков К.Д.* Печати церковных иерархов из Херсона. // АДСВ. – Екатеринбург, 1999. Вып. 30. С. 124–129.
- Соколова И.В.* Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса. // ВВ. – М., 1991. Т. 52. С. 201–225.
- Соколова И.В.* Византийские печати из Херсонеса // АДСВ. – Екатеринбург, 1992. Вып. 26. С. 191–203.
- Соколова И.В.* Печати византийских императоров. Каталог коллекции. – СПб., 2007.
- Степанова Е.В.* Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. – Екатеринбург, 2001. Вып. 32. С. 97–108.
- Степанова Е.В.* Византийские печати, найденные в Керчи и на Таманском полуострове из собрания Н.П. Лихачева // МАИЭТ. – Симферополь; Керчь, 2007. Вып. XIII. С. 364–374.
- Юргевич В.Н.* Две печати, найденные в византийском Херсонесе // ЗООИД. – Одесса, 1886. Т. 14. С. 1–21.
- Aleksëenko N.* Les relations entre Cherson et l'Empire, d'après le témoignage des sceaux des archives de Cherson // SBS. – München; Leipzig, 2003. Vol. 8. P. 75–83.
- Alexeenko N., Romančuk A., Sokolova I.* Die neuen Funde an Bleisiegeln aus Cherson // SBS. – Washington, 1995. Vol. 4. 139–151.
- Janin R.* Les églises et les monastères des grands centres byzantine. – Paris, 1975.
- Laurent V.* Documents de sigillographie byzantine. La collection C. Orghidan. – Paris, 1952.
- McGeer E., Nesbitt J., Oikonomides N.* Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. – Washington, 2001. Vol. 4. The East.
- Schlumberger G.* Sceaux byzantins le thème de Cherson et la Bulgarie // Mémoires de la Société Nationale des Antiquaires de France. – Paris, 1881. P. 136–154.
- Schlumberger G.* Sigillographie de l'empire byzantin. – Paris, 1884.
- Sokolova I.V.* Les sceaux Byzantins de Cherson // SBS. – Washington, 1993. Vol. 3. P. 99–111.
- Stepanova E.* New Seals from Sudak // SBS. – Washington, 1999. – Vol. 6. P. 47–58.
- Stepanova E.* New Seals from Sudak // SBS. – Washington, 2003: Vol. 8. P. 123–130.
- Šandrovskaja V.* Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak // SBS. – Washington, 1993. Vol. 3. P. 85–98.

Šandrovskaja V. Die Neuen Funde an byzantinischen Bleisiegel auf der Krim // SBS. – Washington, 1995. Vol. 4. P. 153–162.

Zacos G. Byzantine Lead Seals. – Berne, 1984. Vol. 2.

Zacos G., Veglery A. Byzantine Lead Seals. – Basel, 1972. Vol. 1.

REFERENCES

- Alekseienko N.A. Patriarshij molivdovul iz Khersonesa. *Antichnaja drevnost i srednie veka*. Ekaterinburg, 1990. Vyp. 25, pp. 25–29.
- Alekseienko N.A. Unikalnaja nachodka gruppy vizantijskich pecatej iz Chersona. «Byzantium Identity, Image, Influence». *XIX International Congress of Byzantine Studies*. (University of Copenhagen, 18–24 August, 1996). Abstracts of Communications. Copenhagen, 1996, p. 8414.
- Alekseienko N.A. Molivdovuly adresantov Chersona. *Drevnosti 1996*. Kharkov, 1997, pp. 122–133.
- Alekseienko N.A. Provintsialnyj Cherson v sfere interesov vizantijskogo dvora po dannym imperatorskikh molivdovulov. *Drevnosti 1997–1998*. Kharkov, 1999, pp. 145–160.
- Alekseienko N.A. Pechati tzerkovnykh ierarchov iz Chersona. *Nomos*. Krakow, 1999/2000. Vol. 28/29, pp. 95–103.
- Alekseienko N.A. Pechati glavnykh logofetov iz Chersonskogo archiva. *Antichnaja drevnost i srednie veka*. Ekaterinburg, 2003. Vyp. 34, pp. 174–205.
- Alekseienko N.A. Bulla Patriarcha Nikolaja Mistika iz Chersona. *Drevnosti 2004*. Kharkov, 2004, pp. 260–264.
- Alekseienko N. Chinovniki balkano-maloazijskogo regiona na molivdovulakh khersonskogo archiva. *Acta Musei Varnensis*. Varna, 2004. Vol. 2, pp. 265–275.
- Alekseienko N.A. Chersonskij archiv pečatej: mif ili realnost? *Chersonesskiy sbornik*. Sevastopol, 2007. Vyp. XV, pp. 7–16.
- Alekseienko N.A. Pechat Mitrofana Smirnskogo iz Chersona – ssylnyj mitropolit v Tavrike. *Sacrum et Profanum*. Sevastopol, 2007. Vol. III. Nebesnye patrony i zemnye sluzhiteli kulta, pp. 11–16.
- Alekseienko N. A. Torgovyj i voennyj port vizantijskogo Chersona po dannym pečatej predstavitelej morskogo vedomstva imperii. *Sugdejskij sbornik*. Kiev; Sudak, 2008. Vyp. III, pp. 8–15.
- Alekseienko, N.A. Novye imperatorskie molivdovuly iz Chersona (k voprosu o malych pečatjach vizantijskich imperatorov). *Drevnosti 2009*. Kharkov, 2009, pp. 237–241.
- Alekseienko N.A. Novye nahodki vizantijskich pečatej na territorii Kryma. *Antichnaja drevnost i srednie veka*. Ekaterinburg, 2011. Vyp. 40, pp. 121–135.
- Alekseienko N.A. Pechat aristokrata Ioanna Komnina s juzhnogo berega Kryma: novye dannye k sfragisticheskoi karte. *Materialy po archeologii, istorii i etnografii Tavrii*. Simferopol, 2013. Vyp. XVIII, pp. 405–414.
- Alekseienko N.A. Rannevizantijskaja Tavrika v areale interesov imperskikh tamozhen (nahodki molivdovulov kommerciariev kak otrazhenie processa razvitija krymskikh gorodskikh centrov v «temnye veka»). *Bosporskie Issledovanija*. Kerch, 2013. Vyp. XXVIII, pp. 275–285.
- Alekseienko N.A. Dannye molivdovulov kak vazhnyj istochnik po istorii vizantijskoj armii i flota (na primere nakhodok iz Chersona). *Voennaja istorija Rossii: problemy, poiski, reshenija*. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferenczii, posviashchennoj 100-letiju Pervoj mirovoj voiny. Volgograd, 2014, pp. 69–83.
- Alekseienko N.A. Novye sfragisticheskie dannye po istorii vizantijskogo Chersona. *Antichnaja drevnost i srednie veka*. Ekaterinburg, 2015a. Vyp. 43, pp. 192–207.
- Alekseienko N.A. Imperskaja administracija v Krymu i Cherson v X – pervoj polovine XI vv.). *Russkij istoricheskij sbornik*. Moscow, 2015b. Vol. 8. Srednevekovyj Cherson X–XI vv., pp. 345–418.
- Alekseienko N.A. Vizantijskaja Tavrika v sisteme imperskikh finansovykh i jekonomicheskikh kommunikacij po dannym pečatej chinovnikov fiska i torgovo-tamozhennoj sluzhby. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*. SPb., 2015c. Vol. LXIV, pp. 415–424.
- Alekseienko N.A. Novye sfragisticheskie nahodki v okrestnostjach vizantijskogo Chersona (k voprosu ob adresatach korrespondenczii). *Vestnik VolGU*. Volgograd, 2016a. Ser. 4. Vol. 21, № 5, pp. 6–18.

- 166

Боспорские исследования, вып. XL

- Schlumberger G. Sceaux byzantins le thème de Cherson et la Bulgarie. *Mémoires de la Société Nationale des Antiquaires de France*. Paris, 1881, pp. 136–154.
- Schlumberger G. *Sigillographie de l'empire byzantin*. Paris, 1884.
- Sokolova I.V. Les sceaux Byzantins de Cherson. *Studies in Byzantine Sigillography*. Washington, 1993. Vol. 3, pp. 99–111.
- Stepanova E. New Seals from Sudak. *Studies in Byzantine Sigillography*. Washington, 1999. Vol. 6, pp. 47–58.
- Stepanova E. New Seals from Sudak. *Studies in Byzantine Sigillography*. Washington, 2003. Vol. 8, pp. 123–130.
- Šandrovskaja V. Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak. *Studies in Byzantine Sigillography*. Washington, 1993. Vol. 3, pp. 85–98.
- Šandrovskaja V. Die Neuen Funde an byzantinischen Bleisiegel auf der Krim. *Studies in Byzantine Sigillography*. Washington, 1995. Vol. 4, pp. 153–162.
- Zacos G. *Byzantine Lead Seals*. Berne, 1984. Vol. 2.
- Zacos G., Vegler A. *Byzantine Lead Seals*. Basel, 1972. Vol. 1.

Резюме

Важность и ценность коллекции византийских печатей для крымской истории неоспорима. На её основе представляется возможным не только проследить эволюцию органов местного управления и определить основные этапы формирования византийской администрации в Таврике, но и благодаря данным сфрагистики проникнуть в специфику взаимоотношений империи с периферией во всём их многообразии и особенностях.

Печати местных корреспондентов во многих случаях позволяют подтвердить или дополнить свидетельства письменных источников о самых различных сферах жизнедеятельности полуострова, его сношениях с центральной и провинциальными администрациями, придворной аристократией, различными гражданскими и военными ведомствами, церковными институтами.

В последнее время растёт не только количество самих печатей, но и ширится ареал их распространения по территории полуострова.

Появление среди новых находок императорской печати Алексея I Комнина (1081–1118) в округе Херсона, патриаршего моливдовула Мефодия I Омологита (843–847) на городище Тепе-Кермен и буллы главного коммеркиария Понта Косьмы (первая половина IX в.) в окрестностях Коктебеля, вне всякого сомнения, свидетельствует о том, что в будущем нас ожидают большие перспективы новых находок и удивительные открытия не только в области византийской сфрагистики, но и в истории развития взаимоотношений византийской Таврики и отдельных её центров (Херсон, Сугдея, Боспор) как с окружавшим их миром греческой ойкумены, так и центральными и периферийными регионами империи, их административными структурами и отдельными представителями имперской знати.

Ключевые слова: история Византии, Таврика, византийский Херсон, сигиллография, печати, молевдул.

Summary

The significance and value of the collection of Byzantine seals for the Crimean history is beyond any doubt. Against this background, there appears an opportunity to trace the evolution of bodies of local self-government, to determine the main stages of the formation of the Byzantine administration of Taurica, and to reveal specific features of the Empire's relations to its periphery in its entirety and diversity.

In many cases, seals of local correspondents confirm or supplement the account of written

Алексеевко Н.А. Перспективы исследований...

sources on different spheres of life in the peninsula, its relations to central government and provincial administration, court aristocracy, various civil and military offices, and church institutions.

In recent years, the number of seal finds is increasing, and the distribution area of these finds is enlarging within the Crimean peninsula.

New finds of a seal of Emperor Alexios I Komnenos (1081–1118) in the neighbourhood of Cherson, a molybdoboullon of Patriarch Methodios I Homologetes (843–847) at the ancient fort of Tepe-Kermen, and a bulla of Kosmas, genikos kommerkiarios of the Pontos (800–850) in vicinity of Koktebel' undoubtedly testify to far-reaching future perspectives of new finds and surprising discoveries in the fields of Byzantine sigillography and the history of development of the relations between Byzantine Taurica and its centres (Cherson, Sougdaia, and Bosphoros) on the one hand and the surrounding world of Greek oecumene, central and peripheral regions of the Empire, their administrative structures, and particular representatives of imperial power on the other.

Key words: Byzantine history, Taurica, Byzantine Cherson, sigillography, seals, molybdoboulla.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексеевко Николай Александрович,
Dr. Etudes médiévales (Paris IV-Sorbonne),
кандидат исторических наук,
Институт археологии Крыма РАН,
просп. Академика В.И. Вернадского, 2, 295007,
Симферополь, Российская Федерация,
AlekseyenkoNikolaj@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alekseienko Nikolay A.,
Dr. Etudes médiévales (Paris IV-Sorbonne),
Institute of Archaeology of the Crimea
of the Russian Academy of Science,
2, avenue Acad. V.I. Vernadsky, 295007,
Simferopol, Russian Federation,
AlekseyenkoNikolaj@gmail.com

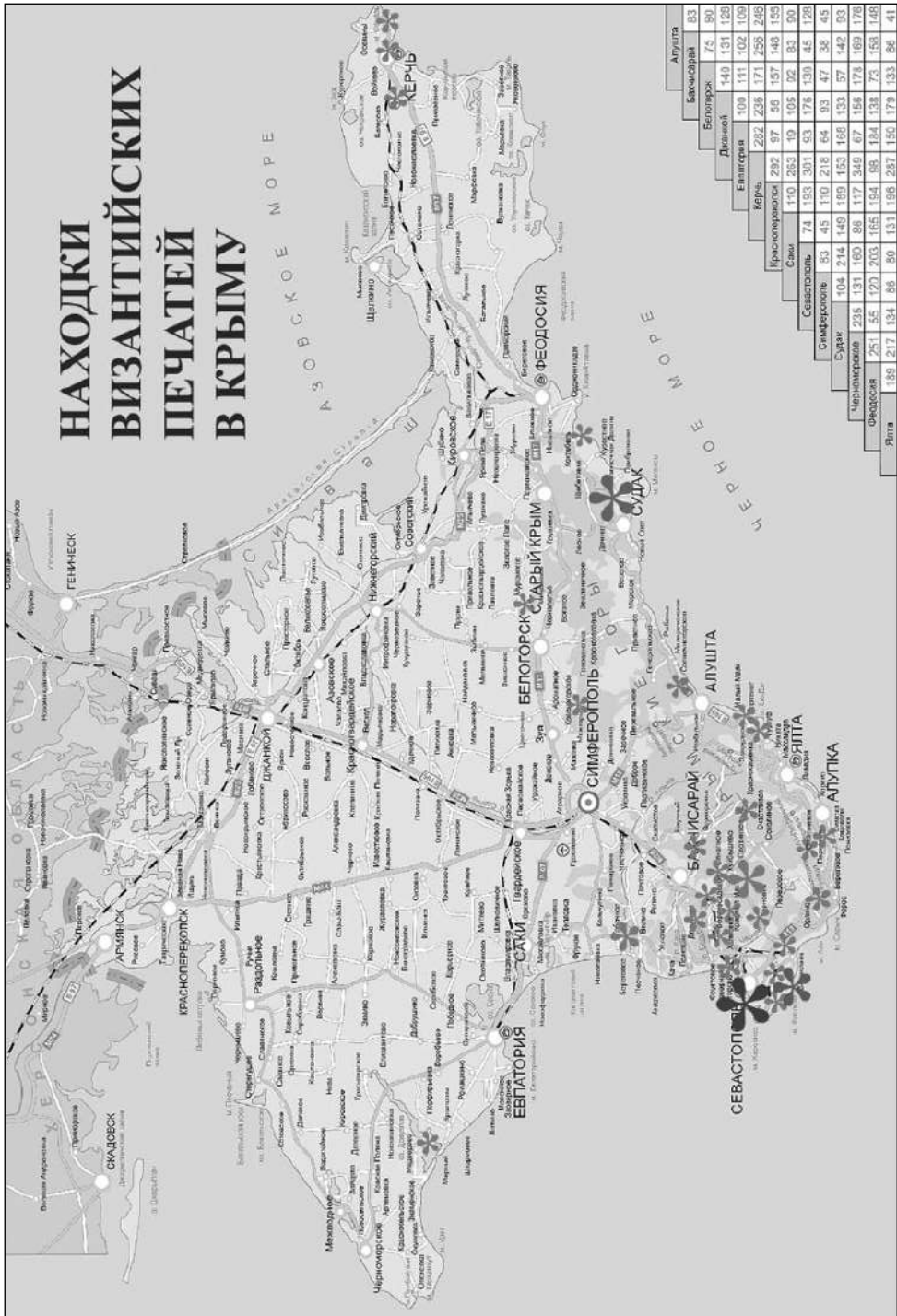

Рис. 1. Карта находок.

Рис. 2. Печать императора Алексея I Комнина.

Рис. 3. Печать патриарха Мефодия I.

Рис. 4. Печать Косьмы, коммеркиария Понта.

В.В. СИМОНОВ, А.В. КОТИНА
V.V. SIMONOV, A.V. KOTINA

**К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК В ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ¹**

**TO THE QUESTION OF THE POSSIBILITY OF USING THE RESULTS
OF ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS IN MILITARY HISTORICAL
RESEARCHES**

Общеизвестно, что для исследователей, изучающих историю боевых действий в годы Второй мировой войны, основным источником информации являются архивные документы и воспоминания участников событий. Что касается мемуаров, то их субъективный характер сомнения не вызывает: сведения, содержащиеся в них, всегда требуют подтверждения другими источниками. Но и документы, непосредственно относящиеся к планированию, реализации и итогам боевых операций самого разного уровня, отложившиеся в «военных» архивах, не всегда в полной мере отражают объективную картину. Нивелировать подобную одностороннюю трактовку событий и фактов помогает сравнение различных источников информации, в том числе документов противоборствующих сторон. Но, во-первых, документы противника также могут быть далеки от констатации реальной картины, а во-вторых, их введение в научный оборот (если иметь в виду прежде всего документы, раскрывающие различные эпизоды военного противостояния тактического уровня) до сих пор затруднено по целому ряду причин. Кроме того, есть достаточное количество боевых операций, особенно относящихся к начальному периоду войны, в ходе которых документы участвовавших в них советских частей и соединений не сохранились, что исключает возможность сопоставления их с аналогичными немецкими документами.

В таких случаях помочь в восстановлении необходимых недостающих деталей произошедших событий могли бы результаты полевых исследований, поскольку широкомасштабные военные столкновения (тем более в не столь удаленную от нас эпоху) оставили многочисленные следы везде, где проходили боевые действия². Из-за своих хронологических рамок эти следы не являются объектами специального археологического исследования. В местах боев Второй мировой войны, как правило, ведутся работы – раскопки с целью поиска останков погибших воинов, получившие

¹ Незначительно сокращенный вариант настоящей работы (без иллюстраций) был опубликован: XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Традиции и инновации. Материалы международной научной конференции. Симферополь, Керчь, 2018. С. 437–446.

² Здесь и далее, если это не оговаривается специально, говоря о «боевых действиях» или «местах боев», мы имеем в виду события периода Великой Отечественной войны.

в последние годы невероятный размах прежде всего благодаря целевой поддержке государства. Проблема в том, что стандартные поисковые мероприятия имеют ограниченные задачи³ и весь массив данных, получаемых в ходе таких работ, не только не вводится в научный (или просто широкий) оборот, но фактически не фиксируется, а следовательно, не анализируется и не обобщается. Это тем более печально, что при правильном подходе раскопки могут дать результаты, необходимые для понимания отдельных моментов, крайне важных для оценки причинно-следственных связей произошедших событий.

Для нашего региона это особенно актуально, учитывая специфику боевых действий, которая, в том числе, характеризуется:

- ограниченной территорией при значительном количестве участвовавших в боях войск и ожесточенностью боев (что обусловило максимальную плотность в районе Керчи следов военного времени)⁴;
- крайне неудачными действиями советских войск, не раз заканчивающимися чувствительными поражениями, в ходе которых документы частей и соединений были утрачены⁵ (что вызывает необходимость подтверждения сохранившейся отрывочной архивной информации сведениями из других источников, в числе которых вполне могут быть результаты полевых исследований).

Следует отметить, что практика подтверждения данных письменных источников вещественными крайне редко встречается в области поисковых работ⁶. И, тем не менее, подобные примеры есть. Так, в Керчи давно работает экспедиция, занимающаяся изучением мест боев (то есть в привычном смысле поисковыми работами), но с использованием принципов и методов археологических исследований. Это экспедиция «Аджимушкай» (начальник В.В. Симонов), долгое время имевшая статус

³ Главная цель поисковых работ (говоря об их «полевой» составляющей) – поиск и последующая эксгумация незахороненных останков воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны. При этом задача выявления, фиксации и анализа сопутствующего материала, как правило, не стоит, если только речь не идет о возможности установления обстоятельств гибели бойца.

⁴ Наиболее ожесточенные боевые действия на Керченском полуострове происходили зимой-весной 1942 г. на Ак-Монайском перешейке (в ходе наступательных операций войск Крымского фронта и начального этапа Керченской оборонительной операции) и в районе Керчи (на завершающем этапе Керченской оборонительной операции), а также осенью 1943 г. – весной 1944 г. в районе Керчи (в ходе Керченско-Эльтигенской десантной операции и последующих боев Отдельной Приморской армии). Во всех случаях театры военных действий имели ограниченные размеры, а группировки сторон насчитывали сотни тысяч человек [Россия и СССР..., 2001, с. 294, 346, 383].

⁵ Последнее относится как к обороне и оставлению Керчи нашими войсками в ноябре 1941 г., так и к Керченской оборонительной операции войск Крымского фронта, закончившейся повторным оставлением Керчи в мае 1942 г.

⁶ Это не значит, что письменные (архивные) источники не используются в поисковых работах. Особенность их использования заключается в том, что они выступают только в роли фактора, способного оказать помощь в поисках останков погибших солдат. Обратной связи – оценки достоверности архивных источников на основании результатов полевых исследований и дополнения содержащихся в них данных – в сложившейся практике мы не видим.

«военно-поисковой», но с 2009 г. сменившая название на «военно-археологическую» (с целью подчеркнуть свою приверженность к научным методикам при проведении работ) [Симонов, 2019, с. 429]. В последние десятилетия основной целью экспедиции является не просто поиск незахороненных останков, а попытки реконструировать ранее неизвестные страницы обороны каменоломен на основе анализа результатов раскопок. Нельзя не упомянуть и о военно-археологической экспедиции «Большой вал» (начальник А.Л. Ермолин), отработавшей в конце 1990-х – начале 2000-х гг. в районе Керчи несколько сезонов. Хотя оба эти примера, скорее, исключение из повсеместно распространенной практики, поскольку участники поисковых работ, как правило, даже не задумываются о необходимости сохранения полученной в ходе раскопок информации.

Но если говорить о нашем регионе, то, кроме традиционно практикующегося подавляющим большинством поисковиков поверхностного подхода к процессу и результатам полевых исследований, есть и еще один фактор, осложняющий целенаправленное изучение объектов военного времени. Это огромная плотность на Керченском полуострове памятников разных эпох, в первую очередь античных⁷. Последнее существенно ограничивает возможность проведения любых работ, не относящихся к категории археологических, на ряде территорий, представляющих интерес с точки зрения изучения боевых действий. В таких условиях информация, возможно, крайне важная с точки зрения изучения истории Великой Отечественной войны, может быть получена только профессиональными археологами. И остается лишь надеяться, что выявленные в ходе археологических исследований данные, относящиеся к периоду 1941–1944 гг., могут стать доступными для всех заинтересованных лиц. По целому ряду причин ситуация здесь далека от идеальной, но вопросы взаимодействия археологов и военных историков ранее, насколько нам известно, не поднимались. И это при том что польза от подобного взаимодействия, если иметь в виду полное и всестороннее изучение объектов, важных для понимания событий, происходивших в годы войны, бесспорна.

Археологические исследования в районе Керчи ведутся достаточно интенсивно,⁸ и факт наличия на большинстве исследуемых памятников слоев военного времени очевиден. Но случаи введения в научный оборот материалов, полученных в результате изучения этих слоев, нам почти неизвестны. Хотя они, видимо, фиксируются, что предусмотрено методикой археологических исследований. Примерами могут служить объекты, обнаруженные на античных городищах Тиритака и Мирмекий⁹.

⁷ По состоянию на 2004 г. на учете стояли чуть менее 400 памятников археологии, расположенных на территории Керченского полуострова, в том числе 22 – на территории Керчи и Керченского горсовета и 372 – на территории Ленинского района [список памятников..., 2004, с. 233–237, 437–458].

⁸ Достаточно сказать, что только на территории Керчи и Ленинского района (в его восточной части) ежегодно работает не менее 10 археологических экспедиций (не считая так называемых новостроечных), представляющих ведущие научные и музейные учреждения России.

⁹ Авторы выражают глубокую благодарность начальнику Боспорской охранно-археологической экс-

Принадлежность убежища румынским войскам гипотетическая, непонятно и время его постройки. Если допустить, что его действительно соорудили во время войны, то, учитывая основательность и фундаментальность конструкции, оно могло быть построено либо осенью-зимой 1941 г. (до начала Керченско-Феодосийской десантной операции), либо летом-осенью 1943 г. Но и в 1941, и в 1943 гг. этот участок находился в зоне ответственности немецких частей – 46 и 98 пехотных дивизий (соответственно). Относительно осени 1943 г. есть даже более точные сведения: по состоянию на 11.10.1943 г. его занимал 1-й батальон 282 пехотного полка [Венедиктов, 2004, с. 16; Неменко, 2017].

Найденный в заполнении конструкции вещевой материал также не позволяет утверждать принадлежность убежища румынским войскам. В отчете отмечается, что слои, составляющие заполнение этой конструкции, были *«сильно перемешаны и, главным образом, содержали фрагменты кирпичей, шифера, известковой штукатурки и распиленные блоки – остатки завалившихся стропил конструкции убежища. Обнаруженный материал немногочислен. Прежде всего, найдены фрагменты стеклянных бутылок и единичные винтовочные патроны»* [Твардецкий, Матера, 2013, с. 24]. Какие именно патроны и бутылки найдены, не уточняется, но на фотографиях (не вошедших в отчет) представлены советские монеты, бутылка советского производства с клеймом «С м-в. 3-д» и советская противогазная маска мод. 08. Конечно, можно допустить бытование у тех, кто занимал это убежище, советских вещей в качестве трофейных, но странно в таком случае полное отсутствие предметов германского (или румынского) производства. По крайней мере, в отчете и рабочих материалах они не отражены.

Остается неясным и характер самого убежища. Габариты раскопанного входа, размеры блоков, из которых сооружена лестница, и тщательность кладки стен, прежде всего, заставляют вспомнить о находившихся здесь до войны сооружениях, хорошо видимых на снимках немецкой аэрофотосъемки, датированных 1941 г. (рис. 3) [NARA, TUGS1377SG-066]¹⁰, и задаться вопросом: не могли ли быть найденные строительные фрагменты остатками конструктивных элементов довоенных построек? В таком случае и выявленное в ходе археологических работ «убежище» (если оно использовалось войсками в период боевых действий) должно было бы классифицироваться как приспособленное сооружение, возможно, предназначенное для размещения огневых средств [Альбом чертежей...], а не укрытия личного состава. Но при использовании GPS-координат объекта для точной его «посадки» на снимок становится очевидным, что убежище находится несколько западнее большой постройки барачного типа. Хотя не исключено, что лестница могла быть входом в подвал и более ранней постройки, бытовавшей здесь до начала интенсивного строительства 1930-х гг.¹¹

¹⁰ На кадрах аэрофотосъемки видны бараки для строителей ЖРК, появившиеся там во второй половине или конце 1930-х гг.

¹¹ Известно, что еще до середины 1930-х гг., когда на Тиритакке проводились археологические рас-

Судя по возможным габаритам и некоторым элементам конструкции, можно высказать осторожное предположение, что это убежище могло быть либо блиндажом командного пункта, либо блиндажом на отделение (хотя по нормативам, последние могли занимать и гораздо меньшую площадь¹²) [Альбом чертежей...]. Однако отсутствие достаточных данных о точных размерах, характере перекрытия, оборудовании (наличии отопления, вентиляции и т.п.), которые могли быть получены в ходе раскопок, исключает его реальное определение. Следует отметить и то, что в ходе раскопок могли быть получены и более точные данные о возможном наличии и расстановке огневых средств, а следовательно, направлениях и наибольшей плотности огня. В целом это представляется весьма интересным, потому что, оценивая фортификационные сооружения противника, советские специалисты отмечали отсутствие шаблона, разнообразие конструкций и умение в каждом конкретном случае исходить из огневых задач, условий местности и наличия материалов [Оборона и полевые фортификационные сооружения., 1942, с. 21]. В полном объеме эти сведения (если бы они были получены) могли значительно расширить наши представления о характере собственно фортификационного сооружения.

В любом случае «убежище» должно быть связано ходом сообщения с линией траншей, поскольку развитая система траншей являлась основой фортификационного оборудования местности. Действительно, в отчете упоминаются «*траншеи периода Второй мировой войны*» (а также следы воронок от взрывов снарядов, уничтоживших ряд исследуемых античных объектов) [Твардецки, Матера, 2012, с. 12, 13, 14, 16, 18, 19], но сведения об их ориентации, конфигурации, профиле отсутствуют. Поэтому восстановить взаимосвязь найденного объекта с системой других оборонительных сооружений трудно. А это, вне всякого сомнения, важно, поскольку на снимках немецкой аэрофотосъемки 1943–1944 гг. [NARA, GX4358SG-028, GX2549SK-590], кроме обычной позиции в районе современного XXVIII раскопа, можно различить зигзагообразную линию с резкими изломами и углами сопряжения отрезков¹³ к востоку и северо-востоку от XXVI раскопа, возможно, как-то связанную с обнаруженным убежищем (рис. 4).

Таким образом, результаты полевых исследований и, главное, тщательно выполненная фиксация выявленного объекта военного времени позволяют нам, как минимум, констатировать наличие некоего фортификационного сооружения, вероятно, относящегося к системе немецких оборонительных позиций, обеспечивающих охрану прибрежной полосы в районе порта Камыш-Бурун. И это представляет определенный интерес, поскольку других источников, способных ответить на вопросы об

копки, там сохранялись хозяйственные постройки, оставшиеся от экономии Олив «Камыш-Бурун» [Небожасва, 2011, с. 367–369]. В них после Гражданской войны размещалась животноводческая ферма, был полевой стан.

¹² Так, в некоторых источниках отмечается, что в помещении размерами 10,5 х 3 м могло располагаться до двух отделений [Оборона и полевые фортификационные сооружения., 1942, с. 55].

¹³ Этот объект отдаленно напоминает открытые щели, но с гораздо более четкой и упорядоченной гео-

организации обороны указанного рубежа, в настоящее время в нашем распоряжении нет. В то же время более детальная фиксация и определение вещевого материала (в том числе боеприпасов к стрелковому оружию) могли бы повысить информативность результатов полевых исследований.

Большое количество объектов военного времени было обнаружено и в ходе работ Мирмекийской экспедиции Государственного Эрмитажа (начальник А.М. Бутягин) на античном городище Мирмекий. В 2001–2015 гг. там, на участках «Т», «ТС» и «И» (рис. 5), были выявлены остатки траншей, углубления, ямы, воронки, блиндажи и землянка. Некоторые из них определены А.М. Бутягиным как немецкие артиллерийские позиции (без указания хронологического периода), часть – просто как объекты военного времени. Из найденных сооружений наиболее интересны два блиндажа и землянка, найденные на участке «ТС».

В квадрате № 10 был раскопан блиндаж, представляющий собой четырехугольное сооружение, вытянутое в направлении север–юг (размеры 4,9х3 м, глубина около 1 м). Стены его были закрыты досками и обтянуты рубероидом. Между досками и стенами оставалось около 0,15 м пространства, заполненного землей. К блиндажу подходили «канавы», которые, видимо, являлись ходами сообщения. В южной части были обнаружены *«снаряды для зенитных автоматов и гильзы, кроме того, в заполнении находились сломанные каски, три подилемника, электрогенератор, примус и другие предметы»*. На основании этого, а также с учетом характера и конфигурации кладок № 1 и 2 на участке «Т» (рис. 6), которые, по мнению А.М. Бутягина, были построены для того, чтобы препятствовать осыпанию грунта из насыпи позднего вала, видимо, служившего защитой для артиллерийского орудия, был сделан вывод о том, что в этом месте размещалась позиция немецкой зенитной артиллерии, прикрывавшей подходы к Керченской бухте. Кроме того, в квадрате № 5 было выявлено скопление крупных камней, которыми, вероятно, была обложена *«наблюдательная точка»* [Бутягин, 2001, 2002, 2004¹⁴].

Остатки второго блиндажа были раскопаны в квадрате № 22 (и частично за его пределами). В ходе раскопок были открыты три стены, две из которых ориентированы по линии северо-восток – юго-запад, а третья перпендикулярна им. Котлован блиндажа довольно точно вписан в пространство между двух стен – фрагментом *«кладки Карантина»* (с северной стороны) и массивной кладкой 36 (с южной) и заглублен на 1,7 м от современной дневной поверхности. Размеры сохранившейся части блиндажа – 3,1х2,5 м. Стены также были обшиты досками толщиной 0,015 м, сохранившимися в южной части на высоту 0,4 м, в восточной и северной – 0,8 м. Северная стена поверх досок была обшита рубероидом. Пол был покрыт деревянными досками (которые сохранились в северной части на площади

метрией, как правило, не свойственной подобного вида укрытиям. По этой причине однозначно идентифицировать его только на основании анализа аэрофотоснимка мы не можем.

¹⁴ В распоряжении авторов настоящей работы были только выдержки из электронных вариантов отчетов, в связи с чем указания на страницы отчетов в ссылках не приводятся.

мыса. Не вызывает сомнения, что она была сооружена в связи с угрозой высадки советского десанта, то есть не раньше конца лета – начала осени 1943 г.¹⁶ Часть этой позиции впоследствии попала в границы археологических раскопок, часть, вероятно, уничтожена в ходе хозяйственной деятельности. Хотя довольно большой по протяженности отрезок западнее городища мог сохраниться до настоящего времени. В любом случае снимки не дают возможности разглядеть мелкие, но существенные детали, которые нам стали известны благодаря раскопкам и тщательной фиксации всех выявленных объектов.

Несколько иная картина на участке «И» (рис. 7), где на военных снимках в этом месте хорошо видны два земляных обвалованных сооружения квадратной формы, с подъездными путями к одному из них и ходом сообщения ко второму, однозначно идентифицировать которые по фотографии невозможно (рис. 8) [NARA, GX4358SG-032]. В отчете есть упоминание только об одном из этих сооружений – «земляное укрытие и подходы к нему» без указания его конфигурации и размеров [Бутягин, 2010].

Некоторые уточнения как о принадлежности выявленных объектов, так и о периоде их бытования могли быть получены при определении находок. Но в отчетах определен нумизматический материал и отдельные предметы, относящиеся к вооружению. Остальные находки лишь перечислены, хотя те же боеприпасы к стрелковому оружию (и их фрагменты) при точном определении номенклатуры и анализе штампов на гильзах, возможно, могли бы дать дополнительную информацию. В ряде случаев речь идет о «железных предметах неизвестного назначения» [Бутягин, 2009] или просто о находках периода Великой Отечественной войны [Бутягин, 2011]. При этом не совсем понятно, то ли назначение предметов невозможно определить из-за их состояния сохранности, то ли специализация автора в области археологии не позволила ему сделать более точное определение находок, относящихся к совсем другому периоду.

Целесообразность привлечения профильных специалистов для интерпретации некоторых существенных деталей видна, например, при анализе заключения о раскопках на участке «ТС» крупной воронки № ТС-1/2015. Эта воронка, как отмечается в отчете, «судя по крупным кускам металла и весьма значительным размерам ... образовалась в результате взрыва в культурном слое авиабомбы весом около 100 кг» [Бутягин, 2015]. Далее уже конкретно говорится о взрыве советской ФАБ-100. Но размеры воронки в первую очередь зависят от характера грунта, и без учета этих по-

¹⁶ Строительство оборонительных сооружений на наиболее угрожаемых участках, в том числе на Керченском полуострове, было предусмотрено в приказах ОКВ от 13 марта и 14 сентября 1943 г. [Симонов, 2004, с. 94]. Фактически эта работа была развернута уже в августе 1943 г., когда судьба немецкого оборонительного рубежа на так называемой «Голубой линии» и на Тамани была предрешена. Все промежуточные рубежи, составляющие полосу обороны, дооборудовались и совершенствовались после полной эвакуации с Таманского полуострова личного состава 98-й пехотной дивизии в октябре 1943 г., в ходе непосредственной подготовки к отражению советского наступления [Венедиктов, 2004, с. 8–10, 12].

казателей определять калибр подобных боеприпасов только на основании размеров воронки проблематично. В данном случае определяющим моментом должна была стать толщина осколков, которых было обнаружено 50 [Бутягин, 2015]. Но такой информации в отчете нет и, следовательно, вывод о калибре боеприпаса выглядит преждевременным.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что даже при точном следовании требованиям методики раскопок и тщательной фиксации всех результатов, остаются некоторые вопросы, которые сложно разрешить без привлечения профильных специалистов. В той части, что касается «чистой» археологии, все выглядит благополучно. Привлечение для консультаций ученых, специализирующихся в «узких областях» (нумизматике, таре, клеймах, остеологическом материале и т.п.), стало обычной, повседневной практикой. Там же, где предмет изучения выходит за рамки традиционных интересов археологов, а уж тем более – за формальные хронологические рамки, определяющие понятие «археологический слой», ситуация далека от оптимальной. С точки зрения проведения археологических работ подобное положение вещей не является нарушением требований законодательства в области охраны культурного наследия или каких-либо методик и инструкций. С точки зрения исследования объектов военного времени, встречающихся на памятниках археологии и уничтожаемых в ходе раскопок, ясно – их всестороннее изучение становится возможным, только если на стадии полевых исследований и камеральной обработки материалов обеспечить максимально полную фиксацию, что в последующем даст возможность их введения в научный оборот.

Здесь, на наш взгляд, достаточно важными представляются еще и готовность, а также способность авторов археологических раскопок удержаться от поспешных выводов, пытаясь интерпретировать свои находки или выявленные данные в той области, в которой они не являются экспертами. Пренебрежение подобным правилом может привести не просто к констатации в качестве результатов исследований неких общеизвестных постулатов, «азбучных истин», что, учитывая, как правило, высокий научный статус авторов, выглядит странным и даже ошибочным.

В этом смысле показательны некоторые материалы, опубликованные в двухтомном издании, посвященном археологическим исследованиям в Крыму в 2017–2018 гг. в рамках работ по трассе «Таврида».

Так, в статье С.Ю. Внукова и О.В. Шарова о раскопках двух военных полевых лагерей (на северной стороне Севастополя по дороге к Бахчисараю и северо-западнее Керчи), датированных серединой XIX – началом XX вв., при сравнении¹⁷ найденных деталей оружия и военного снаряжения, мелких инструментов, личных вещей офицеров и солдат, бытового мусора делается удивительный по «новизне» вывод: «...видны изменения в техническом оснащении русской армии во второй половине

¹⁷ В статье есть только упоминание о сравнении перечисленных ниже находок, каких-либо примеров сравнения предметов в тексте не приводится.

XIX – начале XX в. И в целом возросшее за это время благосостояние офицеров и солдат» [Внуков, Шаров, 2019, с. 9]. Трудно сказать, есть ли среди историков те, кто сомневается в бурном научно-техническом прогрессе в этот период (в том числе затронувшем и область вооружения). Поскольку подробные выкладки на эту тему, так же как и о переоснащении и перевооружении русской армии в рамках военных реформ (1861–1874 гг.), разработанных военным министром Д.А. Милютиным и одобренных Александром II, можно найти в любом учебнике истории для средней школы. Нельзя не согласиться и с утверждением авторов о том, что *«находки из лагеря в Керчи (остатки фарфоровой посуды, бутылки из-под минеральной воды и не только) свидетельствуют о более комфортных условиях жизни в мирное время»* [Внуков, Шаров, 2019, с. 9]. Хотя вряд ли кто-то может представить себе более комфортные условия жизни во время войны. Складывается впечатление, что из-за отсутствия точного определения и интерпретации находок, возможностей связать их с контекстом, а, не исключено, и понимания этого контекста авторы, говоря о результатах исследований, просто отщипывают общими фразами.

Впрочем, еще более неудачными представляются попытки определения материала на основе поверхностных представлений, а не специальных знаний в данной области. Подобных примеров здесь немало. Самый яркий из них – статья, посвященная исследованиям курганный группы Нижний Солнечный I и летнего военно-полевого лагеря крепости «Керчь» (вновь выявленный объект культурного наследия) [Рукавишникова, Белик, Гаспарович, Ермолин, 2019, с. 153–176]. Оставив на совести авторов утверждение о том, что *«об уникальности объекта археологического наследия позволяет судить и многочисленный материал находок, относящийся к военной деятельности и личным вещам русских войск второй половины XIX – начала XX в.»*¹⁸ [Рукавишникова, Белик, Гаспарович, Ермолин, 2019, с. 155], поскольку из текста не видно ни многочисленности этого материала, ни тем более его уникальности, отметим лишь ряд ошибок и неточностей, допущенных при определении находок. Так, судя по подписи к рис. 8, на нем представлено *«Скопление гильз от винтовки Мосина»* [Рукавишникова, Белик, Гаспарович, Ермолин, 2019, с. 160]. В то время как на фотографии гильзы цилиндрические, рантовые, довольно широкие и короткие (учитывая соотношение длины и диаметра гильзы) – явно не от 7,62-мм винтовки сист. Мосина. Сама фотография без масштаба, поэтому предположить, к какому именно оружию они относились, проблематично, но наиболее вероятно, что это револьверные гильзы¹⁹. Как утверждают подписи под рис. 9 и рис. 10, на них – *«пули Минье»* [Рукавишникова, Белик, Гаспарович, Ермолин, 2019, с. 161]. Качество фотографий

¹⁸ Стилистика оригинала сохранена.

¹⁹ По мнению известного крымского эксперта в области боеприпасов к стрелковому оружию С.В. Вихарева (с ним согласны и специалисты Восточно-Крымского центра военно-исторических исследований И.В. Складенко и П.В. Ручко), на фотографии представлены гильзы 10,67х24R (так называемый «44 русский») [Вихарев, 2011, с. 33]. Такое количество гильз в одном месте могло свидетельствовать о наличии там стрелкового тира.

значительно осложняет точное определение, но, судя по некоторым конструктивным особенностям, это пули унитарных патронов от винтовки сист. Бердана [Вихарев, 2011, с. 48, 105, 109; Жук, 1992, с. 468, 649]. На рис. 13 пули вообще не определены [Рукавишникова, Белик, Гаспарович, Ермолин, 2019, с. 164], хотя такое определение возможно²⁰; гильзы – одна от патрона к 7,62-мм винтовке сист. Мосина, вторая – довольно необычная, ярко выраженной конической формы, с рантом, но никаких комментариев по этому поводу нет²¹. Причем ошибки и небрежности в определениях характерны не только в отношении боеприпасов (и их фрагментов) к стрелковому оружию, но и элементов обмундирования или даже бытовых предметов. Например: горелка фитильная керосиновой лампы названа просто «керосиновой горелкой», явно коричневое(?)²² клеймо на фрагменте фарфоровой посуды – «маркой синей завода Кузнецовых» [Рукавишникова, Белик, Гаспарович, Ермолин, 2019, с. 162, 165]. И это, если говорить только о явных ошибках в определениях вещего материала, хотя представленные в сборниках статьи содержат неточности и другого рода – к примеру, вольное обращение с терминологией.

Так, в статье А.Н. Хохлова, М.Е. Нестеровой «Исследование бивуаков российских войск времен Крымской войны 1853–1856 гг.» [Хохлов, Нестерова, 2019, с. 371–380] есть следующее замечание: *«Особое значение имеют находки пуговиц, на лицевой стороне которых изображены цифры, которые обозначали принадлежность владельца униформы к тому или иному подразделению армии»* [Хохлов, Нестерова, 2019, с. 375]. На первый взгляд, все верно. Действительно, общеизвестно, что цифры означали номер полка (и сами авторы далее об этом говорят, приводя конкретные наименования полков), но полк – это не подразделение, а часть. Кстати, такие пуговицы являются датирующим материалом, поскольку были отменены в 1862 г., но об этом авторы статьи не упоминают.

Или еще несколько примеров в других статьях сборника. В статье об исследованиях кургана № 2 у села Льговское [Рукавишникова, Бейлин, Зайцев, 2019, с. 29–56] упоминается находка бронзового ножа «с коротким треугольным лезвием и черенком» [Рукавишникова, Бейлин, Зайцев, 2019, с. 41], в то время как правильно было бы – с коротким треугольным клинком и хвостовиком. В статье об археологических спасательных работах на кургане Узловое Северное [Кубарев, Рукавишникова, 2019, с. 57–70] дается пространное описание найденной в захоронении сабли: «Слева от покойного, на его левую руку, была уложена железная сабля (110 см длиной) в ножнах, с перекрестием плохой сохранности. Зафиксировано также крепление для ее подвешивания и бронзовое навершие рукояти. Наконечник на нижнюю часть ножен,

²⁰ На фотографии представлены как винтовочные пули (Бердана, Минье, Петерса), так и револьверные.

²¹ Судя по фотографии, на ней гильза от патрона нарезного охотничьего карабина (определение Ви-
харева С.В.).

²² Так оно выглядило на фотографии. Известно, что, кроме кобальтовой краски и широко использовавшейся голубой и зеленой, иногда для клеймения применяли краску красного или золотого цвета.

выполненный из железа и бронзы...» [Кубарев, Рукавишникова, 2019, с. 62]. При этом непонятно, что названо перекрестием и при отсутствии крестовины и плохой сохранности предмета, как оно определено. Наконечник же всегда закрывает нижнюю часть ножен, он не бывает в середине или на их верхней части, где крепятся обоймицы или устье соответственно.

Подчеркнем, выше речь идет о работе археологов на археологических (пусть даже очень поздних) памятниках. Поэтому присутствие подобного рода небрежностей при исследовании объектов военного времени и определении материалов с них представляется уже само собой разумеющимся. Хотя среди множества статей, вошедших в оба тома этого весьма значимого издания, есть только одно упоминание о находках, относящихся к событиям периода Великой Отечественной войны, и оно не лишено неточностей и ошибок. В статье «Спасательные работы на «варварских» курганах вдоль трассы «Таврида» в Восточном Крыму в 2017 г.» [Меньшиков, Рукавишникова, Резниченко, Горболь, Юнкин, 2019, с. 289–324] говорится о том, что «*в юго-западной части кургана*²³ *был исследован блиндаж, в котором был найден советский боец, погибший от осколочного ранения в шею*» [Меньшиков, Рукавишникова, Резниченко, Горболь, Юнкин, 2019, с. 297]. Более по этому поводу не сказано ничего, хотя, судя по приведенным далее фотографиям, останки зачищены весьма тщательно. Но отсутствие детального описания и выявленного объекта, и останков (включая найденный вещевой материал) не дает возможности даже гипотетически предположить время и обстоятельства²⁴ гибели бойца, что в данном случае представляется наиболее важным. Остается надеяться, что необходимая информация есть в отчете о проведенных исследованиях и теоретически возможно введение ее в научный оборот в полном объеме, иначе даже столь тщательная зачистка и фиксация объекта представляется лишенной смысла. Нельзя не отметить и еще одну деталь. В тексте статьи говорится об исследовании блиндажа. В подписи к фотографии о том, что боец погиб «*на огневой точке, расположенной в поле кургана*» [Меньшиков, Рукавишникова, Резниченко, Горболь, Юнкин, 2019, с. 300]. Чем вызваны такие расхождения, то ли небрежностью авторов, то ли непониманием разницы между укрытием для личного состава и позицией для ведения огня, остается неясным.

Приведенные выше примеры иллюстрируют, что при сложившейся практике довольно небрежного отношения профессиональных археологов к исследованиям памятников и объектов поздних хронологических периодов рассчитывать на получение полноценной информации по результатам этих исследований пока не приходится. На это можно было бы не обращать внимания, если бы не два обстоятельства. О первом мы уже упоминали: в некоторых случаях только полевые исследования могут дать недостающие данные. Объекты периода войны, попавшие

²³ Курганная группа Фонтан-2, курган 2.

²⁴ Подчеркнем, что под обстоятельствами мы не имеем в виду причину. Причина гибели указана и подтверждена фото [Меньшиков, Рукавишникова, Резниченко, Горболь, Юнкин, 2019, с. 301].

Боспорские исследования, вып. XL

- Бутягин А.М. Отчет о работе Мирмекийской экспедиции Государственного Эрмитажа в 2015 г. Рукопись.
- Венедиктов Л.А. Взгляд из окопа (к вопросу об обеспечении стойкости и упорства войск в боях за Керчь в ноябре 1943 г. – апреле 1944 г.) // Военно-исторические чтения. На керченском плацдарме. Сборник научных статей. Керчь, 2004. Выпуск 2.
- Вихарев С.В. Клейма и патроны. Красноперекопск, 2011.
- Внуков С.Ю., Шаров О.В. Исследования Крымской новостроечной археологической экспедиции ИА РАН в 2017-2018 гг. // Крым-Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017-2018 гг. Том I. М., 2019.
- Гербановский С. Развитие и оборудование окопов. М., 1939.
- Жук А.Б. Стрелковое оружие. Революеры, пистолеты, винтовки, пистолеты-пулеметы, автоматы. М., 1992.
- Зинько В.Н., Зинько А.В. Отчет об охранно-археологических исследований на городище Тиритака в 2018 г. Керчь, 2019.
- Кубарев Г.В., Рукавишникова И.В. Археологические спасательные работы на кургане Узловое Северное // Крым-Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017-2018 гг. Том II. М., 2019.
- Меньшиков М.Ю., Рукавишникова И.В., Резниченко И.А., Горболь Н.Ю., Юнкин Ж.А. Спасательные работы на «варварских» курганах вдоль трассы «Таврида» в Восточном Крыму в 2017 г. // Крым-Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017-2018 гг. Том I. М., 2019.
- Небожаева Н.В. Крымское семейство Олив // Научный сборник Керченского заповедника. Симферополь, 2011. Выпуск III.
- Неменко А.В. Крымские десанты т. 2. Керченско-Эльтигенский десант (часть 1). 2017 г. [Электронный ресурс] // Литсовет. URL: http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=537332 (дата обращения 17.03.2018 г.)
- Оборона и полевые фортификационные сооружения немецкой армии. М., 1942.
- Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001.
- Рукавишникова И.В., Белик Ю.Л., Гаспарович С.Г., Ермолин С.А. Исследования курганной группы Нижний Солнечный I. Летний военно-полевой лагерь крепости «Керчь» – вновь выявленный объект культурного наследия // Крым-Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017-2018 гг. Том I. М., 2019.
- Рукавишникова И.В., Бейлин Д.В., Зайцев Ю.П. Исследования кургана № 2 у села Льговское // Крым-Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017-2018 гг. Том II. М., 2019.
- Симонов В.В. К вопросу о немецких оборонительных сооружениях в Восточном Крыму (по материалам исследований на высоте 92,7) // Военно-исторические чтения. На керченском плацдарме. Сборник научных статей. Керчь, 2004. Выпуск 2.
- Симонов В.В. Экспедиция «Аджимушкай». 1998–2012. Сборник научных статей и материалов. Военно-исторические чтения. Симферополь, 2019. Выпуск 6.
- Список памятников местного и национального значения, расположенных на территории Автономной Республики Крым (по состоянию на 01.01.2004 г.) Справочное издание. Симферополь, 2004.
- Твардецки А., Матера М. Отчет об исследованиях Национального музея в Варшаве (MNW) на территории античного города Тиритака. Сезон 2012. Раскоп XXVII. Рукопись.
- Твардецки А., Матера М. Отчет об исследованиях Национального музея в Варшаве (MNW) на территории античного города Тиритака. Сезон 2013. Раскоп XXVII. Рукопись.
- Хохлов А.Н., Нестерова М.Е. Исследование бивуаков российских войск времен Крымской войны 1853–1856 гг. // Крым-Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017-2018 гг. Том II. М., 2019.

REFERENCES

- Al'bom chertezhej fortifikacionnyh sooruzhenij nemeckoj oborony [Elektronnyj resurs] // Rufort.info – fortifikacija. Forum. URL: <http://rufort.info/library/album/album.html> (data obrashhenija 10.03.2018 g.)
- Butjagin A.M.* Otchet o rabote Mirmekijskoj jekspedicii Gosudarstvennogo Jermitazha v 2001 g. Rukopis'.
- Butjagin A.M.* Otchet o rabote Mirmekijskoj jekspedicii Gosudarstvennogo Jermitazha v 2002 g. Rukopis'.
- Butjagin A.M.* Otchet o rabote Mirmekijskoj jekspedicii Gosudarstvennogo Jermitazha v 2004 g. Rukopis'.
- Butjagin A.M.* Otchet o rabote Mirmekijskoj jekspedicii Gosudarstvennogo Jermitazha v 2007 g. Rukopis'.
- Butjagin A.M.* Otchet o rabote Mirmekijskoj jekspedicii Gosudarstvennogo Jermitazha v 2009 g. Rukopis'.
- Butjagin A.M.* Otchet o rabote Mirmekijskoj jekspedicii Gosudarstvennogo Jermitazha v 2010 g. Rukopis'.
- Butjagin A.M.* Otchet o rabote Mirmekijskoj jekspedicii Gosudarstvennogo Jermitazha v 2011 g. Rukopis'.
- Butjagin A.M.* Otchet o rabote Mirmekijskoj jekspedicii Gosudarstvennogo Jermitazha v 2015 g. Rukopis'.
- Venediktov L.A.* Vzgljad iz okopa (k voprosu ob obespechenii stojkosti i uporstva vojsk v bojah za Kerch' v nojabre 1943 g. – aprele 1944 g.) // Voenno-istoricheskie chtenija. Na kerchenskom placdarme. Sbornik nauchnyh statej. Kerch', 2004. Vypusk 2.
- Viharev S.V.* Klejma i patrony. Krasnoperekopsk, 2011.
- Vnukov S.Ju., Sharov O.V.* Issledovanija Krymskoj novostroechnoj arheologicheskoy jekspedicii IA RAN v 2017-2018 gg. // Krym-Tavrida. Arheologicheskie issledovanija v Krymu v 2017-2018 gg. Tom I. M., 2019.
- Gerbanovskij S.* Razvitie i oborudovanie okopov. M., 1939.
- Zhuk A.B.* Strelkovoe oruzhie. Revol'very, pistolety, vintovki, pistolety-pulemety, avtomaty. M., 1992.
- Zin'ko V.N., Zin'ko A.V.* Otchet ob ohranno-arheologicheskikh issledovanij na gorodishhe Tiritaka v 2018 g. Kerch', 2019.
- Kubarev G.V., Rukavishnikova I.V.* Arheologicheskie spasatel'nye raboty na kurgane Uzlovoe Severnoe // Krym-Tavrida. Arheologicheskie issledovanija v Krymu v 2017-2018 gg. Tom II. M., 2019.
- Men'shikov M.Ju., Rukavishnikova I.V., Reznichenko I.A., Gorbol' N.Ju., Junkin Zh.A.* Spasatel'nye raboty na «varvarskih» kurganah vdol' trassy «Tavrida» v Vostochnom Krymu v 2017 g. // Krym-Tavrida. Arheologicheskie issledovanija v Krymu v 2017-2018 gg. Tom I. M., 2019.
- Nebozhaeva N.V.* Krymskoe semejstvo Oliv // Nauchnyj sbornik Kerchenskogo zapovednika. Simferopol', 2011. Vypusk III.
- Nemenko A.V.* Krymskie desanty t. 2. Kerchensko-Jel'tigenskij desant (chast' 1). 2017 g. [Elektronnyj resurs] // Litsovet. URL: http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=537332 (data obrashhenija 17.03.2018 g.)
- Oborona i polevyje fortifikacionnye sooruzhenija nemeckoj armii. M., 1942.
- Rossija i SSSR v vojnah HH veka: Statisticheskoe issledovanie. M., 2001.
- Rukavishnikova I.V., Belik Ju.L., Gasparovich S.G., Ermolin S.A.* Issledovanija kurgannoj grupy Nizhnij Solnechnyj I. Letnij voenno-polevoj lager' kreposti Kerch' – vnov' vyjavlennyj ob'ekt kul'turnogo nasledija // Krym-Tavrida. Arheologicheskie issledovanija v Krymu v 2017-2018 gg. Tom I. M., 2019.
- Rukavishnikova I.V., Bejlin D.V., Zajcev Ju.P.* Issledovanija kurgana № 2 u sela L'govskoe // Krym-Tavrida. Arheologicheskie issledovanija v Krymu v 2017-2018 gg. Tom II. M., 2019.
- Simonov V.V.* K voprosu o nemeckih oboronitel'nyh sooruzhenijah v Vostochnom Krymu (po materialam issledovanij na vysote 92,7) // Voenno-istoricheskie chtenija. Na kerchenskom placdarme. Sbornik nauchnyh statej. Kerch', 2004. Vypusk 2.
- Simonov V.V.* Jekspedicija «Adzhimushkaj». 1998-2012. Sbornik nauchnyh statej i materialov. Voenno-istoricheskie chtenija. Simferopol', 2019. Vypusk 6.
- Spisok pamjatnikov mestnogo i nacional'nogo znachenija, raspolozhennyh na territorii Avtonomnoj Respubliki Krym (po sostojaniju na 01.01.2004 g.) Spravochnoe izdanie. Simferopol', 2004.
- Tvardecki A., Matera M.* Otchet ob issledovanijah Nacional'nogo muzeja v Varshave (MNW) na territorii antichnogo goroda Tiritaka. Sezon 2012. Raskop XXVII. Rukopis'.
- Tvardecki A., Matera M.* Otchet ob issledovanijah Nacional'nogo muzeja v Varshave (MNW) na territorii antichnogo goroda Tiritaka. Sezon 2013. Raskop XXVII. Rukopis'.

Боспорские исследования, вып. XL

Hohlov A.N., Nesterova M.E. Issledovanie bivuakov rossijskih vojsk vremen Krymskoj vojny 1853-1856 gg. // Krym-Tavrida. Arheologicheskie issledovanija v Krymu v 2017-2018 gg. Tom II. M., 2019.

Резюме

В статье на конкретных примерах рассматриваются вопросы возможности взаимодействия археологов и специалистов в области военной истории с целью полноценного изучения объектов периода Великой Отечественной войны, попадающих в границы археологических раскопок.

Ключевые слова: археология, военная история, археологические памятники, объекты полевой фортификации, поисковые работы, Вторая мировая война (Великая Отечественная война), Восточный Крым.

Summary

The article deals with specific examples of the possibility of interaction between archaeologists and specialists in the field of military history in order to explore the objects of the World War II that fall within the boundaries of archaeological excavations. В статье на конкретных примерах рассматриваются вопросы возможности взаимодействия археологов и специалистов в области военной истории с целью полноценного изучения объектов периода Великой Отечественной войны, попадающих в границы археологических раскопок.

Key words: archaeology, military history, archaeological site, the objects of field fortification, search work, World War II (the Great Patriotic War), Eastern Crimea.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Симонов Владимир Владимирович,
Крымская региональная общественная организация
«Восточно-Крымский центр военно-исторических исследований»
(РФ, Республика Крым, г. Керчь, Вокзальное шоссе, д. 35, кв. 129),
председатель правления,
qvest59@rambler.ru

Котина Алла Викторовна,
кандидат исторических наук,
Центр археологических исследований Благотворительного фонда «Деметра»
(РФ, Республика Крым, г. Керчь, ул. Крупской, д. 50),
научный сотрудник,
allakotina@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Simonov Vladimir Vladimirovich,
Crimean regional public organization
«East Crimean center for military historical researches»,
Vokzal'noe shosse, 35, Kerch, Republican Crimea,
qvest59@rambler.ru

Kotina Alla Viktorovna, CSc,
Non-Profitable Foundation «Demetra»,
Krupskoy st., 50, Kerch, Republican Crimea,
Junior Researcher,
allakotina@mail.ru

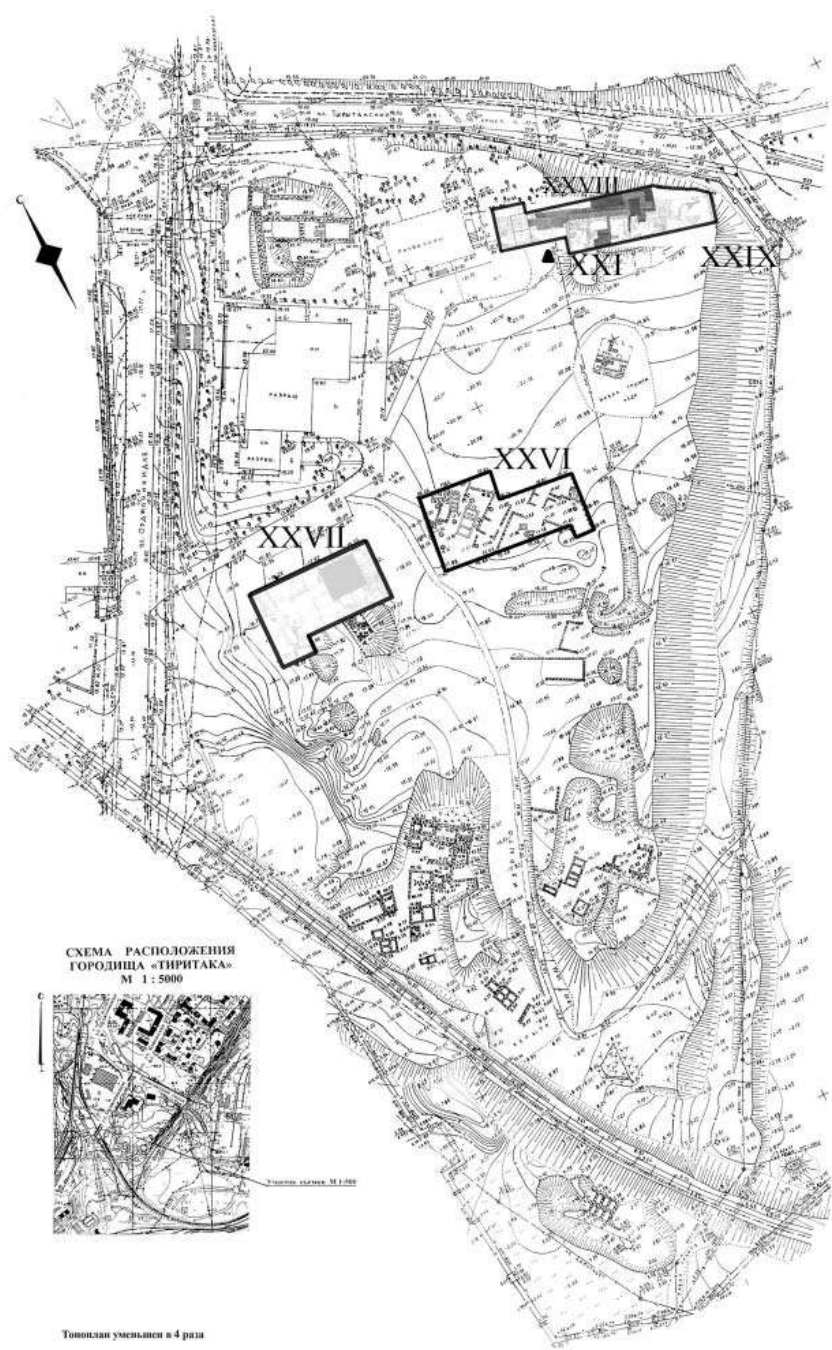

Рис. 1. Общий план городища Тиритака с обозначением раскопов [Зинько, Зинько, 2018].

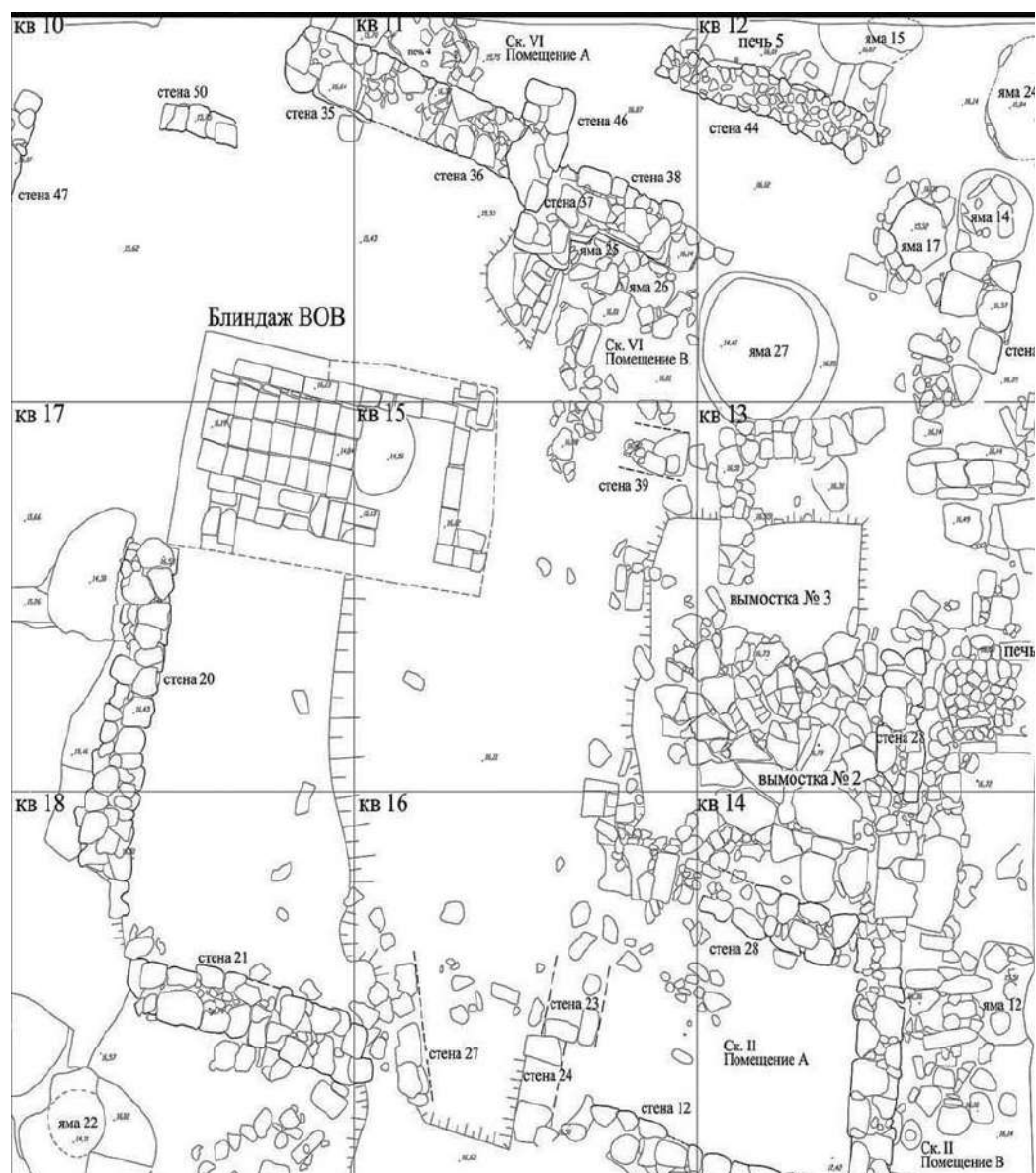

Рис. 2. Фрагмент сводного плана городища Тиритака, раскоп XXVII с указанием «блиндажа ВОВ» [Зинько, Зинько, 2018].

Рис. 3. Снимок немецкой аэрофотоъемки (1941 г.) с указанием месторасположения «блиндажа», выявленного в ходе археологических работ [NARA, TUGS1377SG-066].

Рис. 4. Совмещение современного спутникового снимка в районе городища Тиритака и снимка немецкой аэрофотосъемки (1944 г.) [NARA, GX2549SK-590].

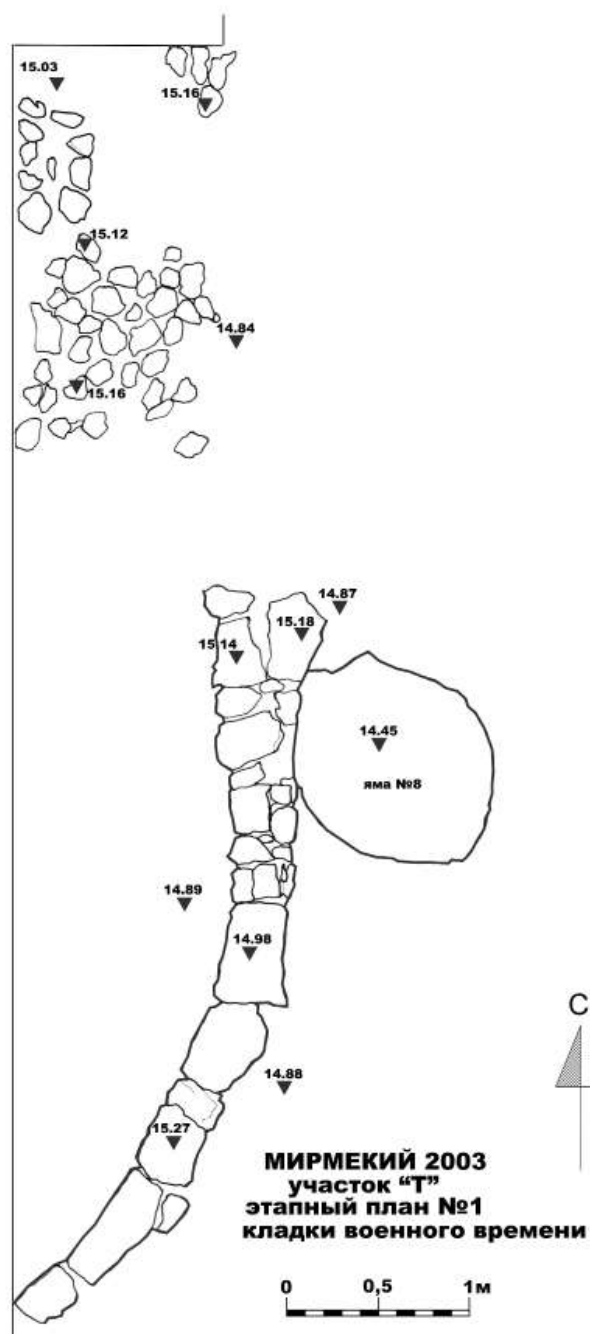

Рис. 6. Мирмекий-2003. Участок «Т». Этапный план №1 кладки военного времени [Бутягин, 2003].

Рис. 7. Мирмекий-2010. Участок «И». Южный участок. Общий вид с запада [Бутягин, 2010].

Рис. 8. Современный спутниковый снимок и снимок немецкой аэрофотосъемки (1944 г.) Карантинного мыса с обозначением месторасположения объектов периода Великой Отечественной войны [NARA, GX4358SG-032].

ПУБЛИКАЦИИ

Е.А. МОЛЕВ, Н.В. МОЛЕВА

E.A. MOLEV, N.V. MOLEVA

АСКЛЕПИЙ ПЕРГАМСКИЙ И АРТЕМИДА ЭФЕССКАЯ НА КЕРАМИЧЕСКОМ МЕДАЛЬОНЕ ИЗ КИТЕЯ ASCLEPIOS PERGAMON AND ARTEMIS EPHESUS ON THE CERAMIC MEDALLION FROM KYTA

Среди керамических находок в Китее есть несколько фрагментов античных сосудов с рельефными медальонами. Все они по-своему замечательны и неоднократно опубликованы [Молев, 2003: 205–209; Молев, 2010: 84–85. Рис. 127–129; Трейстер, 2014: 418–430; Молев, Молева, 2016: 365. № 18, 21]. Однако новая находка такого рода в полевом сезоне 2016 года оказалась еще более значимой. Это фрагмент почти плоского дна краснолакового блюда с круглым рельефным медальоном на внутренней поверхности, сохранившимся на три четверти (рис. 1-2), найденный в жилом помещении “Г” раскопа IV в слое I–II вв. н.э. Верхняя часть рельефного медальона утрачена, однако надпись и изображения узнаваемы и поддаются идентификации. Он имеет широкую рельефную кольцевую окантовку. В центре его изображение двух фронтально стоящих фигур: слева – мужской, справа – женской, стоящих на горизонтальной линии; под ней идет двухстрочная надпись: «ΠΕΡΓΑΜΗΝΩΝ ΕΦΕΣΙ».

Между фигурами в районе голов размещено антропоморфное изображение, представляющее собой, судя по аналогичным изображениям на монетах Пергама и Эфеса времени Коммода, фигуру богини Ники (RPC IV,2. 3280). Глина изделия светлая, желто-бежевая, плотная, без заметных включений. Лак оранжево-красный, плотный. Судя по оборотной стороне фрагмента, медальон был сначала оттиснут в форме, а затем наложен на дно еще не просохшего готового сосуда. Накладные рельефы украшали преимущественно чаши и кубки самых различных форм [Горончаровский, 1983: 122]. В нашем случае это было явно блюдо и ближе всего оно к «Понтийской сигилляте А» [Журавлев, 2006: 171. Сн 1]. Аналогий изображенному на ней рельефу и надписи в опубликованных находках аналогичных изделий с территории Северного Причерноморья нами не обнаружено. Это заставляет рассмотреть наш фрагмент более подробно.

Рассмотрим характер изображений. Слева на рельефе – фигура мужчины в хитоне и гиматии с посохом в правой руке, увитом змеей, ползущей по посоху вверх. Голова его, повернутая к женской фигуре, частично сколота. Левая рука свободно опущена и придерживает край свисающего гиматия; правая нога слегка отставлена, ступня ее развернута вправо; ступня левой ноги, на которую преимущественно опирается фигура, – слегка развернута влево. Под складкой гиматия у левой ноги стоит сосуд цилиндрической формы; вероятнее всего, циста со свитками, закрытая крыш-

кой. Слева от этого персонажа сохранились еще какие-то не вполне ясные буквенные изображения. Просматриваются (снизу вверх) буквы Ε, Π, Ι(?), Ε (или Σ), Ο.

В целом мужская фигура представлена в «ораторской позе» и повторяет позы эллинистических статуй Эсхина, Демосфена и Софокла [Матковская, 1983: 116]. Гиматий, как тип одежды, часто фигурирует в изображениях людей, связанных с искусством, науками, философией. Но в них изображались и античные боги, в том числе и в причерноморской скульптуре [Лейбенсон 2018: 148]. Посох, вокруг которого обвивается змея, является одним из самых распространенных символов медицины и атрибутом бога-врачевателя Асклепия. Змеи в античном сакральном сознании являлись символом исцеления и обновления [Грейвс, 1992: 137]. По примеру знаменитых святилищ Асклепия в Эпидавре и на Косе змеи содержались и использовались в лечении во всех крупных храмах и медицинских центрах в честь этого бога [Тахо-Годи, 1980: 114]. Пергамский Асклепий не был исключением.

Одежда на рельефе, поза, положение рук также находят аналогии в близких по времени северопричерноморских статуарных и рельефных изображениях Асклепия [Щеглов, 1960: 10-11. Рис. 1-2; Пятышева, 1971: 76; Трейстер 2013: 408; Лейбенсон, 2017: 62, рис. 7-9]. В античной скульптуре наиболее близкое по типу нашему изображению Асклепия представлено статуэткой из коллекции Эрмитажа, найденной в Сицилии [Waldhauer, 1928: 15, tabl. III. № 5] (рис. 3), и статуей этого бога из окружного археологического музея Пафоса на Кипре [Daszewski, Michaelides, 1988: 56] (рис. 4). Упоминание в надписи на сосуде пергамцев и тот факт, что именно в их городе находился один из самых знаменитых храмов Асклепия (настолько знаменитых, что Асклепия здесь даже называли «пергамским богом»), можно предположить, что реальным прототипом нашего изображения могла быть эта статуя или реплика с нее. В пользу этого свидетельствует и то, что наиболее широко известным скульптурным изображением Асклепия была именно статуя этого бога в Пергаме, приписываемая мастеру Фиромаху (Polyb., XXXII, 27,4). Изображения Асклепия (в том числе и этой статуи) и змей чеканились и на монетах Пергама [Fritze 1908: Tabl. III. № 2,3,10; Климов, 2010: 250]. К тому же сама статуя неоднократно копировалась [Reinach 1920: T.I. P. 287-291; T. III. 11-12], что делало ее широко известной и привлекательной, особенно для мастеров изобразительного искусства Малой Азии. В законах Пергама даже нашла отражение регламентация культа Асклепия: стоимость жреческих должностей и приношений [Голубцова, 1977: 126].

В правой части медальона представлена Артемида Эфесская. Она была совсем не похожа на греческих богинь и имела уникальный и особенный облик [Stephanie Lynn Budin, 2016: 22], что сразу делает ее достаточно легко узнаваемой. На статуе из Эфеса Артемида предстает как многогрудая богиня, дающая жизнь всему живому. По своим функциям она была близка божествам Восточной Анатолии, в частности, Великой Матери [Кузьмина, 2008: 21]. Ее культ по своим обрядам близок к почитанию Анаит [Сапрыкин, 2009: 216-217]. В эллинистический и римский периоды было создано множество копий этой статуи, а, кроме того, ее изображение чеканилось в

Молев Е.А., Молева Н.В. Асклепий пергамский...

ранний период на лидийских монетах (рис. 5), позднее – на кистофорах г. Эфеса с 133 г. до н.э. [Kleiner, 1972: 17–32] и монетах римского времени (времени Коммода – RPC IV.2. 1152; IV.2. 3277; IV, 2. 3280), где она изображена также с Асклепием. Облик ее, ставший традиционным, устоялся около 150 г. до н.э. В нем богиня представлена в строго вертикальной позе, напоминающей столб. Однако отдельные детали изображения могли варьироваться.

Образ Артемиды Эфесской на фрагменте из Китея кажется стандартным и подчиненным схеме, но вместе с тем имеет свои особенности. В обеих руках, согнутых в локтях под прямым углом, богиня держит два длинных тонких тирса, увитых вьющимися побегами или, может быть, змеями. В любом случае такая деталь подчеркивает оргаистичность и хтоничность ее культа. В районе груди, вероятно, располагались сосцы, как принято их интерпретировать. Впрочем, некоторые исследователи такого мнения не разделяют [Robert Fleischer, 1973: 74–88]. Юбка узкая, разделена на восемь ярусов, также украшенных изображениями голов или полуфигур животных, которых из-за небольшого размера статуи практически невозможно идентифицировать. Внизу юбки находится широкая оборка, из-под которой выглядывают ступни. Несомненно, что на медальоне изображена хорошо узнаваемая статуя Артемиды из Эфесского храма.

В верхней части медальона между головами Асклепия и Артемиды также в невысоком рельефе размещено изображение богини Ники, увенчивающей Асклепия и Артемиду. Верхняя часть изображения сколота.

Наиболее близкая аналогия нашему изображению статуэтка Ники на монете Пергама времени Коммода (RPC IV.2. 3277) (рис. 6).

И, наконец, под рельефными изображениями внизу имеется двухстрочная надпись – Περυαμηνῶν Ἐφεσί. Первое слово представлено полностью: это генетивус плуралис от περυαμηνός – пергамский, пергамец. Второе слово записано без окончания и связано с названием Эфеса. Вероятнее всего, это может быть форма Ἐφεσί(ων), присутствующая на монетах Пергама и Эфеса времени Коммода¹. Перед вторым словом есть небольшой фрагмент вертикальной галсту, вероятно, от буквы йота. Это дает основание думать, что на штампе для оттиска нашего рельефа здесь, как и на монетах, был союз «и» - «καί» И вся надпись подразумевала тот же смысл, что и на монетах: (κοινὸν ὀμόνοια) Περυαμηνῶν / (καί) Ἐφεσί(ων) – (союз) Пергамцев (и) Эфесян. Среди монет с аналогичной иконографией и легендой наиболее близкой является бронзовая монета RPC IV, 2. 3277 (<https://rpc.ashmus.ox.ac.uk/coins/4/3277>), датируемая 180–182 гг. н.э. Надпись свидетельствует о том, что в период изготовления нашего блюда Пергам и Эфес находились в очень тесных дружественных отношениях. Более того, мы можем говорить и об «определенном влиянии на пергамскую посуду эфесской керамической традиции» [Журавлев, 2009:

¹ Наше внимание на соответствие нашей надписи надписям на монетах Пергама и Эфеса обратил А.В. Белоусов, которому мы выражаем искреннюю признательность.

256]. Изображение же на рельефе статуй, особенно статуи Артемиды Эфесской, свидетельствует о том, что «пергамская рельефная керамика не только продолжает линию развития произведений торевтики, но и связана с монументальным искусством, во всяком случае, опосредованно» [Журавлев, 2009: 258].

Сам сосуд (может быть, блюдо для подношений?) имеет ярко выраженное сакральное предназначение и свидетельствует о тесных, религиозных, политических и экономических связях между Пергамом и Эфесом. Изображенные на нем две статуи являлись культовыми символами этих двух городов, имевших тесные и дружеские политические отношения с эпохи позднего эллинизма [Климов, 2010: 311]. Не исключено, что сосуд данного типа мог быть изготовлен в Пергаме специально для праздника Эфесии в честь Артемиды Эфесской. В пользу этого склоняют и характер изображений, и надпись под ними.

В заключение отметим, что пергамский керамический импорт, как известно, появляется в Северном Причерноморье со второй четверти III в. до н.э., а пик его поступления в Причерноморье приходится на последнюю четверть I в. – первую четверть II в. н.э. [Журавлев 2015: 209]. Рельефные медальоны типа подобного нашему по глине и манере украшения еще Б.В. Фармаковский и Д.Б. Шелов относили к пергамскому производству и датировали временем со второй половины III в. до н.э. [Фармаковский, 1915: 3, рис. 16; Шелов, 1970: 167]. По материалам Афинской Агоры такие медальоны датируются II в. до н.э. [Rotroff, 1982: 285]. Надпись на медальоне из Китея, так же как и характер рельефа, их почти полное соответствие изображениям на оборотных сторонах монет Пергама времени Коммода позволяют думать, что именно изображения на монетах стали прототипом нашего изображения, а следовательно, датировать изготовление нашего медальона последней четвертью II в. н.э.

Когда и при каких обстоятельствах сосуд, украшенный этим медальоном, попал в Китей, решить трудно. Он найден в перемешанном слое в помещении, вероятнее всего, жилом, с довольно стандартным для нашего города набором находок (фрагменты амфор, черепицы, мортариев, краснолаковой, чернолаковой, красноглиняной и лепной посуды, фрагменты известняковых зернотерок и тарапанов). Однако заметим, что помещение это примыкает к большому сакральному комплексу у восточной крепостной стены города [Молев, Молева, 2015: 264–270]. Человек, который привез такую вещь на Боспор и далее в Китей, отдавал себе полный отчет в сакральной символике образов, воспроизведенных на нем. Культ именно Эфесской Артемиды известен на Боспоре еще с VI в. до н.э. Надпись на обломке бронзового треножника из Пантикапея с посвящением Артемиде Эфесской датирована Ю.Г. Виноградовым третьей четвертью VI в. до н.э. [Виноградов, 1974: 61]. С IV в. до н.э. этот культ прослеживается особенно ярко. Известны четыре надписи на мраморных плитах и постаменте статуи из Пантикапея, Фанагории и Горгиппии (КБН. 6а, 11, 1040, 1114). В них употребляется ионийское написание ее имени – Ἐφεσείη. Судя по всем этим надписям, культ имел аристократический характер. Он, несомненно, был перенесен на Боспор первыми переселенцами с их ионической родины [Шауб, 2007: 347–348].

Молев Е.А., Молева Н.В. Асклепий пергамский...

Что же касается культа Асклепия, то он также имел место на Боспоре. Страбон упоминает храм Асклепия в Пантикапее (Strabo., II, 1, 16), а В.Ф. Гайдукевич считает, что неподалеку от боспорской столицы существовало загородное святилище Асклепия с источником полезной воды [Гайдукевич, 1949: 162, 170; Gajdukevič, 1971: 177]. Так что вполне возможно, что даже фрагмент изделия с изображениями этих богов (сколы на нем старые) мог служить вотивом, использованным в домашнем святилище. Тем более что этот фрагмент имел и определенную художественную ценность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Виноградов Ю.Г. Прохус Минииды из Пантикапея // ВДИ. 1974. № 4. С. 56–67.
- Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л., Издательство Академии наук СССР, 1949. 624 с.
- Голубцова Е.С. Идеология и культура сельского населения Малой Азии (I–III вв. н.э.). М., 1977. 239 с.
- Горончаровский В.А. Пергамская керамическая мастерская и ее продукция на Боспоре // СА. 1983. № 2. С. 117–124.
- Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М., 1992. 620 с.
- Журавлев Д.В. Западная сигиллята в Северном Причерноморье // Древности Боспора. Глав. ред. А.А. Масленников. Т. 10. 2006. С. 168–213.
- Журавлев Д.В. Эллинистический пергамский керамический импорт в Северном Причерноморье: мифы и реалии // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире / О.Л. Габелко (отв. ред.). – Казань, 2009. С. 252–267.
- Журавлев Д.В. Пергамская эллинистическая столовая посуда в Северном Причерноморье. Краткий обзор // ПИФК. № 1. 2015. С. 190–216.
- Климов О.Ю. Пергамское царство. Проблемы политической истории и государственного устройства. СПб., Нестор-История, 2010. 400 с.
- Корпус боспорских надписей. М.-Л., 1965. М.-Л.: Наука, Лен. отд., 1965. 951 с.
- Кузьмина Ю.Н. Культовые изображения Артемиды Эфесии // Antiquitas Iuventaе. А.В. Мосолкин, Е.В. Смыков (ред.). Саратов, Наука, 2008. С. 16–22.
- Лейбенсон Ю.Т. Авл Ситесий – представитель философско-медицинской школы на Боспоре // Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского. Исторические науки. Симферополь, 2017. Т. 3 (69). № 1. С. 56–68.
- Лейбенсон Ю.Т. Интеллектуалы античных государств Северного Причерноморья. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Симферополь, 2018. С. 148.
- Матковская Т.А. Особенности композиционного решения боспорских надгробных рельефов первых веков н. э. // Население и культура Крыма в первые века н. э. / Отв. ред. Т. Н. Высотская. Киев: Наукова думка, 1983. С. 114–136.
- Молев Е.А. Рельефные медальоны из Китея // Античный мир и археология. Вып. 11. – Саратов, 2003. С. 205–209.
- Молев Е.А. Боспорский город Китей. – Симферополь-Керчь, 2010. 316 с.
- Молев Е.А., Молева Н.В. Святилище у восточной крепостной стены в боспорском городе Китее // Археологія і давня історія України. Вип. I. Київ, 2015. С. 264–270.
- Молев Е.А., Молева Н.В. Боспорский город Китей. Ч. II. Симферополь-Керчь, 2016. 452 с.
- Пятышева Н.В. Мраморная статуэтка Гигиены из Херсонеса (К вопросу о культе богов-врачевателей в Северном Причерноморье) // ВДИ. 1971. № 2. С. 71–77.
- Сапрыкин С.Ю. Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. М-Тула, 2009. 424 с.
- Тахо-Годи А.А. Асклепий. Артемида // МНМ. Т. I. М., 1980. С. 107–108; 113–114.
- Трейстер М.Ю. Кто изображен на рельефных медальонах из Пантикапея и Китея // Древности Боспора. Глав. ред. А.А. Масленников. Т. 18. 2014. С. 418–430.

Боспорские исследования, вып. XL

- Трейстер М.Ю.* Бронзовая статуэтка из Фанагории // Фанагория: Результаты археологических исследований / Под общ. ред. В. Д. Кузнецова. М.: Институт археологии РАН, 2013. Т. 1. С. 403–414.
- Фармаковский Б.В.* Ольвия. Москва: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1915. 36 с. 26 ил.
- Шауб И.Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). СПб., 2007. 483 с.
- Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в IV–III вв. до н.э. М., 1970. 143 с.
- Щеглов А.Н.* Скульптурные изображения Асклепия // СХМ / Антонова И.А., Борисова В.В. (ред.). – Симферополь, Крымиздат, 1960. С. 9–16.
- Burnett A., Carradice I., Amandry M.* Roman provincial Coinage. Oxford. Vol. IV. (From Antoninus Pius to Commodus AD 138–192). Database accessible online: <http://rpc.ashmus.ox.ac.uk>
- Daszewski W. A., Michaelides D.* 1988 – Daszewski W. A., Michaelides D. Guide to the Paphos mosaics. Nicosia, Cyprus: Bank of Cyprus Cultural Foundation, 1988. – 73 p.
- Fleischer Robert.* Artemis von Ephesos und verwandte Kultstatuen aus Anatolien und Syrien. Leiden: Brill, 1973. – 449 p.
- Fritze H. von.* Acklepiosstatuen in Pergamon // Nomisma. Untersuchungen auf dem Gebiete der Antiken Münzkunde. Herausgegeben von Hans von Fritze und Hugo Gaebler. II. Berlin,
- Gajdukevič V.F.* Das Bosporianische Riech. Berlin-Amsterdam, 1971.
- Mayer und Müller,* 1908. – S. 19–35; Tabl. III.
- Kleiner F.S.* The Dated Cistophori of Ephesos // American Numismatic Society Museum. Notes 18. 1972. P. 17–22.
- Reinach S.* Répertoire de la statuaire Grecque et Romaine. Paris, editions Ernest Leroux, 1930. – T. I. P. 287–291. – T. III. – P. 11–12.
- Rotroff S.L.* Hellenistic pottery Athenian and imported moldmade bowls // The Athenian Agora. V. XXII. 1982. – 135 p.
- Stephanie Lynn Budin,* Artemis (Gods and Heroes of the Ancient World. London/New-York: Routledge, 2016. 184 p.
- Waldhauer O.* Die Antiken Skulpturen der Ermitage. Teil 1, Archäologische Mitteilungen aus russischen Sammlungen hrsg. V. B. Pharmakowsky, G. Bodenwaldt, O. Waldhauer, Tu. Wiegand, A.A Zacharow. Bd. I. Berlin und Leipzig. 1928. – P. 84; XLVIII plates and 17 illustrations in text.

REFERENCES

- Vinogradov YU.G.* Prohus Miniidy iz Pantikapeya // VDI. 1974. № 4. S. 56–67.
- Gajdukevich V.F.* Bosporskoe carstvo. M.-L., Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1949. 624 s.
- Golubcova E.S.* Ideologiya i kul'tura sel'skogo naseleniya Maloj Azii (I–III vv. n.e.). M., 1977. 239 s.
- Goroncharovskij V.A.* Pergamskaya keramicheskaya masterskaya i ee produkcija na Bospore // SA. 1983. № 2. S. 117–124.
- Grejvs R.* Mify Lrevnej Grecii. M., 1992. 620 s.
- ZHuravlev D.V.* Zapadnaya sigillyata v Severnom Prichernomor'e // Drevnosti Bospora. Glav. red. A.A. Maslennikov. T. 10. 2006. S. 168–213.
- ZHuravlev D.V.* Ellinisticheskij pergamskij keramicheskij import v Severnom Prichernomor'e: mify i realii // Politika, ideologiya, istoriopisanie v rimsko-ellinisticheskom mire / O.L. Gabelko (otv. red.). – Kazan', 2009. S. 252–267.
- ZHuravlev D.V.* Pergamskaya ellinisticheskaya stolovaya posuda v severnom Prichernomor'e. Kratkij obzor // PIFK. № 1. 2015. S. 190–216.
- Klimov O.YU.* Pergamskoe carstvo. Problemy politicheskoy istorii i gosudarstvennogo ustrojstva. SPb., Nestor-istoriya, 2010. 400 s.
- Korpus bosporskih naldpisej. M.-L., 1965. M.-L.: Nauka, Len. otd., 1965. 951 s.
- Kuz'mina YU.N.* Kul'tovye izobrazheniya Artemidy Efesii // Antiquitas Iuventae. A. V. Mosolkina, E. V. Smykov (red.). Saratov, Nauka, 2008. S. 16–22.
- Lejbenson YU. T.* Avl Sitesij – predstavitel' filosofsko-medicinskoj shkoly na Bospore // Uchenye zapiski KFU im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. Simferopol', 2017. T. 3 (69). № 1. S. 56–68.

Молев Е.А., Молева Н.В. Асклепий пергамский...

- Lejbenson YU. T.* Intellekтуалы antichnyh gosudarstv Severnogo Prichernomor'ya. Dissertaciya na soikanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Simferopol', 2018. S. 148.
- Matkovskaya T. A.* Osobennosti kompozicionnogo resheniya bosporskih nadgrobnih rel'efov pervyh vekov n. e. // *Naselenie i kul'tura Kryma v pervye veka n. e.* / Otv. red. T. N. Vysotskaya. Kiev: Naukova dumka, 1983. S. 114–136.
- Molev E.A.* Rel'efnye medal'ony iz Kiteya // *Antichnyj mir i arheologiya*. Vyp. 11. – Saratov, 2003. S. 205–209.
- Molev E.A.* Bosporskiy gorod Kitej. – Simferopol'-Kerch', 2010. 316 s.
- Molev E.A., Moleva N.V.* Svyatilishche u vostochnoj krepostnoj steny v bosporskom gorode Kitee // *Arheologiya i davnya istoriya Ukrainiyu* Vip. I. Kiiv, 2015. S. 264–270.
- Molev E.A., Moleva N.V.* Bosporskiy gorod Kitej. CH. II. Simferopol'-Kerch', 2016. 452 s.
- Pyatysheva N.V.* Mramornaya statuetka Gigieji iz Hersonesa (K voprosu o kul'te bogov-vrachevatelej v Severnom Prichernomor'e) // *VDI*. 1971. № 2. S. 71–77.
- Saprykin S.YU.* Religiya i kul'ty Ponta ellinisticheskogo i rimskogo vremeni. M-Tula, 2009. 424 s.
- Taho-Godi A.A.* Asklepij. Artemida // *MNM*. T. I. M., 1980. S. 107–108; 113–114.
- Trejster M.YU.* Kto izobrazhen na rel'efnyh medal'onah iz Pantikapeya i Kiteya // *Drevnosti Bospora*. Glav. red. A.A. Maslennikov. T. 18. 2014. S. 418–430.
- Trejster M. YU.* Bronzovaya statuetka iz Fanagorii // *Fanagoriya: Rezul'taty arheologicheskikh issledovanij* / Pod obshch. red. V. D. Kuznecova. M.: Institut arheologii RAN, 2013. T. 1. S. 403–414.
- Farmakovskij B.V.* Ol'viya. Moskva: T-vo skoropech. A.A. Levenson, 1915. 36 s. 26 ill.
- SHaub I.YU.* Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'e (VII-IV vv. do n.e.). SPb., 2007. 483 s.
- SHelov D.B.* Tanais i Nizhnij Don v IV–III vv. do n.e. M., 1970. 143 s.
- SHCHeglov A.N.* Skul'pturnye izobrazheniya Asklepiya // *SKHM* / Antonova I.A., Borisova V.V. (red.). – Simferopol', Krymizdat, 1960. S. 9–16.

Резюме

Статья посвящена публикации рельефного медальона пергамского производства из раскопок боспорского города Китея, аналогий которому в опубликованных на сегодня находках не найдено. Авторы считают, что сосуд данного типа мог быть изготовлен в Пергаме специально для праздника Эфесии в честь Артемиды Эфесской, о чем свидетельствуют не только изображения статуй Асклепия и Артемиды Эфесской на рельефе, но и надпись под ними.

Ключевые слова: Асклепий, Артемида Эфесская, Пергам, Китей, Боспор.

Summary

The article is devoted to the publication of a relief medallion of Pergamon production from the excavations of the Bosphorus city of Kyta, analogies to which are not found in the finds published today. The authors believe that a vessel of this type could be made in Pergamum especially for the Ephesian festival in honor of Artemis of Ephesus, as evidenced not only by images of the statues of Asclepius and Artemis of Ephesus on the relief, but also by the inscription below them.

Key words: Asclepius, Artemis of Ephesus, Pergamum, Kyta, Bosphorus.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Молев Евгений Александрович,
д.и.н., профессор,
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского»,
603163, Нижний Новгород, Казанское шоссе, д. 3, кв. 300..
8-987-753-49-16.
molev.eugeny@yandex.ru

Молева Наталья Владимировна,
к.и.н., независимый исследователь.
603163, Нижний Новгород, Казанское шоссе, д. 3, кв. 300..
8-987-753-49-16.
molev.eugeny@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Molev Eugeny Aleksandrovich,
DSc, Prof.,
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
Russia, professor.

Moleva Natalia Vladimirovna,
candidate of Historical Sciences,
independent researcher.

Рис. 1. Фото рельефного медальона. Хранится в Восточно-Крымском историко-культурном заповеднике. Инв. № КМАК – 20414.

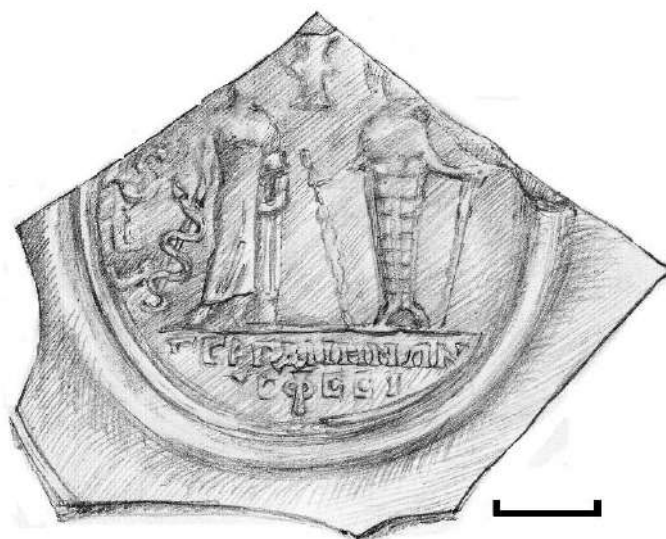

Рис. 2. Рисунок рельефного медальона. Прорисовка А.Ю. Смирновой.

Рис. 3. Статуя Асклепия из коллекции Эрмитажа.

Рис. 4. Статуя Асклепия из музея Пафоса на Кипре.

Рис. 5. Лидийская монета.

Рис. 6. Пергамская монета.

Н.И. СУВОРОВА
N.I. SUVOROVA

**ПРОТОМЫ ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО ГОРОДИЩА ИЗ СБОРОВ 2015 ГОДА
PROTOMES OF THE ELIZAVETOVSKY SETTLEMENT FROM THE
CHARGES OF 2015**

В 2015 году жителями х. Городище были переданы в фонды Азовского музея-заповедника 23 предмета, собранные ими на берегах пруда и на проселочных дорогах, пересекающих Елизаветовское городище, после прохода грейдеров¹.

Среди них 18 фрагментов терракотовых протом, найденных в северо-западной части городища, на берегу рыболовецкого пруда [Минаев, 2017, с. 22]. Протомы сильно фрагментированы, окатаны. Однако представляют большой интерес для исследования.

Данные предметы относятся к хорошо известному и широко распространенному типу терракот боспорского производства конца IV – первой половины III вв. до н.э. Это протомы-односторонки, изображающие богиню Деметру, чей культ, несомненно, был популярен в этот период в Северном Причерноморье, в том числе и Большой греческой колонии, существовавшей на Елизаветовском скифском городище.

Известно, что традиция изображать Деметру со сложенными в ритуальной позе руками под грудью появилась на Родосе в V в. до н. э. (рис. 1 а, б). Подобный сюжет быстро распространился и стал популярным в других греческих мастерских коропластов (рис. 2). Протомы этого периода отличаются высокохудожественным исполнением, тщательной проработкой деталей, полихромной росписью. На них Деметра изображалась в хитоне, ритуальном головном уборе, гиматии, держащей в одной руке цветок граната, а в другой его плод (рис. 3 а, б). Подобная большая протома Деметры начала IV в. до н. э. из греческой мастерской была найдена в Пантикапее [Силантьева, 1974, с. 18, таб. 7,2].

Нередко в мастерских коропластов Северного Причерноморья с привозных аттических терракот делали оттиски для последующего изготовления форм для отминки терракот. Вероятно, спрос населения на этот вид продукции был велик. Известно, что протомы этого типа изготавливались на Боспоре достаточно долго. Примером может служить находка на Митридате, обнаруженная в выбросе мастерской коропласта I в. до н. э. [Кобылина, 1974, с. 51, таб. 61,1].

Найденные на Елизаветовском городище фрагменты терракот можно разде-

¹ Выражаю глубокую признательность А.П. Минаеву за возможность работы с отчетом и коллекцией из его разведок 2015 г.

лить по типу изображений на четыре группы. К первой относится фрагмент протомы № 253 (рис. 4). Деметра изображена в высоком калафе. Следует отметить тщательность проработки деталей лица. Ближайшая ей аналогия – протома, найденная на Тиритаке, датируется концом IV – первой половиной III вв. до н. э. [Денисова, 1981, с. 33].

Вторую группу составляют фрагменты протом Деметры, изображенной в невысоком калафе с покрывалом. К ней относятся предметы № 258, 260, 262, 268 (рис. 7-10). Причем на терракоте № 258 лицо Деметры выполнено в более высоком рельефе, чем на других. Похожие терракоты были обнаружены при исследовании насыпи зольного алтаря в Мирмекии и датируются концом IV – первой половиной III вв. до н. э., а также на Тиритаке в слоях этого же времени [Пругло, 1970, с. 93].

Третья группа представлена двумя протомами (№ 255, 257), изображающими Деметру в трапезиевидном, расширяющемся кверху невысоком калафе с покрывалом и округлыми ушными украшениями (рис. 5, 6). Похожие терракоты происходят из насыпи зольного алтаря в Мирмекии и датируются первой половиной III в. до н. э. [Денисова, 1981, с. 30], а также из сброса святилища на южной окраине Горгиппии в районе некрополя [Кругликова, 1974, с. 44]. Интересно, что все найденные в Горгиппии терракоты по месту их производства можно определить как местные (40–45%), привозные из Греции и Малой Азии (10–15%) и боспорские (40–45%). Интересующую нас группу протом уверенно относят к боспорскому производству, и она является достаточно многочисленной.

Четвертая группа представляет собой протомы с изображением богини уже в другом головном уборе – stefane и покрывале. К ней относятся предметы № 254, 256, 259, 261, 267 (рис. 11–15). Похожие терракоты были обнаружены в зольнике у западной крепостной стены Китея в слоях IV – III вв. до н. э. [Молев, Молева, 2016, с. 173, № 3, с. 181, № 33]. А также при исследовании насыпи зольного алтаря в Мирмекии, на Тиритаке и в Горгиппии. Они датируются первой половиной III в. до н. э.

Протомы третьей и четвертой группы имеют также иконографическое и морфологическое сходство с протомами из Пантикапея, Нимфея, Фанагории [Анфимов, 1987, с. 187] и Порфмия [Вахтина, 2010, с. 243]. В Танаисе пять аналогичных протом Деметры были обнаружены в закрытом комплексе подвала ИО, в домашнем святилище, в центре западной части акрополя. Они надежно датируются первой половиной III в. до н. э. и относятся к боспорскому производству [Суворова, 2014, с. 236].

Следующие шесть фрагментов из сборов 2015 года трудно отнести с полной уверенностью к какой-либо группе из вышеперечисленных, поскольку сохранились лишь средние части протом (рис. 16–18), нижние ее части (рис. 19, 20) и фрагмент покрывала (рис. 21), что является общим в изображении богинь на протомах этого типа.

Все упомянутые протомы Деметры боспорского производства. Они были не очень высокого качества. Об этом говорит неаккуратность отминки, непроработанность деталей лица и одежды богини. Они представляли собой недорогие вотивы.

Суворова Н.И. Протомы Елизаветовского городища...

Не случайно подобные протомы составляли одну из наиболее обширных в количественном отношении групп находок из Мирмекийского зольника [Денисова, 1981, с. 31].

Примечательно, что среди предметов коропластики, найденных на Елизаветовском городище и хранящихся в Ростовском областном музее краеведения, протомы этого типа составляют большинство [Язовских, 2010. С. 83]. Среди терракот Елизаветовского городища, хранящихся в Учебном музее археологии Института истории и международных отношений Южного федерального университета, протомы Деметры занимают половину коллекции. В ГБУК РО «Азовский археологический и палеонтологический музей-заповедник» из 36 предметов коропластики Елизаветовского городища 28 являются протомами этой богини.

Последние исследования на Елизаветовском городище позволяют уточнить верхнюю границу датировки найденных протом Деметры [Копылов, Коваленко, 2013, с.243]. Поскольку время гибели Большой греческой колонии определяется как 70-е гг. III в. до н. э., то мы можем говорить о том, что время производства терракот первой и второй групп имеет более узкую датировку: конец IV – первая треть III вв. до н. э. А протом третьей и четвертой групп – 300-270 гг. до н. э.

По всей вероятности, фрагменты терракот из сборов 2015 года были обнаружены поблизости от раскопа XXXIV, где в 2012 году исследовался крупный эллинский общественный сакральный комплекс. Он находился на самой высокой части «акрополя» скифского городища и состоял из трех помещений: 114, 115, 116 [Копылов, 2016, с. 241]. В помещении 116 был открыт глинобитный алтарь, рядом с которым среди других находок обнаружили пять целых терракотовых статуэток [Копылов, 2015, с. 123]. Ранее при исследовании соседних помещений этого комплекса, 114 и 115, было найдено три фрагмента протомы Деметры. А при исследовании других комплексов на раскопе XXXIV – еще восемь фрагментов аналогичных терракот. По соседству с раскопом XXXIV находится раскоп XXXVI, откуда происходят четыре фрагмента подобных изделий коропластики. Возможно, они также имеют отношение к общественному сакральному комплексу.

Таким образом, фрагменты терракотовых протом Деметры, происходящие из сборов 2015 года, были произведены на Боспоре в конце IV – первой трети III в. до н. э. Они имеют широкие аналогии среди терракоты, обнаруженной в Танаисе, Пантикапее, Мирмекии, Тиритаке, Китее, Нимфее, Порфмии, Фанагории и Горгиппии. Эти недорогие предметы коропластики могли широко использоваться как вотивы в общественном сакральном комплексе, а также в домашних святилищах Большой греческой колонии.

Описание терракот

1. Верхняя часть односторонней протомы Деметры (рис. 4). Елизаветовское городище, 2015 г., сборы, № 1. АМЗ, КП 31032 А 1-1053, № 253. Сохранилась левая сторона головного убора, часть лица и шея. Выражение лица спокойное и вели-

- чественное. Лицо узкое, хорошо проработано, подбородок округлый с ямочкой. Глаза большие, выразительные. Нос большой, прямой, рот маленький. Голову обрамляют густые волосы, спускающиеся широкими прядями на плечи богини. На голове высокий калаф, слегка расширяющийся кверху, и покрывало. Протома отмята в форме. Поверхность слабо заизвесткована, окатана. Глина тонкая, плотная, хорошо отмученная, коричневого цвета с мелкими белыми и блестящими включениями. Высота сохранившейся части – 7,8 см, ширина – 4,1 см. Конец IV – первая треть III в. до н. э. Боспорское производство. Аналогии: М. А. Наливкина, 1952, стр. 332; В. И. Пругло, 1970, таб. 36, 2, 3; В. И. Денисова, 1981, таб. V, з.
2. Верхняя часть односторонней протомы Деметры (рис. 5). Елизаветовское городище, 2015 г., сборы, № 3. АМЗ, КП 31032 А 1-1053, № 255. Сохранилась голова богини в головном уборе, фрагмент покрывала и шеи. Лицо не проработано, узкое, подбородок заострен. Нос большой, прямой. Голову обрамляют густые волосы, собранные сзади. На голове калаф с большими подвесками округлой формы и покрывало. Протома отмята в форме. На внешней поверхности светлый ангоб. Поверхность слабо заизвесткована, окатана. На внешней поверхности сколы. Глина тонкая, плотная, хорошо отмученная, коричневого цвета с мелкими белыми и блестящими включениями. Высота сохранившейся части – 5,2 см, ширина – 4,4 см. 300 – 270 гг. до н. э. Боспорское производство. Аналогии: М.А. Наливкина, 1952, стр. 332; В. И. Пругло, 1970, таб. 36, 2, 3; В. И. Денисова, 1981, таб. IV, б; Н. И. Суворова, 2014, рис. 2,1.
 3. Верхняя часть односторонней протомы Деметры (рис. 6). Елизаветовское городище, 2015 г., сборы, № 5. АМЗ, КП 31032 А 1-1053, № 257. Сохранилась голова богини в головном уборе и покрывале, шея и верхняя часть туловища. Лицо не проработано, узкое, подбородок округлый. Нос большой, прямой, рот маленький. Голову обрамляют густые волосы, собранные сзади. На голове калаф и покрывало. Протома отмята в форме. На внешней и внутренней поверхности светлый ангоб. Поверхность слабо заизвесткована, окатана. Глина тонкая, плотная, хорошо отмученная, коричневого цвета с мелкими белыми и блестящими включениями. Высота сохранившейся части – 6,7 см, ширина – 4,1 см. 300 – 270 гг. до н. э. Боспорское производство. Аналогии: М.А. Наливкина, 1952, стр. 332; В. И. Пругло, 1970, таб. 36, 2, 3; И. Т. Кругликова, 1974, таб. 51,4; В. И. Денисова, 1981, таб. IV, а; Н. И. Суворова, 2014, рис. 2,1.
 4. Верхняя часть односторонней протомы Деметры (рис. 7). Елизаветовское городище, 2015 г., сборы, № 6. АМЗ, КП 31032 А 1-1053, № 258. Сохранилась правая часть головы богини в головном уборе и покрывале, шея. Лицо не проработано, узкое, подбородок округлый. Глаза большие, рот маленький. Голову обрамляют густые волосы, спускающиеся широкими прядями на плечи. На голове калаф с наброшенным на него покрывалом. Протома отмята в форме. На внешней поверхности светлый ангоб. Поверхность слабо заизвесткована, окатана. Глина тонкая, плотная, хорошо отмученная, коричневого цвета с

Суворова Н.И. Протомы Елизаветовского городища...

- мелкими белыми и блестящими включениями. Высота сохранившейся части – 5,1 см, ширина – 3,6 см. Конец IV – первая треть III в. до н. э. Боспорское производство. Аналогии: М.А. Наливкина, 1952, стр. 332; И. Т. Кругликова, 1974, таб. 51,4; В.И. Денисова, 1981, таб. V, б.
5. Фрагмент односторонней протомы Деметры (рис. 8). Елизаветовское городище, 2015 г., сборы, № 8. АМЗ, КП 31032 А 1-1053, № 260. Сохранилась левая часть головы богини в головном уборе и покрывале, шея и часть туловища и рук. Лицо обито, узкое, подбородок округлый. Нос большой, прямой. Голову обрамляют густые волосы, собранные сзади. На голове калаф и покрывало, спускающееся на плечи. Руки сложены в ритуальной позе, тыльными сторонами ладоней друг к другу. Протома отмыта в форме. На внешней и внутренней поверхности светлый ангоб. Поверхность слабо заизвесткована, окатана. Глина тонкая, плотная, хорошо отмученная, коричневого цвета с мелкими белыми и блестящими включениями. Высота сохранившейся части – 9,3 см, ширина – 4,2 см. Конец IV – первая треть III в. до н. э. Боспорское производство. Аналогии: М. А. Наливкина, 1952, стр. 332; В. И. Денисова, 1981, таб. V, д; Н. И. Суворова, 2014, рис. 2,1.
 6. Верхняя часть односторонней протомы Деметры (рис. 9). Елизаветовское городище, 2015 г., сборы, № 10. АМЗ, КП 31032 А 1-1053, № 262. Сохранилась левая часть головы богини в головном уборе и покрывале. Лицо узкое, подбородок округлый. Голову обрамляют густые волосы, собранные сзади. На голове калаф и покрывало. Протома отмыта в форме. На внешней и внутренней поверхности светлый ангоб. Поверхность слабо заизвесткована, окатана. На внешней и внутренней поверхности сколы. Глина тонкая, плотная, хорошо отмученная, коричневого цвета с мелкими белыми и блестящими включениями. Высота сохранившейся части – 4,9 см, ширина – 3,1 см. Конец IV – первая треть III в. до н.э. Боспорское производство. Аналогии: М. А. Наливкина, 1952, стр. 332; В.И. Денисова, 1981, таб. V, и; Н. И. Суворова, 2014, рис. 2,1.
 7. Фрагмент верхней части односторонней протомы Деметры (рис. 10). Елизаветовское городище, 2015 г., сборы, № 16. АМЗ, КП 31032 А 1-1053, № 268. Сохранилась правая часть лица и головного убора. Лицо узкое, подбородок заострен. На голове калаф с большими подвесками округлой формы и покрывало, спускающееся на плечи. Протома отмыта в форме. На внешней и внутренней поверхности светлый ангоб. Поверхность слабо заизвесткована, окатана. На внешней поверхности сколы. Глина тонкая, плотная, хорошо отмученная, коричневого цвета с мелкими белыми и блестящими включениями. Высота сохранившейся части – 4,9 см, ширина – 3,6 см. Конец IV в. – первая треть III в. до н. э. Боспорское производство. Аналогии: М. А. Наливкина, 1952, стр. 332; В. И. Денисова, 1981, таб. V, и; Н. И. Суворова, 2014, рис. 2,1.
 8. Верхняя часть односторонней протомы Деметры (рис. 11). Елизаветовское городище, 2015 г., сборы, № 2. АМЗ, КП 31032 А 1-1053, № 254. Сохранилась голова богини в головном уборе и шея. Лицо не проработано, узкое, подбородок

- заострен. Нос большой, прямой, рот маленький. Голову обрамляют густые волосы, собранные сзади. На голове стефана с крупным округлым украшением посередине и покрывало. Протома отмята в форме. Поверхность слабо заизвесткована, окатана. Глина тонкая, плотная, хорошо отмученная, коричневого цвета с мелкими белыми и блестящими включениями. Высота сохранившейся части – 5,8 см, ширина – 5,2 см. 300 – 270 гг. до н. э. Боспорское производство. Аналогии: М. А. Наливкина, 1952, стр. 332; В. И. Пругло, 1970, таб. 36, 1; И.Т. Кругликова, 1974, таб. 51,1; В. И. Денисова, 1981, таб. III, д; Н.И. Суворова, 2014, рис. 2,2; Е. А. Молев, Н. В. Молева, 2016, стр. 173, № 3, с. 181, № 33.
9. Верхняя часть односторонней протомы Деметры (рис. 12). Елизаветовское городище, 2015 г., сборы, № 4. АМЗ, КП 31032 А 1-1053, № 256. Сохранилась голова богини в головном уборе и покрывале. Лицо не проработано, узкое, подбородок массивный округлый. Нос небольшой, выступающий. Голову обрамляют густые волосы, собранные сзади. На голове стефана с большими подвесками округлой формы и покрывало. Протома отмята в форме. На внешней поверхности светлый ангоб. Поверхность слабо заизвесткована, окатана. Глина тонкая, плотная, хорошо отмученная, коричневого цвета с мелкими белыми и блестящими включениями. Высота сохранившейся части – 4,4 см, ширина – 4,1 см. 300 – 270 гг. до н. э. Боспорское производство. Аналогии: М.А. Наливкина, 1952, стр. 332; В.И. Пругло, 1970, таб. 36, 1; И.Т. Кругликова, 1974, таб. 51,1; В.И. Денисова, 1981, таб. III, а; Н.И. Суворова, 2014, рис. 2,2; Е.А. Молев, Н. В. Молева, 2016, стр. 173, № 3, с. 181, № 33.
10. Верхняя часть односторонней протомы Деметры (рис. 13). Елизаветовское городище, 2015 г., сборы, № 7. АМЗ, КП 31032 А 1-1053, № 259. Сохранилась нижняя часть головы богини в покрывале, шея и часть туловища. Лицо не проработано, узкое, подбородок округлый. Нос большой, прямой. Голову обрамляют густые волосы, собранные сзади. На голове покрывало, спускающееся на плечи. Протома отмята в форме. На внешней и внутренней поверхности светлый ангоб и следы стеки. Поверхность слабо заизвесткована, окатана. Глина тонкая, плотная, хорошо отмученная, коричневого цвета с мелкими белыми и блестящими включениями. Высота сохранившейся части – 4,6 см, ширина – 6,0 см. 300 – 270 гг. до н. э. Боспорское производство. Аналогии: М. А. Наливкина, 1952, стр. 332; В. И. Пругло, 1970, таб. 36, 1; И.Т. Кругликова, 1974, таб. 51,1; В.И. Денисова, 1981, таб. III, а; Н. И. Суворова, 2014, рис. 2,2; Е.А. Молев, Н.В. Молева, 2016, стр. 173, № 3, с. 181, № 33.
11. Верхняя часть односторонней протомы Деметры (рис. 14). Елизаветовское городище, 2015 г., сборы, № 9. АМЗ, КП 31032 А 1-1053, № 261. Сохранилась верхняя часть головы богини в головном уборе и покрывале. Голову обрамляют густые волосы, собранные сзади. На голове стефана и покрывало. Протома отмята в форме. На внешней и внутренней поверхности следы копоти. Поверхность слабо заизвесткована, окатана. На внешней поверхности сколы. Глина тонкая, плотная,

Суворова Н.И. Протомы Елизаветовского городища...

- хорошо отмученная, коричневого цвета с мелкими белыми и блестящими включениями. Высота сохранившейся части – 2,8 см, ширина – 3,9 см. 300 – 270 гг. до н. э. Боспорское производство. Аналогии: М.А. Наливкина, 1952, стр. 332; В.И. Пругло, 1970, таб. 36, 1; И.Т. Кругликова, 1974, таб. 51,1; В.И. Денисова, 1981, таб. III, и; Н.И. Суворова, 2014, рис. 2,2; Е.А. Молев, Н.В. Молева, 2016, стр. 173, № 3, с. 181, № 33.
12. Фрагмент верхней части односторонней протомы Деметры (рис. 15). Елизаветовское городище, 2015 г., сборы, № 15. АМЗ, КП 31032 А 1-1053, № 267. Сохранилась верхняя часть лица и левая часть головного убора. Лицо не проработано, узкое. Нос большой, прямой. Лицо обрамляют густые волосы, собранные сзади. На голове стефана и покрывало. Протома отмята в форме. Поверхность слабо заизвесткована, окатана. На внутренней и внешней поверхности сколы. Глина тонкая, плотная, хорошо отмученная, коричневого цвета с мелкими белыми и блестящими включениями. Высота сохранившейся части – 3,5 см, ширина – 3,8 см. 300 – 270 гг. до н. э. Боспорское производство. Аналогии: М.А. Наливкина, 1952, стр. 332; В.И. Пругло, 1970, таб. 36, 1; И.Т. Кругликова, 1974, таб. 51,1; В.И. Денисова, 1981, таб. III, и; Н.И. Суворова, 2014, рис. 2,2; Е.А. Молев, Н.В. Молева, 2016, стр. 173, № 3, с. 181, № 33.
13. Фрагмент средней части односторонней протомы Деметры (рис. 16). Елизаветовское городище, 2015 г., сборы, № 11. АМЗ, КП 31032 А 1-1053, № 263. Сохранилась часть правой руки, согнутой в локте и сложенной в ритуальной позе под грудью, и часть хитона с драпировкой. Протома отмята в форме. На внешней и внутренней поверхности светлый ангоб. Поверхность слабо заизвесткована, окатана. Глина тонкая, плотная, хорошо отмученная, коричневого цвета с мелкими белыми и блестящими включениями. Высота сохранившейся части – 5,1 см, ширина – 4,9 см. Конец IV в. – первая треть III в. до н. э. Боспорское производство. Аналогии: И.Т. Кругликова, 1974, таб. 51,1; В.И. Денисова, 1981, таб. III, ж; Н.И. Суворова, 2014, рис. 2,2.
14. Фрагмент средней части односторонней протомы Деметры (рис. 17). Елизаветовское городище, 2015 г., сборы, № 12. АМЗ, КП 31032 А 1-1053, № 264. Сохранилась часть туловища с двумя руками, сложенными в ритуальной позе тыльными сторонами ладоней друг к другу на груди, и часть хитона с драпировкой. Протома отмята в форме. На внешней поверхности светлый ангоб. Поверхность слабо заизвесткована, окатана. Глина тонкая, плотная, хорошо отмученная, коричневого цвета с мелкими белыми и блестящими включениями. Высота сохранившейся части – 6,4 см, ширина – 4,3 см. IV в. – первая треть III в. до н. э. Боспорское производство. Аналогии: В.И. Денисова, 1981, таб. IV, е; Н.И. Суворова, 2014, рис. 2,2.
15. Фрагмент средней части односторонней протомы Деметры (рис. 18). Елизаветовское городище, 2015 г., сборы, № 13. АМЗ, КП 31032 А 1-1053, № 265. Сохранилась часть туловища и правой руки, согнутой в локте и сложенной в ритуальной позе у груди.

- Левая рука придерживает покрывало, спускающееся на плечи. Протома отмята в форме. На внешней и внутренней поверхности светлый ангоб. Поверхность слабо заизвесткована, окатана. Глина тонкая, плотная, хорошо отмученная, коричневого цвета с мелкими белыми и блестящими включениями. Высота сохранившейся части – 5,9 см, ширина – 6,5 см. Конец IV в. – первая треть III в. до н.э. Боспорское производство. Аналогии: И.Т. Кругликова, 1974, таб. 51,1; В.И. Денисова, 1981, таб. III, а; Н.И. Суворова, 2014, рис. 2,2.
16. Фрагмент нижней части односторонней протома Деметры (рис. 19). Елизаветовское городище, 2015 г., сборы, № 14. АМЗ, КП 31032 А 1-1053, № 266. Сохранилась часть туловища и правой руки, согнутой в локте и сложенной в ритуальной позе у груди. А также фрагмент покрывала. Протома отмята в форме. На внешней и внутренней поверхности светлый ангоб. Поверхность слабо заизвесткована, окатана. Глина тонкая, плотная, хорошо отмученная, коричневого цвета с мелкими белыми и блестящими включениями. Высота сохранившейся части – 4,5 см, ширина – 6,2 см. Конец IV в. – первая треть III в. до н. э. Боспорское производство. Аналогии: В. И. Денисова, 1981, таб. III, е.
 17. Фрагмент нижней левой части односторонней протома Деметры (рис. 20). Елизаветовское городище, 2015 г., сборы, № 17. АМЗ, КП 31032 А 1-1053, № 269. Протома отмята в форме. На внешней и внутренней поверхности светлый ангоб. Поверхность слабо заизвесткована, окатана. На внешней поверхности сколы. Глина тонкая, плотная, хорошо отмученная, коричневого цвета с мелкими белыми и блестящими включениями. Высота сохранившейся части – 4,7 см, ширина – 4,3 см. Конец IV в. – первая треть III в. до н. э. Боспорское производство.
 18. Фрагмент средней правой части односторонней протома Деметры (рис. 21). Елизаветовское городище, 2015 г., сборы, № 18. АМЗ, КП 31032 А 1-1053, № 270. Сохранился фрагмент покрывала. Протома отмята в форме. На внешней и внутренней поверхности светлый ангоб. Поверхность слабо заизвесткована, окатана. Глина тонкая, плотная, хорошо отмученная, коричневого цвета с мелкими белыми и блестящими включениями. Высота сохранившейся части – 5,3 см, ширина – 3,5 см. Конец IV в. – первая треть III в. до н. э. Боспорское производство. Аналогии: В. И. Денисова, 1981, таб. V, б.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Минаев А.П. Отчет об археологических разведках в Азовском районе Ростовской области в бассейне р. Кагальник, дельте р. Дон и на побережье Таганрогского залива в 2015 году. Том I // Архив АМЗ. НВФ 14438/1 АА 14160.
- Анфимов Н.В. Терракоты Семибратнего городища // Тайны терракоты. Краснодар. 1987.
- Вахтина М.Ю. Терракотовые статуэтки из раскопок Порфмия // Боспорские исследования. Вып. XXIII. Симферополь-Керчь. 2010.
- Денисова В.И. Коропластика Боспора. Л. 1981.
- Кобылина М.М. Мастерские пантикапейских коропластов // САИ. Г 1-11. Ч. III. М. 1974.
- Копылов В.П., Коваленко А.Н. Два Танаиса: миф или реальность? (Античная письменная традиция и

Суворова Н.И. Протомы Елизаветовского городища...

- археологические реалии) // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Ростов-на-Дону. 2013.
- Копылов В.П. Эллинский культовый комплекс в Елизаветовском городище на Дону // Боспорские исследования. Вып. XXXI. Керчь. 2015.
- Копылов В.П. Черты элитарной боспорской культуры в курганах Елизаветовского некрополя // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного круглого стола (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2016 года). СПб. 2016.
- Кругликова И.Т. Терракоты из Горгииппии // САИ. Г 1-11. Ч. IV. М. 1974.
- Молев Е.А., Молева Н.В. Боспорский город Китей. Ч. II. Симферополь-Керчь. 2016.
- Наливкина М.А. Терракоты Мирмекии и Тиритаки (из раскопок 1933–1940 гг.) // МИА. № 25. М.-Л. 1952.
- Пругло В.И. Терракоты из Тиритаки // САИ. Г 1-11. М. 1970.
- Силантьева П.Ф. Терракоты Пантикапея // САИ. Г 1-11. Ч. III. М. 1974.
- Суворова Н.И. Протомы эллинистического времени из Танаиса // ИАИАНД. Вып. 28. Азов. 2014.
- Язовских А.Г. Терракоты Елизаветовского городища из «цитадели» Большой греческой колонии (раскопки 1967 года) // Известия Ростовского областного музея краеведения. № 17. Ростов-на-Дону. 2010.

REFERENCES

- Minaev A.P. Report on archaeological exploration in the Azov district of the Rostov region in the river basin. Kagalnik, delta r. Don and on the coast of the Taganrog Bay in 2015. Volume I // Archive AMZ. NVF 14438/1 AA 14160.
- Anfimov N.V. Terracottas of the Seven-Fold Fortifications // Secrets of Terracotta. Krasnodar. 1987.
- Vakhtina M.Yu. Terracotta figurines from the excavation of Porfmy // Bospor studies. Vol. XXIII. Simferopol-Kerch. 2010.
- Denisova V.I. Coroplasty of the Bosporus. L. 1981.
- Kobylyina M.M. Workshops of Panticapaeum Coroplasts // SAI. G 1-11. Part III. M. 1974.
- Kopylov V.P., Kovalenko A.N. Two Tanais: myth or reality? (Antique written tradition and archaeological realities) // Black Sea coast in ancient and early medieval times. Rostov-on-Don. 2013.
- Kopylov V.P. The Hellenic religious complex in the Elizabethan settlement on the Don // Bospor Research. Vol. Xxi. Kerch. 2015.
- Kopylov V.P. Features of the elite Bosporan culture in the mounds of the Elizabethan necropolis // Bospor Elite and the Bosporus Elite Culture. Materials of the international round table (St. Petersburg, November 22–25, 2016). SPb. 2016.
- Kruglikova I.T. Terracotta from Gorgippia // AIS. G 1-11. Part IV. M. 1974.
- Molev E.A., Moleva N.V. The Bosporus city of Kitay. Part II. Simferopol-Kerch. 2016.
- Nalivkina M.A. Terracotta Mirmekia and Tiritaki (from excavations of 1933–1940) // MIA. No. 25. M.-L. 1952.
- Pruglo V.I. Terracotta from Tiritaki // SAI. G 1-11. M. 1970.
- Silantieva P.F. Terracotta Panticapaeum // SAI. G 1-11. Part III. M. 1974.
- Suvorova N.I. Protomes of Hellenistic time from Tanais // IAIAND. Vol. 28. Azov. 2014.
- Yazovskikh A.G. Terracottas of the Elizavetovskiy settlement from the «citadel» of the Great Greek Colony (excavations of 1967) // Bulletin of the Rostov Regional Museum of Local Lore. Number 17. Rostov-on-Don. 2010.

Резюме

18 фрагментов терракотовых протом Деметры, происходящие из сборов Азовского музея-заповедника 2015 года, были произведены на Боспоре в конце IV – первой трети III в. до н.э. Они имеют широкие аналогии среди терракоты, обнаруженной в Танаисе, Пантикапее, Мирмекии, Тиритаке, Китее, Нимфее, Порфмии, Фанагории и Горгииппии. Эти недорогие предметы коропластики могли широко использоваться как вотивы в общественном сакральном комплексе, а также в домашних святилищах Большой греческой колонии.

Ключевые слова: Елизаветовское городище, Боспор, коропластика, терракота, протома, вотив.

Summary

18 fragments of the terracotta protome Demeter, originating from the collections of the 2015 Azov Museum-Reserve, were produced on the Bosphorus at the end of the 4th - first third of the 3rd century. BC e. They have wide analogies among the terracotta found in Tanais, Panticapaeum, Mirmekia, Tirithaka, Kitei, Nymphaeum, Porfmy, Phanagoria and Gorgippia. These inexpensive items of coroplasty could be widely used as votives in the public sacred complex, as well as in the home sanctuaries of the Great Greek Colony.

Key words: Elizavetovskoe settlement, Bospor, coroplasty, terracotta, protoma, votive.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Суворова Надежда Игоревна,
ГБУК РО «Азовский историко-археологический и
палеонтологический музей-заповедник»,
старший научный сотрудник,
+7 904 502 35 87,
w.falke@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Suvorova Nadezhda,
Azov History, Archaeology and
Palaeontology Museum-Reserve,
Senior Researcher,
+7 904 502 35 87,
w.falke@mail.ru

а

Рис. 1. Терракота с о. Родос.
V в. до н.э.:

а) фрагмент протомы Деметры,
б) статуэтка, изображающая богиню
Деметру в ритуальной позе.

б

Рис. 2. Фрагмент протомы Деметры.
V в. до н.э., о. Наксос.

а

б

Рис. 3. Протомы Деметры V – IV вв. до н.э., место находки: а) Амфиполис, б) Афины.

Рис. 4. Фрагмент протомы.
Елизаветовское городище-2015, сборы.
АМЗ, КП 31032, № 253.

Рис. 5. Фрагмент протомы.
Елизаветовское городище-2015, сборы.
АМЗ, КП 31032, № 255.

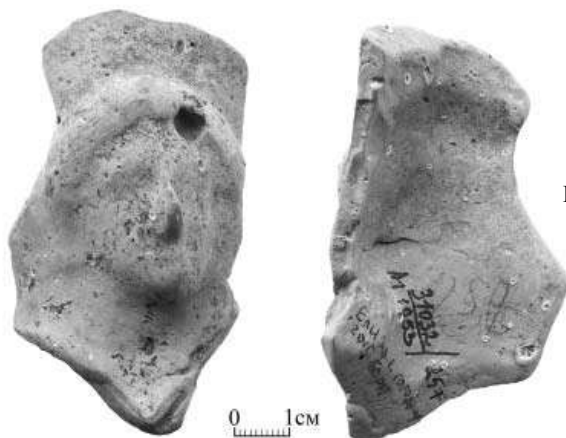

Рис. 6. Фрагмент протомы.
Елизаветовское городище-2015, сборы.
АМЗ, КП 31032, № 257.

Рис. 7. Фрагмент протомы.
Елизаветовское городище-2015, сборы.
АМЗ, КП 31032, № 258.

Рис. 8. Фрагмент протомы.
Елизаветовское городище-2015, сборы.
АМЗ, КП 31032, № 260.

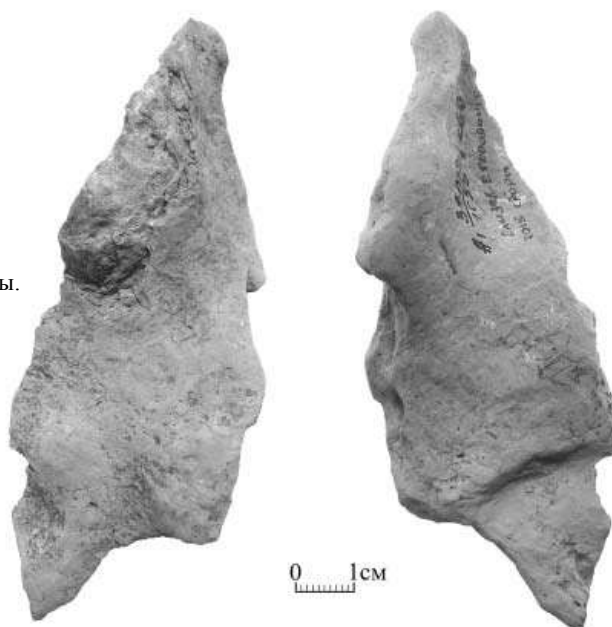

Рис. 9. Фрагмент протомы.
Елизаветовское городище-2015, сборы.
АМЗ, КП 31032, № 262.

Рис. 10. Фрагмент протомы.
Елизаветовское городище-2015, сборы.
АМЗ, КП 31032, № 268.

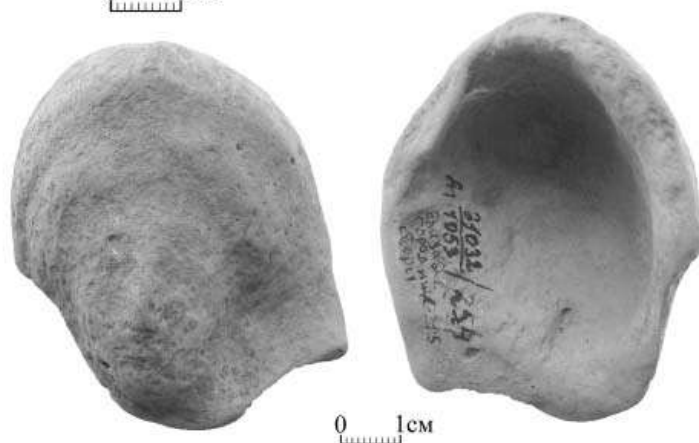

Рис. 11. Фрагмент протомы. Елизаветовское городище-2015, сборы.
АМЗ, КП 31032, № 254.

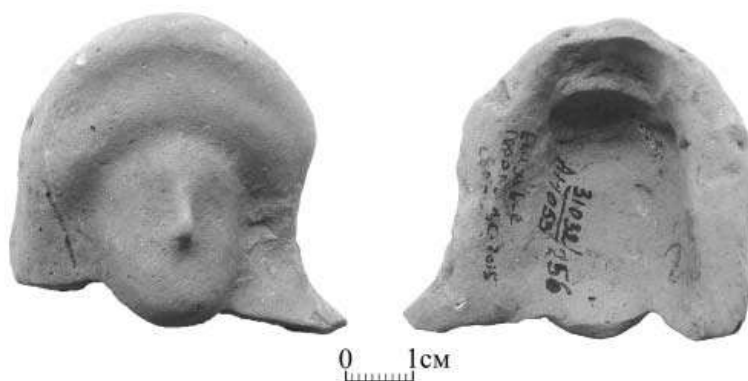

Рис. 12. Фрагмент протомы. Елизаветовское городище-2015, сборы.
АМЗ, КП 31032, № 256.

Рис. 13. Фрагмент протомы. Елизаветовское городище-2015, сборы. АМЗ, КП 31032, № 259.

Рис. 14. Фрагмент протомы. Елизаветовское городище-2015, сборы. АМЗ, КП 31032, № 261.

Рис. 15. Фрагмент протомы. Елизаветовское городище-2015, сборы. АМЗ, КП 31032, № 267.

Рис. 16. Фрагмент протомы.
Елизаветовское городище-2015, сборы.
АМЗ, КП 31032, № 263.

Рис. 17. Фрагмент протомы.
Елизаветовское городище-2015, сборы.
АМЗ, КП 31032, № 264.

Рис. 18. Фрагмент протомы.
Елизаветовское городище-2015, сборы.
АМЗ, КП 31032, № 265.

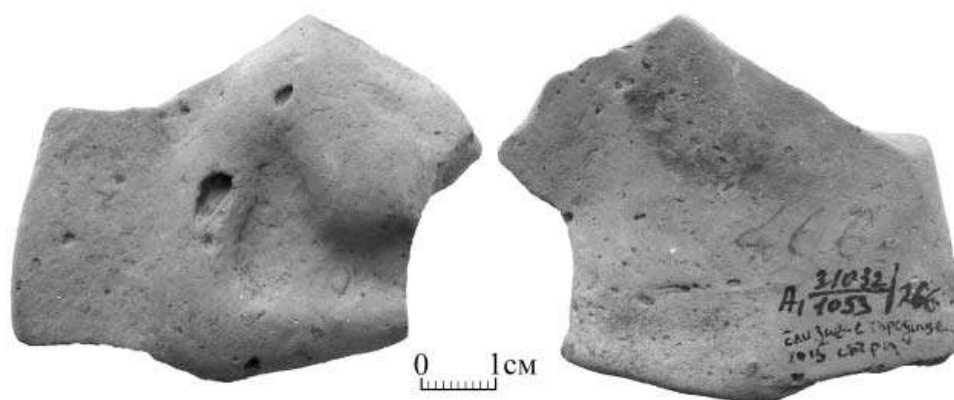

Рис. 19. Фрагмент протомы.
Елизаветовское городище-2015, сборы.
АМЗ, КП 31032, № 266.

Рис. 20. Фрагмент протомы.
Елизаветовское городище-2015, сборы.
АМЗ, КП 31032, № 269.

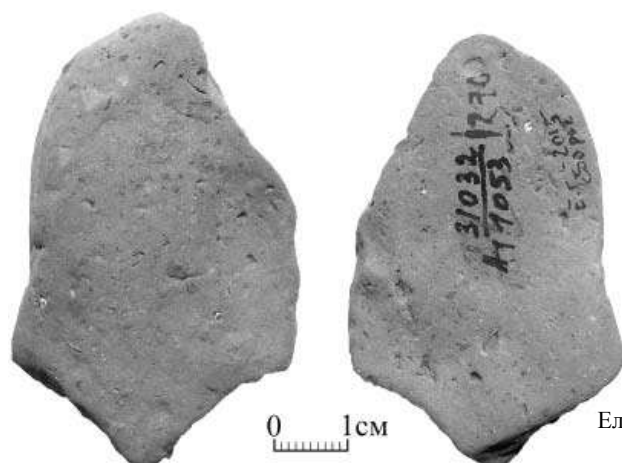

Рис. 21. Фрагмент протомы.
Елизаветовское городище-2015, сборы.
АМЗ, КП 31032, № 270.

Ф.В. ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ
F.V. SHELOV-KOVEDYAEV

**ТРИ МЕТОДИЧЕСКИХ СООБРАЖЕНИЯ
О РАБОТЕ С НАДПИСЯМИ
THREE METHODICAL OBSERVANCES
ABOUT INSCRIPTION'S WORKING**

В последнее время ряд коллег стал увлекаться публикацией эпиграфических памятников по фотографиям. Более того, некоторые из них критикуют чтения других авторов, опираясь опять-таки исключительно на фото. К сожалению, признать такую практику приемлемой не представляется возможным. Недаром корифеи нашей науки – Адольф Вильхельм (см. о нём многократно в Bull. ép.) и Луи Робер [Robert, 1955; Robert, 1961, p. 486 *suiv.*, отдельной брошюрой: Robert, 1970, особ. S. 39–53; Bull. ép. 69, 626, специально о граффити; 73, 403 *etc.*; разделы *Méthodes*], а среди соотечественников Ю.Г. Виноградов [например, Виноградов, 1978, с. 57], не раз обращая внимание читателей на промахи, допущенные с использованием подобной практики даже признанными авторитетами (например, чтобы не отвлекаться от России, – В.В. Латышевым), писали о её недопустимости.

Позволю себе несколько примеров, чтобы проиллюстрировать сказанное. В 2017 году С.Ю. Сапрыкин [Сапрыкин, 2017, с. 194–203] опубликовал, как он прямо пишет, по фотографии, присланной ему Ю.П. Зайцевым [Сапрыкин, 2017, с. 194, прим. 1], любопытное граффито с городища Ак-Кая (см. рис. 1). Его переиздание было кратко мною представлено в материалах прошедшей в Санкт-Петербурге 26–28 ноября 2019 года конференции «Греки и варварский мир Северного Причерноморья: культурные традиции в контактных зонах» [Шелов-Коведяев, 2019, с. 81–82], а полная версия чтения сдана мною в 25-й выпуск ежегодника «Древности Боспора».

Поэтому здесь я сообразно поставленной задаче обращаю внимание только на следующую деталь. В стк. 5 С.Ю. Сапрыкин предлагает читать – ἀμνητὶς καὶ χωρίτ[αι?..] (*курсив* отмечает неполностью сохранившиеся литеры). Чтение не выдерживает сравнения его с оригиналом артефакта. Поскольку, как справедливо отмечает первоиздатель, надпись содержит много имён, логично и тут видеть таковые. Тем более что за пятой буквой строки (см. рис. 1) – *этой* – идёт не *сигма*, но разомкнутая *тета* (ср. её же вид в стк. 7), за которой – эпсилон, альфа, вертикаль, ещё одна альфа (её переключатель видна при аутопсии) и нижняя чёрточка. Сначала я предлагал восстанавливать из них гипокористическое имя Θεαυῆς, регулярно образованное от Θεαυένης [Шелов-Коведяев, 2019, с. 82]. Однако теперь я не могу допустить, чтобы среди трёх лунарных форм *сигмы* писавший вдруг употребил и её угловатую разновидность, необходимую для такой реконструкции. Это, впрочем, не означает, что С.Ю. Сапрыкин

был прав, когда читал в черте одну из нижних опор *омеги*: дополнение нелунарной её формы выглядит нонсенсом на фоне лунарного написания *эпсилон* и *сигмы*. Непозволительность восстанавливать рядом курсивные и обычные написания букв есть, собственно, второе соображение, которое мне хотелось бы сейчас высказать. Следовательно, нижняя горизонталь принадлежит либо *дзете*, либо *кси*. С первой в финале имён возникают проблемы, а вот на *кси* оканчивается достаточно ономастических единиц [Dornseiff, Hansen]. Поэтому надо принять следующие два кратких ЛИ – Θέα (хорошо известно по всему эллинскому миру – см. [LGPN, разные тома]) и Ῥάξ: второе воспроизводит название острова у побережья Ликии [Dornseiff, Hansen, s.v.; RE, s.v.], – чтобы не уходить далеко от финиша на -ξ, достаточно упомянуть следующие названия природных объектов, которые являются одновременно и именами: Κέραξ, Ἄτραξ, Φοῖνιξ [Dornseiff, Hansen, s.v.], Ἄραξ [LGPN, VA, s.v. (IK Sinope 201, I–II в. от Р.Х.: Τιβ Ἄρακτος)]. Поскольку же многие соседние *nomina* связаны с Малой Азией [Шелов-Коведяев, 2019, с. 82], да и социальный статус их носителей явно невысок, не было бы ничего необычного в том, чтобы раб или вольноотпущенник имелся по месту своего происхождения. Что заодно расширяет наши представления о связях Северного Причерноморья с Передней Азией.

В том же 2017 году Н.В. Завойкина [ПиФ, 2017, с. 366, № 301] опубликовала, а в 2018 она же [Завойкина, 2018, с. 69–70, № 2] переиздала граффито (см. рис. 2) на внешней поверхности поддона килика, в котором она предложила видеть восклицание, или не исключающее его связи с любовным контекстом [ПиФ, 2017, с. 366], или же наоборот показывающее «сколько сильно её автор за что-то порицает Нису» [Завойкина, 2018, с. 69]: [Ὶ ἄγα]θῆ Νῦσα. | Ἄ, Ἄ, Ἄ, Ἄ, Ἄ. | Ναί – «Милая Ниса! Ах! Ах! Ах! Ах! Подлинно так». Критикуя её лишь на базе не лучшего качества фотографии из ежегодника «Древности Боспора», С.Ю. Сапрыкин [Сапрыкин, 2019, с. 480–482] усмотрел в конце стк. 1 *йоту*, ещё значки в конце стк. 2 и интерпункцию между *ню* и *альфой* в стк. 3. Увы, все его предложения являются одной большой аберрацией. Как показало моё очное знакомство с фрагментом (Н.В. Завойкина, понятно, тоже держала его в руках в фондах Фанагории) в ходе разбора витрин выставки «Пантикапей и Фанагория: две столицы Боспорского царства» в ГМИИ имени А.С. Пушкина в сентябре 2017 года в результате скола опоры поддона от него (скола) пошли дополнительные сбои (они испортили ещё и *тету* и *эту* в начале стк. 1), кои никак не являются письменными знаками – ни в стк. 1, ни в стк. 2. Что до «интерпункции», то она – фантом, возникший в результате отслоения лака (на что в своей работе годом ранее уже обратила внимание сама Н.В. Завойкина [Завойкина, 2018, с. 70, прим. 7], и на что по непонятным причинам С.Ю. Сапрыкин не отреагировал), подобного тому, что превратил перекладину второй альфы стк. 2 чуть ли не в ломаную; тот же дефект повторяется также и в стк. 1 выше *ню* и *ипсилона* в имени Нисы. Таким образом, становится очевидным откровенно игривый характер надписи, на утверждение которого первоиздатель почему-то не решилась: ведь «добрая» по отношению к женщине в мужском языке

означает «доступная». Значит, «добрая Ниса, ах, ах, ах, ах, ах! Да!» – эротическое и, скорее, поощрительное обращение, очевидно, к гетере. Сам предмет – поддон сосуда для питья – лишь укрепляет данное впечатление. Так обретается второе (первое – граффито Симон [Виноградов, 2001, с. 103 – 104; Шелов-Коведяев, 2018а, с. 73–75]) подтверждение существования института гетер в Фанагории в конце архаического – начале классического периодов.

Зачастую грешат (это третье наблюдение) публикаторы и тем, что датируют граффити исключительно на основе их палеографии. И привлекая в качестве аналогий к тому же лапидарные надписи. Притом, что Луи Робер, например, постоянно настаивал на том, что шрифт стоит считать датирующим признаком в последнюю очередь [Robert, 1955, p. 195–222; Robert, 1961, p. 486 suiv.; cf. его же разделы *Méthodes* в *Bull. ép.* за разные годы].

Чтобы ощутить всю глубину правоты мэтра, обратимся к примеру из Пантикапея (ПАН–2002 оп. № 83; хранится в фондах Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника – ВКИКМЗ, – номер хранения КМГ 3216: см. рис. 3)¹. Под горлом амфоры, чуть ниже верхнего прилепа ручки, читаются *пи*, *омикрон*, две *лямбды*, курсивная *омега* и *ню*. Дело не в их наборе, который без труда разворачивается, скорее всего, в вотив (на него указывает то, сколь тщательно и глубоко вычерчены буквы) – Ἀ]πόλλων[ι: приношение амфоры с её содержимым Аполлону. А в их начертании, которое соединяет в себе признаки письма (если ориентироваться на лапидарные сравнения) сразу нескольких эпох. Традиционно небольшие эллинистические *омикрон* и *омега* соседят с *пи* с укороченной правой ножкой (встречающимся на камнях, как минимум, на век ранее) и архаическим *ню* с отгибающейся наружу правой вертикалью.

Так мы получаем ещё одно удостоверение того, что в граффити слишком сильны индивидуальные характеристики почерка, чтобы из них можно было выводить датировку. Нет, прежде, как писал Луи Робер, надо принимать во внимание (1) археологический контекст находки, (2) датировку предмета, несущего надпись и (3) общую историческую обстановку, которая открывается артефактом. Если говорить о последней, то перед нами – лишнее [ср. Gorissen, 1978, p. 149–163; Bresson, 1999, p. 491–506; Шелов-Коведяев, 2018б, с. 189] доказательство раннего распространения лунарного написания *омеги*.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Виноградов Ю.Г. О методике обработки греческих эпиграфических памятников (на ольвийском материале) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 46–75.
- Виноградов Ю.Г. Визит эвбейца в Фанагорию. ВДИ. 2001. № 1. С. 103–104.

¹ Публикуется впервые. Искренне благодарю В.П. Толстикова, руководителя Боспорской (Пантикапейской) археологической экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина, за предоставленное мне право издания граффито и сотрудников ВКИКМЗ за оказанное содействие.

Шелов-Коведяев Ф.В. Три методических...

- Завойкина Н.В. Два граффити частного характера позднеархаического времени из Фанагории // ДБ. 2018. Т. 22. С. 67–71.
- Пантикапей и Фанагория: Две столицы Боспорского царства. Каталог выставки. М., 2017.
- Сапрыкин С.Ю. Греческая надпись из поселения Ак-Кая (Крым) // ДБ. 2018. Т. 22. С. 194–202.
- Сапрыкин С.Ю. К прочтению и интерпретации некоторых боспорских граффити // ДБ. 2019. Т. 24. С. 473–487.
- Шелов-Коведяев Ф.В. Древнегреческая поэзия на Боспоре // Вестник НИНГУ. 2018. № 6. С. 71–80.
- Шелов-Коведяев Ф.В. Остракизм и остраконы Пантикапея // ТС. 2018. № 16. С. 183–192.
- Шелов-Коведяев Ф.В. Греки и варвары в зеркале ономастики малой эпиграфики // Греки и варварский мир Северного Причерноморья: культурные традиции в контактных зонах. Материалы V Международной научной конференции «Археологические источники и культурогенез». СПб. 2019. С. 80–83.
- Bresson A. De Marseille à Milet: Lettres lunaires et associations culturelles // REA. 1999. Т. 99. N. 3–4. P. 491–506.
- Dornseiff F., Hansen B. Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen. D., 1957.
- French D.H. The Inscriptions of Sinope («Inchriften griechischer Städte aus Kleinasien» Bd. 64). Bonn, 2004.
- Gorissen P. Litterae lunatae // Ancient Society. 1978. Vol. 9. P. 149–163.
- Frazer P.M., Matthews E. (eds.). A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. I–VC. Oxford, 1987–2017.
- Robert L. Épigraphie et paléographie // CRAI. 1955. n. 2. P. 195–222.
- Robert L. Épigraphie // Histoire et ses méthodes. P., 1961.
- Robert L. Die Epigraphik der klassischen Welt. Bonn, 1970.

REFERENCES

- Bresson A. De Marseille à Milet: Lettres lunaires et associations culturelles // REA. 1999. Т. 99. N. 3–4. P. 491–506.
- Dornseiff F., Hansen B. Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen. D., 1957.
- Frazer P.M., Matthews E. (eds.). A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. I–VC. Oxford, 1987–2017.
- French D.H. The Inscriptions of Sinope («Inchriften griechischer Städte aus Kleinasien» Bd. 64). Bonn, 2004.
- Gorissen P. Litterae lunatae // Ancient Society. 1978. Vol. 9. P. 149–163.
- Pantikapei i Fanagoriia: Dve stolitsy Bosporskogo Tsarstva. Katalog vystavki. M., 2017.
- Robert L. Épigraphie et paléographie // CRAI. 1955. n. 2. P. 195–222.
- Robert L. Épigraphie // Histoire et ses méthodes. P., 1961.
- Robert L. Die Epigraphik der klassischen Welt. Bonn, 1970.
- Saprykin S.Yu. Grecheskaia nadpis' iz poseleniia Ak-Kaia (Krym) // Drevnosti Bospora. 2018. Т. 22. P. 194–202.
- Saprykin S.Yu. K prochteniiu i interpretatsii nekotorykh bosporskikh graffiti // Drevnosti Bospora. 2019. Т. 24. P. 473–487.
- Shelov-Kovedyaev F.V. Drevnegrecheskaia poeziia na Bospore // Vestnik Natsional'nogo is-sledovatel'skogo Nizhegorodskogo Gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 6. P. 71–80.
- Shelov-Kovedyaev F.V. Ostrakizm i ostrakony Pantikapeia // Tavricheskie Studii. 2018. № 16. P. 183–192.
- Shelov-Kovedyaev F.V. Greki i varvary v zerkale onomastiki maloi epigrafiki // Greki i var-varskii mir Severnogo Prichernomor'ia: kul'turnye traditsii v kontaktnykh zonakh. Materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Arkheologicheskie istochniki i kul'turogenез". S–Pb, 2019. P. 80–83.
- Vinogradov Yu.G. O metodike obrabotki grecheskikh epigraficheskikh pamiatnikov (na ol'viiskom materiale) // Metodika izucheniia drevneyshykh istochnikov po istorii narodov SSSR. M., 1978. P. 46–75.
- Vinogradov Yu.G. Vizit evbeitsa v Fanagoriuu // Vestnik drevnei istorii. 2001. No 1. P. 103–104.
- Zavoykina N.V. Dva graffiti chastnogo kharaktera pozdnearkhaicheskogo vremeni iz Fanagorii // Drevnosti Bospora. 2018. Т. 22. P. 67–71.

Резюме

Заметка обращает внимание на недопустимость обработки надписей по фотографиям, без очного с ними ознакомления, восстановления в одном памятнике курсивных и обычных форм литер и датирования эпиграфических документов исключительно по их шрифту. Приводятся примеры ошибок, которые являются следствием пренебрежения этими принципами.

Ключевые слова: граффито, надпись, буквы, шрифт, фотография, палеография, методика, почерк.

Summary

The paper pay attention to impermissibility of the working with the inscriptions without their autopsy, following only their photographs, of reconstruction in one and same document of the italic and regular forms of letters, and dating of the epigraphical testimonies exceptionally according to their script. The examples of errors causing by the neglect of this principles are given.

Key words: graffiti, inscription, letters, font, photography, paleography, technique, Handwriting

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шелов-Коведяев Фёдор Вадимович,
к.и.н.,
независимый исследователь.
shel-kov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shelov-Kovedyaev Fedor V.,
Csc,
Independent Researcher.
shel-kov@yandex.ru

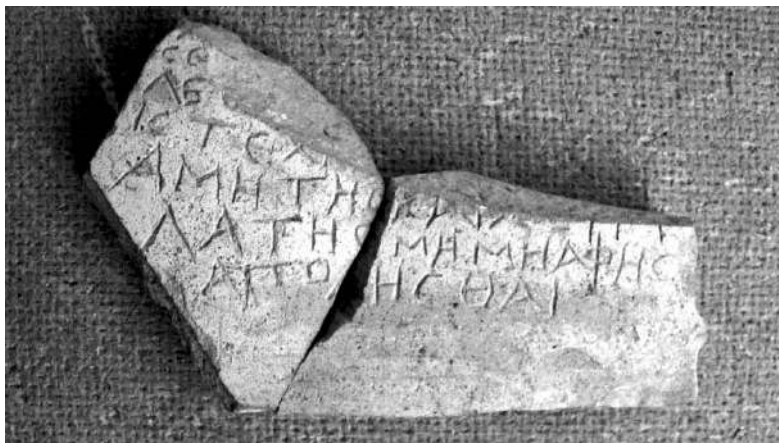

Рис. 1. Граффито с поселения Ак-Кая. Заклятье на гибель ряда лиц.

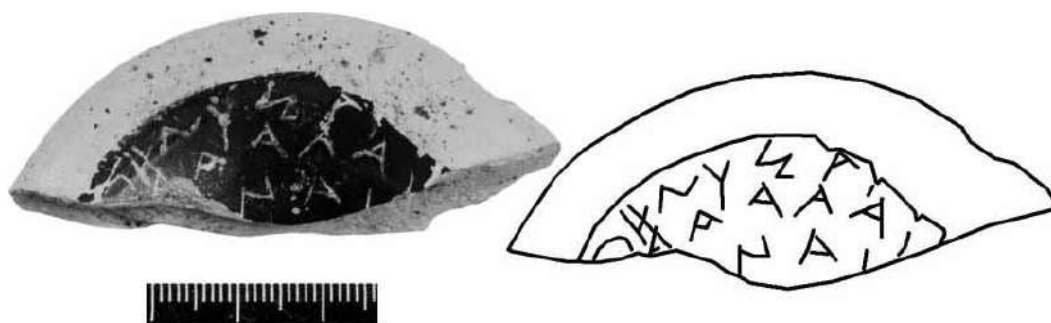

Рис. 2. Фанагория. ФМ-КП 10/4, инв. № А 1503. Обращение к Нисе.

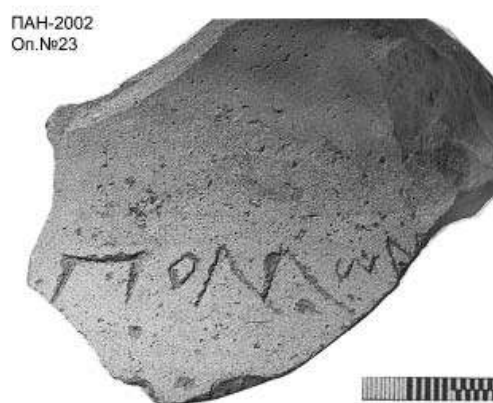

Рис. 3. Пантикапей. ПАН-2002 оп. № 83. ВКИКМЗ: КМГ 3216. Вотив.

ИСТОРИЯ НАУКИ

Н.И. ХРАПУНОВ
N.I. KHRAPUNOV

О КРЫМСКИХ АКВАРЕЛЯХ АНДРЕЯ ВОРОНИХИНА ON ANDREI VORONIKHIN'S CRIMEAN WATERCOLOURS

В последние годы объектом ряда научных публикаций стали виды Крыма конца XVIII–XIX вв. [например: Виды, 2017; Виноградов, 2017; Живописная коллекция, 2015; Мальгина, 2006; Петрова, 2015; Храпунов, 2019а; и др.]. Эти рисунки представляют ценность для современных архитектурно-археологических исследований и подготовки проектов реконструкций памятников, некоторые из которых не сохранились до наших дней, тогда как другие пострадали от действия антропогенных и природных факторов. Актуальной является задача не только введение в научный оборот рисунков путешественников и художников конца XVIII–XIX вв., но и идентификации изображенных объектов культурного наследия. Цель данной статьи – представить исследователям Крыма несколько малоизвестных рисунков средневековых памятников восточной части полуострова и идентифицировать изображенные на них постройки.

Происхождение рисунков, о которых идет речь, связано с путешествием в Крым весной 1786 г. юного графа Павла Александровича Строганова (1774–1817). Его сопровождали французский гувернер Шарль-Жильбер Ромм (1750–1795) и крепостной художник Андрей Никифорович Воронихин (1759–1814), впоследствии ставший выдающимся архитектором, автором Казанского собора в Петербурге [см.: Чудинов 2010]. Для Строганова это была образовательная поездка, тогда как его гувернер одновременно выполнял секретное поручение французского правительства по сбору информации о новых владениях России на юге [Чудинов, 2001].

Основным источником сведений о путешествии является дневник Ромма, который долгое время был известен лишь в сокращенном переводе на русский язык [Ромм, 1941]. Этот перевод широко растиражирован в Интернете, а недавно был переиздан с новой вводной статьей и расширенными комментариями [Петрова, Прохорова, 2011]. К счастью, несколько лет назад появилось полное французское издание источника – не вполне совершенное, но, по крайней мере, заполнившее лакуны в тексте, по неясным причинам возникшие в русском издании 1941 г. [Romme, 2016; см. рец.: Храпунов, 2019b].

В этом путешествии Ромм неожиданно испытал интерес к прошлому, истории и археологии [Храпунов, 2014]. В его дневнике не раз говорится о том, что он поручал (очевидно, Воронихину, которого, впрочем, не назвал по имени) делать зарисовки

Храпунов Н.И. О крымских акварелях...

природных видов, памятников археологии и архитектуры, костюмов местных жителей [Romme, 2016, p. 60, 61, 70, 76, 121; Ромм, 1941, с. 33, 35, 38, 41, 64]. Возможно, эти рисунки должны были иметь педагогическое значение, предназначаясь для воспитания молодого Строганова. Известно, что его отец, Александр Сергеевич Строганов (1733–1811), уделявший воспитанию сына особое внимание, заказал альбом видов России, который выполнил художник Жан-Балтазар де ла Травер, чтобы тем самым познакомить юношу с малоизвестными уголками родины [Александрова, 2000, с. 6].

Несколько лет назад коллектив французских и российских ученых предпринял издание переписки Жильбера Ромма. Среди них есть и несколько писем, отправленных из Крыма, – впрочем, информации о полуострове там очень мало [Romme, 2014, p. 1026–1029, 1034–1035]. В этом же томе изданы три акварели с видами полуострова, которые были сделаны Воронихиным во время путешествия. Ныне они находятся в неназванных частных коллекциях [Romme, 2014, p. 1030, 1036]. Эти рисунки представляют большой интерес не только как творческое наследие знаменитого русского художника и архитектора, но и как источник для изучения археологических и архитектурных памятников Крыма генуэзской и османской эпохи. Можно уточнить, какие именно памятники фигурируют на акварелях Воронихина.

Представляется, что все они связаны с Феодосией – средневековой Каффой. Первые два рисунка названы (издателями?) «Мечети в Крыму» [Romme, 2014, p. 1030]. Памятник на первом рисунке (в современной публикации он находится вверху страницы) определяется достаточно точно (рис. 1). Это интерьер мечети Муфти-Джами. Храм построен, вероятно, в 1622/23–1628/29 гг. После присоединения Крыма к России мечеть передали армянам-католикам, которые превратили ее в церковь, в годы советской власти храм закрыли, а после обретения Украиной независимости его вернули мусульманской общине [Засыпкин, 1927, с. 144; Григорьев, Фролова, 1968, с. 151–153; Катюшин, 2007, с. 151–152; Бочаров, 2016, с. 123, 128; Кирилко, 2018, с. 231–235]. Интерьер мечети был не вполне корректно отреставрирован в 70-е гг. XX вв.

Акварель Воронихина позволяет представить себе исторический облик памятника. Изображен вид на южную стену мечети с молитвенной нишей – михрабом. Стены либо неоштукатурены, либо имитируют каменную кладку. Отметим художественное оформление оконных проемов и дуги арки над молельной нишей. Паруса под барабаном купола и полукупол над михрабом украшают орнаментальные медальоны. Под куполом подвешена металлическая кольцевая люстра на несколько десятков свечей. Справа от михраба расположена деревянная кафедра – мимбар. Пол по мусульманскому обычаю устлан коврами. В боковых стенах мечети ныне имеются два ряда окон, тогда как на рисунке представлен только нижний из них. По-видимому, на каком-то этапе функционирования памятника верхние окна были заложены.

Сложнее определить мечеть, интерьер которой представлен на втором рисунке – нижнем на странице современной публикации (рис. 2). По всей видимости, это изображение несохранившегося памятника. Идентифицировать его позволяет

сопоставление рисунка Воронихина с наброском феодосийской мечети (рис. 3), выполненным в 1803 г. русским архитектором Николаем Александровичем Львовым (1753–1803). Это соборная мечеть Шахзаде Сулейман-хан-джами, она же Султан-Селим-джами. Находилась она в центральной части города, близ большого базара. Ее построил в начале XVI в. будущий правитель Османской империи Сулейман Великолепный, когда он был наместником Каффы [Засыпкин, 1927, с. 140; Крикун, 1998, с. 18–20; Катюшин, 2007, с. 151; Бочаров, 2016, с. 127; Кирилко, 2018, с. 224–231]. Хотя мечеть не сохранилась до наших дней, существуют ее изображения, в частности – чертежи, выполненные шотландским архитектором на русской службе Уильямом Хейсти (рис. 4), или же Василием Гесте в русской версии [о нем: Коршунова, 1977; Храпунов, 2017], который в 1798 г. занимал пост главного архитектора Екатеринославского наместничества [см. также: Погодин, 1872. Табл. VII]. После присоединения Крыма к России мечеть пришла в запустение и была разобрана во второй четверти XIX в. Если это предположение верно, придется признать, что Воронихин не совсем точно изобразил окна мечети, а также боковые арки – проходы в нефы. Однако в любом случае сложно ждать от рисунка точности фотографии.

На акварели показано просторное здание с боковыми нефами, увенчанное куполом на парусах, с характерными узкими окнами в стене. Как и на первом рисунке, перед нами вид от входа в мечеть на южную стену с молитвенной нишей – михрабом. Стены здания либо неоштукатурены, либо имитируют каменную кладку. Паруса под барабаном купола украшены округлыми медальонами. Мечеть освещает подвесная люстра в виде шестиконечной звезды. Со стороны кыблы (направления к Мекке) устроен невысокий, устланный коврами подиум. Справа от михраба расположена высокая деревянная кафедра – мимбар, слева – невысокая открытая кафедра – курси для проповедников или толкователей корана. В целом убранство обеих мечетей вполне традиционно для мусульманских храмов Крыма. Любопытно, что, описывая Каффу-Феодосию в дорожном дневнике, Ромм ничего не говорил о том, что просил сделать рисунки тамошних построек. Его рассказ о культовых сооружениях Каффы краток: *«В городе было несколько замечательных зданий, из которых еще сохранились две большие мечети и каменная, украшенная мрамором баня...»* [Romme, 2016, p. 88; ср. Ромм, 1941, с. 48]. Логично предположить, что именно их и изобразил Воронихин на своих рисунках.

Третий рисунок называется «На берегу Черного моря» [Romme, 2014, p. 1036]. Это вид Феодосии с развалин так называемой «Карантинной башни» (A14 по С.Г. Бочарову) на восток – юго-восток (рис. 4). Данная башня – угловая в цитадели Каффы, где приморская линия стен соединяется с напольной. На заднем плане «Доковая башня» (B25), а за ней – портовые сооружения и стены генуэзской эпохи, образующие юго-восточный угол укреплений Каффы XIV–XV вв. [Бочаров, 1998, с. 89 слл.]. Живописные фигуры в «восточных» одеждах и лодка в море, вероятно, плод авторской фантазии, традиционная декоративная черта акварелей этого

Храпунов Н.И. О крымских акварелях...

времени. Сегодня этот район города, где в конце XVIII – начале XIX в. был устроен карантин для судов, искажен современными постройками. В частности, утрачены генуэзские сооружения у угловой башни (В24). Пострадала и видимая на заднем плане акварели крепостная стена, утратившая зубцы-мерлоны. Дневниковые записи Ромма, касающиеся укреплений Каффы, весьма лаконичны: «Помимо стены, фланкированной четырехугольными и круглыми башнями, здесь есть широкий ров, глубокий и укрепленный стенами. Их [генуэзцев и армян – Н. Х.] намерением было с его помощью остановить нападения татар, причинявшие им много беспокойства» [Romme, 2016, p. 87; ср. Ромм, 1941, с. 47].

Идентификации объектов, представленных на крымских акварелях Воронихина, дают дополнительные материалы к творческой биографии выдающегося архитектора. Поскольку в дневнике Ромма ничего не говорится о том, что он поручил художнику зарисовать данные постройки, можно предположить, что Воронихин выполнил данные акварели по собственной инициативе, из интереса к архитектуре. Его рисунки являются ценным источником для архитектурно-археологических исследований генуэзско-османской Каффы, поскольку они показывают состояние оборонительных и портовых сооружений города в конце XVIII в., а также воссоздают ныне утраченные интерьеры османских мечетей. Особое значение им придает то обстоятельство, что другие столь качественные изображения интерьеров этих храмов пока не известны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Александрова Н. Жан Балтазар де ла Траверс. «Путешествующий по России живописец». – М., 2000.
- Бочаров С.Г. Фортификационные сооружения Каффы (конец XIII – вторая половина XV вв.) // Причерноморье в средние века. – Вып. III. – Санкт-Петербург, 1998. – С. 82–96.
- Бочаров С.Г. Мечети города Каффа (Кефе) в 1340–1779 годах // Поволжская археология. – 2016. – № 2. – С. 120–137.
- Виды Крыма из путевого альбома М. М. Иванова (к 270-летию со дня рождения художника) / сост. М.Р. Мальгина. – Симферополь, 2017.
- Виноградов Ю.А. Древности Боспора Киммерийского в рисунках К. Р. Бегичева и Ф. И. Гросса (по материалам научного архива ИИМК РАН). – Симферополь, 2017.
- Григорьев А.П., Фролова О.Б. О достоверности культурно-исторических деталей в «Книге путешествия» Эвлии Челеби // Вестник Ленинградского государственного университета. – 1968. – Вып. 2. – С. 151–153.
- Живописная коллекция видов Крыма Фридриха Гросса. Альбом-каталог / сост. М. Р. Мальгина. – Симферополь, 2015.
- Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым: журнал общественно-научный и экскурсионный. – 1927. – № 2 (4). – С. 113–168.
- Катюшин Е.А. Феодосия. Каффа. Кефе: исторический очерк. Феодосия: Арт Лайф, 2007.
- Кирилко В.П. Архитектура мечетей османского города Кефе (по материалам письменных и графических источников) // Вопросы всеобщей истории архитектуры. – 2018. – Вып. 10. – С. 222–241.
- Коришанова М.Ф. Архитектор В. Гесте (1755–1832) // ТГЭ. – 1977. – Т. XVIII. – С. 132–143.
- Крикун Е.В. Памятники крымскотатарской архитектуры (XIII–XX вв.). – Симферополь, 1998.
- Мальгина М.Р. Виды Крыма первой половины XIX века. Каталог литографий из собрания Крымского республиканского краеведческого музея. – Симферополь, 2006.

Боспорские исследования, вып. XL

- Петрова Э.Б. Исторический и художественный альбом Тавриды Евгения де Вильнёва и Викентия Руссена. – Феодосия; Симферополь, 2015.
- Петрова Э.Б., Прохорова Т.А. Крымские путешествия: Шарль Жильбер Ромм. «Путешествие в Крым в 1786 году». – Симферополь, 2011.
- Погодин Н.М. Феодосия и Судак // ЗООИД. – 1872. – Т. 8. – С. 301–307.
- Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. / пер. с фр. К. И. Раткевич. – Л., 1941.
- Тункина И.В. Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771–1871. – Киев, 2011.
- Храпунов Н.И. Записки Жильбера Ромма о Крыме: археологический комментарий // ФЕ. – 2014. – Т. 2. – С. 63–101.
- Храпунов Н.И. Археологические и архитектурные памятники Крыма на рисунках Уильяма Хейсти (1798 г.) // Археология Северо-Западного Крыма. – Симферополь, 2017. – С. 188–195.
- Храпунов Н.И. Ричард Уэрсли и Крым // БИ. – 2019а. – Вып. XXXIX. – С. 378–403.
- Храпунов Н.И. О французском издании сочинения Жильбера Ромма «Путешествие в Крым» // ФЕ. – 2019b. – С. 454–467.
- Чудинов А.В. Французские агенты о положении в Крыму накануне русско-турецкой войны 1787–1791 годов // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения. – М., 2001. – С. 202–243.
- Чудинов А.В. Жильбер Ромм и Павел Строганов: история необычного союза. – М., 2010.
- Romme G. Correspondance 1779–1786. Vol. 2. T. 1 / ed. A.-M. Bourdin, Ph. Bourdin, J. Ehrard, H. Rol-Tanguy, A. Tchoudinov. – Clermont-Ferrand, 2014.
- Romme Ch.-G. Voyage en Crimée en 1786 / éd. M. Deschanet, G. Bekirova. – Paris, 2016.

REFERENCES

- Aleksandrova N. Zhan Baltazar de la Travers. “Puteshestvujushhij po Rossii zhivopisec”. Moscow, 2000.
- Bocharov S. G. “Fortifikacionnye sooruzhenija Kaffy (konec XIII – vtoraja polovina XV vv.)”, *Prichernomor’e v srednie veka*, 1998, vol. 3, pp. 82–96.
- Bocharov S. G. “Mecheti goroda Kaffa (Kefe) v 1340–1779 godah”, *Povolzhskaja arheologija*, 2016, vol. 2, pp. 120–137.
- Grigor’ev A. P., Frolova O. B. “O dostovernosti kul’turno-istoricheskikh detalej v «Knige puteshestvija» Jevlii Chelebi”, *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1968, vol. 2, pp. 151–153.
- Katjushin E. A. *Feodosija. Kaffa. Kefe: istoricheskij ocherk*. Feodosija: Art Lajf, 2007.
- Khrapunov N. I. “Zapiski Zhil’bera Romma o Kryme: arheologicheskij kommentarij”, *Frantsuzskii ezhegodnik*, 2014, vol. 2, pp. 63–101.
- Khrapunov N. I. “Arheologicheskie i arhitekturnye pamjatniki Kryma na risunkah Uil’jama Hejsti (1798 g.)”, *Arheologija Severo-Zapadnogo Kryma*, Simferopol, 2017, pp. 188–195.
- Khrapunov N. I. “Richard Ujersli i Krym”, *Bosporskie issledovaniya*, 2019, vol. 39, pp. 378–403.
- Khrapunov N. I. “O francuzskom izdanii sochinenija Zhil’bera Romma ‘Puteshestvie v Krym’”, *Frantsuzskii ezhegodnik*, 2019, pp. 454–467.
- Kirilko V. P. “Arhitektura mechetej osmanskogo goroda Kefe (po materialam pis’mennyh i graficheskikh istochnikov)”, *Voprosy vseobshhej istorii arhitektury*, 2018, vol. 10, pp. 222–241.
- Korshunova M. F. “Arhitektor V. Geste (1755–1832)”, *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 1977, vol. 18, pp. 132–143.
- Krikun E. V. *Pamjatniki krymskotatarskoj arhitektury (XIII–XX vv.)*. Simferopol, 1998.
- Mal’gina M. R. *Vidy Kryma pervoj poloviny XIX veka. Katalog litografij iz sobranija Krymskogo respublikanskogo kraevedcheskogo muzeja*. Simferopol, 2006.
- Mal’gina M. R. (ed.). *Vidy Kryma iz putevogo al'boma M. M. Ivanova (k 270-letiju so dnja rozhdenija hudozhnika)*. Simferopol, 2017.
- Mal’gina M. R. (ed.). *Zhivopisnaja kollekcija vidov Kryma Fridriha Grossa. Al'bom-katalog*. Simferopol, 2015.

Храпунов Н.И. О крымских акварелях...

- Petrova Je. B. *Istoricheskiy i hudozhestvennyy al'bom Tavridy Evgeniya de Vil'njova i Vikentija Russena*. Feodosia; Simferopol, 2015.
- Petrova Je. B., Prohorova T. A. *Krymskie puteshestviya: Sharl' Zhil'ber Romm. "Puteshestvie v Krym v 1786 godu"*. Simferopol, 2011.
- Pogodin N. M. "Feodosiya i Sudak", *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey*, 1872, vol. 8, pp. 301–307.
- Romme G. *Puteshestvie v Krym v 1786 g.* Leningrad, 1941.
- Romme G. *Correspondance 1779–1786*, vol. 2, t. 1. Clermont-Ferrand, 2014.
- Romme G. *Voyage en Crimée en 1786*. Paris, 2016.
- Tchoudinov A. V. "Francuzskie agenty o polozhenii v Krymu nakanune russko-tureckoj vojny 1787–1791 godov", *Russko-francuzskie kul'turnye svyazi v jepohu Prosveshheniya*, Moscow, 2001, pp. 202–243.
- Tchoudinov A. V. *Zhil'ber Romm i Pavel Stroganov: istoriya neobychnogo sojuza*, Moscow, 2010.
- Tunkina I. V. *Otkrytie Feodosii. Stranicy arheologicheskogo izuchenija Jugo-Vostochnogo Kryma i nachal'nye jetapy istorii Feodosijskogo muzeja drevnostej. 1771–1871*. Kiev, 2011.
- Vinogradov Ju. A. *Drevnosti Bospora Kimmerijskogo v risunkah K. R. Begicheva i F. I. Grossa (po materialam nauchnogo arhiva IIMK RAN)*. Simferopol, 2017.
- Zasytkin B. N. "Pamjatniki arhitektury krymskih tatar", *Krym: zhurnal obshhestvenno-nauchnyj i jekskursionnyj*, 1927, no. 2, pp. 113–168.

Резюме

В статье рассматривается проблема идентификации архитектурно-археологических объектов, представленных на акварелях Андрея Воронихина, выполненных во время его путешествия в Крым в свите Павла Строганова и Жильбера Ромма в 1786 г. Акварели хранятся в частных коллекциях и были опубликованы несколько лет назад как иллюстрации к книге писем Ромма. Выдвинуто предположение, что на рисунках изображены интерьеры соборной мечети Каффы-Феодосии (Шахзаде Сулейман-хан-джами или Султан-Селим-джами), мечети Муфти-джами, а также вид с развалин так называемой «Карантинной башни» (A14 по С. Г. Бочарову) на восток – юго-восток. Крымские рисунки Воронихина представляют интерес не только для реконструкции творческой биографии выдающегося архитектора, но и для архитектурно-археологических исследований и подготовки проектов реконструкций памятников, учитывая, что мечеть Шахзаде Сулейман-хан-джами до наших дней не сохранилась, а Муфти-джами значительно пострадала от времени и не вполне удачной реставрации.

Ключевые слова: записки путешественников, историческая имагология, образ Крыма, Андрей Воронихин, Жильбер Ромм, виды Крыма

Summary

This paper address the identification of archaeological-architectural sites presented on Andrei Voronikhin's watercolours, which were made during his travel to the Crimea in the retinue of Pavel Stroganov and Gilbert Romme in 1786. These watercolours, now residing in private collections, were published a few years ago as illustrations to the book of Romme's letters. It has been suggested that these drawings feature interior designs of the Friday mosque in Caffa, present-day Feodosia (Shakhzade Suleiman-khan-dzhami, alternatively Sultan-Selim-dzhami), the mosque called Mufti-dzhami, and a view taken from the ruins of the so-called Quarantine tower (A14 according to Sergei Bocharov) to the east – south-east. Voronikhin's Crimean drawings are interesting for the reconstruction of creative biography of this outstanding architect, as well as for architectural-

archaeological research and preparation of project of reconstruction of monuments, especially because Shakhzade Suleiman-khan-dzhami did not survive to these days, and Mufti-dzhami much suffered of the time and unsuccessful restoration.

Key words: travel writing, historic imagology, Crimea image, Andrei Voronikhin, Gilbert Romme, views of the Crimea

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Храпунов Никита Игоревич, к.и.н.,
ведущий научный сотрудник,
Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
пр-кт. Академика Вернадского, 4, Симферополь, Республика Крым, 295007.
E-mail: khrapunovn@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khrapunov, Nikita,
CSc in History,
Leading Researcher
History and Archaeology of the Crimea Research Centre
V. I. Vernadsky Crimean Federal University
4 Academician Vernadsky Ave,
Simferopol, 295007, Republic of the Crimea.
Email: khrapunovn@gmail.com

Рис. 1. Андрей Никифорович Воронихин. Мечеть в Крыму [по: Romm, 2014, p. 1030].

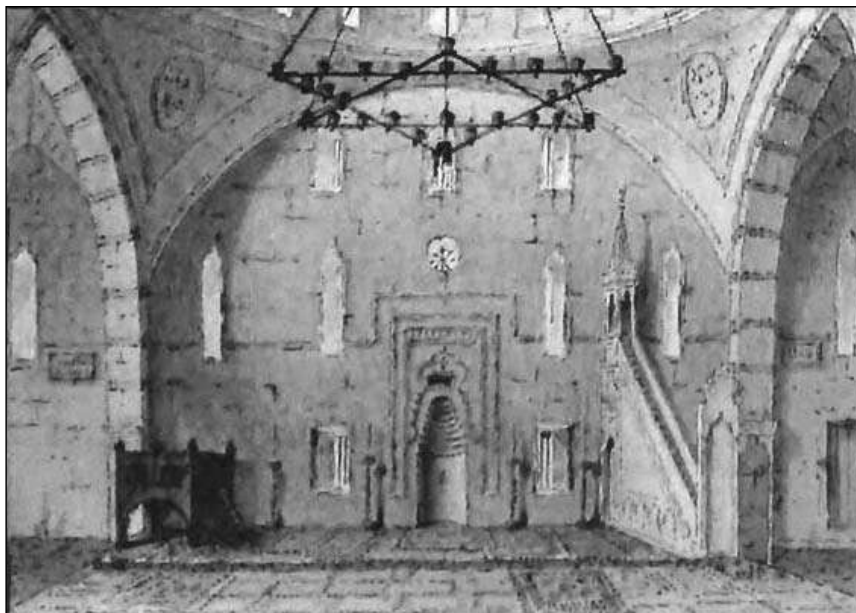
[illegible]

Рис. 2. Андрей Никифорович Воронихин. Мечеть в Крыму [по: Romm, 2014, р. 1030].

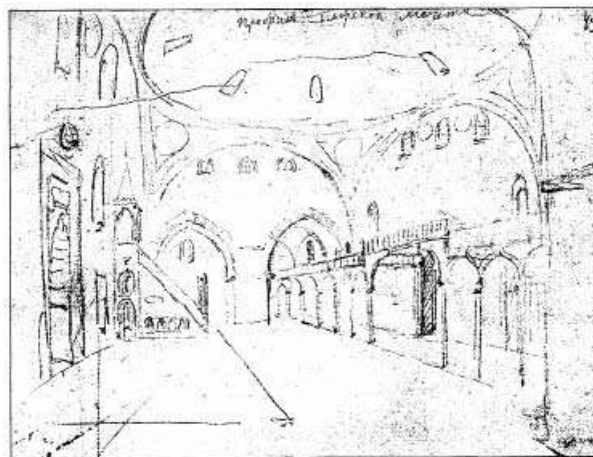

Рис. 3. Николай Александрович Львов. Профиль кефской мечети [по: Тункина, 2011, с. 36, рис. 49].

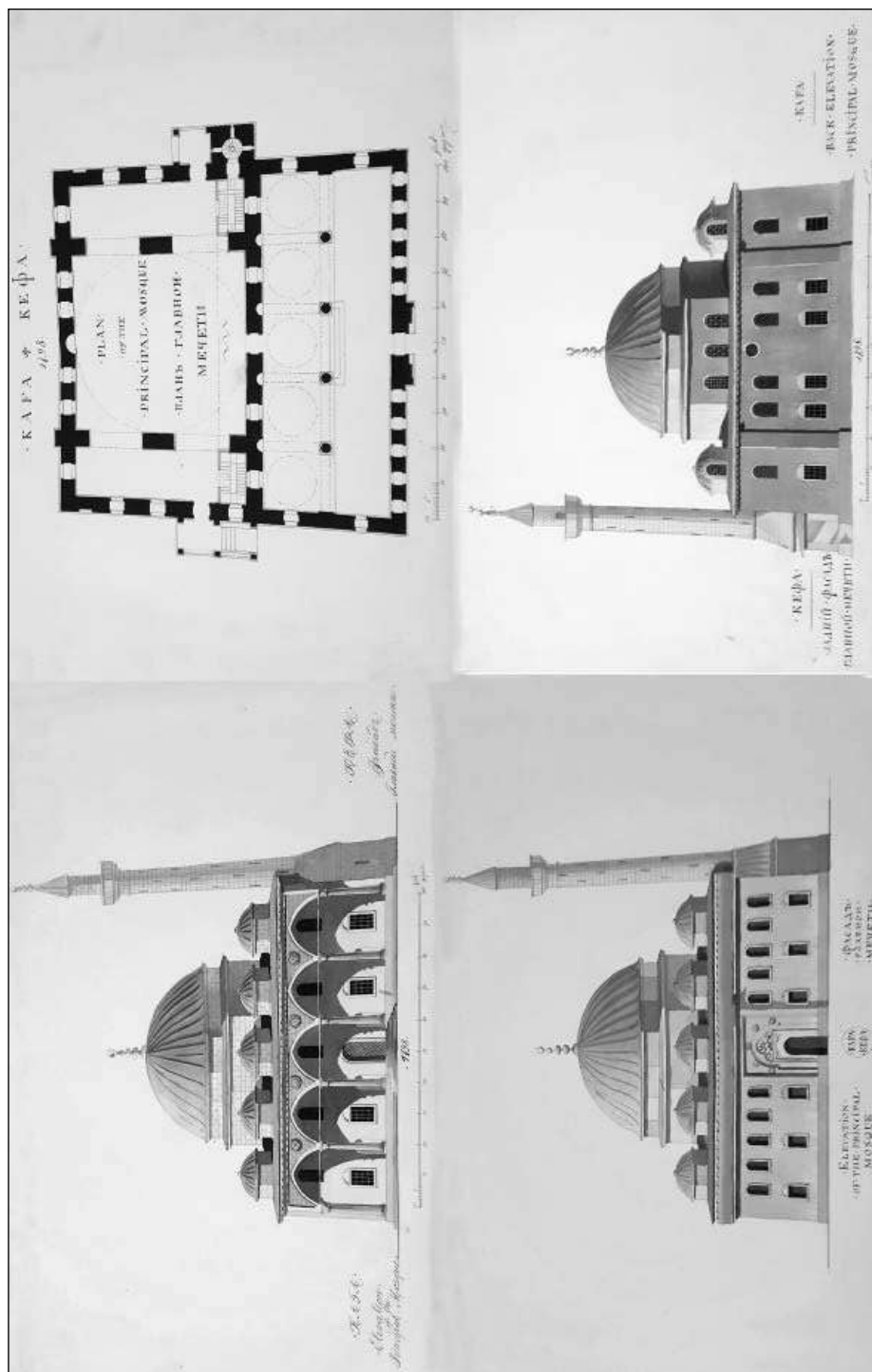

Рис. 4. Фасады и план главной мечети Феодосии. Чертежи Уильяма Хейсти.

Храпунов Н.И. О крымских акварелях...

Рис. 5. Андрей Никифорович Воронихин. На берегу Черного моря [по: Romm, 2014, p. 1036].

Я.М. ПАРОМОВ
YA.M. PAROMOV

**ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ. ЧАСТЬ 2 (1918 – 1991 гг.)
HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH ON THE TAMAN
PENINSULA. PART 2 (1918 – 1991 gg.)**

Первая мировая война, две революции и Гражданская война, пришедшие на смену долгому веку европейского просвещения, принесли нашей стране неисчислимые бедствия. Темное лихолетье, ослепившее Россию, сгубило миллионы людей, еще миллионы были вынуждены покинуть родину. Среди погибших был директор Керченского музея В.В. Шкорпил, зверски убитый неизвестными грабителями, среди эмигрантов – академики Н.П. Кондаков и М.И. Ростовцев. На фоне жестокой реальности – братоубийственной войны, разрухи и голода кажется удивительной проявленная научным сообществом духовная стойкость, стремление к повседневной работе и творчеству. В октябре 1918 г. Археологическая комиссия была преобразована в Российскую государственную археологическую комиссию (РГАК), в течение нескольких месяцев подготовившую проект нового главного археологического учреждения страны. 18 апреля 1919 г. на заседании Малого совета СНК был утвержден декрет о создании этого учреждения, названного Российской академией истории материальной культуры (РАИМК, с 1926 г. ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры). 5–7 августа 1919 г. были проведены окончательные выборы в РАИМК, после которых наступил длительный период определения структуры ее отделений, разрядов и секций, подбора сотрудников и т.д. [Платонова, 1989. С. 5, 6]. В то время о каких-либо серьезных археологических исследованиях не могло быть и речи. Экспедиционная деятельность была сведена до минимума. Согласно опубликованным данным, в 1913 г. Археологическая комиссия выдала 86 Открытых листов, в 1917 – 24, в 1918 – 10; в 1919 – работали 2 экспедиции, в 1922 – 11, в 1923 – 21 и только в 1925 г. число их возросло до 41 (приложение: Императорская археологическая комиссия. 2009. С. 122–140; археологические экспедиции 1919–1956 гг. Указатель. 1962. С. 224–229).

Около 10 лет (с 1917 до 1925 г. включительно) на Таманском полуострове никаких исследований не производилось, что не означает потерю интереса к его памятникам, а лишь свидетельствует о финансовых и материальных трудностях, переживавшихся научными археологическими учреждениями. Однако в то время, бывшее коротким периодом общего подъема краеведения в стране, весьма плодотворной оказалась деятельность заведующего Темрюкским музеем краеведения С.Ф. Войцеховского. Более 10 лет (1920–1931 гг.) он занимался самостоятельными исследованиями

Паромов Я.М. История археологических...

древностей и геологии Таманского полуострова, каждое лето проводя в поле, пядь за пядью обходя и обследуя его самые отдаленные уголки и урочища [Лунин, 1932]. С.Ф. Войцеховский принимал активное участие во всех работавших в то время на полуострове археологических экспедициях: РАНИОН (1926–1927 гг.), ГМИИ (1927–1930 гг.), ГАИМК (1930–1931 гг.), исследованиям которых его детальное и всеобъемлющее знание полуострова оказало значительное содействие. Итогом его собственных изысканий была ценная оригинальная работа «Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова, применительно к эпохе Страбона и позднему времени», являвшаяся, по сути, археологической картой полуострова, составленной на основе собранного в процессе исследований подъемного материала. Иллюстрациями к ней служили карты Таманского полуострова в различные эпохи [Войцеховский, 1929–1930]. Указанная публикация была лишь вводной частью исследования, так и не вышедшего в свет в связи с ликвидацией СКОАИЭ и его изданий в период разгрома краеведения, последовавшего в 1929–1933 гг. [Формозов, 1995. С. 43–46]. С.Ф. Войцеховский погиб 8 февраля 1931 г. при невыясненных обстоятельствах. По некоторым сведениям, он был убит кладоискателями-«счастливчиками», с которыми вел постоянную и энергичную борьбу, как и В.В. Шкорпил, убитый ими в декабре 1918 г. в Керчи.

Из всех материалов С.Ф. Войцеховского сохранилась лишь копия одной карты (возможно, сводной), в настоящее время опубликованная [Паромов, 1992. С. 17. Рис. 1; 1992а. С. 121–124. Рис. 1]. На ней в пределах Таманского полуострова обозначены 58 поселений античного и средневекового времени, множество курганов и места семи обнажений «с остатками мамонта» (рис. 1). Эта карта до сих пор сохранила значение как источник для исследования системы расселения на полуострове в различные эпохи и как свидетельство уровня знаний того времени о его древностях. Следует отметить, что С.Ф. Войцеховским впервые была выдвинута идея существования в античное время единой системы обороны северо-западной части полуострова (Киммерийского острова), разработанная и дополненная позднее Н.И. Сокольским. В своих исследованиях С.Ф. Войцеховский опирался на труды К.К. Гёрца, М.О. Поночевного и академика Н.И. Андрусова, детально разработавшего геологию Керченско-Таманской области.

Вторая половина 1920-х гг. стала временем активного археолого-топографического исследования Таманского полуострова. В 1926 и 1927 гг. в этом регионе работала экспедиция коллектива по изучению древностей Керченского и Таманского полуостровов Института археологии РАНИОН под руководством профессора Алексея Степановича Башкирова. В ней принимали участие сотрудники института В.Д. Блаватский, М.М. Кобылина, Л.П. Харко, Н.П. Розанова, Е.В. Веймарн, Н.М. Лосева, а также директор Темрюкского музея С.Ф. Войцеховский. Главными задачами экспедиции были широкое рекогносцировочное обследование всего Таманского полуострова и более детальное знакомство с городищем Фанагории у поселка Сенной [Башкиров, 1927. С. 26; 1928. С. 71]. Маршрутное обследование

памятников за два сезона охватило большую территорию от Анапы до мыса Тузла и от Темрюка и его окрестностей до косы Чушка. Сотрудниками экспедиции было осмотрено несколько десятков древних городищ и поселений, множество курганов. К сожалению, существенным недочетом в деятельности экспедиции явилось отсутствие топографических карт. Схемы, помещенные в упомянутых статьях – отчетах А.С. Башкирова, настолько мелки, что далеко не все памятники, о которых идет речь в тексте, могли быть обозначены на них. На ряде поселений и крепостей-батареек античного и средневекового времени – в Голубицкой, Кучугурах, Пересыпи, Фонталовской, на хуторе Коммуна Звезда (поселок Гаркуша) были произведены зачистки и зондажи.

Двумя центрами деятельности экспедиции были станица Тамань и поселок Сенной (Фанагория). В 1926 г. в западной части Тамани при случайных обстоятельствах были найдены два ранних расписных сосуда – подлинные шедевры античной вазописи [Lossewa, 1929]. Они могли происходить или из грунтового могильника, или из разрушенного к тому времени кургана. В 1927 г. на месте этой находки под руководством А.С. Башкирова были произведены небольшие раскопки, не давшие результатов [Гайдукевич, 1959. С. 155]. Однако этим работы экспедиции в Тамани не исчерпывались. В 1926 и 1927 гг. А.С. Башкировым была проведена инвентаризация фондов Таманского музея, в процессе которой дано типологическое и хронологическое определение ряда артефактов. Впоследствии, после отбывания А.С. Башкировым заключения и ссылки, материалы инвентаризации фондов музея были опубликованы в виде приложения к отчету о раскопках Патрея в 1948 г. [Башкиров, 1949]. В поселке Сенном археолого-топографической группой экспедиции под руководством С.Ф. Войцеховского и Л.П. Харко был снят план городища Фанагории в масштабе 1:2500 (в 1 см – 25 м) с сечением горизонталей через 4 м [Башкиров, 1928. С. 71–74; Паромов, 1993. С. 112].

В 1927–1930 гг. разведочными раскопками Фанагории занималась небольшая экспедиция ГМИИ под руководством Л.П. Харко (1927–1929 гг.) и К.Э. Гриневича (1930 г.). Ею были выявлены и частично исследованы две монументальные постройки античного времени, одна из которых имела ярко-красный цемянковый пол и роскошную полихромную штукатурку на стенах [Харко, 1930], а также гончарная печь, окончательные раскопки которой были переданы Таманской экспедиции ГАИМК и завершались В.Ф. Гайдукевичем [Иессен, Миллер, 1932. С. 61]. Вероятно, одним из главных достижений экспедиции была разработка подробной археологической карты центральной части Таманского полуострова (в древности – Фанагорийского острова). Ее составителями были братья Е.В. и Б.В. Веймарны (карта хранится в Отделе искусства и археологии древнего мира ГМИИ) [Харко, 1930. С. 78]. Особенно подробно на этой карте отображены курганные некрополи Фанагории и Кеп, а также курганы и несколько поселений в районе поселков Приморский, Солёный, Пересыпь, За Родину и около станицы Ахтанизовской. Всего на ней обозначено около 400 курганов. В настоящее время ввиду постоянной распашки многие из них стали

этапы и выделены слои ранневизантийского, хазарского, тмутараканского времени, а также более поздних периодов [Миллер, 1931. С. 28, 29; 1932]. При расширении стратиграфического раскопа был исследован ряд объектов средневекового времени. Массовый керамический материал был впоследствии обработан и классифицирован И.И. Ляпушкиным и лег в основу его фундаментального исследования о славяно-русских поселениях IX–XII вв. на Дону и Тамани [Ляпушкин, 1941]. Отдельный отряд экспедиции, возглавлявшийся Н.И. Репниковым, занимался исследованиями грунтовых могильников Гермонассы-Тмутаракани [Миллер, 1932а. С. 67]. Результаты этих раскопок были изданы значительно позже [Гайдукевич, 1959]. Разведочные раскопки производились также на поселении у суворовской крепости Фанагория на окраине Тамани (Тамань 6 – Суворовское), на городище древней Фанагории около поселка Сенного и на большом поселении у коммуны Искра (Гаркуша 1 – Патрей). Наиболее важными результатами этих работ стали завершение исследования большой гончарной печи в Фанагории, открытой экспедицией ГМИИ в 1930 г., выявление границ и общей хронологии Патрея, где, кроме того, были раскопаны разрушавшиеся морем два погребения салтово-маяцкого круга (VIII–IX вв.) и винодельня античного времени [Миллер, 1931. С. 27; 1932а. С. 67, 68; Иессен, Миллер, 1932. С. 61; Гайдукевич, 1934]. Рассчитанные на перспективу исследования Таманской экспедиции ГАИМК были прерваны в 1932 г. В начале 1933 г. А.А. Миллер был арестован, осужден по «делу славистов» и умер в 1935 г. в лагерях. Сохранившиеся материалы Таманской экспедиции ГАИМК были переданы в архив А.А. Иессеном.

В 1920-е гг. благодаря подъему краеведения значительно расширился круг учреждений, занимавшихся археологическими исследованиями. Кроме Российской академии истории материальной культуры (РАИМК–ГАИМК, Ленинград), заметное участие в них принимали Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН, Москва), столичные музеи (Эрмитаж, ГМИИ, ГИМ), областные и местные музеи (Керченский, Темрюкский, Таманский), а также многие общественные организации, такие как Северокавказское общество археологии, истории и этнографии (СКОАИЭ, Ростов-на-Дону). Для всех перечисленных и многих других научных и культурных учреждений 1929–1933 гг. стали годами испытаний и утрат, вызванных проводившейся в стране политикой. Для российской археологии в целом эти пять лет в настоящее время расцениваются как период разгрома, выразившегося в процессах над академиками и известными учеными, в закрытии всех обществ изучения местного края, сокращении сети музеев и в массовых репрессиях среди музейных работников, профессоров и преподавателей столичных университетов и областных вузов, в ликвидации РАНИОН, повсеместной «чистке классово-чуждых элементов». В ГАИМК в «год великого перелома» (1929) было уволено более половины сотрудников – 60 человек [Формозов, 2004. С. 49–62]. Нельзя не отметить, что в рассматриваемое время того научного сообщества, которое в годы лихолетья Гражданской войны противостояло общей беде, больше не существовало. В тридцатые годы нужны были новые кадры, более гибкие и

дены обширные некрополи римского времени и раннего Средневековья с простыми грунтовыми могилами, одно- и двухкамерными земляными склепами. Погребения позднеримского времени, найденные в них, свидетельствовали о большой степени «варваризации» местного населения. Следует отметить, что могил эллинистического и более раннего времени было выявлено очень мало. Раскопки дали многочисленный материал, позволивший судить о времени основания города, его торгово-экономических связях в различные периоды существования, о собственном ремесленном производстве и расцвете Фанагории в эллинистическое время (III–II вв. до н.э.).

В те же годы (1938–1940) Таманским отрядом Боспорской экспедиции ГАИМК, базировавшейся в Керчи, были возобновлены раскопки Западного некрополя Гермонассы-Тмутаракани. Ими руководил заведующий Таманским музеем А.Г. Остроумов (экспедицию возглавлял В.Ф. Гайдукевич). За три сезона было исследовано 100 погребений (78 – средневековых, 22 – античного времени). Почти все они были совершены в грунтовых ямах. Несмотря на сравнительную малочисленность, античные погребения во многих отношениях явились весьма ценными для науки. Прежде всего в том, что это были преимущественно захоронения самого раннего периода существования Гермонассы (вторая половина VI и V вв. до н.э.). С этой группой погребений связан один из важнейших вопросов – состав населения боспорских городов в раннеантичный период. По ряду признаков исследованные погребения показывают, что «местная составляющая и местное влияние» на синкретическую по своему характеру культуру Боспора были достаточно велики [Ростовцев, 1925. С. 284, 285; Гайдукевич, 1959. С. 154–187; Коровина, 1964а. С. 73–78; Сорокина, 1961. С. 49–52; Масленников, 1981. С. 29]. Большая часть средневековых погребений представляла собой безынвентарные или с самым малочисленным инвентарем захоронения ранневизантийского, хазарского, тмутараканского и турецко-татарского периодов. Следует отметить, что при исследованиях и при публикации этим погребениям было уделено явно недостаточное внимание.

Исследования второй половины 1930-х годов и специальные научные издания, появившиеся в это время, свидетельствуют, что археология несколько оправилась после кризиса в начале и середине десятилетия, когда облик изданий ГАИМК был резко изменен и вместо более ранних толстых томов «Сообщений» в 1931–1932 гг. вышли тонкие сдвоенные номера ежемесячного журнала. В 1933 г. его переименовали в «Проблемы истории материальной культуры (ПИМК)», а в 1934 – в «Проблемы истории докапиталистического общества (ПИДО)», в которых археологическая тематика была отеснена на задний план, почти ликвидирована [Формозов, 2004. С. 57]. В 1936 г. в Ленинграде вышел первый том неперидической серии «Советская археология» (с 1957 г. ставшей объемным журналом). В 1937 г. в Москве был основан журнал «Вестник древней истории». По инициативе М.И. Артамонова в предвоенные годы были созданы две периодические серии «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА) и «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК

гребений, относящихся к III–IV вв. н.э., в еще большей мере отражает влияние сармато-аланских племен на материальную и духовную жизнь города [Кобылина, 1951б. С. 249; Марченко, 1956. С. 117, 123]. В 1951 г. была произведена топографическая съемка городища и создан его новый план, служивший в роли основного инструмента до 1993 г. [Кобылина, 1956. С. 11. Рис. 1; Паромов, 1993. С. 113].

В 1947–1951 гг. археологические исследования производились также на ряде памятников северо-западной части Таманского полуострова – Киммерийском острове. В 1947 г. при обследовании восточной части поселения Гаркуша-1 – Патрей Н.В. Анфимовым была выявлена большая винодельня, датированная II в. н.э. Позднее она была раскопана экспедицией МГПИ им. В.П. Потемкина 1948–1951 гг. под руководством А.С. Башкирова. Исследования этой экспедиции были сосредоточены преимущественно на Патрейской батарее – остатках крепости античного и средневекового времени, находившихся в восточном секторе памятника [Башкиров, 1949; 1957; 1967; Крушкол, 1950; 1951; 1952; 1956; 1958; Голенко, 1952; 1957; 1960; Паромов, 1993а. С. 137, 138. № 1–3]. Двумя раскопами здесь были исследованы большое общественное здание эллинистического времени, существовавшее еще до постройки крепости, крепостная стена и внутрикрепостные помещения раннеримского периода (I в. до н.э. – I в. н.э.), позднеантичные строения и фундаменты жилых построек хазарского периода (VIII–IX вв.). Там же были найдены первый и второй патрейские клады, относящиеся ко второй четверти I в. до н.э. и концу III – первой половине IV в. н.э. В 1949 г. небольшие по объему разведки на территории Фонталовского полуострова (Киммерийском острове) проводились экспедицией Ленинградского пединститута им. А.И. Герцена, возглавляемой М.М. Кублановым. Основное внимание исследователя было уделено округе поселка Кучугуры и Киммерийскому валу около Юбилейного [Кубланов, 1959]. К редким явлениям следует отнести открытие погребения майкопской культуры в 2 км к западу от Кучугур. На двух поселениях античного времени – Кучугуры-1 и Кучугуры-2 сотрудниками экспедиции были произведены раскопки рекогносцировочного характера. Без карт и соответствующей подготовки, разведки экспедиции в основном лишь повторяли обследование известных ранее памятников, в том числе поселения античного и средневекового времени Юбилейный-9 у восточной оконечности Киммерийского вала, представлявшего М.М. Кубланову оборонительным сооружением. В том же году Д.Б. Шеловым были произведены небольшие разведочные работы на поселении Ильич-1, расположенном к северу от основания косы Чушка. Их итогом стал осторожный вывод, что памятник «должен быть датирован в основном первыми веками нашей эры» [Шелов, 1951]. Однако присутствие в подъемном материале некоторого количества более ранней керамики, по мнению исследователя, свидетельствовало о том, что жизнь на городище возникла ранее I в. до н.э. Следует отметить, что в подъемном материале встречалась также керамика V–VI вв. н.э. В 1950 г. В.Д. Блаватским было «положено начало изучению Боспорской сельскохозяйственной территории с находящимися на ней поселениями» [Блаватский, 1952.

Боспорские исследования, вып. XL

Веселовка-4 – Яхново [Блаватский, 1951; 1952; 1953; 1955; 1957; 1958; 1959; Зеест, 1953; Шелов, 1953; 1955]. Исследования позволили составить общее представление о времени существования поселений, хозяйственно-экономической и культурной сторонах их жизни. Выявилась картина раннего освоения этого региона в античную эпоху: 9 из 16 поселений были основаны в VI в. до н.э. [Блаватский, 1959. С. 47, 48]. Общий характер находок на памятниках мало чем отличался от находок в боспорских городах. И тут и там «изделия античного типа и их обломки явно преобладали над предметами местной работы», что, по убеждению В.Д. Блаватского, свидетельствовало о родственности их материальной культуры, а также о наличии «развитого обмена и тесных экономических связей сельских поселений с боспорскими городами, а через их посредство со Средиземноморьем еще в конце VI – V вв., т.е. задолго до включения Синдики в состав Боспорского государства при Левконе I» [Блаватский, 1958. С. 13; 1959. С. 48].

Весьма ценными были наблюдения и выводы В.Д. Блаватского о величине сельских поселений, «остатки которых нередко растягиваются по довольно обширной площади, отнюдь не уступающей малым боспорским городам», об их внутренней структуре, в которой «усадеб разбросаны на известном расстоянии одна от другой», о значительных трудностях и затрате времени на их поиски и определение границ. Особо отмечалась «малая выразительность находок, добытых при раскопках культурного слоя» [Блаватский, 1958. С. 11–13]. Следует отметить, что самые скромные результаты принесли проводившиеся Синдским отрядом археологические разведки. Почти все поселения (14 из 16) были известны ранее и нанесены на карты В.В. Соколова, С.Ф. Войцеховского и А.А. Миллера. Вероятно, ко времени исследований В.Д. Блаватский был знаком лишь с одной из них – Картой древних поселений и могильников в районе станицы Таманской В.В. Соколова (1919), что, скорее всего, и определило район работ. Независимо от этого приобретенный опыт показал, что традиционная пешая разведка без применения современных методов и средств, прежде всего топографических карт и аэрофотосъемок, исчерпала свои возможности [Блаватский, 1958. С. 14; Паромов, 1992а. С. 132–134].

Важнейшее значение для античной и средневековой археологии имели исследования Таманской экспедиции ИА АН СССР, организованной и возглавлявшейся в течение четырех сезонов (1952–1955) академиком Б.А. Рыбаковым. Для участия в ней были привлечены значительные, не только институтские, силы. Ее сотрудниками являлись С.А. Плетнева, И.Б. Зеест, Н.И. Сокольский, Н.П. Сорокина, Н.В. Анфимов, А.К. Коровина, Т.И. Макарова, В.В. Кропоткин, В.Б. Ковалевская, А.В. Никитин, Л.В. Алексеев, В.П. Левашева и другие [Рыбаков, 1963]. Главной задачей экспедиции были раскопки средневековых слоев Таманского городища с целью освещения вопросов славянской колонизации Приазовья и Приазовской Руси, активно обсуждавшихся и нашедших неоднозначное освещение в литературе [Артамонов, 1937; 1962; Насонов, 1940; Рыбаков, 1952; 1952а; 1954; 1954а; 1955; Смирнов, 1958]. За четыре сезона на городище была вскрыта значительная площадь

го здания III в. до н.э., две винодельни II–III вв. н.э., остатки гипокауста (горячего пола) бани того же времени, а также семь погребений VIII–IX вв., относящихся к болгарскому варианту салтово-маяцкой культуры [Кобылина, 1959; Атавин, 1986а; Паромов, 1993. С. 125–128, 133, 134. № 23, 33, 53–56]. Раскопки показали, что в первые века новой эры в Нижнем городе над развалинами богатых общественных зданий появились хозяйственные постройки; на Северном раскопе над руинами здания с полихромной росписью по штукатурке были обнаружены остатки виноделен I–III вв. н.э.; то же явление отмечено и в западной части Фанагории [Кобылина, 1959. С. 24]. На Западном раскопе был зафиксирован мощный культурный слой средневекового времени (V–X вв.). К юго-западу от городища в разрушенном кургане был исследован разграбленный в древности каменный склеп IV–III вв. до н.э. [Кобылина, 1957]. В 1956 г. вышел в свет очередной том МИА, целиком посвященный Фанагории (№ 57). В нем были отражены исследования городища и юго-восточного некрополя, представлена стенная роспись монументального здания и опубликованы отдельные категории материала – керамические клейма, грузила, архитектурная терракота и др. В те же годы было опубликовано несколько фундаментальных исследований, посвященных архаическому Боспору, военному делу в античных государствах Северного Причерноморья [Блаватский, 1954, 1954а; Сокольский, 1954], а также истории античных городов, в которую вошли материалы из раскопок на Таманском полуострове [Гайдукевич, 1955].

Отдельную главу в изучении Азиатского Боспора представляет деятельность талантливого ученого и блестящего полевого исследователя – Николая Ивановича Сокольского, руководившего в 1957–1960 гг. Таманским отрядом, а в 1961–1973 гг. возрожденной им Таманской экспедицией ИА АН СССР. Таким образом, весь период его самостоятельных исследований охватывает 17 лет (1957–1973 гг.). Работы Таманской экспедиции были сосредоточены в основном в центральной и северо-западной частях полуострова. Ее постоянными сотрудниками являлись Н.П. Сорокина, Э.Я. Николаева, Р.А. Стручалина; в разные годы в исследованиях принимали участие В.С. Долгоруков, Ю.М. Десятчиков, В.В. Дворниченко, И.Р. Пичикян, А.С. Шавырин, С.А. Беляев, В.П. Толстиков, Я.М. Паромов. Полевые работы, отличавшиеся широким охватом памятников, развивались преимущественно в двух основных направлениях. Первым и главным на ранних этапах были раскопки античного и раннесредневекового городища Кепы в комплексе с грунтовыми и курганными могильниками, позднее на первый план вышли раскопки крепостей-батареек северо-западной части Таманского полуострова, составлявших на рубеже эпох единую оборонительную систему Киммерийского острова, включавшую 11 известных во время исследований Н.И. Сокольского остатков укреплений. Кроме этих работ, Таманской экспедицией был исследован ряд памятников, случайно выявленных при строительстве дорог, трубопроводов и других объектов.

Городище Кепы и окружающие его курганы исследовались Н.И. Сокольским в 1957–1963, 1966, 1967 и 1970 гг.; в 1964, 1972 и 1973 гг. раскопки на этом городище производились Э.Я. Николаевой [Сокольский, 1960; 1961; 1961а; 1962; 1962б; 1963;

1965б; 1966а; 1969б; 1972; 1973а; 1980; Николаева, 1973а]. Эти памятники были сохранены для науки благодаря инициативе и активности Н.И. Сокольского. В 1959–1963 гг. в результате небольших разведок, проводившихся в районе работ экспедиции, было выявлено несколько поселений античного и средневекового времени. О них лишь упомянуто в печати [Сокольский, 1962б. С. 91]. Исключением из этого ряда является поселение Саратовское – Береговой-4, расположенное к северо-западу от Патрея, на котором производились раскопки [Стручалина, 1966].

По своему значению и масштабам наиболее выдающимися исследованиями Таманской экспедиции являлись раскопки городища у поселка За Родину (1970–1973 гг.). Этот памятник, известный как Таманский толос и резиденция Хрисалиска, представлял собой архитектурный ансамбль, состоявший из огромного перистильного двора, окруженного с четырех сторон длинными строениями с внутренними галереями. В центре находилось круглое в плане здание (толос), оформленное в виде периптера, целлу которого окружал стилобат с 32 подколонными опорами. По мнению Н.И. Сокольского, во второй четверти III – середине II в. до н.э. этот ансамбль являлся одним из знаменитых святилищ Азиатского Боспора. В конце II в. до н.э. на его развалинах возникла крепость, окруженная валом и рвом с доминантой – донжоном в виде массивного укрепленного дома, подобного дому на Семибратнем городище. Хозяином его, судя по найденной на пороге надписи, был некий Хрисалиск, приближенный царя Асандра (48–20 гг. до н.э.). Дом погиб при пожаре в самом конце I в. до н.э., однако крепость с валами функционировала на протяжении I–II вв. н.э., входя в единую оборонительную систему Киммерийского острова. Итогам раскопок этого замечательного памятника посвящена монография [Сокольский, 1976], написанная по материалам исследований Таманской экспедиции Н.П. Сорокиной. В ней подробно рассматриваются толос и перистиль, а также дом Хрисалиска со всеми находками: фрагментами скульптур и изделий из мрамора, архитектурными деталями, терракотовыми статуэтками, столовой керамикой, клеймами на амфорах и черепицах, монетами и другими предметами.

Даже на первый взгляд, работы Таманской экспедиции удивляют своими объемами и результатами. К сожалению, Н.И. Сокольский не успел обобщить свои исследования. Они лишь частично отражены в опубликованных им работах. Ценным вкладом в отечественную археологическую науку явились монографии Н.И. Сокольского «Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья» (1969) и «Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья» (1971), заполнившие существенный пробел в мировой научной литературе по истории античной культуры, а также его статьи, посвященные крепостям-батарейкам, виноделию, гончарному производству и синдской скульптуре, по-новому осветившие памятники, ремесло и искусство азиатской части Боспора [Сокольский, 1963; 1963а; 1964; 1965б; 1966в; 1967б; 1969а; 1970; 1973б; 1976а]. Особо следует отметить результаты курганных раскопок, которые в значительной мере преобразили существовавшие ранее представления. Прежде всего это касается

паметников эпохи ранней и средней бронзы. Работы Н.И. Сокольского и раскопки А.К. Коровиной стали поворотным моментом в культурной и хронологической переоценке курганов всего Таманского полуострова. После смерти Н.И. Сокольского, последовавшей в 1973 г., его ближайшими сотрудниками был опубликован ряд статей, основанных на материалах Таманской экспедиции и посвященных преимущественно Кепам: ранней расписной керамике и времени основания колонии, скульптуре и надгробиям, терракотовым статуэткам и «мегарским» чашам, стеклянным сосудам, «кепским» клеймам и фигурным сосудам, их связи с религиозными воззрениями античной эпохи, раскопкам терм, а также некоторым материалам из раскопок Патрея [Сорокина, 1974; 1977; 1986; 1997; 1998; Николаева, 1974а; 1975; 1977; 1979; Стручалина, 1974; 1977; Усачева, 1975; 1978].

Период с 1957 до 1973 г. был отмечен не только достижениями экспедиции Н.И. Сокольского, но и общим подъемом археологических исследований на Таманском полуострове. На постоянной основе они производились еще в трех пунктах: Фанагории, на Таманском городище и так называемой древней Тирамбе в поселке Пресыпь. В Фанагории исследованиями были охвачены само городище, святилище на Майской горе, затопленная морем часть античного города, курганный и грунтовый могильники. На городище раскопки были продолжены на трех старых раскопках (Керамик, Город А и Береговой) и начаты еще на 11 участках, важнейшими из которых были раскопы Центральный, Участок А, Участок Б, Береговой А и Юго-Западный [Кобылина, 1963; 1963а; 1966; 1966б; 1967; 1969а; 1970а; 1971; 1972; 1972а; 1973; Кобылина, Долгоруков, 1974; Паромов, 1993. С. 125, 126, 134–138. № 23, 24, 56, 60–64, 67–74]. Эти исследования выявили большое число объектов, наиболее значительными из которых были остатки сгоревшего жилья VI в. до н.э., храм в антах V в. до н.э., посвященный, по мнению М.М. Кобылиной, Афродите, монументальные общественные и жилые здания V–IV вв. до н.э. с окрашенными цемянчаными полами и полихромной штукатуркой, жилища эллинистического и римского времени, вымостки улиц, сменявшие одна другую с III в. до н.э. до раннего Средневековья, водостоки, колодцы, остатки ранних оборонительных стен и юго-восточных городских ворот V в. до н.э., стены эллинистического и римского времени, гончарные печи, следы производства стеклянной посуды и оконного стекла, уникальная по размерам винодельня I–II вв. н.э. (и остатки еще одной или двух виноделен римского времени). В один из сезонов (1959) под руководством С.А. Плетневой были раскопаны хорошо сохранившиеся остатки раннесредневекового города, относящиеся к хазарскому периоду. У юго-восточной и северо-западной окраин городища были выявлены средневековые грунтовые могильники. Исследования Фанагории нашли широкое отражение в литературе. Отдельные работы посвящены культуре Фанагории в раннеантичное и эллинистическое время, сарматизации Азиатского Боспора, затронувшей прежде всего его главный город, различным сооружениям, кварталам ремесленников, винодельням, расписной керамике, керамическому производству и кровельной черепице, отдельным категориям материала – скульптуре и надгробиям,

краснофигурной привозной керамике, терракотам, фаянсовым подвескам, перстням и др. [Кобылина, 1961; 1961а; 1963б; 1966а; 1969; 1970; 1972б; 1972в; Долгоруков, 1972; 1975; 1976; Голенко, 1953; 1955; Десятчиков, 1973; Коровина, 1972; 1987а; Лосева, 1968; 1975; Никулина, 1964; Плетнева, 1981; 2003а; Соколов, 1975; Харко, 1968; Цветаева, 1966; 1972].

Другим направлением исследований являлись раскопки святилища на Майской горе (Шапурской, Блеваке), проводившиеся отдельным отрядом ГМИИ под руководством И.Д. Марченко. В течение четырех сезонов (1958, 1959, 1961 и 1963) здесь были открыты остатки двух зданий, одно из которых представляло собой храм в антах, и место захоронения культового инвентаря (фависса), где было найдено около тысячи терракотовых протом Деметры, Афродиты, Артемиды, другие статуэтки, связанные с элевсинским культом [Марченко, 1961; 1962; 1963; 1964; 1974; 1977]. Эти исследования позволили расширить представления о религиозных воззрениях фанагорийского общества в VI–II вв. до н.э., а также о роли главного храмового комплекса, находившегося в пяти минутах ходьбы от города, на вершине холма, откуда открывался широкий обзор ближней хоры Фанагории.

Большое значение имели также подводные исследования 1957–1959 гг., проводившиеся под руководством В.Д. Блаватского вблизи Фанагории и Гермонассы. Работы в затопленной морем северной части Фанагории уточнили границы античного города, мощность и датировку скрытого под водой культурного слоя [Блаватский, 1958а. С. 83–87; 1961а; Блаватский, Кошеленко, 1963. С. 74–85; Блаватский, Кузищин, 1961]. Особую ценность эти исследования имели для определения уровня моря у берегов Таманского полуострова во второй половине I тыс. до н.э. [Паромов, 1999. С. 89; 2015. С. 144–146].

В 1960 г. Фанагорийской экспедицией ИА АН СССР, возглавлявшейся М.М. Кобылиной, были раскопаны 16 курганов, подлежащих сносу при планировке полей под виноградники. Средства и технику для этих работ выделил винсовхоз «Фанагорийский». В исследованиях, внесших заметный вклад в изучение курганного некрополя Фанагории, принимали участие В.С. Забелина, Е.Г. Кастанаян, А.К. Коровина, И.Д. Марченко, Г.И. Соколов и Н.И. Сокольский, руководившие раскопками отдельных курганов. Не говоря о научном значении, трудно переоценить тот опыт, который был приобретен исследователями, поскольку это были первые за полвека раскопки курганов на Таманском полуострове. Они создали новые представления об особенностях погребального обряда, главным образом в IV–III вв. до н.э., в котором видно смешение греческих и местных традиций [Кобылина, 1963а. С. 97]. Помимо античных захоронений, раскопки выявили присутствие в курганах погребений и материалов эпохи бронзы. Более других принять участие в этих исследованиях пришлось А.К. Коровиной, успешно использовавшей приобретенные опыт и знания в своей диссертации, посвященной некрополям Синдики VI–II вв. до н.э., а также в статье об особенностях подкурганных погребений античного времени, совершенных по обряду сожжения [Коровина, 1964а; 1964б; 1967а]. Большой за-

службой А.К. Коровиной, археолога-антиковеда, является внимание, которое было уделено ею памятникам эпохи бронзы на Таманском полуострове. Первая по этой теме статья, написанная в плане постановки вопроса, была опубликована именно ею [Коровина, 1964].

В 1964 и 1965 гг. в связи со строительством шоссе Сенной – Тамань были проведены большие работы по исследованию грунтового могильника Фанагории, находившегося к востоку от Керамика. Работами на трех отдельных участках руководила А.К. Коровина. На площади более 2 тыс. кв. м ею за два сезона было раскопано 334 погребения эллинистического и римского времени (от III в. до н.э. до IV в. н.э. включительно) [Коровина, 1965; 1967; 1987]. Эти исследования во многом обрисовали характер погребального обряда и существенно прояснили состав рядового населения Фанагории того времени, выявив две противоположно направленные тенденции: с одной стороны – заметную эллинизацию погребального обряда, связанную, по мнению А.К. Коровиной, с новой волной переселенцев-греков во II в. до н.э. в начальный период правления Понтийского царя Митридата VI Евпатора, и с другой – проникновение в погребальный обряд еще раньше, начиная с III в. до н.э., черт, связанных с обычаями соседних с Фанагорией варварских племен и отражающих начальный этап процесса сарматизации [Коровина, 1987. С. 97].

В 1959–1971 гг. исследования грунтового могильника и городища в поселке Пересыпь (так называемой Тирамбы) проводилось экспедицией ГМИИ под руководством А.К. Коровиной. В работах участвовали сотрудники музея И.Р. Пичилян и С.И. Финогенова. На городище, почти полностью разрушенном морем, было раскопано около 200 кв. м, на некрополе, также интенсивно разрушаемом, исследовано 163 погребения. Основные результаты этих раскопок отражены в ряде статей [Коровина, 1963; 1963а; 1968; 1969; 1987б]. Эти исследования в значительной мере прояснили характер памятника, существовавшего с конца VI в. до н.э. до III в. н.э., определили основу хозяйственной жизни городища и его значение как восточного форпоста в единой системе обороны Киммерийского острова на рубеже эпох. В погребальном обряде некрополя не выявлено ничего, что решительно отличало бы его от могильников Фанагории, Гермонассы, Кеп и Тузлы, однако в нем были прослежены некоторые особенности, которые позволили поставить вопрос о присутствии в могильнике погребений представителей местного племени дандариев [Масленников, 1977; Коровина. 1981а].

После семилетнего перерыва в 1965 г. были возобновлены раскопки Таманского городища. В 1965–1970 гг. их возглавляла И.Б. Зеест (ИА АН СССР), в 1971 г. она передала руководство экспедицией А.К. Коровиной (ГМИИ). В рассматриваемое время И.Б. Зеест проводила исследования преимущественно на Нагорном раскопе, разбитом в центральной части городища [Зеест, 1966а; 1967; 1968а; 1969; 1970; 1971]. В результате работ ею были уточнены границы античной Гермонассы в архаический период и планировка города в античное и раннесредневековое время, определена стратиграфия культурных напластований Гермонассы, насчитывающая 18 слоев от

первой половины VI в. до н.э. до IV в. н.э. включительно, выявлены особенности экономического развития античного города, уточнены место возникновения и время первого расцвета раннего поселения [Зеест, 1968; 1974; 1975; 1977]. Корреляция стратиграфии культурного слоя была проведена в юго-западной, центральной и северо-восточной частях городища. Исследования памятника были продолжены А.К. Коровиной на Северном и Нагорном раскопах [Зеест, Коровина, 1972; Гольдштейн, Коровина, Финогенова, 1974; Коровина, 1974а]. На Нагорном раскопе было продолжено раскрытие монументального жилого дома IV–III вв. до н.э. с перистильным двором и полихромной штукатуркой на стенах – одного из самых ранних сооружений этого типа в Северном Причерноморье. Находкам того периода (как отдельным предметам, так и категориям вещей и объектов) посвящен ряд публикаций индивидуального и обобщающего характера [Зеест, 1966; Цветаева, 1966а; Белова, 1967; 1984; Голенко, 1972; Грач, 1974; Коровина, 1974].

В рассматриваемое время археологические исследования на Таманском полуострове осуществлялись не только большими экспедициями, но и скромными по своим масштабам отрядами (экспедициями), проводившими работы в течение одного сезона, раскапывавшими один объект или курган. В 1957 и 1962 гг. А.А. Формозовым в песчаном карьере Цымбалы у поселка Сенной были найдены два каменных предмета: типичный древнепалеолитический отщеп и дисковидное изделие [Формозов, 1965. С. 40]. Это, на первый взгляд, незначительное событие в свете недавнего открытия раннепалеолитических стоянок около поселка За Родину приобретает совершенно новое значение [Паромов, Гей, 2005. С. 320, 321]. В 1961 и 1962 гг. после девятилетнего перерыва к исследованиям Патрея удалось вернуться А.С. Башкирову. Сотрудниками возглавлявшейся им археологической экспедиции МГПИ им. В.П. Потемкина были продолжены работы на Патрейской крепости-батареке и заложены два новых раскопа к востоку и западу от нее [Башкиров, Мурыгина, Никонов, 1964. С. 238–249; Паромов, 1993а. С. 138, 139. № 4–6]. В 1963 г. В.И. Горемыкиной (Белорусский ГУ им. В.И. Ленина) был исследован курган Гаркуша-2, наиболее ранним в котором являлось мужское погребение с чертами позднемайкопской, кемиобинской и дольменной культур, относящееся к локальной группе таманских погребений раннего бронзового века [Арх. ИА: № 2772. Л. 3–11; Паромов, Гей, 2005. С. 330]. В 1967 г. Б.Г. Петерсом (Азово-Черноморская подводная экспедиция ИА АН СССР) проводились работы по обследованию каменной гряды у косы Чушка (Арх. ИА: № 3437). В 1971 г. А.Ф. Ивановым и Л.Г. Мацкевым (Кубанский ГУ) к западу от поселка Кучугуры был найден «сланцевый отщеп палеолитического облика» и по нескольким каменным предметам отмечены два пункта, условно датированные мезолитом-неолитом [Иванов, Мацкевой, 1974. С. 108; Паромов, Гей, 2005. С. 321]. Ввиду недостаточной документированности сообщения участников экспедиции Кубанского университета можно принять лишь к сведению.

В рассматриваемый период (1957–1973 гг.) значительно обогатилась литература по античной археологии Северного Причерноморья. Особо следует отметить

хозяйственной деятельностью. В кургане были открыты семь погребений эллинистического времени. Особого внимания заслуживает захоронение девочки в каменном ящике, содержавшее редкий комплекс из 18 терракотовых статуэток, золотые украшения и другой инвентарь [Сорокина, Николаева, Стручалина, 1977; Сорокина, Воронов и др., 1978; 1979; Сорокина, 1985; Усачева, 1983].

В 1975 г. руководство Фанагорийской экспедицией ИА АН СССР перешло к В.С. Долгорукову. В ее работах принимали участие В.Д. Кузнецов, А.А. Масленников, О.Н. Усачева и Т.Г. Шавырина. В рассматриваемый период, как и ранее, исследования шли в нескольких направлениях. На городище они были продолжены на двух старых раскопах (Город А, Центральный) и начаты еще на трех участках (Верхний город, Южный пригород и Южный город). В грунтовых могильниках были разбиты три новых раскопа (Некрополь М, Юго-западный некрополь и Восточный некрополь) [Кобылина, 1975а; 1975б; Долгоруков, Масленников, Шавырина, 1975; Басовская, Долгоруков и др., 1977; 1978; Кузнецов, Масленников, Шавырина, 1979; Шавырина, 1983; Паромов, 1993. С. 126, 135, 139–141. № 24, 60, 75–81]. На городище были продолжены исследования храмового здания V–IV вв. до н.э., вновь открыты жилой квартал из четырех домов архаического города второй половины VI – начала V в. до н.э., а также неизвестные ранее полуземляночные дома рубежа VI–V и V вв. до н.э., исследована керамическая обжигательная печь II в. н.э., вскрыты средневековые и позднеантичные слои на новых участках. Из наиболее важных находок следует упомянуть первую фанагорийскую проксению, мраморный торс Афродиты «хорошей греческой работы», датирующийся III в. до н.э., глиняный штамп с изображением богини Тихэ и золотой статер Лисимаха IV–III вв. до н.э. На Юго-Западном некрополе было исследовано 72 погребения эллинистического времени и первых веков нашей эры. В более ранних погребениях отмечена преимущественно восточная ориентация, в более поздних – различные вариации северной, что может свидетельствовать о сарматском влиянии. Следует отметить, что ряд безынвентарных могил относится, видимо, к раннесредневековому времени. Раскоп Восточный некрополь имел два участка. На первом исследовано 63 погребения II–I вв. до н.э.: у 6 погребенных ноги были перекрещены, у 17 кисти рук находились в области таза, 5 погребений было совершено в скорченной позе, что также может свидетельствовать о значительном сарматском влиянии. Это же можно отметить относительно второго участка Восточного некрополя, где было исследовано шесть подбойных могил II в. до н.э. и пять погребений эллинистического времени в каменных ящиках. На Некрополе М, расположенном на вытянутом в широтном направлении уплощенном возвышении к востоку от городища, было выявлено пять погребений, относящихся ко времени с IV–III вв. до н.э. до III–IV вв. н.э. Среди них по богатству инвентаря следует отметить погребение III–II вв. до н.э., совершенное в каменном ящике [Долгоруков, Масленников, Шавырина, 1975; Кузнецов, Масленников, Шавырина, 1979; Шавырина, 1983; Паромов, 1993. С. 139–141. № 75, 78, 80, 81]. Для рассматриваемого периода характерно сокращение публикации результатов раскопок,

осведшихся практически только в «Археологических открытиях», а также статей обобщающего характера [Кобылина, 1974; 1975; 1978; 1978б; Долгоруков, 1986а]. Новым явлением в практике Фанагорийской экспедиции было проведение рекогносцировочных раскопок на трех сравнительно удаленных от базы укрепленных поселениях античного и средневекового времени: у горы Нефтяной – Старотитаровская-14 у Вышестеблиевской – Вышестеблиевская-11 и Токарево – Старотитаровская-15. Первое расположено на южном берегу Ахтанизовского, два последних – на северном берегу Кизилташского (Кубанского) лиманов. На первом поселении был зафиксирован слой V–IV вв. до н.э. как самый ранний и выявлена «мощная сырцовая стена»; на втором – «внешний край крепостной стены и начало рва», а также строительные остатки II–IV вв. н.э.; на третьем памятнике исследовалась центральная часть небольшой крепости, где были зафиксированы слои IV–III вв. до н.э., I в. до н.э. – I в. н.э. и I–II вв. н.э. [Долгоруков, Масленников, Шавырина, 1975; Басовская, Долгоруков и др., 1978; Паромов, 1992. С. 575–578, 616–624. № 183, 202, 203]. В 1974 г. вблизи поселка Солёный, на северном склоне горы Яновского В.С. Долгоруковым было произведено исследование двух погребений эпохи ранней бронзы, обнаруженных при плантажной распашке по вывернутым плугом необработанным каменным плитам перекрытия и обкладки одной из могил [Долгоруков, Масленников, Шавырина, 1975]. Скорее всего, эти погребения происходили из разрушенного кургана Сенной 274. В 1976 г. Фанагорийская экспедиция приступила к исследованию большого кургана, расположенного к югу–юго-западу от городища (курган Сенной 277). В нем было выявлено девять погребений «различного типа», из которых выделяется грунтовый склеп – семейная усыпальница II в. до н.э. – I в. н.э. с 15 захоронениями в кипарисовых гробах и саркофагах, сопровождавшимися многочисленным и разнообразным инвентарем: изделиями из драгоценных металлов, дерева, стекла и т.д. [Басовская, Долгоруков и др., 1977; 1978].

На Таманском городище в рассматриваемый период (1974–1980 гг.) исследования были продолжены на двух раскопах – Северном и Нагорном и начаты еще на одном – Восточном. Раскопки производились экспедицией ГМИИ под руководством А.К. Коровиной, с 1973 г. в них принимала участие С.И. Финогенова. На Северном раскопе были открыты фундаменты монументальной постройки IV–III вв. до н.э. с жертвенником, фундаменты строений III–II вв. до н.э., гончарная печь для обжига мелкой посуды II–I вв. до н.э., остатки постройки I в. н.э. и помещение римского времени. Среди находок следует отметить две терракотовые статуэтки Деметры, связанные с жертвенником. На Нагорном раскопе открыта вымостка первой половины V в. до н.э., дом IV в. до н.э., двор пританея IV–III вв. до н.э., жилой дом с двориком, относящийся к IV в. н.э. Среди находок в публикациях выделены бронзовые наконечники стрел, фрагмент панафинейской амфоры, донца чаш с рельефными изображениями менады, а также Исиды и Сераписа, мерные сосуды с клеймом агораномы Аполлодора, две золотые византийские монеты IX и X вв. На Восточном раскопе был

снят лишь верхний слой, среди находок преобладали материалы XIII в. [Коровина, 1976; 1977; 1979; 1980; 1981].

В 1978 г. В.А. Сафроновым (экспедиция Северо-Осетинского университета, Орджоникидзе) были исследованы четыре кургана, находившиеся в юго-западной части Таманского полуострова, вблизи поселка Веселовка (курганы Веселовка-13–16). Все курганы относились к эпохе бронзы. Из 17 погребений, найденных в них, два датируются временем ранней бронзы (одно принадлежит майкопской культуре, конец IV – первая четверть III тыс. до н.э.), три погребения – ко времени средней бронзы (к катакомбной культурно-исторической общности, XXIII–XVIII вв. до н.э.), 10 погребений – к античной эпохе (римское время, I–IV вв. н.э.), два последних – к раннесредневековому времени (хазарский период, VIII–IX вв.). В одном из них, совершенном в каменном ящике, было выявлено вторично использованное иудейское надгробие, обозначившее таким образом третий на Таманском полуострове пункт (после Фанагории и Гермонассы), где зафиксированы подобные находки. К сожалению, эти исследования почти не отражены в литературе [Арх. ИА: № 7500; Николаева, Сафронов, 1981. С. 9].

В рассматриваемый период было опубликовано несколько фундаментальных исследований обобщающего характера, включавших в себя материалы из раскопок на Таманском полуострове, посвященных античным бусам [Алексеева, 1975; 1978], сельскому хозяйству Боспора [Кругликова, 1975], античным инталиям [Неверов, 1976], Тмутараканскому камню [Медынцева, 1979]. Ряд статей в периодической литературе и научных сборниках касался эпиграфических материалов из раскопок Фанагории, этнического состава населения боспорских городов и специфических черт погребального обряда, терракотовых статуэток из раскопок городищ и могильников, гемм, филигранных бус классической эпохи, денежного обращения Боспора в римское время, фрагментов расписных аттических блюд IV в. до н.э., найденных на Боспоре [Белова, 1977; Герасимова, 1976; Грач, 1974а; Кобылина, 1974а; 1974б; 1978а; Коровина, 1974б; Масленников, 1976; 1978; Неверов, 1974; 1976а; Силантьева, 1979; Финогенова, 1976; 1976а; 1978; Фролова, 1974; Циммерман, 1979].

Следующий этап археологических исследований Таманского полуострова приходится на 1981–1991 гг. Это время связано преимущественно с работами так называемых новостроечных и хоздоговорных экспедиций. Следует отметить, что их появление было продиктовано жизнью и вошло в практику экспедиционной деятельности значительно ранее указанного срока. По сути, упоминавшиеся выше раскопки 16 курганов Фанагорийской экспедицией в 1960 г. и раскопки Юго-восточного некрополя Фанагории в 1964–1965 гг. являлись хоздоговорными работами, связанными с землеустройством и дорожным строительством. То же самое можно сказать о раскопках в 1960-е гг. Н.И. Сокольским и Н.П. Сорокиной курганного и грунтового некрополей Кеп, связанных с расширением пескокарьера. Раскопки известного Таманского толоса и резиденции Хрисалиска у поселка За Родину, производившиеся Н.И. Сокольским в 1971–1973 гг., были связаны с прокладкой

бронзолитейщика и литейной печи, датированных концом VI – первой третью V в. до н.э. К IV в. до н.э. относились остатки здания, от которого сохранился подвал и частично несколько помещений. Во II–III вв. н.э. этот район города приобрел характер ремесленно-производственного квартала, о чем свидетельствуют найденные здесь остатки керамических обжигательных печей. К средневековому времени относились найденные здесь остатки фундамента жилого дома и каменно-керамические вымостки [Долгоруков, 1991. С. 43; Паромов, 1993. С. 139. № 76]. На новом раскопе Берег, доведенном до глубины 1,4 м, был выявлен культурный слой второй половины IX – начала X в., в котором обнаружены фундаменты крупного здания. На раскопе Могильник МТФ за четыре сезона исследовано 19 погребений (четыре из них – земляные склепы), датирующихся преимущественно римским временем. Экспедицией были предприняты также небольшие по объему раскопки охранного характера, производившиеся в разных частях могильника Фанагории. Большей частью они представляли доследование разрушавшихся погребений античного времени (раскопы Могильник ЗБН, Могильник Ц, Грунтовый склеп на Восточном некрополе, Погребение у холма И). Некоторые из этих захоронений были безынвентарными, не имевшими точной датировки [Паромов, 1993. С. 141, 142. № 83–88].

Особого внимания заслуживает Береговой стратиграфический раскоп, разрабатывавшийся в 1982–1985 гг. отдельным отрядом под руководством А.Г. Атавина на скромные бюджетные средства. Конкретной целью его работ было исследование средневековых слоев Фанагории и уточнение их стратиграфии в центральной части Нижнего города. Выявленные объекты (преимущественно каменные фундаменты) относились к пяти строительным периодам: от IV до начала X в. Раскопки принесли опорный для датировки материал по двум важным категориям керамики: лощеным сосудам и красному лаку, а также позволили автору разработать стратиграфическую шкалу, отражающую основные этапы жизни Фанагории с V до начала X в. [Атавин, 1984; 1986; 1987а; 1988. С. 21–23; 1992; 1993]. При жизни А.Г. Атавин не успел обобщить свои исследования. Они увидели свет спустя три десятилетия, войдя в большую книгу, посвященную раннесредневековой Фанагории [Чхаидзе, 2012]. Необходимо отметить, что их публикация стала возможной лишь благодаря усилиям В.Н. Чхаидзе по их обработке, систематизации и доведению до печати.

В рассматриваемый период (1981–1991 гг.) значительно увеличилось число публикаций, посвященных Фанагории. К ним относятся обобщающие очерки, статьи, в которых рассматривается ранняя история античного города, значение Фанагории в системе Боспорского царства, фанагорийские наемники, место Фанагории среди одного с ней времени памятников Северного Причерноморья, влияние природной среды на существование города в античное и средневековое время. Отдельные статьи были посвящены топографии ранней Фанагории, раннеантичным амфорам и торговым связям, святилищу на Майской горе и культовому комплексу на южной окраине города. Было опубликовано несколько новых фанагорийских надписей,

терракотовых статуэток и других находок, защищена диссертация, посвященная населению Фанагории в римское время, опубликованы средневековые погребения из некрополей [Атавин, 1986а; 1987; 1988; Виноградов, 1991; Даньшин, 1991; Горлов, 1986; Гуров, 1983; Долгоруков, 1984; 1989а; 1990; Завойкин, 1986; 1992; 1992а; 1992б; Кобылина, 1983; 1989; Крыкин, 1987; 1987а; Неверов, 1981; Финогенова, 1991; Яйленко, 1986].

Благодаря финансовой поддержке краснодарских организаций Э.Я. Николаевой удалось в течение всего рассматриваемого периода продолжать исследования Ильичевской батареейки – единственного в своем роде памятника – ранневизантийской крепости на поселении Ильич-1, раскопки которой были начаты Н.И. Сокольским еще в 1964 г. Однако только в 1980-е гг. была полностью выявлена, скорее всего, подлинная историческая сущность этого укрепления, идентифицированного Э.Я. Николаевой с византийской крепостью на Боспоре – Трапезунтой, упоминаемой Йорданом [Николаева, 1983; 1983а; 1984; 1985; 1985а; 1986; 1987; 1988; 1989; 1990; 1991]. Раскопки памятника дали огромное количество материала ранневизантийского времени (V–VII вв. н.э.): амфор, краснолаковой керамики, изделий из металла, кости, дерева и стекла, несколько кладов монет, множество бронзовых фибул и других украшений. Комплекс находок из раскопок крепости послужил катализатором в уточнении хронологии Боспора в ранневизантийское время [Сазанов, 1989; 1989а].

В связи с расширением МТФ у поселка Красноармейский силами отдельного отряда под руководством Ю.М. Десятчикова (1979 г.), в дальнейшем (1986–1990 гг.) – Запорожской экспедиции ИА, возглавлявшейся М.В. Калашниковым, производились раскопки поселения античного и средневекового времени Красноармейский-1 и его могильника. На первом этапе (1979 г.) раскоп вел И.В. Новиков. На поселении были открыты жилищно-хозяйственные комплексы эллинистического и римского времени, на грунтовом могильнике – захоронения в земляных склепах, относящиеся к ранневизантийскому времени (V–VII вв.), до этого на Таманском полуострове не встречавшиеся [Калашников, 1989; 1991; 1992; Сазанов, 1989. С. 42, 57; Десятчиков, Мирошина, 1988].

В 1984–1986 гг., в связи со строительством очистных сооружений, около поселка Кучугуры исследовали некрополь большого поселения античного времени Кучугуры-2, расположенный к югу от поселка и включавший в себя несколько курганов и грунтовый могильник. Особый интерес представляют два кургана рубежа V–IV или начала IV в. до н.э., раскопанные Ю.М. Десятчиковым в 1984 г. Каждый из них содержал одно погребение, совершенное в склепе из сырцового кирпича с примыкавшей с юга конской гробницей. Склепы были ограблены, однако сохранившийся материал (оружие и конское снаряжение, выполненное в зверином стиле) позволил отнести эти погребения к скифскому кругу. Псалии с ажурными щитками, найденные Ю.М. Десятчиковым, идентичны псалиям из Семибратних курганов и псалиям из кургана у мыса Тузла, раскопанного К.Р. Бегичевым в 1852 г. [Коровина,

1957. С. 183–185; Переводчикова, 1987. С. 44–58; Паромов, 2016. С. 170, 171]. В грунтовом могильнике, исследованном Т.В. Мирошиной и М.В. Калашниковым в 1985, 1986 гг., были выявлены земляные склепы, погребения, совершенные по обряду сожжения и захоронения в простых ямах, относящиеся к IV–I вв. до н.э. В 1986 г. на южном краю могильника А.М. Смирновым (сотрудником экспедиции) был раскопан курган эпохи бронзы. Наиболее раннее погребение в нем относилось к новосвободненской – нижнемихайловской группе (ранняя бронза), а наиболее позднее – к срубной культуре времени поздней бронзы [Десятчиков, Мирошина, 1988; Паромов, Гей, 2005. С. 332].

После большого перерыва в 1985 г. возобновились раскопки Патрея, производившиеся экспедицией ИА под руководством Б.Г. Петерса (1985–1989) и А.П. Абрамова (1990–1991). В ее исследованиях принимали участие А.Г. Атавин, Д.С. Коробов, Г.А. Ломтадзе, Т.Д. Николаенко, Я.М. Паромов, Н.И. Сударев. Раскопки были связаны со строительством пансионата шахтеров. Исследования носили комплексный характер и шли по нескольким направлениям. Ценные результаты для уточнения античного и средневекового периодов существования памятника дали раскопки, выявившие топографию и структуру городища. Впервые на Таманском полуострове были найдены и исследованы хозяйственные комплексы эпохи поздней бронзы – раннего железного века (конец II – начало I тыс. до н.э.), скрытые почти на всей территории полуострова примерно полуметровым слоем эоловых отложений. Обследование виноградников по выработанной в экспедиции методике позволило выявить структуру и границы поселения в различные исторические периоды. Среди объектов античного времени следует выделить склад амфор второй четверти V в. до н.э., представлявший, вероятно, подвальное помещение одной из усадеб раннего Патрея. Следует отметить, что коллекция амфорного материала из раскопок городища позднее явилась базой обобщающего исследования по типологии раннеантичных амфор [Абрамов, 2009]. Южная часть Патрейского городища в настоящее время затоплена морем. Ее исследованием с 1991 г. занимался отдельный отряд под руководством В.Н. Таскаева. Им были открыты остатки строений нескольких усадеб Нижнего города, два городских колодца, несколько комплексов раннеантичных амфор, хранившихся, вероятно, в подвалах, как и исследованный на суше амфорный склад. Эти работы имеют особое значение для выявления городской планировки в раннеантичный период [Петерс, 1987; 1988; 1989; 1991; Иванчик, Петерс, 1988; Абрамов, 1994; Абрамов, Пиунова, 1995; Абрамов, Сазанов, 1991; 1992; Таскаев, 1992].

В 1982–1987 гг. О.В. Богословским, возглавлявшим экспедицию Краснодарского музея, в связи со строительными работами были исследованы пять курганов и частично грунтовый могильник. Непосредственное участие в этих исследованиях принимал Л.И. Верещинский. Первым был раскопан курган Старотитаровская, 78, находившийся к западу–юго-западу от станицы. Он содержал два погребения и два конских захоронения с железными S-овидными псалиями в основной (ограбленной)

могиле. Оба погребения датированы IV в. до н.э., однако, судя по стратиграфии насыпи, курган мог быть сооружен еще в доантичное время. Два кургана (Старотитаровская-28 и 29) находились к северу от станицы. Оба относились к эпохе бронзы. В первом было найдено семь впускных погребений и выявлен кромлех. Основное погребение и вся центральная часть этого кургана были разрушены еще в древности. Одно из впускных погребений датируется временем средней бронзы (XXIII–XVIII вв. до н.э.), остальные шесть – средневековые, мусульманские. Стратиграфическая связь раннего погребения с кромлехом и второй насыпью могут свидетельствовать о том, что курган был сооружен в предшествующее время. Второй курган (Ст 29) содержал пять погребений, основное относилось к эпохе ранней бронзы (III тыс. до н.э.). Два из четырех впускных погребений являлись позднесрубными (XIII–XI вв. до н.э.), два погребения были совершены в античное время [Паромов, Гей, 2005. С. 333]. Два кургана (Таманский-41 и 42) находились к югу от поселка. Оба были сооружены в античное время. В первом найден каменный склеп со ступенчатым сводом, близкий по конструкции склепам из кургана Большая Близница. В склепе было совершено около двадцати захоронений. Почти половина из них представляла собой сожжение, остальные – ингумацию. Склеп служил семейной усыпальницей в IV – I вв. до н.э. Во втором кургане было выявлено 10 погребений, датирующихся концом V – III в. до н.э. Основным являлось захоронение «воина», относящееся к концу V в. до н.э. Судя по инвентарю и присутствию в погребениях напутственной пищи, большинство могил представляло собой захоронения эллинизированного местного населения. Пространство между курганами занимал грунтовый могильник. Открытые в нем погребения по обряду и сопутствующим вещам близки захоронениям в кургане Тм 42, датированы V–IV вв. до н.э. Исследования О.В. Богословского и Л.И. Верещинского не опубликованы, сведения о них основаны на материалах из Архива ИА РАН (№ 8977, 11223, 11583, 12555).

В 1988 г. экспедицией Краснодарского музея под руководством А.В. Кондрашева на землях свх. «Комсомольский» (к востоку от Темрюка) были раскопаны два кургана, попадавшие в зону плантажной распашки. Единственное захоронение, найденное в одном из них, относилось к позднему этапу древнеямной культуры. Во втором кургане было выявлено 20 погребений, два из которых, судя по керамике и обряду, были совершены в эпоху средней бронзы. В период раннего железного века курган использовался обитавшими здесь племенами синдов или дандариев как место захоронения. Все 18 погребений этого времени датируются в пределах IV–II вв. до н.э. Отдельные захоронения отличаются сравнительно богатым погребальным инвентарем (Арх. ИА: № 12623).

К началу 1980-х гг. особо актуальной стала задача сплошного обследования Таманского полуострова, необходимого в целях учета и охраны памятников в связи с расширением работ по землеустройству, проектированием поливных виноградников и проведением других строительных работ. В 1981 г. в Институте археологии был создан Таманский разведочный отряд под руководством Я.М. Паромова. Исследования,

проводившиеся в 1981–1985 и 1989 гг., финансировались Краснодарским отделением ВООПИК и проектным институтом «Кубаньгипроводхоз». В них принимали участие А.Г. Атавин, А.А. Воронов, М.И. Гоняный, В.И. Завьялов, Т.Д. Николаенко, О.Н. Усачева. С самого начала было ясно, что задачи, поставленные перед отрядом, традиционными методами археологических разведок неразрешимы. Наши исследования строились на новых методических основах с привлечением современных крупномасштабных топографических карт и аэрофотосъемок [Паромов, 1983; 1986; 1987; 1989; 1989а; 1990; Воронов, Николаенко, Паромов, 1985; 1987; Воронов, Николаенко и др., 1984; Воронов, Паромов, 1987; 1989; 1990; Николаенко, Паромов, 1986]. Итогом исследований явилась «Археологическая карта Таманского полуострова», депонированная в ИНИОН РАН [Паромов, 1992], включающая описания 237 поселений эпохи поздней бронзы, античного и средневекового времени (более половины ранее неизвестных) и около 500 курганов (рис. 3). В депонированную рукопись не вошли разделы о древних дорогах и земельных наделах [Паромов, 1992а. С. 135; 1998; 2000]. Работа над картой была продолжена в 1990–2010 гг.

Необходимо отметить, что для археологии Таманского полуострова новостроечные и хозяйственные экспедиции имели большое значение. Исследование разрушаемых памятников, открытие неизвестных поселений, могильников и курганов не только способствовали делу охраны культурного наследия, но и существенно обогатили науку, расширив общие представления и круг источников. Особо следует сказать, что огромный по численности массовый материал явился фундаментом, опираясь на который стало возможным по-новому подходить ко многим проблемам. В рассматриваемое время только в трех пунктах Таманского полуострова раскопки проводились на бюджетные средства: на городище Кепы, на поселении Юбилейный-1 и на Таманском городище. В 1984–1989 гг. В.Д. Кузнецовым (ИА АН СССР) были продолжены исследования городища Кепы, начатые Н.И. Сокольским в 1950–1960-е гг. На раскопе, разбитом в северо-западной части городища у спуска к заливу, был выявлен культурный слой II–III вв. н.э., что объясняется неоднократными более ранними планировочными и укрепительными работами – устройством террас с каменными лестницами, каменными и каменно-керамическими вымостками. Из строительных остатков здесь сохранились лишь подвал с десятью пифосами и часть фундаментов зданий. Особенностью исследованного участка городища было множество хозяйственных ям (только самых ранних – около 40). Нижняя часть их отчетливо выделялась в материковом песке и содержала фрагменты амфор архаического, классического и эллинистического времени, фрагменты лепной посуды, светильников, терракот, чернолаковой посуды, ткацкие и рыболовные грузила, а также другие находки, среди которых следует отметить инталию с изображением Афины. Из этих находок составила многочисленная репрезентативная коллекция ранней расписной керамики, преимущественно второй и третьей четверти VI в. до н.э.: ионийской, хиосской, коринфской и аттической [Кузнецов, 1991; 1991а; 1992; 1996; Kuznetsov, 2001. Р. 331–342; 2003. Р. 895–897].

В 1983–1993 гг. Восточно-Боспорской экспедицией ГМИИ (в 1983, 1984 – отрядом) под руководством Е.А. Савостиной на поселении античного времени Юбилейный-1 производились раскопки укрепленной усадьбы I в. до н.э. – I в. н.э. Ее исследование было предпринято в связи с находкой при плантажной распахке выдающегося памятника – мраморного надгробного рельефа IV в. до н.э. с изображением воина. В процессе раскопок выяснилось, что при сооружении усадьбы в качестве строительного камня были использованы уникальные памятники IV–III вв. до н.э. В кладке фундамента были найдены известняковые фрагменты фриза с изображением амазонок, сражающихся с варварами. Третьим замечательным памятником, открытым на поселении, стала мраморная стела – надгробие с фигурами двух воинов в коринфских шлемах, лежавшее в одном из помещений лицом вниз. При раскопках были найдены также многочисленные детали разбитого антаблемента ионийского ордера, фрагменты мраморного лутерия и т.д., относящиеся к тому же времени, что и рельефы [Савостина, 1987; 1989; Savostina, 1987; Паромов, 2001a. С. 80–82)] Надгробию с двумя воинами и рельефу со сценой сражения посвящены две книги, вышедшие позже: «Таманский рельеф. Древнегреческая стела с изображением двух воинов из Северного Причерноморья» (М., 1999) и «Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?)» (М.–СПб., 2001). Обе книги, ответственным редактором которых является Е.А. Савостина, представляют собой коллективные монографии, объединяющие труды ряда ученых – археологов и историков искусства из России, США, Франции, Швейцарии и Германии.

В рассматриваемый период исследования на Таманском городище были продолжены на двух раскопах (Северном и Нагорном) и начаты еще на одном – Северо-Восточном. На Нагорном раскопе была открыта первая гермонасская винодельня II–III вв. н.э., на Северном – вторая, относящаяся к тому же времени. Как и первая, она имела несколько давяльных площадок и цистерн и была типичной для Боспора того периода крупной промышленной винодельней. На том же раскопе были исследованы остатки здания IV в. до н.э. – подвал и фундаменты. На обоих раскопах (Северном и Нагорном) выявлены слои раннесредневекового времени с характерным амфорным материалом и краснолаковой посудой V–VI вв. н.э., на которой оттиснуты различные изображения христианских символов [Коровина, 1983; 1985; 1987в; 1987г; 1992. С. 27–32]. Следует сказать, что 1986 г. был последним экспедиционным сезоном Анны Константиновны Коровиной, почти всю жизнь отдавшей археологии Таманского полуострова и более четверти века – исследованию Таманского городища. Среди археологов-антиковедов она была редким ученым, сознававшим ценность не только античных памятников, но и памятников других эпох. С равным вниманием А.К. Коровина исследовала и те и другие. В тот же период на Таманском городище действовала Тмутараканская экспедиция Краснодарского музея, которой последовательно руководили О.В. Богословский и И.Н. Богословская. Ее задачей являлись охранные раскопки средневековых слоев и подготовка памятника к музеефикации (предполагалось создание так называемого музея под открытым небом). Раскопанная

площадь составила более 2,5 тыс. кв. м. Исследовались слои хазарского, тмутараканского, домонгольского и золотоордынского периодов, относящиеся к VII–XV вв. Их мощность достигала 6 м. Анализ многочисленных строительных остатков и массовой керамики привел авторов к убеждению, что приазовский вариант салтовомаяцкой культуры, возникший в Тамани на рубеже VII–VIII вв., без существенных изменений оставался доминирующим вплоть до золотоордынского времени [Богословская, Богословский, 1992]. В ряде работ, посвященных исследованиям Таманского городища, рассматривалась история Гермонассы в эллинистический и позднеантичный периоды; публиковались надписи, надгробные рельефы и архитектурные детали, архаическая и поливная керамика, краснофигурные вазы, колхидские дидрахмы и византийские золотые монеты, найденные на городище, стеклянные браслеты, бронзовая личина из Тмутаракани [Арзаманов, 1989; Богословский, 1987; Болтунова, 1989; Вартанов, 1982; Давыдова, 1990; Коровина, 1983а; 1984; 1986; Пичилян, 1987; Плетнева, 1987; Розов, 1987; Сидорова, 1987; Финогенова, 1987]. В тот же период вышли два представительных альбома, посвященных античной скульптуре и античной расписной керамике из собрания ГМИИ, включавшие известные таманские находки (Античная скульптура... 1987; Сидорова, Тугушева, Забелина, 1985). К рассматриваемому времени относятся первые свидетельства о древних якорях у Кавказского побережья, в том числе около берегов Таманского полуострова – у мыса Панагия и мыса Железный Рог [Кондрашев, 1991; 1993; Kondrashov, 1995]. Эти данные по-новому позволили взглянуть на историю мореплавания у берегов Северо-Восточного Причерноморья в эпоху бронзы, античное и средневековое время. С 1992 г. экспедиция Краснодарского музея под руководством А.В. Кондрашева приступила к постоянным подводным исследованиям в районе мыса Тузла и мыса Панагия – двух важнейших пунктов древней навигации.

Одним из главных событий в литературе, относящейся к памятникам археологии Таманского полуострова, в данный период был выход в серии «Археология СССР» книги «Античные государства Северного Причерноморья» (АГСП. 1984). В разделах, посвященных городам Фанагории, Гермонассе, Кепам, Патрею, Тирамбе, а также поселению у поселка За Родину [Долгоруков, 1984; Коровина, 1984; 1984а; Усачева, Сорокина, 1984; Десятчиков, Долгоруков, 1984; Сорокина, 1984], эта книга вполне отвечала уровню знаний того времени, однако в разделах, касающихся сельской территории и курганов, являлась устаревшей [Десятчиков, Долгоруков, Алексеева, 1984; Долгоруков, 1984а]. В рассматриваемое время были изданы монографии по античным бусам Северного Причерноморья, монетному делу Боспора, антропологии античного и средневекового населения, населению Боспорского государства в VI–II вв. до н.э. и в римское время, античным геммам и камням из собрания Эрмитажа, морскому делу и косторезному ремеслу в Северном Причерноморье, терракотам и истории Боспора в VI–IV вв. до н.э. [Алексеева, 1982; Анохин, 1986; Герасимова, Рудь, Яблонский, 1987; Масленников, 1981; 1990; Неверов, 1983; 1988; Петерс, 1982; 1986; Хачатурова, 1987; Шелов-Коведяев, 1985]. Отдельным сборником были переизданы

рание статьи В.Д. Блаватского (1985), в серии «Дорога к прекрасному» вышла книжечка о древностях Боспора Киммерийского [Воронов, Михайлова, 1983]. В ряде работ освещались вопросы экономических связей, политической и экономической истории Боспора [Абрамов, 1990; Виноградов, 1991; Латышева, 1991; Сазанов, 1986; 1991; Толстиков, 1984; Фролова, 1982; 1989; Яйленко, 1989; 1990; 1990а; 1990б], исследовались проблемы синхронизации и датирования раннеантичных и средневековых керамических комплексов, обращения пантикапейской меди, публиковались материалы по боспорской эпиграфике, раннебоспорским монетам, редким монетным находкам, раннеантичным граффити, терракотовым статуэткам и другим артефактам [Волков, 1991; Емец, 1991; Завойкин, 1988; Коровина, 1983б; Мирошина, Сазанов, 1990; Розов, 1983; Сазанов, 1989б; Усачева, 1986; Шелов, 1982; Яйленко, 1987]. Отдельные работы были посвящены некрополям городов Азиатского Боспора и его населению в раннеантичное время, Ильичевскому городищу и локализации Апатура, палеогеографии Северного Причерноморья в VII–V вв. до н.э., а также истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова [Иевлев, 1987; Масленников, 1985; Николаева, 1989а; 1991а; Паромов, 1991; 1992а; Усачева, 1986а; Тохтасьев, 1986].

В отличие от дореволюционного времени, ориентированного на исследование богатых курганов, в советский период (1918–1991 гг.) для археологии юга России на первый план были выдвинуты задачи изучения памятников поселенческого характера, прежде всего античных городов Северного Причерноморья. Раскопки должны были дать материал для воссоздания их общего облика: топографии, характера ремесла, торговли, храмовых и общественных построек, жилья, обстановки частной жизни и, наконец, для реконструкции истории античных государств Северного Причерноморья. Эти цели ясно осознавались и были сформулированы еще в довоенное время (Тр. ГИМ. Вып. XVI. С. 3). К середине 1920-х годов античные города западной части Северного Причерноморья оказались более изученными, чем восточные, находившиеся на территории Керченского и Таманского полуостровов. На очередь встала задача развертывания раскопок крупных центров Боспорского царства: его столицы Пантикапея и так называемой столицы Азиатского Боспора – Фанагории, изучение которых отставало [Марченко, 1968. С. 3]. Необходимо отметить, что в масштабах страны советский период развития археологии был характерен двумя главными чертами. Первой из них – позитивной – являлось постепенное увеличение объема исследований: 33 экспедиции в 1924 г., 45 – в 1934, 48 – в 1947, 55 – в 1955 и т.д. Второй – негативной чертой – была крайняя неравномерность общего роста исследований, происходившая по разным причинам. Вполне понятным и объяснимым было почти полное свертывание работ в годы Гражданской и Великой Отечественной войны: 2 экспедиции в 1919 г. против 62 – в 1914; 4 экспедиции в 1942 г. против 42 – в 1940. Менее явным, однако довольно значительным было сокращение исследований в годы «Академического дела» и разгрома краеведения, борьбы с «буржуазным космополитизмом» и в год смерти И.В. Сталина: 21 экспедиция в 1931 г. против 46 – в

1929; 39 экспедиций в 1950 г. против 51 – в 1948; 43 экспедиции в 1953 г. против 47 – в 1952 и 54 – в 1954 (Археологические экспедиции 1919–1956 гг. Указатель. 1962. С. 224–263). Эти закономерности нашли отражение и в истории археологических исследований на Таманском полуострове, где, кроме указанных подъемов и спадов, некоторое сокращение работ происходило в 1956 и 1958 гг. в связи с отвлечением таманских археологов на раскопки Пантикапея и Аполлонии Иллирийской в Албании. Следует сказать, что начиная с 1958 г. на Таманском полуострове в рассматриваемое время работало не менее трех экспедиций в сезон. Максимальное их число – 11 зафиксировано в 1985 и 1991 гг.

В советский период наиболее важные и значительные открытия на Таманском полуострове были связаны с раскопками памятников поселенческого характера: городищ Фанагории, Таманского, Кеп и Патрея; крепостей-батареек, и прежде всего Ильичевской, а также Таманского толоса и резиденции Хрисалиска, исследования которых принесли замечательные материалы античного и средневекового времени. Не меньшее значение для науки имели и раскопки некрополей Фанагории, Тирамбы, Кеп, Гермонассы-Тмутаракани, могильников у поселков Красноармейский и Кучугуры. В рассматриваемый период были сделаны первые шаги в исследовании сельской территории античного времени – хоры, в изучении затопленной морем Фанагории и Гермонассы, в выявлении и исследовании системы расселения на Таманском полуострове в античное и средневековое время. В этот же период на территории полуострова были впервые со знанием дела раскопаны курганы эпохи ранней бронзы. Наряду с этими несомненными достижениями приходится признать, что в советский период, как и в дореволюционное время, Таманский полуостров по-прежнему рассматривался лишь как заповедник античной культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов А.П.* Экономические связи Патрея второй половины VI – начала V вв. до н.э. // Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей). Тезисы докладов. Часть вторая. Херсон., 1990. С. 52–54.
- Абрамов А.П.* Патрей. Раскопки 1990–1991 гг. // БС. Вып. 4. 1994. С. 127–140.
- Абрамов А.П.* Амфоры VI–V вв. до н.э. в Северном Причерноморье (классификация и периодизация) // Автореф. канд. дис. М. 2009.
- Абрамов А.П., Пиунова С.С.* Патрей. Раскопки 1990–1991 гг. Каталог выставки. М. 1995.
- Абрамов А.П., Сазонов Ю.С.* Комплекс амфор второй четверти V в. до н.э. из Патрея // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М. 1991. С. 68–76.
- Абрамов А.П., Сазонов Ю.С.* Керамика трех подводных комплексов Патрея // БС. Вып. 1. 1992. С. 147–172.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1–12. Т. 1. 1975.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1–12. Т. 2. 1978.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1–12. Т. 3. 1982.
- Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев. 1986.
- Античная скульптура из собрания Государственного Музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. М. 1987.
- Арзаманов Г.Ф.* Архаическая капитель из Тамани // ВДИ. № 4. 1989. С. 49–54.
- Артамонов М.И.* Очерки древнейшей истории хазар. Л. 1937.

Паромов Я.М. История археологических...

- Артамонов М.И. История хазар. Л. 1962.
- Атавин А.Г. Работы средневекового отряда Фанагории // АО 1982 г. М. 1984. С. 107–108.
- Атавин А.Г. Раскопки в Фанагории // АО 1984 г. М. 1986. С. 90–91.
- Атавин А.Г. Средневековые погребения из Фанагории // СА. № 1. 1986а. С. 262–266.
- Атавин А.Г. Влияние природных факторов на жизнь поселений Таманского полуострова (на примере Фанагории) // Методы естественных наук в археологии. М. 1987. С. 29–35.
- Атавин А.Г. Работы Фанагорийского отряда // АО 1985 г. М. 1987а. С. 126.
- Атавин А.Г. Средневековая Фанагория и ее место среди одновременных памятников Северного Причерноморья // Славяне и их соседи. Тезисы докладов. М. 1988. С. 21–23.
- Басовская Н.И., Долгоруков В.С., Кузнецов В.Д., Шавырина Т.Г. Раскопки в Фанагории // АО 1976 г. М. 1977. С. 86–87.
- Басовская Н.И., Долгоруков В.С., Кузнецов В.Д., Шавырина Т.Г., Яйленко В.П. Исследования в Фанагории // АО 1977 г. М. 1978. С. 104–105.
- Башикиров А.С. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 года // Тр. Этнографо-археологического музея ИМГУ. № 3. М. 1927. С. 26–40.
- Башикиров А.С. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1927 года // Тр. Секции археологии РАНИОН. Вып. III. М. 1928. С. 71–85.
- Башикиров А.С. Отчет об историко-археологических изысканиях на Таманском полуострове летом 1948 г. // Ученые записки МГПИ. Т. 13. Вып. 2. М. 1949. С. 133–176.
- Башикиров А.С. Историко-археологические изыскания на Таманском полуострове в 1949–1951 гг. (На тер. древнего города Патрэя) // Ученые записки Ярославского ГПИ. Вып. 22. Ярославль. 1957. С. 309–382.
- Башикиров А.С. Из истории Патрэя в III–I вв. до н.э. (По материалам Таманской археологической экспедиции 1949–1951 гг.) // ЗОАО. Т. 2 (35). Одесса. 1967. С. 90–98.
- Башикиров А.С., Мурыгина Н.Ф., Никонов И.Е. Отчет о раскопках древнего города Патрэя (1961–1962 гг.) // Ученые записки МГПИ. № 217. М. 1964. С. 236–249.
- Белова Н.С. Новая надпись из Гермонассы // ВДИ. № 1. 1967. С. 60–69.
- Белова Н.С. Эпиграфические материалы фанагорийской экспедиции // ВДИ. № 3. 1977. С. 105–117.
- Белова Н.С. Новая надпись из Гермонассы и некоторые замечания о лапидарной эпиграфике Боспора III в. до н.э. // ВДИ. № 2. 1984. С. 78–86.
- Блаватская Т.В. Надпись Агафа из Фанагории // ВДИ. № 4. 1948. С. 77–84.
- Блаватский В.Д. Раскопки на Таманском полуострове [в 1936 г.] // Искусство. № 1. 1937. С. 161–162.
- Блаватский В.Д. Раскопки на Таманском полуострове в 1937 г. // Искусство. № 3. 1938. С. 135–137.
- Блаватский В.Д. Раскопки в Фанагории в 1938–1939 гг. // ВДИ. № 3–4. 1940. С. 287–300.
- Блаватский В.Д. Отчет о раскопках в Фанагории в 1936–1937 гг. // Тр. ГИМ. Вып. XVI. 1941 [1943]. С. 5–74.
- Блаватский В.Д. Раскопки в Фанагории в 1940 г. // ВДИ. № 1. 1941а. С. 220–222.
- Блаватский В.Д. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М. 1947.
- Блаватский В.Д. О строительном деле Фанагории // Доклады и сообщения Исторического факультета МГУ. Вып. 9. М. 1950. С. 30–45.
- Блаватский В.Д. Синдская археологическая экспедиция 1951 года // ВАН. № 10. М. 1951. С. 67–69.
- Блаватский В.Д. Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. // МИА. № 19. М. 1951а. С. 189–226.
- Блаватский В.Д. Первый год работы Синдской экспедиции // КСИИМК. Вып. 48. 1952. С. 71–80.
- Блаватский В.Д. Второй год работ Синдской экспедиции // КСИИМК. Вып. 51. 1953. С. 149–155.
- Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М. 1953а.
- Блаватский В.Д. История античной расписной керамики М. 1953б.
- Блаватский В.Д. Архаический Боспор // МИА. № 33. М. 1954. С. 7–44.
- Блаватский В.Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М. 1954а.
- Блаватский В.Д. Третий год работ в Синдике // КСИИМК. Вып. 58. 1955. С. 88–95.
- Блаватский В.Д. Фанагорийская стенная роспись // МИА. № 57. М. 1956а. С. 168–170.

Боспорские исследования, вып. XL

- Блаватский В.Д.* Четвертый год раскопок в Синдике // КСИИМК. Вып. 70. 1957. С. 118–129.
- Блаватский В.Д.* Об археологическом исследовании хоры // Вестник Московского университета. № 4. 1958. С. 9–14.
- Блаватский В.Д.* О подводной археологии // СА. № 3. 1958а. С. 73–89.
- Блаватский В.Д.* Пятый год работ в Синдике // КСИИМК. Вып. 74. 1959. С. 41–48.
- Блаватский В.Д.* Античная археология Северного Причерноморья. М. 1961.
- Блаватский В.Д.* Подводные раскопки Фанагории в 1959 г. // СА. № 1. 1961а. С. 277–279.
- Блаватский В.Д.* Античная археология и история. М. 1985.
- Блаватский В.Д., Кошеленко Г.А.* Открытие затонувшего мира. М. 1963.
- Блаватский В.Д., Кузищин В.И.* Подводные разведки в 1958 г. // КСИИМК. Вып. 83. 1961. С. 136–138.
- Богословская И.Н., Богословский О.В.* Исследование средневековых слоев Таманского городища // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 гг. Ейск. 1992. С. 8–11.
- Богословский О.В.* Стекланные браслеты Таманского городища // Древности Кубани. Краснодар. 1987. С. 52–54.
- Болтунова А.И.* Надпись Пифодориды из раскопок Гермонассы // ВДИ. № 1. 1989. С. 86–92.
- Вартанов Г.А.* Колхидская дидрахма, найденная в Гермонассе // Нумизматика античного Причерноморья. Киев. 1982. С. 71–74.
- Виноградов Ю.Г.* Фанагорийские наемники // ВДИ. № 4. 1991. С. 14–33.
- Войцеховский С.Ф.* Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднему времени // ЗСКОАИЭ. Кн. 1 (Т. 3). Вып. 5–6. Ростов-на-Дону. 1929–1930. С. 4–9.
- Волков И.В.* Средневековый керамический комплекс Патрэя (по материалам раскопок 1990 г.) // Древности Кубани (материалы научно-практической конференции). Краснодар. 1991. С. 27–29.
- Воронов А.А., Михайлова М.Б.* Боспор Киммерийский. М. 1983.
- Воронов А.А., Николаенко Т.Д., Паромов Я.М.* Работы на Таманском полуострове // АО 1983 г. М. 1985. С. 112.
- Воронов А.А., Николаенко Т.Д., Паромов Я.М.* Разведки на Таманском полуострове // АО 1985 г. М. 1987. С. 131–132.
- Воронов А.А., Николаенко Т.Д., Паромов Я.М., Усачева О.Н.* Разведки на Таманском полуострове // АО 1982 г. М. 1984. С. 112–113.
- Воронов А.А., Паромов Я.М.* Локализация средневекового города Темрюка // СА. № 4. 1987. С. 87–99.
- Воронов А.А., Паромов Я.М.* Планировочные принципы в организации расселения на Таманском полуострове в античную эпоху // Проблемы исследований античных городов. Тезисы. М. 1989. С. 29–31.
- Воронов А.А., Паромов Я.М.* Планировочные принципы расселения на Таманском полуострове в античную эпоху // Архитектурное наследие. Сб. 37. М. 1990. С. 3–11.
- Гайдукевич В.Ф.* Античные керамические обжигательные печи. По раскопкам в Керчи и Фанагории в 1929–1931 гг. // ИГАИМК. Вып. 80. Л., 1934.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.-Л. 1949.
- Гайдукевич В.Ф.* История античных городов Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М.-Л. 1955. С. 23–147.
- Гайдукевич В.Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов // МИА. № 69. М.-Л. 1959. С. 154–238.
- Герасимова М.М.* Население античной Фанагории по палеоантропологическим данным // КСИИМК. Вып. 145. 1976. С. 109–112.
- Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т.* Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М. 1987.
- Гёрц К.К.* Археологическая топография Таманского полуострова. М. 1870.
- Голенко К.В.* Монеты из случайных находок в Патрее (1947–1950 гг.) // ВДИ. № 3. 1952. С. 147–155.
- Голенко К.В.* Подражания византийским монетам X–XI вв., найденные на Таманском полуострове // Византийский временник. Т. VII. 1953.

Паромов Я.М. История археологических...

- Голенко К.В. К уточнению датировки одной группы монет Фанагории // КСИИМК. Вып. 58. 1955. С. 139–141.
- Голенко К.В. Клад монет, найденный в 1951 г. в Патрзе. (Предварительное сообщение) // СА. № 2. 1957. С. 197–204.
- Голенко К.В. Второй Патрэйский клад монет (1951 г.) // НЭ. Т. 1. М. 1960. С. 223–289.
- Голенко К.В. Таманский клад монет // Кlio. Вып. 54. 1972. С. 142–154.
- Гольдштейн Ф., Коровина А.К., Финогенова С.И. Раскопки Тмутаракани-Гермонассы // АО 1973 г. М. 1974. С. 105–106.
- Горлов Ю.В. К истории Фанагории в IV в. до н.э. // Проблемы античной культуры. М. 1986. С. 135–137.
- Граков Б.Н. Эллигифические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор // Тр. ГИМ. Вып. 1. М. 1926. С. 165–206.
- Граков Б.Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М. 1929.
- Грач Н.Л. Бронзовое зеркало из Таманского погребения // Тр. ГЭ. Т. VII. Л. 1962. С. 93–106.
- Грач Н.Л. Описание статуэток из Гермонассы в Государственном Эрмитаже // САИ. Вып. Г1–11. Ч. IV. М. 1974. С. 40–41.
- Грач Н.Л. Терракотовые статуэтки из кургана Большая Близница // САИ. Вып. Г1–11. Ч. IV. М. 1974а. С. 36–39.
- Гуров А.Н. Феодосия и Фанагория в системе Боспорского государства // Из истории античного общества. Вып. 3. Горький. 1983. С. 50–58.
- Давыдова Л.И. Боспорские надгробные рельефы V в. до н.э. – III в. н.э. Каталог выставки. Л. 1990.
- Даньшин Д.И. Три новых надписи из Фанагории // КСИА. Вып. 204. 1991. С. 98–102.
- Десятчиков Ю.М. Сарматы на Таманском полуострове // СА. № 4. 1973. С. 69–80.
- Десятчиков Ю.М. Азиатский Киммерик // Достижения советской археологии в XI пятилетке. Тезисы Всесоюзной археологической конференции. Баку. 1985. С. 131–132.
- Десятчиков Ю.М. К истории азиатского Киммерика // Первая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар., 1989. С. 58–59.
- Десятчиков Ю.М. Некоторые аспекты внутрибоспорской колонизации // Вторая Кубанская конференция. Тезисы докладов. Краснодар. 1993. С. 32.
- Десятчиков Ю.М. Ст. Голубицкая // Сборник «20 лет музею М.Ю. Лермонтова в Тамани». Тамань археологическая (II раздел). Темрюк. 1996. С. 8–9.
- Десятчиков Ю.М., Долгоруков В.С. Патрей // АГСП. М. 1984. С. 86.
- Десятчиков Ю.М., Долгоруков В.С., Алексеева Е.М. Сельская территория [античные поселения на Таманском полуострове] // АГСП. М., 1984. С. 88–91.
- Десятчиков Ю.М., Зайцев А.К., Чернов Ю.В. Разведки Кучугурского отряда // АО 1977 г. М. 1978. С. 117.
- Десятчиков Ю.М., Мирошина Т.В. Работы Таманской экспедиции // АО 1986 г. М. 1988. С. 123–124.
- Десятчиков Ю.М., Чернов Ю.В. Раскопки городища Кучугуры // АО 1976 г. М. 1977. С. 95–96.
- Долгоруков В.С. Позднеантичное поселение на городище Батарейка II // КСИА. Вып. 109. 1967. С. 116–123.
- Долгоруков В.С. Фанагорийская винодельня // АО 1971 г. М. 1972. С. 145–146.
- Долгоруков В.С. Исследования береговой части Фанагории в 1971–1972 гг. // КСИА. Вып. 143. 1975. С. 54–59.
- Долгоруков В.С. Фанагорийская винодельня I–II вв. н.э. // КСИА. Вып. 145. 1976. С. 78–83.
- Долгоруков В.С. Фанагория // АГСП. М. 1984. С. 77–81.
- Долгоруков В.С. Курганы Боспора // АГСП. М. 1984а. С. 95–98.
- Долгоруков В.С. Работы Таманско-Фанагорийской экспедиции // АО 1984 г. М. 1986. С. 95–96.
- Долгоруков В.С. Литейная форма из Фанагории // Проблемы античной культуры. М. 1986а. С. 145–149.
- Долгоруков В.С. Исследования Фанагории // АО 1985 г. М. 1987. С. 136–137.
- Долгоруков В.С. Исследования в Фанагории в 1986–1988 гг. // Первая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар. 1989. С. 132–134.
- Долгоруков В.С. Некоторые вопросы из истории и топографии ранней Фанагории // Проблемы исследований античных городов. Тезисы. М. 1989а. С. 41–42.

Боспорские исследования, вып. XL

- Долгоруков В.С.* Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории // КСИА. Вып. 197. 1990. С. 30–37.
- Долгоруков В.С.* Новые исследования в Фанагории // Древности Кубани (материалы научно-практической конференции). Краснодар. 1991. С. 41–43.
- Долгоруков В.С., Колесников А.Б.* Новые данные о строительных комплексах Фанагории // Проблемы исследований античных городов. Тезисы. М. 1989. С. 42–43.
- Долгоруков В.С., Колесников А.Б.* Новый тип строительных комплексов Фанагории // РА. № 1. 1993. С. 113–132.
- Долгоруков В.С., Масленников А.А., Шавырина Т.Г.* Охранные работы Фанагорийской экспедиции // АО 1974 г. М. 1975. С. 107–109.
- Долгоруков В.С., Сокольский Н.И., Сорокина Н.П., Стручалина Р.А.* Работы Таманской экспедиции // АО 1970 г. М. 1971. С. 118–121.
- Емец И.А.* Древнегреческие граффити с поселения Красноармейское // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж-Белгород. 1991. С. 20–25.
- Жебелев С.А.* Возникновение Боспорского государства // Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.-Л. 1953. С. 48–73.
- Жебелев С.А.* Основные линии экономического развития Боспорского государства // Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.-Л., 1953а. С. 116–158.
- Жебелев С.А.* Источники для изучения истории античной культуры Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М.-Л. 1955. С. 5–22.
- Завойкин А.А.* Комплекс амфор из Фанагории 1985 года // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тезисы докладов. М. 1986. С. 54–55.
- Завойкин А.А.* Проблемы синхронизации и датирования комплексов середины–второй половины V в. до н.э., содержащих хиосские амфоры разных «типов» // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. Тезисы докладов. М. 1988. С. 53–55.
- Завойкин А.А.* Классификация фрагментов самосских амфор из Фанагории // РА. № 3. 1992. С. 40–56.
- Завойкин А.А.* Фрагменты амфор Эгины (?) из раскопок Фанагории // КСИА. Вып. 204. 1992а. С. 84–88.
- Завойкин А.А.* Периодизация торговых связей по керамической таре и вопросы истории Фанагории: вторая половина VI – V вв. до н.э. // Очерки истории и археологии Боспора. М. 1992б. С. 260–269.
- Зеест И.Б.* Раскопки ГМИИ до Великой Отечественной войны // Памятники искусства. Бюллетень ГМИИ. № 2. М. 1947. С. 3–9.
- Зеест И.Б.* Земляные склепы некрополя Тузлы // КСИИМК. Вып. 51. 1953. С. 156–158.
- Зеест И.Б.* Раскопки Гермонассы // КСИИМК. Вып. 58. 1955. С. 114–121.
- Зеест И.Б.* Раскопки Гермонассы // КСИИМК. Вып. 74. 1959. С. 58–63.
- Зеест И.Б.* Архаические слои Гермонассы // КСИА. Вып. 83. 1961. С. 53–58.
- Зеест И.Б.* Рельеф из Гермонассы с изображением Геракла // Культура античного мира. М. 1966. С. 77–82.
- Зеест И.Б.* Раскопки Гермонассы // АО 1965 г. М. 1966а. С. 129–131.
- Зеест И.Б.* Раскопки Гермонассы // АО 1966 г. М. 1967. С. 76–77.
- Зеест И.Б.* Об одной особенности экономического развития Гермонассы // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л. 1968. С. 144–148.
- Зеест И.Б.* Раскопки Гермонассы // АО 1967 г. М. 1968а. С. 84–85.
- Зеест И.Б.* Раскопки Гермонассы // АО 1968 г. М. 1969. С. 109–111.
- Зеест И.Б.* Раскопки Гермонассы // АО 1969 г. М. 1970. С. 108–109.
- Зеест И.Б.* Раскопки Гермонассы // АО 1970 г. М. 1971. С. 116–117.
- Зеест И.Б.* Возникновение и первый расцвет Гермонассы // СА. № 4. 1974. С. 82–97.
- Зеест И.Б.* Поиск восточной границы архаической Гермонассы // КСИА. Вып. 143. 1975. С. 60–62.
- Зеест И.Б.* К вопросу о городской планировке Гермонассы // История и культура античного мира. М. 1977. С. 54–57.

Паромов Я.М. История археологических...

- Зеест И.Б., Коровина А.К. Раскопки Таманского городища // АО 1871 г. М. 1972. С. 142–143.
- Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. № 16. М.-Л. 1951.
- Зограф А.Н. Денежное обращение и монетное дело Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М.-Л. 1955. С. 148–163.
- Иванов А.Ф., Мацкевой Л.Г. Исследования на Кубани // АО 1973 г. М. 1974. С. 109–110.
- Иванова А.П. Скульптура и живопись Боспора. Киев. 1961.
- Иванчик А.И., Петерс Б.Г. Греческая надпись из раскопок Патрэя в 1986 г. // ВДИ. № 2. 1988. С. 119–121.
- Иевлев М.М. Палеогеографическая обстановка в степных районах Северного Причерноморья в VII–V вв. до н.э. // Киммерийцы и скифы. Ч. 1. Кировоград. 1987. С. 64–66.
- Иессен А.А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л. 1947.
- Иессен А.А., Миллер А.А. Таманская экспедиция 1931 г. // СГАИМК. № 11–12. 1932. С. 58–61.
- Казаманова Л.Н. Монеты из раскопок Гермонассы в 1955–1956 гг. // НЭ. Т. II. М. 1960. С. 46–56.
- Калашиников М.В. Археологические исследования на комплексе памятников Красноармейский-1 // Первая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар. 1989. С. 59–60.
- Калашиников М.В. Раскопки поселения Красноармейское В // Древности Кубани (материалы научно-практической конференции). Краснодар. 1991. С. 48–50.
- Калашиников М.В. Работа Запорожской экспедиции ИА АН СССР в 1989–1990 гг. // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 гг. Ейск. 1992. С. 25–29.
- Каллистов Д.П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л. 1949.
- Каллистов Д.П. Северное Причерноморье в античную эпоху. М. 1952.
- Кобылина М.М. Памятники искусства Боспора из раскопок ГМИИ // Памятники искусства. Бюллетень ГМИИ. № 2. М. 1947. С. 16–20.
- Кобылина М.М. Новый памятник боспорского искусства – стела Агафа // ВДИ. № 4. 1948. С. 85–90.
- Кобылина М.М. Фанагорийская экспедиция // КСИИМК. Вып. 27. 1949. С. 46–51.
- Кобылина М.М. Терракоты Фанагории местного производства // ВДИ. № 2. 1949а. С. 107–113.
- Кобылина М.М. Раскопки Фанагории // КСИИМК. Вып. 33. 1950. С. 89–95.
- Кобылина М.М. Раскопки Фанагории // КСИИМК. Вып. 37. 1951. С. 232–237.
- Кобылина М.М. Раскопки Южного некрополя Фанагории в 1947 г. // МИА. № 19. М. 1951а. С. 236–240.
- Кобылина М.М. Раскопки Восточного некрополя Фанагории в 1948 г. // МИА. № 19. М. 1951б. С. 241–249.
- Кобылина М.М. Раскопки Фанагории // КСИИМК. Вып. 51. 1953. С. 122–127.
- Кобылина М.М. Фанагория // МИА. № 57. М. 1956. С. 5–101.
- Кобылина М.М. Фанагорийский склеп // КСИИМК. Вып. 70. 1957. С. 143–146.
- Кобылина М.М. Новые данные о фанагорийских винодельнях // КСИИМК. Вып. 74. 1959. С. 20–24.
- Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М. 1961.
- Кобылина М.М. Черты эолийской культуры в архаической Фанагории // СА. № 4. 1961а. С. 271–274.
- Кобылина М.М. Исследования Фанагории в 1959–1960 и 1962 гг. // СА. № 4. 1963. С. 129–138.
- Кобылина М.М. Раскопки центральной части Фанагории в 1959–1960 гг. // КСИА. Вып. 95. 1963а. С. 97–103.
- Кобылина М.М. Культура Фанагории досарматского периода // Античный город. М. С. 84–96.
- Кобылина М.М. Открытия в Фанагории // АО 1965 г. М. 1966. С. 103–106.
- Кобылина М.М. Керамическое производство Фанагории в IV в. // СА. № 3. 1966а. С. 172–186.
- Кобылина М.М. Раскопки юго-восточного района Фанагории в 1964–1965 гг. // Пленум ИА АН СССР 1966 г. Тезисы докладов. М. 1966б. С. 19.
- Кобылина М.М. Раскопки юго-восточного района Фанагории в 1964 г. // КСИА. Вып. 109. 1967. С. 124–129.
- Кобылина М.М. Сооружения V в. до н.э. на южной окраине Фанагории // КСИА. Вып. 116. 1969. С. 98–104.
- Кобылина М.М. Раскопки Фанагории // АО 1968 г. М. 1969а. С. 90–92.
- Кобылина М.М. Квартал ремесленников на южной окраине Фанагории // КСИА. Вып. 124. 1970. С. 69–72.
- Кобылина М.М. Раскопки Фанагории // АО 1969 г. М. 1970а. С. 109–112.
- Кобылина М.М. Раскопки Фанагории // АО 1970 г. М. 1971. С. 110–112.

Боспорские исследования, вып. XL

- Кобылина М.М.* Фанагорийская экспедиция // АО 1971 г. М. 1972. С. 143–145.
- Кобылина М.М.* Раскопки Фанагории // Тезисы докладов, посвященных итогам полевых исследований в 1971 г. М. 1972а. С. 97.
- Кобылина М.М.* Античная скульптура Северного Причерноморья. М. 1972б.
- Кобылина М.М.* Фанагорийская кровельная черепица первых веков нашей эры // КСИА. Вып. 130. 1972в. С. 112–114.
- Кобылина М.М.* Раскопки Фанагории // АО 1972 г. М. 1973. С. 129–131.
- Кобылина М.М.* Терракотовые статуэтки Фанагории // САИ. Вып. Г1–11. Ч. IV. М. 1974. С. 20–30.
- Кобылина М.М.* Терракотовые статуэтки с городища в совхозе «Залив» // САИ. Вып. Г1–11. Ч. IV. М. 1974а. С. 30–31.
- Кобылина М.М.* Терракотовые статуэтки синдских поселений // САИ. Вып. Г1–11. Ч. IV. М. 1874б. С. 41–42.
- Кобылина М.М.* Штамп с изображением Тихи из Фанагории // КСИА. Вып. 143. 1975. С. 63–66.
- Кобылина М.М.* Раскопки центральной части Фанагории // АО 1974 г. М. 1975а. С. 111–112.
- Кобылина М.М.* Раскопки центральной части Фанагории с 1969 по 1974 г. // Новейшие открытия советских археологов. Тезисы докладов конференции. Ч. 2. Киев. 1975б. С. 59.
- Кобылина М.М.* Золотой статер Лисимаха из Фанагории // Древняя Русь и славяне. М. 1978. С. 88–95.
- Кобылина М.М.* Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. М. 1978а.
- Кобылина М.М.* Разрушения гуннов в Фанагории // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М. 1978б.
- Кобылина М.М.* Страницы ранней истории Фанагории // СА. № 2. 1983. С. 51–61.
- Кобылина М.М.* Фанагория. М. 1989.
- Кобылина М.М., Долгоруков В.С.* Раскопки Фанагории // АО 1973 г. М. 1974. С. 111–113.
- Кондрашев А.В.* Находки древних якорей у Кавказских берегов // Древности Кубани (материалы научно-практической конференции). Краснодар. 1991. С. 59–61.
- Кондрашев А.В.* Подводные исследования у мыса Панагия // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар. 1993. С. 84–90.
- Коровина А.К.* К вопросу об изучении Семибратних курганов // СА. № 2. 1957. С. 174–187.
- Коровина А.К.* Раскопки в Фанагории и Тирамбе в 1962 г. // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы ГМИИ за 1962 г. М. 1963. С. 19–20.
- Коровина А.К.* Древняя Тирамба // ВДИ. № 3. 1963а. С. 126–131.
- Коровина А.К.* К вопросу о памятниках эпохи бронзы на Таманском полуострове (Каменная гробница из раскопок 1960 г.) // СГМИИ. Вып. II. М.-Л. 1964. С. 34–38.
- Коровина А.К.* Некрополи Синдики VI–II вв. до н.э. как источник для изучения взаимодействия греческих и варварских элементов в истории Азиатского Боспора. Канд. дис. Арх. ИА РАН: Р-2. № 1914. М. 1964а.
- Коровина А.К.* Некрополи Синдики VI–II вв. до н.э. как источник для изучения взаимодействия греческих и варварских элементов в истории Азиатского Боспора. Автореф. канд. дис. М. 1964б.
- Коровина А.К.* Раскопки некрополя Фанагории в 1964 г. // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Тезисы докладов. Баку. 1965. С. 108–109.
- Коровина А.К.* Раскопки некрополя Фанагории в 1964 г. // КСИА. Вып. 109. 1967. С. 130–135.
- Коровина А.К.* Тирамба (городище и некрополь). Итог археологических работ экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина за 1959, 1961–1963 и 1965 годы // СГМИИ. Вып. 4. М. 1968. С. 54–84.
- Коровина А.К.* Раскопки некрополя Тирамбы // АО 1968 г. М. 1969. С. 113–114.
- Коровина А.К.* Фаянсовые подвески из некрополей Тирамбы и Фанагории // ВДИ. № 1. 1972. С. 104–112.
- Коровина А.К.* Терракоты Тирамбы // САИ. Вып. Г1–11. Ч. IV. М. 1974. С. 11–13.
- Коровина А.К.* Раскопки Тмутаракани-Гермонассы в 1973 г. // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы ГМИИ за 1973 г. М. 1974а. С. 25–26.

Паромов Я.М. История археологических...

- Коровина А.К. Терракотовые статуэтки Гермонассы // САИ. Вып. Г1–11. Ч. IV. М. 1974б. С. 39–41.
- Коровина А.К. Раскопки Тмутаракани-Гермонассы // АО 1975 г. М. 1976. С. 128–129.
- Коровина А.К. Раскопки древней Тмутаракани-Гермонассы // АО 1976 г. М. 1977. С. 105.
- Коровина А.К. Раскопки Таманского городища // АО 1978 г. М. 1979. С. 131–132.
- Коровина А.К. Раскопки Гермонассы-Тмутаракани // АО 1979 г. М. 1980. С. 113–114.
- Коровина А.К. Раскопки Тмутаракани-Гермонассы // АО 1980 г. М. 1981. С. 105–106.
- Коровина А.К. Местные черты погребального обряда в ранних могилах некрополя Тирамбы // Демографическая ситуация в Причерноморье в период великой греческой колонизации. Тбилиси. 1981. С. 267–273.
- Коровина А.К. Раскопки Гермонассы-Тмутаракани // АО 1981 г. М. 1983. С. 121–122.
- Коровина А.К. Из истории эллинистической Гермонассы // Древние культуры Евразии и античная цивилизация. Краткие тезисы докладов научной конференции. Л. 1983а. С. 42–43.
- Коровина А.К. Азиатский Боспор. Выставка из собраний музеев Болгарии, Румынии и Советского Союза. Каталог выставки. М. 1983б.
- Коровина А.К. Гермонасса // АГСП. М. 1984. С. 81–82.
- Коровина А.К. Тирамба // АГСП. М. 1984а. С. 87.
- Коровина А.К. Раскопки Гермонассы за последние три сезона (1981–1983 гг.) // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы ГМИИ за 1983 г. М. 1985. С. 19–21.
- Коровина А.К. Позднеантичная Гермонасса (по материалам раскопок 1973–1975 гг.) // Проблемы античной культуры. М. 1986. С. 160–168.
- Коровина А.К. Некрополь Фанагории (раскопки 1964–1965) // СГМИИ. Вып. 8. М. 1987. С. 71–109.
- Коровина А.К. Перстни из некрополей Фанагории и Тирамбы // СГМИИ. Вып. 8. М. 1987а. С. 137–146.
- Коровина А.К. Раскопки некрополя Тирамбы (1966–1970) // СГМИИ. Вып. 8. М. 1987б. С. 3–70.
- Коровина А.К. Винодельни Гермонассы // КСИА. Вып. 191. 1987в. С. 60–67.
- Коровина А.К. Раскопки Таманского городища в 1986 г. // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы ГМИИ за 1986 г. М. 1987г. М. С. 11–12.
- Коровина А.К. История исследования Таманского городища // СГМИИ. Вып. 10. М. 1992. С. 7–40.
- Кропоткин В.В. Клады римских монет на территории СССР // САИ. Вып. Г4–4. М. 1961.
- Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР // САИ. Вып. Е4–4. М. 1962.
- Кропоткин В.В. Византийские монеты из Таматархи-Тмутаракани // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М. 1963. С. 175–185.
- Кругликова И.Т. Фанагорийская местная керамика из грубой глины // МИА. № 19. М. 1951. С. 87–106.
- Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М. 1975.
- Крушкол Ю.С. Раскопки древнего Патрэя в 1949 г. // ВДИ. № 2. 1950. С. 231–233.
- Крушкол Ю.С. Раскопки древнего Патрэя в 1950 г. // ВДИ. № 2. 1951. С. 225–228.
- Крушкол Ю.С. Монеты Фанагорийского городища раскопок 1937 и 1939 гг. Государственного исторического музея // СА. Т. XV. М. 1951а. С. 256–272.
- Крушкол Ю.С. Монеты с монограммами из Патрэйского клада 1950 г. // ВДИ. № 3. 1952. С. 137–147.
- Крушкол Ю.С. Патрэйский клад 1950 г. // КСИИМК. Вып. 66. 1956. С. 116–117.
- Крушкол Ю.С. Монеты из раскопок Патрэя 1949–1951 гг. // ВДИ. № 3. 1958. С. 136–142.
- Крыкин С.М. Культовый (?) комплекс на южной окраине Фанагории // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Тезисы докладов. Киев. 1987. С. 85–86.
- Крыкин С.М. Новые терракоты всадников из Фанагории // КСИА. Вып. 191. 1987а. С. 57–59.
- Кубланов М.М. К истории Азиатского Боспора // СА. Т. XXIX–XXX. 1959. С. 203–236.
- Кузнецов В.Д. Кепы: ионийская керамика // СА. № 4. 1991. С. 36–52.
- Кузнецов В.Д. Ранние апойки Северного Причерноморья // КСИА. Вып. 204. 1991а. С. 31–37.
- Кузнецов В.Д. Раскопки в Кехах 1984–1989 гг. // Очерки археологии и истории Боспора. М. 1992. С. 28–45.
- Кузнецов В.Д. Кепы // Сборник «20 лет музею М.Ю. Лермонтова в Тамани». Тамань археологическая (II раздел). Темрюк. 1996. С. 44–47.

Боспорские исследования, вып. XL

- Кузнецов В.Д., Масленников А.А., Шавырина Т.Г. Работы Фанагорийской экспедиции // АО 1978 г. М. 1979. С. 134.
- Латышева В.А. Литературные источники по истории Боспора рубежа нашей эры // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж-Белгород. 1991. С. 37–52.
- Лосева Н.М. Фрагмент краснофигурного килика из Фанагории // КСИИМК. Вып. XXII. 1948. С. 59–61.
- Лосева Н.М. Краснолаковая керамика Боспора (II в. до н.э. – IV в. н.э.) по материалам Пантикапея и Фанагории // Автореф. канд. дис. М. 1950.
- Лосева Н.М. Краснофигурная керамика Фанагории из раскопок 1938–1962 гг. // СГМИИ. Вып. 4. М. 1968. С. 85–93.
- Лосева Н.М. Аттическая краснофигурная керамика Пантикапея и Фанагории по данным современных раскопок // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Тезисы докладов юбилейной конференции. Киев. 1975. С. 145.
- Лунин Б.В. Сергей Францевич Войцеховский // СГАИМК. № 3/4. 1932. С. 64–65.
- Ляпушкин И.И. Славяно-русские поселения IX–XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам // МИА. № 6. М.-Л. 1941.
- Макарова Т.И. Поливная керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М. 1963. С. 73–101.
- Макарова Т.И. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси // САИ. Вып. Е1–38. М. 1967.
- Макарова Т.И. Фигурка воина из Тмутаракани // СА. № 3. 1972. С. 324–331.
- Марченко И.Д. Раскопки Восточного некрополя Фанагории в 1951 г. // МИА. № 57. М. 1956. С. 102–127.
- Марченко И.Д. Раскопки в Пантикапее и на Майской горе в 1961 г. // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы ГМИИ за 1961 г. М. 1961. С. 6–7.
- Марченко И.Д. Новые данные об античном святилище вблизи Фанагории // 50 лет ГМИИ. М. 1962. С. 132–133.
- Марченко И.Д. Некоторые итоги раскопок на Майской горе // КСИА. Вып. 95. 1963. С. 86–90.
- Марченко И.Д. Раскопки Пантикапея и Майской горы в 1963 г. // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы ГМИИ за 1963 г. М. 1964. С. 15–16.
- Марченко И.Д. Археологическая деятельность Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина за сорок лет // СГМИИ. Вып. 4. М. 1968. С. 3–26.
- Марченко И.Д. Терракоты из святилища на Майской горе (Блеваке) // САИ. Вып. Г1–11. Ч. IV. М. 1974. С. 31–35.
- Марченко И.Д. О культе Афродиты на Тамани // История и культура античного мира. М. 1977. С. 121–126.
- Масленников А.А. Скорченные погребения в грунтовых некрополях боспорских городов // СА. № 3. 1976. С. 112–127.
- Масленников А.А. К вопросу о погребениях дандариев // История и культура античного мира. М. 1977. С. 127–131.
- Масленников А.А. Этнический состав населения боспорских городов в VI–V вв. до н.э. // СА. № 1. 1978. С. 24–37.
- Масленников А.А. Население Боспорского государства в VI–II вв. до н.э. М. 1981.
- Масленников А.А. Некрополи городов Азиатского Боспора в первые века н.э. // СА. № 1. 1985. С. 61–74.
- Масленников А.А. Население Боспорского государства в первых веках н.э. М. 1990.
- Медынцева А.А. Тмутараканский камень. М. 1979.
- Мерперт Н.Я. Фанагорийские черепицы из раскопок 1938 г. // МИА. № 19. М. 1951. С. 227–235.
- Миллер А.А. Таманская экспедиция ГАИМК // СГАИМК. № 1. 1931. С. 26–29.
- Миллер А.А. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. // СГАИМК. № 3–4. 1932. С. 58–60.
- Миллер А.А. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. // СГАИМК. № 7–8. 1932а. С. 67–68.
- Миллер А.А. Выставка работ экспедиций Государственной академии истории материальной культуры // СГАИМК. № 7–8. 1932б. С. 43–50.

Паромов Я.М. История археологических...

- Миллер А.А. Археологические разведки. М.-Л. 1934.
- Мирошина Т.В., Сазанов А.В. Терракоты из некрополя у пос. Кучугуры // КСИА. Вып. 197. 1990. С. 73–78.
- Насонов А.Н. Тмутаракань в истории Восточной Европы X века // Исторические записки. Т. 6. М. 1940.
- Неверов О.Я. Группа эллинистических бронзовых перстней в собрании Эрмитажа: (к вопросу о времени проникновения египетских культов в Северное Причерноморье) // ВДИ. № 1. 1974. С. 106–115.
- Неверов О.Я. Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л. 1976.
- Неверов О.Я. Портретные геммы и перстни из Северного Причерноморья // Тр. ГЭ. Т. XVII. Л. 1976а. С. 166–182.
- Неверов О.Я. Бронзовый перстень из Фанагории с портретом армянского царя // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. № 3. Ереван. 1981. С. 73–78.
- Неверов О.Я. Геммы античного мира. М. 1983.
- Неверов О.Я. Античные камни в собрании Эрмитажа. Л. 1988.
- Николаева Н.А., Сафронов В.А. Древнейшая катакомбная культура Северного Кавказа и проблема появления катакомбного обряда в Восточной Европе // Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе. 1981. С. 4–26.
- Николаева Э.Я. Раскопки городища Кепы в 1964 г. // КСИА. Вып. 109. 1967. С. 94–100.
- Николаева Э.Я. Раскопки в Кепях // АО 1972 г. М. 1973. С. 142–143.
- Николаева Э.Я. Поселение Водопроводное на Таманском полуострове // КСИА. Вып. 133. 1973а. С. 97–102.
- Николаева Э.Я. Раскопки в Кепях // АО 1973 г. М. 1974. С. 120–121.
- Николаева Э.Я. Терракоты города Кеп // САИ. Вып. Г1–11. Ч. IV. М. 1974а. С. 13–16.
- Николаева Э.Я. Раскопки терм в Кепях // КСИА. Вып. 143. 1975. С. 77–81.
- Николаева Э.Я. Раскопки Ильичевского городища // АО 1974 г. М. 1975а. С. 121–122.
- Николаева Э.Я. Раскопки Ильичевского городища // АО 1975 г. М. 1976. С. 141–142.
- Николаева Э.Я. Фрагмент архаического сосуда из Кеп // История и культура античного мира. М. 1977. С. 150–153.
- Николаева Э.Я. Раскопки Ильичевского городища // АО 1976 г. М. 1977а. С. 114–115.
- Николаева Э.Я. Работы Ильичевского отряда Таманской экспедиции // АО 1977 г. М. 1978. С. 133.
- Николаева Э.Я. Краснолаковая керамика со штампами из Ильичевского городища // КСИА. Вып. 156. 1978а. С. 110–113.
- Николаева Э.Я. О времени основания Кеп // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси. 1979. С. 142–145.
- Николаева Э.Я. Работа Ильичевского отряда Таманской экспедиции // АО 1978 г. М. 1979а. С. 139.
- Николаева Э.Я. Раскопки Ильичевского городища // АО 1980 г. М. 1981. С. 113–114.
- Николаева Э.Я. Поселение у д. Ильич // КСИА. Вып. 168. 1981а. С. 88–93.
- Николаева Э.Я. Работы Ильичевского отряда // АО 1981 г. М. 1983. С. 126.
- Николаева Э.Я. Пифосы Ильичевского городища // КСИА. Вып. 174. 1983а. С. 110–117.
- Николаева Э.Я. Боспор после гуннского нашествия. Автореф. канд. дис. М. 1984.
- Николаева Э.Я. Работы Ильичевского отряда // АО 1983 г. М. 1985. С. 128.
- Николаева Э.Я. К вопросу о стеклоделии на Боспоре // Достижения советской археологии в XI пятилетке. Тезисы Всесоюзной археологической конференции. Баку. 1985а. С. 274–275.
- Николаева Э.Я. Работы Ильичевской экспедиции // АО 1984 г. М. 1986. С. 105–106.
- Николаева Э.Я. Раскопки Ильичевского городища // АО 1985 г. М. 1987. С. 149.
- Николаева Э.Я. Работы Ильичевской экспедиции // АО 1986 г. М. 1988. С. 139–140.
- Николаева Э.Я. Об экономической базе позднеантичного Боспора (производственные комплексы, раскопанные на территории в/с «Азовский» Темрюкского района Краснодарского края Ильичевской экспедицией ИА АН СССР) // Первая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар. 1989. С. 98–99.

Боспорские исследования, вып. XL

- Николаева Э.Я.* Христианский комплекс VI века на Боспоре Киммерийском // Проблемы исследования античных городов. Тезисы. М. 1989а. С. 86–87.
- Николаева Э.Я.* Ильичевское городище-крепость трапезитов // Древние памятники Кубани (материалы семинара). Краснодар. 1990. С. 136–146.
- Николаева Э.Я.* Стеклоделие на Боспоре // КСИА. Вып. 204. 1991. С. 50–57.
- Николаева Э.Я.* Ильичевское городище. Итоги работ // Древности Кубани (материалы научно-практической конференции). Краснодар. 1991а. С. 73–75.
- Николаенко Т.Д., Паромов Я.М.* Разведки на Таманском полуострове // АО 1984 г. М. 1986. С. 106.
- Никулина Н.М.* Перстни из Фанагории // СА. № 3. 1964. С. 188–195.
- Паромов Я.М.* Разведки на Таманском полуострове // АО 1981 г. М. 1983. С. 127–128.
- Паромов Я.М.* Обследование памятников археологии Таманского полуострова в 1981–1983 гг. // КСИА. Вып. 188. 1986. С. 69–76.
- Паромов Я.М.* Родосские клейма из поселений Таманского полуострова // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М. 1987. С. 293–299.
- Паромов Я.М.* Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1984–1985 гг. // КСИА. Вып. 196. 1989. С. 72–78.
- Паромов Я.М.* К вопросу о хозяйственном и экономическом потенциале Азиатского Боспора в эллинистический период // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти М.И. Ростовцева. Тезисы докладов. Новочеркасск. 1989а. С. 60–61.
- Паромов Я.М.* Принципы изучения эволюции системы расселения на Таманском полуострове в античное и средневековое время // Древние памятники Кубани. Краснодар. 1990. С. 56–69.
- Паромов Я.М.* Археологическая карта Таманского полуострова // Деп. ИНИОН РАН. № 47103 от 1.10.1992 г. М.
- Паромов Я.М.* Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // БС. Вып. 1. 1992а. С. 109–146.
- Паромов Я.М.* Археолого-топографический план Фанагории // БС. Вып. 2. 1993. С. 111–148.
- Паромов Я.М.* Археолого-топографический план Патрэя // БС. Вып. 3. 1993а. С. 136–169.
- Паромов Я.М.* Главные дороги Таманского полуострова в античное время // ДБ. Т. 1. 1998. С. 216–225.
- Паромов Я.М.* К вопросу об уровне моря у берегов Таманского полуострова в античное время // VI чтения памяти профессора В.Д. Блаватского. Тезисы докладов. М. 1999. С. 89–90.
- Паромов Я.М.* О земельных наделах античного времени на Таманском полуострове // АВ. № 7. 2000. С. 309–319.
- Паромов Я.М.* Укрепленные дома Азиатского Боспора // БФ. Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Ч. 1. СПб. 2001а. С. 79–85.
- Паромов Я.М.* К вопросу о пространственном размещении крепостей Фонталовского полуострова (в связи со статьей Г.П. Гарбузова) // ДБ. Т. 6. 2003 г. С. 95–103.
- Паромов Я.М.* Первое социалистическое соревнование в сфере науки. ГАИМК 1930–1931 гг. // Культурный слой. Сборник научных статей. Вып. 3. Нижний Новгород. 2014. С. 136–157.
- Паромов Я.М.* Краеугольный камень Таманской палеогеографии // КСИА. Вып. 241. 2015. С. 137–153.
- Паромов Я.М.* Д.А. Золотарев и М.Г. Худяков: 1930 год // Культурный слой. Сборник научных статей. Вып. 4. Нижний Новгород. 2016а. С. 142–162.
- Паромов Я.М.* В.Ф. Гайдукевич и Тиритака (секрет успеха ученого) // XVII БЧ. Керчь. 2016. С. 351–356.
- Паромов Я.М., Гей А.Н.* Памятники эпохи камня и бронзы на Таманском полуострове (краткий обзор) // ДБ. Т. 8. 2005. С. 320–339.
- Переводчикова Е.В.* Локальные черты скифского звериного стиля Прикубанья // СА. № 4. 1987. С. 44–58.
- Передольская А.А.* Терракоты из кургана Большая Близница и Гомеровский гимн Деметре // Тр. ГЭ. Т. VII. Л. 1962. С. 46–91.
- Петерс Б.Г.* Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М. 1982.
- Петерс Б.Г.* Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М. 1986.
- Петерс Б.Г.* Работы Патрэйской экспедиции // АО 1985 г. М. 1987. С. 151.

Паромов Я.М. История археологических...

- Петерс Б.Г.* Раскопки Патрэя // АО 1986 г. М. 1988. С. 140.
- Петерс Б.Г.* Исследования нижнего слоя Патрэя // Проблемы исследования античных городов. Тезисы. М. 1989. С. 95–97.
- Петерс Б.Г.* Итоги работы Патрэйской экспедиции ИА АН СССР в 1985–1989 годах // Древности Кубани (материалы научно-практической конференции). Краснодар. 1991. С. 80–82.
- Пичикян И.Р.* Две краснофигурные вазы из Гермонассы // СГМИИ. Вып. 8. М. 1987. С. 126–136.
- Платонова Н.И.* Российская академия истории материальной культуры. Этапы становления (1918–1919 гг.) // СА. № 4. 1989. С. 5–16.
- Плетнева С.А.* Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М. 1963. С. 5–72.
- Плетнева С.А.* От кочевий к городам. М. 1967.
- Плетнева С.А.* Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска-Преслав. 2. София. 1981. С. 9–19.
- Плетнева С.А.* Глиняный ритон из Корчева и бронзовая личина из Тмутаракани // СА. № 1. 1987. С. 258–262.
- Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. Москва-Иерусалим. 1999.
- Плетнева С.А.* Кочевники в Таматархе // РА. № 2. 2001. С. 97–107.
- Плетнева С.А.* Оборонительная стена в Таматархе-Тмутаракани // Историко- археологический альманах. Вып. 6. Армавир-Москва. 2001а. С. 21–28.
- Плетнева С.А.* Таматарха-Тмутаракань // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья. IV–XIII века. М. 2003. С. 171–179.
- Плетнева С.А.* Фанагория // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья. IV–XIII века. М. 2003а. С. 179–183.
- Розанова Н.П.* Новые эпиграфические памятники Таманского полуострова // СА. Т. VII. 1941. С. 247–257.
- Розанова Н.П.* Посвятительная надпись Санергу и Астаре. Памятник царицы Комосарии // ВДИ. № 2. 1949. С. 86–92.
- Розанова Н.П.* Посвятительные надписи Фанагории как источник для топографии города // ВДИ. № 3. 1949а. С. 170–178.
- Розанова Н.П.* Эллинская надпись из раскопок Патрэя 1949 г. // СА. Т. XXVIII. 1958. С. 262–265.
- Розов В.Н.* Боспорские монеты VI–V вв. до н.э. из случайных находок на Таманском полуострове (1975–1980 гг.) // СА. № 2. 1983. С. 109–116.
- Розов В.Н.* Византийские золотые монеты Таманского городища // СГМИИ. Вып. 8. М. 1987. С. 154–157.
- Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Л. 1925.
- Рыбаков Б.А.* Славяне в Крыму и на Тамани // Тезисы доклада на сессии по истории Крыма. Симферополь. 1952. С. 15.
- Рыбаков Б.А.* Русские земли на карте Идриси 1154 года // КСИИМК. Вып. 43. 1952а. С. 3–44.
- Рыбаков Б.А.* Древние славяне в Причерноморье // Славяне. № 2. 1954. С. 22–26.
- Рыбаков Б.А.* Древняя Тмутаракань и проблема славянской колонизации Приазовья // Тезисы докладов на сессии отделения исторических наук и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1953 г. М. 1954а. С. 17–19.
- Рыбаков Б.А.* Древняя Тмутаракань // МГУ. Юбилейная научная сессия, посвященная 200-летию университета, 9–13 мая 1955 г. Тезисы докладов. Исторический факультет. М. 1955. С. 15.
- Рыбаков Б.А.* Предисловие // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М. 1963. С. 3–4.
- Савостина Е.А.* Античное поселение Юбилейное-I на Тамани (предварительные итоги изучения) // СА. № 1. 1987. С. 58–71.
- Савостина Е.А.* Об изучении хоры Азиатского Боспора // Первая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар. 1989. С. 56–58.
- Сазанов А.В.* Боспор в ранневизантийское время // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тезисы докладов III конференции молодых ученых ИА АН СССР. М. 1986. С. 128–129.

Боспорские исследования, вып. XL

- Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. № 4. 1989. С. 41–60.
- Сазанов А.В. Краснолаковая керамика ранневизантийского времени с памятников Таманского полуострова // Первая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар., 1989а. С. 100.
- Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени (хронология некоторых типов) // Проблемы исследований античных городов. Тезисы. М. 1989б. С. 103–104.
- Сазонов А.В. Проблемы хронологии средневекового Боспора (VIII–XIV вв.) // Древности Кубани (материалы научно-практической конференции). Краснодар. 1991. С. 85–87.
- Сидорова Н.А. Архаическая керамика из раскопок Гермонассы // СГМИИ. Вып. 8. М. 1987. С. 110–125.
- Сидорова Н.А., Тугушева О.В., Забелина В.С. Античная расписная керамика из собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. М. 1985.
- Силантьева П.Ф. Филигранные бусы классической эпохи из некрополей Боспора // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л. 1979. С. 49–58.
- Смирнов А.П. К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным. Нальчик. 1948.
- Смирнов А.П. К вопросу об истоках Приазовской Руси // СА. № 2. 1958. С. 270–279.
- Соколов Г.И. Архаические рельефы с Таманского полуострова // ВДИ. № 3. 1975. С. 80–95.
- Сокольский Н.И. Боспорские мечи // МИА. № 33. М. 1954. С. 123–196.
- Сокольский Н.И. Находки на вершине горы Бориса и Глеба на Таманском полуострове // СА. № 1. 1957. С. 244–246.
- Сокольский Н.И. Раскопки античного поселения около станицы Таманской // КСИИМК. Вып. 74. 1959. С. 49–57.
- Сокольский Н.И. Раскопки в Кечах в 1957 году // КСИИМК. Вып. 78. 1960. С. 53–63.
- Сокольский Н.И. Работы в Кечах в 1958 г. // КСИИМК. Вып. 83. 1961. С. 66–72.
- Сокольский Н.И. Раскопки в Кечах в 1959 г. // КСИИМК. Вып. 86. 1961а. С. 55–65.
- Сокольский Н.И. Каменные крышки амфор. (По материалам археологических раскопок боспорского города Кепы в 1959–1960 гг.) // КСИИМК. Вып. 89. 1962. С. 108–111.
- Сокольский Н.И. Курсы из Кеп // СА. № 2. 1962а. С. 134–141.
- Сокольский Н.И. Раскопки в Кечах в 1960 г. (Из работ Таманского отряда Института археологии Академии наук СССР) // КСИИМК. Вып. 91. 1962б. С. 83–91.
- Сокольский Н.И. К истории северо-западной части Таманского полуострова // Acta Antiqua Philippopolitana. Studia archaeologica. Sofia. 1963. С. 11–25.
- Сокольский Н.И. Кепы // Античный город. М. 1963а. С. 97–114.
- Сокольский Н.И. Раскопки городища Кепы в 1961 г. // КСИИМК. Вып. 95. 1963б. С. 52–59.
- Сокольский Н.И. Крепость на городище у хутора Батарейка-I // СА. № 1. 1963в. С. 179–191.
- Сокольский Н.И. Город Кепы и крепости Фонталовского полуострова // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1963 г. М. 1964. С. 48–50.
- Сокольский Н.И. Афродита Таманская // Искусство. № 7. 1964а. С. 68–72.
- Сокольский Н.И. Погребение V в. в Кечах // СА. № 4. 1964б. С. 207–209.
- Сокольский Н.И. Раскопки в Кечах в 1962 г. // КСИИМК. Вып. 103. 1965а. С. 108–118.
- Сокольский Н.И. Новые памятники синдской скульптуры // КСИИМК. Вып. 100. 1965б. С. 86–96.
- Сокольский Н.И. Раскопки в северо-западной части Таманского полуострова // АО 1965 г. М. 1966. С. 126–129.
- Сокольский Н.И. Ильичевское городище // СА. № 4. 1966а. С. 125–140.
- Сокольский Н.И. К вопросу о синдской скульптуре // Культура античного мира. М. 1966в. С. 243–258.
- Сокольский Н.И. Работы Таманской экспедиции на Фонталовском полуострове в 1964–1965 гг. // Пленум ИА 1966 г. Секция «Античная археология». Тезисы докладов. М. 1966г. С. 21–22.
- Сокольский Н.И. Находки эпохи бронзы на Таманском полуострове // АО 1965 г. М. 1966д. С. 80–81.
- Сокольский Н.И. Крепость на поселении Батарейка-II // КСИИМК. Вып. 109. 1967. С. 108–115.

Паромов Я.М. История археологических...

- Сокольский Н.И. Исследования северо-западной части Таманского полуострова // АО 1966 г. М. 1967а. С. 77–79.
- Сокольский Н.И. Достижения археологической науки в РСФСР // СА. № 3. 1967б. С. 32–35.
- Сокольский Н.И. Керамическая мастерская в Кепях // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л. 1968. С. 265–270.
- Сокольский Н.И. Новые данные по истории Таманского полуострова // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1967 г. М. 1968а. С. 19–21.
- Сокольский Н.И. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1–17. М. 1969.
- Сокольский Н.И. О гончарном производстве в азиатской части Боспора // КСИА. Вып. 116. 1969а. С. 59–67.
- Сокольский Н.И. Работы Таманской экспедиции // АО 1968 г. М. 1969б. С. 88–90.
- Сокольский Н.И. Виноделие в азиатской части Боспора // СА. № 2. 1970. С. 75–92.
- Сокольский Н.И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М. 1971.
- Сокольский Н.И. Раскопки в Кепях в 1970 г. // Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР. Тбилиси. 1971а. С. 174–175.
- Сокольский Н.И. Фанагорийский склеп // КСИА. Вып. 130. 1972. С. 115–121.
- Сокольский Н.И. Архитектурный ансамбль на Таманском полуострове // АО 1972 г. М. 1973. С. 145–146.
- Сокольский Н.И. Земляной склеп в поселке Сенная // КСИА. Вып. 133. 1973а. С. 67–71.
- Сокольский Н.И. Надгробие синдского воина из Кеп // Кавказ и Восточная Европа в древности. М. 1973б. С. 179–182.
- Сокольский Н.И. Культ Афродиты в Кепях конца VI – V вв. до н.э. // ВДИ. № 4. 1973в. С. 88–92.
- Сокольский Н.И. Крепость аспургиян на Боспоре // КСИА. Вып. 143. 1975. С. 21–30.
- Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М. 1976.
- Сокольский Н.И. Вопросы синдской скульптуры // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976а. С. 187–198.
- Сокольский Н.И. Таманский клад бронзовых орудий // СА. № 2. 1980. С. 144–150.
- Сокольский Н.И., Беляев С.А., Десятчиков Ю.М., Николаева Э.Я., Сорокина Н.П. Раскопки городища у поселка За Родину // АО 1971 г. М., 1972. С. 147–149.
- Сокольский Н.И., Сорокина Н.П. Раскопки города Кепы и его некрополя в 1957–1963 гг. // Ежегодник ГИМ. 1963–1964. М. 1966. С. 28–49.
- Сокольский Н.И., Сорокина Н.П. Работы Таманской экспедиции // АО 1967 г. М. 1968. С. 85–88.
- Сокольский Н.И., Стручалина Р.А. Раскопки Патрэя // АО 1968 г. М. 1969. С. 112–113.
- Сокольский Н.И., Стручалина Р.А., Голенко К.В. Третий Патрэйский клад // АМА. Вып. 2. 1974. С. 89–106.
- Сорокина Н.П. Раскопки некрополя Гермонассы в 1956–1957 годах // КСИА. Вып. 83. 1961. С. 46–52.
- Сорокина Н.П. Раскопки некрополя в Кепях в 1959–1960 гг. // КСИА. Вып. 91. 1962. С. 98–106.
- Сорокина Н.П. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М. 1963. С. 134–174.
- Сорокина Н.П. Раскопки некрополя Кеп в 1961 г. // КСИА. Вып. 95. 1963а. С. 60–65.
- Сорокина Н.П. Раскопки некрополя Кеп в 1964–1965 гг. // Пленум ИА 1966 г. Секция «Античная археология». Тезисы докладов. М. 1966. С. 30–31.
- Сорокина Н.П. Раскопки некрополя Кеп в 1962–1964 гг. // КСИА. Вып. 109. 1967. С. 101–107.
- Сорокина Н.П. Средневековые погребения из некрополя города Кепы на Таманском полуострове // Экспедиции ГИМ. Доклады на сессии ученого совета ГИМ. 5–7 февраля 1969 г. М. С. 124–130.
- Сорокина Н.П. Терракоты из некрополя Кеп // САИ. Вып. Г1–11. М. 1974. С. 16–20.
- Сорокина Н.П. Античные стеклянные сосуды из раскопок некрополя боспорского города Кепы на Таманском полуострове // АМА. Вып. 3. 1977. С. 115–144.

Боспорские исследования, вып. XL

- Сорокина Н.П.* Поселение у поселка За Родину // АГСП. М. 1984. С. 86.
- Сорокина Н.П.* Новые данные по истории архитектурного ансамбля эпохи эллинизма на Азиатском Боспоре // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо – 1982. Тбилиси. 1985. С. 374–382.
- Сорокина Н.П.* Родосская амфора с граффити из Кеп // Проблемы античной культуры. М. 1986. С. 195–199.
- Сорокина Н.П.* Религия и короластика в античности. М. 1997.
- Сорокина Н.П.* Так называемые «кепские» клейма эпохи эллинизма и их расшифровка // Археологический сборник. Тр. ГИМ. Вып. 96. М. 1998. С. 26–31.
- Сорокина Н.П., Воронов А.А., Мелкумян Л.М., Стручалина Р.А.* Раскопки Второго городища у пос. За Родину Темрюкского района Краснодарского края // АО 1977 г. М. 1978. С. 143–144.
- Сорокина Н.П., Воронов А.А., Усачева О.Н., Мелкумян Л.М.* Работы Ахтанизовского отряда Таманской экспедиции // АО 1978 г. М. 1979. С. 147.
- Сорокина Н.П., Николаева Э.Я., Стручалина Р.А.* Раскопки второго городища у пос. За Родину Темрюкского р-на Краснодарского края // АО 1976 г. М. 1977. С. 122–123.
- Стручалина Р.А.* Поселение на Фанталовском полуострове (Саратовское) // Археологический сборник. Саратов. 1966. С. 116–130.
- Стручалина Р.А.* Раскопки Патрэя // АО 1969 г. М. 1970. С. 118–119.
- Стручалина Р.А.* Амфоры патрэйского производства // АМА. Вып. 2. 1974. С. 183–189.
- Стручалина Р.А.* Светильники в форме головы Силена из Патрэя // АМА. Вып. 3. 1977. С. 144–147.
- Таскаев В.Н.* Итоги и перспективы подводных археологических исследований в Таманском заливе // БС. Вып. 1. 1992. С. 212–217.
- Толстиков В.П.* К проблеме образования Боспорского государства (опыт реконструкции военнополитической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V в. до н.э.) // ВДИ. № 3. 1984. С. 24–48.
- Тохтасьев С.Р.* Апатур. История боспорского святилища Афродиты Урании // ВДИ. № 2. 1986. С. 138–145.
- Усачева О.Н.* Надгробия из Кеп с изображением женской фигуры // КСИА. Вып. 143. 1975. С. 96–98.
- Усачева О.Н.* Рельефная керамика из Кеп // КСИА. Вып. 156. 1978. С. 100–107.
- Усачева О.Н.* Терракотовые статуэтки из кургана вблизи Кеп // КСИА. Вып. 174. 1983. С. 77–82.
- Усачева О.Н.* Новая находка подражания римским денариям из Кеп // Проблемы античной культуры. М. 1986. С. 199–201.
- Усачева О.Н.* К вопросу о населении Азиатского Боспора в конце VI – начале V вв. до н.э. // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тезисы докладов III конференции молодых ученых ИА АН СССР. М. 1986а. С. 159–160.
- Усачева О.Н., Сорокина Н.П.* Кепы // АГСП. М. 1984. С. 84–86.
- Финогенова С.И.* Резные камни из раскопок Фанагории и Тирамбы // Тезисы докладов научной сессии ГМИИ 1975 г. М. 1976. С. 35–36.
- Финогенова С.И.* Резные камни из раскопок Фанагории и Тирамбы последних лет // Тезисы докладов XIV Международной конференции античников социалистических стран. Ереван. 1976а. С. 445–447.
- Финогенова С.И.* Резные камни из раскопок Фанагории и Тирамбы последних лет (из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина) // ВДИ. 3 №. 1978. С. 89–96.
- Финогенова С.И.* Поливная керамика из раскопок Таманского городища // СА. № 2. 1987. С. 192–211.
- Финогенова С.И.* Комплексное исследование античного святилища на Майской горе // Древности Кубани (материалы научно-практической конференции). Краснодар. 1991. С. 94–95.
- Формозов А.А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М. 1965.
- Формозов А.А.* Русские археологи до и после революции. М. 1995.
- Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М. 2004.
- Фролова Н.А.* Денежное обращение Боспора в 45–234 гг. н.э. // НС. Т. 5. 1974. С. 16–30.

Паромов Я.М. История археологических...

- Фролова Н.А. О римско-боспорских отношениях в I – середине III в. н.э. по нумизматическим данным // Нумизматика античного Причерноморья. Киев. 1982. С. 55–63.
- Фролова Н.А. Вторжения варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным // СА. № 4. 1989. С. 196–206.
- Харко Л.П. Экспедиционная деятельность ГМИИ // Жизнь музея. Бюллетень ГМИИ. Август. М. 1930. С. 77–79.
- Харко Л.П. Монетные находки из Фанагории // СГМИИ. Вып. 4. М. 1968. С. 94–99.
- Хачатурова Е.А. Терракотовые статуэтки в собраниях Краснодарского, Таманского и Темрюкского музеев // Тайны терракоты. Краснодар. 1987. С. 103–144.
- Цветаева Г.А. Боспор // Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. САИ. Вып. Г1–20. М. 1966. С. 17–21, 29–34.
- Цветаева Г.А. Производство расписной керамики в Фанагории в VI–V вв. до н.э. // КСИА. Вып. 130. 1972. С. 21–23.
- Циммерман К. Фрагменты аттических рыбных блюд в Эрмитаже // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л. 1979. С. 59–92.
- Чуистова Л.И. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // Археология и история Боспора. Т. II. Симферополь. 1962. С. 7–235.
- Чхаидзе В.Н. Фанагория в VI–X веках. М. 2012.
- Шавырина Т.Г. Раскопки некрополя Фанагории в 1978 г. // КСИА. Вып. 174. 1983. С. 69–73.
- Шелов Д.Б. Городище около хутора Ильичевка // КСИИМК. Вып. 37. 1951. С. 228–231.
- Шелов Д.Б. Монетная система городов Боспора в VI–V вв. до н.э. // МИА. № 19. М. 1951а. С. 125–135.
- Шелов Д.Б. Автономные монеты боспорских городов как исторический источник // Археология и история Боспора. Т. I. Симферополь. 1952. С. 149–156.
- Шелов Д.Б. Раскопки Западно-Цукурского поселения на Тамани // КСИИМК. Вып. 51. 1953. С. 159–165.
- Шелов Д.Б. Раскопки Западно-Цукурского поселения в 1952 г. // КСИИМК. Вып. 58. 1955. С. 96–99.
- Шелов Д.Б. К истории обращения пантикапейских медных монет // Нумизматика античного Причерноморья. Киев. 1982. С. 45–50.
- Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1984 год. М. 1985.
- Щапова Ю.Л. Стекланные изделия средневековой Тмутаракани // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М. 1963. С. 102–134.
- Яйленко В.П. Одна боспорская эпитафия // Проблемы античной культуры. М. 1986. С. 222–226.
- Яйленко В.П. Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М. 1987. С. 4–200.
- Яйленко В.П. Поход Савромата I против псеханов // Проблемы исследований античных городов. Тезисы. М. 1989. С. 131–132.
- Яйленко В.П. Поход Савромата I на Азиатский Боспор // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М. 1990. С. 216–228.
- Яйленко В.П. Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М. 1990а. С. 128–215.
- Яйленко В.П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М. 1990б. С. 249–309.
- Kondrashov A. Underwater investigations at Cape Panagia on the Taman Peninsula, Straits of Kerch // The International Journal of Nautical Archaeology (1995) 24.2. P. 109–119.
- Kuznetsov V.D. Archaeological Investigations in the Taman Peninsula // North Pontic Archaeology. Colloquia Pontica. Vol. 6. Leiden – Boston – Köln. 2001. P. 319–344.
- Lossewa N. Zwei Klazomenische Vasen // Archäologischer Anzeiger. 1929. № I/II: 43–47.
- Savostina E. Trouvaille de reliefs dans un établissement agricole du Bosphore Cimmerien (Taman) // Revue archéologique 1. 1987. P. 3–24.

REFERENCES

- Abramov A.P. Ekonomicheskie svyazi Patreia vtoroi poloviny VI – nachala V vv.do n.e. *Problemy arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (k 100-letiiu osnovaniia Khersonskogo muzeia drevnostei). Tezisy dokladov. Chast' vtoraiia*. Kherson, 1990, pp. 52–54.
- Abramov A.P. Patrei. Raskopki 1990–1991 gg. *BC*. Vyp. 4. 1994, pp. 127–140.
- Abramov A.P. Amfory VI–V vv.do n.e. v Severnom Prichernomor'e (klassifikatsiia i periodizatsiia) *Avtoref. cand.diss.* M., 2009.
- Abramov A.P., Piunova S.S. *Patrei. Raskopki 1990–1991 gg. Katalog vystavki*. M., 1995.
- Abramov A.P., Sazonov Iu.S. Kompleks amfor vtoroi chetverti V v.do n.e iz Patreia. *Drevnosti Severnogo Kavkaza i Prichernomor'ia*. M., 1991, pp. 68–76.
- Abramov A.P., Sazonov Iu.S. Keramika trekh podvodnykh kompleksov Patreia. *BC*. Vyp. 1. 1992, pp. 147–172.
- Alekseeva E.M. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia *SAI*. Vyp. G1–12. T. 1, 1975.
- Alekseeva E.M. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia *SAI*. Vyp. G1–12. T. 2, 1978.
- Alekseeva E.M. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia *SAI*. Vyp. G1–12. T. 3, 1982.
- Anokhin V.A. *Monetnoe delo Bospora*. Kiev, 1986.
- Antichnaia skul'ptura iz sobraniia Gosudarstvennogo Muzeia izobrazitel'nykh iskusstv imeni A.S. Pushkina*. M., 1987.
- Arzamanov G.F. Arkhaicheskaiia kapital' iz Tamani. *VDI*. № 4, 1989, pp. 49–54.
- Artamonov M.I. *Ocherki drevneishei istorii khazar*. L., 1937.
- Artamonov M.I. *Istoriia khazar*. L., 1962.
- Atavin A.G. Raboty srednevekovogo otriada Fanagorii. *AO 1982g*. M., 1984, pp. 107–108.
- Atavin A.G. Raskopki v Fanagorii. *AO 1984g*. M., 1986, pp. 90–91.
- Atavin A.G. Srednevekovye pogrebeniia iz Fanagorii. *SA*. № 1. 1986a, pp. 262–266.
- Atavin A.G. Vliianie prirodnnykh faktorov na zhizn' poselenii Tamanskogo poluostrova (na primere Fanagorii) *Metody estestvennykh nauk v arkheologii*. M., 1987, pp. 29–35.
- Atavin A.G. Raboty Fanagoriiskogo otriada. *AO 1985g*. M., 1987a, 126 p.
- Atavin A.G. Srednevekovaia Fanagoriia i ee mesto sredi odnovremennykh pamiatnikov Severnogo Prichernomor'ia. *Slaviane i ikh sosedi. Tezisy dokladov*. M., 1988, pp. 21–23.
- Basovskaia N.I., Dolgorukov V.S., Kuznetsov V.D., Shavyrina T.G. Raskopki v Fanagorii. *AO 1976g*. M., 1977, pp. 86–87.
- Basovskaia N.I., Dolgorukov V.S., Kuznetsov V.D., Shavyrina T.G., Iailenko V.P. Issledovaniia v Fanagorii. *AO 1977g*. M., 1978, pp. 104–105.
- Bashkirov A.S. Arkheologicheskoe obsledovanie Tamanskogo poluostrova letom 1926 goda. *Tr.Etnografiko-arkheologicheskogo muzeia IMGU*. № 3. M., 1927, pp. 26–40.
- Bashkirov A.S. Arkheologicheskoe obsledovanie Tamanskogo poluostrova letom 1927 goda. *Tr Sektsii arkheologii RANION*. Vyp. III. M., 1928, pp. 71–85.
- Bashkirov A.S. Otchet ob istoriko-arkheologicheskikh izyskaniakhna Tamanskom poluostrove letom 1948 g. *Uchenye zapiski MGPI*. T. 13. Vyp. 2. M., 1949, pp. 133–176.
- Bashkirov A.S. Istoriko-arkheologicheskie izyskaniia na Tamanskom poluostrove v 1949–1951 gg. (Na territorii drevnego goroda Patreia) *Uchenye zapiski Iaroslavskogo GPI*. Vyp. 22. Iaroslavl', 1957, pp. 309–382.
- Bashkirov A.S. Iz istorii Patreia v III–I vv.do n.e. (Po materialam Tamanskoi arkheologicheskoi ekspeditsii 1949–1951 gg.) *ZOAO*. T. 2 (35). Odessa, 1967, pp. 90–98.
- Bashkirov A.S., Murygina N.F., Nikonov I.E. Otchet o raskopkakh drevnego goroda Patreia (1961–1962 gg.). *Uchenye zapiski MGPI*. № 217. M., 1964, pp. 236–249.
- Belova N.S. Novaia zapis' iz Germonassy. *VDI*. № 1. 1967, pp. 60–69.
- Belova N.S. Epigraficheskie materialy fanagoriiskoi ekspeditsii. *VDI*. № 3. 1977, pp. 105–117.
- Belova N.S. Novaia nadpis' iz Germonassy i nekotorye zamechaniia o lapidarnoi epigrafike Bospora III v.do n.e. *VDI*. № 2. 1984, pp. 78–86.
- Blavatskaia T.V. Nadpis' Agafa iz Fanagorii. *VDI*. № 4. 1948, pp. 77–84.

Паромов Я.М. История археологических...

- Blavatsky V.D. Raskopki na Tamanskom poluostrove [v 1936 g.]. *Iskusstvo*. № 1. 1937, pp. 161–162.
- Blavatsky V.D. Raskopki na Tamanskom poluostrove v 1937 g. *Iskusstvo*. № 3. 1938, pp. 135–137.
- Blavatsky V.D. Raskopki v Fanagorii v 1938–1939 gg. *VDI*. № 3–4. 1940, pp. 287–300.
- Blavatsky V.D. Otchet o raskopkakh v Fanagorii v 1936–1937 gg. *Tr GIM*. Vyp. XVI. 1941 [1943], pp. 5–74.
- Blavatsky V.D. Raskopki v Fanagorii v 1940 g. *VDI*. № 1. 1941a, pp. 220–222.
- Blavatsky V.D. *Iskusstvo Severnogo Prichernomor'ia antichnoi epokhi*. M., 1947.
- Blavatsky V.D. O stroitel'nom dele Fanagorii. *Doklady I soobshcheniia Istoricheskogo fakul'teta MGU*. Vyp. 9. M., 1950, pp. 30–45.
- Blavatsky V.D. Sindskaiia arkheologicheskaiia ekspeditsiia 1951 goda. *VAN*. № 10. M., 1951, pp. 67–69.
- Blavatsky V.D. Raskopki nekropolia Fanagorii v 1938, 1939 i 1940 gg. *MIA*. № 19. M., 1951a, pp. 189–226.
- Blavatsky V.D. Pervyi god raboty Sindskoi ekspeditsii. *KSIIMK*. Vyp. 48. 1952, pp. 71–80.
- Blavatsky V.D. Vtoroi god rabot Sindskoi ekspeditsii. *KSIIMK*. Vyp. 51. 1953, pp. 149–155.
- Blavatsky V.D. *Zemledelie v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ia*. M., 1953a.
- Blavatsky V.D. *Istoriia antichnoi raspisnoi keramiki*. M., 1953b.
- Blavatsky V.D. Arkhaicheskii Bospor. *MIA*. № 33. M., 1954, pp. 7–44.
- Blavatsky V.D. *Ocherki voennogo dela v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ia*. M., 1954a.
- Blavatsky V.D. Tretii god rabot v Sindike. *KSIIMK*. Vyp. 58. 1955. C. 88–95.
- Blavatsky V.D. Fanagoriiskaia stennaia rospis'. *MIA*. № 57. M., 1956a, pp. 168–170.
- Blavatsky V.D. Chetvertyi god raskopok v Sindike. *KSIIMK*. Vyp. 70. 1957, pp. 118–129.
- Blavatsky V.D. Ob arkheologicheskom issledovanii khory. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. № 4. 1958, pp. 9–14.
- Blavatsky V.D. O podvodnoi arkheologii. *SA*. № 3. 1958a, pp. 73–89.
- Blavatsky V.D. Piatyi god rabot v Sindike. *KSIIMK*. Vyp. 74. 1959, pp. 41–48.
- Blavatsky V.D. *Antichnaia arkheologiia Severnogo Prichernomor'ia*. M., 1961.
- Blavatsky V.D. Podvodnye raskopki Fanagorii v 1959 g. *SA*. № 1. 1961a, pp. 277–279.
- Blavatsky V.D. Античная археология и история. M., 1985.
- Blavatsky V.D., Koshelenko G.A. *Otkrytie zatonuvshogo mira*. M., 1963.
- Blavatsky V.D., Kuzishchin V.I. Podvodnye razvedki v 1958 g. *KSIA*. Vyp. 83. 1961, pp. 136–138.
- Bogoslovskaiia I.N., Bogoslovsky O.V. Issledovanie srednevekovykh sloev Tamanskogo gorodishcha. *Arkheologicheskie raskopki na Kubani v 1989–1990 gg*. Eisk, 1992, pp. 8–11.
- Bogoslovsky O.V. Stekliannye braslety Tamanskogo gorodishcha. *Drevnosti Kubani*. Krasnodar, pp. 52–54.
- Boltunova A.I. Nadpis' Pifodoridy iz raskopok Germonassy. *VDI*. № 1. 1989, pp. 86–92.
- Chuiustova L.I. Antichnye I srednevekove vesovye sistemy, imevshie khozhdenie v Severnom Prichernomor'e. *Arkheologiia i istoriia Bospora*. T. II. Simferopol', 1962, pp. 7–235.
- Chkhaidze V.N. *Fanagoriia v VI-X vekakh*. M., 2012.
- Davydova L.I. Bosporskie nadgrobnnye rel'efy V v.do n.e. – III v.n.e. *Katalog vystavki*. L., 1990.
- Dan'shin D.I. Tri novykh nadpisi iz Fanagorii. *KSIA*. Vyp. 204. 1991, pp. 98–102.
- Desyatchikov Iu.M. Sarmaty na Tamanskom poluostrove *SA*. № 4. 1973, pp. 69–80.
- Desyatchikov Iu.M. Aziatsky Kimmerik. *Dostizheniia sovetskoi arkheologii v XI piatiletke. Tezisy Vseioznoi arkheologicheskoi konferentsii*. Baku, 1985, pp. 131–132.
- Desyatchikov Iu.M. K istorii aziatskogo Kimmerika. *Pervaia Kubanskaia arkheologicheskaiia konferentsiia. Tezisy dokladov*. Krasnodar, 1989, pp. 58–59.
- Desyatchikov Iu.M. Nekotorye aspekty vnutribosporskoii kolonizatsii. *Vtoraia Kubanskaia arkheologicheskaiia konferentsiia. Tezisy dokladov*. Krasnodar, 1993, pp. 32.
- Desyatchikov Iu.M. St. Golubitskaia. *Sbornik "20 let muzeiu M.Iu. Lermontova v Tamani". Taman' arkheologicheskaiia (II razdel)*. Temriuk, 1996, pp. 8–9.
- Desyatchikov Iu.M., Dolgorukov V.S. Patrei. *AGSP*. M., 1984, 86 p.
- Desyatchikov Iu.M., Dolgorukov V.S., Alekseeva E.M. Sel'skaia territorii [antichnye poseleniia na Tamanskom poluostrove]. *AGSP*. M., 1984, pp. 88–91.
- Desyatchikov Iu.M., Zaitsev A.K., Chernov Iu.V. Razvedki Kuchugurskogo otriada. *AO 1977 g*. M., 1978, 117 p.

Боспорские исследования, вып. XL

- Desyatchikov Iu.M., Miroshina T.V. Raboty Tamanskoj ekspeditsii. *AO* 1986 g. M., 1988, pp. 123–124.
- Desyatchikov Iu.M., Chernov Iu.V. Raskopki gorodishcha Kuchugury. *AO* 1976 g. M., 1977, pp. 95–96.
- Dolgorukov V.S. Pozdneantichnoe poselenie na gorodishche Batareika II. *KSIA*. Vyp. 109. 1967, pp. 116–123.
- Dolgorukov V.S. Fanagoriiskaia vinodel'nia. *AO* 1971g. M., 1972, pp. 145–146.
- Dolgorukov V.S. Issledovaniia beregovoi chasti Fanagorii v 1971–1972 gg. *KSIA*. Vyp. 143. 1975, pp. 54–59.
- Dolgorukov V.S. Fanagoriiskaia vinodel'nia I–II vv.n.e. *KSIA*. Vyp. 145. 1976, pp. 78–83.
- Dolgorukov V.S. Fanagoriia. *AGSP*. M., 1984, pp. 77–81.
- Dolgorukov V.S. Kurgany Bospora. *AGSP*. M., 1984a, pp. 95–98.
- Dolgorukov V.S. Raboty Tamansko-Fanagoriiskoi ekspeditsii. *AO* 1984g. M., 1986, pp. 95–96.
- Dolgorukov V.S. Liteinaia forma iz Fanagorii. *Problemy antichnoi kul'tury*. M., 1986a, pp. 145–149.
- Dolgorukov V.S. Issledovaniia Fanagorii. *AO* 1985g. M., 1987, pp. 136–137.
- Dolgorukov V.S. Issledovaniia v Fanagorii v 1986–1988 gg. *Pervaia Kubanskaia arkheologicheskaiia konferentsiia. Tezisy dokladov*. Krasnodar, 1989, pp. 132–134.
- Dolgorukov V.S. Nekotorye voprosy iz istorii i topografii rannei Fanagorii. *Problemy issledovaniia antichnykh gorodov Tezisy*. M. 1989a, pp. 41–42.
- Dolgorukov V.S. Nekotorye voprosy iz istorii i topografii rannei Fanagorii. *KSIA*. Vyp. 197. 1990, pp. 30–37.
- Dolgorukov V.S. Novye issledovaniia v Fanagorii. *Drevnosti Kubani (materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii)*. Krasnodar, 1991, pp. 41–43.
- Dolgorukov V.S., Kolesnikov A.B. Novye dannye o stroitel'nykh kompleksakh Fanagorii. *Problemy issledovaniia antichnykh gorodov. Tezisy*. M., 1989, pp. 42–43.
- Dolgorukov V.S., Kolesnikov A.B. Novyi tip stroitel'nykh kompleksov Fanagorii. *RA*. № 1. 1993, pp. 113–132.
- Dolgorukov V.S., Maslennikov A.A., Shavyrina T.G. Okhrannye raboty Fanagoriiskoi ekspeditsii. *AO* 1974 g. M., 1975, pp. 107–109.
- Dolgorukov V.S., Sokol'sky N.I., Sorokina N.P., Struchalina R.A. Raboty Tamanskoj ekspeditsii. *AO* 1970 g. M., 1971, pp. 118–121.
- Emets I.A. Drevnegrecheskie graffiti s poseleniia “Krasnoarmeiskoe”. *Voprosy istorii i arkheologii Bospora*. Voronezh-Belgorod, 1991, pp. 20–25.
- Finogenova S.I. Reznye kamni iz raskopok Fanagorii i Tiramby. *Tezisy dokladov nauchnoi sessii GMII 1975 g.* M., 1976, pp. 35–36.
- Finogenova S.I. Reznye kamni iz raskopok Fanagorii i Tiramby poslednikh let. *Tezisy dokladov XIV Mezhdunarodnoi konferentsii antichnikov sotsialisticheskikh stran*. Erevan, 1976a, pp. 445–447.
- Finogenova S.I. Reznye kamni iz raskopok Fanagorii i Tiramby poslednikh let (Iz sobraniia GMII im. A.S. Pushkina). *VDI*. № 3, 1978, pp. 89–96.
- Finogenova S.I. Polivnaia keramika iz raskopok Tamanskogo gorodishcha. *SA*. № 2, 1987, pp. 192–211.
- Finogenova S.I. Kompleksnoe issledovanie antichnogo sviatilishcha na Maiskoj gore. *Drevnosti Kubani (materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii)*. Krasnodar, 1991, pp. 94–95.
- Formozov A.A. *Kamennyi vek i eneolit Priukuban'ia*. M., 1965.
- Formozov A.A. *Russkie arkheologi do i posle revoliutsii*. M., 1995.
- Formozov A.A. *Russkie arkheologi v period totalitarizma: Istoriograficheskie ocherki*. M., 2004.
- Frolova N.A. Denezhnoe obrashchenie Bospora v 45–234 gg.n.e. *NS*. T. 5. 1974, pp. 16–30.
- Frolova N.A. O rimsko-bosporskikh otnosheniakh v I – seredine III v.n.e. po numizmaticheskim dannym. *Numizmatika antichnogo Prichernomor'ia*. Kiev, 1982, pp. 55–63.
- Frolova N.A. Vtorzheniia varvarskikh plemen v goroda Severnogo Prichernomor'ia po numizmaticheskim dannym. *SA*. № 4, 1989, pp. 196–206.
- Gaidukevich V.F. Antichnye keramicheskie obzhigatelnye pechi. Po raskopkam v Kerchi I Fanagorii v 1929–1931 gg. *IGAIMK*. Vyp. 80. L., 1934.
- Gaidukevich V.F. *Bosporskoe tsarstvo*. M.-L., 1949.
- Gaidukevich V.F. Istoriia antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ia. *Antichnye goroda Severnogo Prichernomor'ia*. M.-L., 1955, pp. 23–147.
- Gaidukevich V.F. Nekropoli nekotorykh bosporskikh gorodov. *MIA*. № 69. M.-L., 1959, pp. 154–238.

Паромов Я.М. История археологических...

- Gerasimova M.M. Naselenie antichnoi Fanagorii po paleoantropologicheskim dannym. *KSIA*. Vyp. 145. 1976, pp. 109–112.
- Gerasimova M.M., Rud' N.M., Iablonsky L.T. *Antropologiya antichnogo I srednevekovogo naseleniya Vostochnoi Evropy*. M., 1987.
- Gerts K.K. *Arkheologicheskaya topografiya Tamanskogo poluostrova*. M., 1870.
- Golenko K.V. Monety iz sluchainykh nakhodok v Patree (1947–1950 gg.). *VDI*. № 3. 1952, pp. 147–155.
- Golenko K.V. Podrazhaniya vizantiiskim monetam X–XI vv., naidennye na Tamanskom poluostrove. *Vizantiiskii vremennik*. T. VII. 1953.
- Golenko K.V. K utochneniiu datirovki odnoi gruppy monet Fanagorii. *KSIMK*. Vyp. 58. 1955, pp. 139–141.
- Golenko K.V. Klad monet, naidennyi v 1951 g. v Patree. (Predvaritel'noe soobshchenie). *SA*. № 2. 1957, pp. 197–204.
- Golenko K.V. Vtoroi Patreiskii klad monet (1951 g.). *NE*. T. I. M., 1960, pp. 223–289.
- Golenko K.V. Tamanskii klad monet. *Klio*. Vyp. 54. 1972, pp. 142–154.
- Gol'dshtein F., Korovina A.K., Finogenova S.I. Raskopki Tmutarakani-Germonassy. *AO 1973g*. M., 1974, pp. 105–106.
- Gorlov Iu.V. K istorii Fanagorii v IV v.do n.e. *Problemy antichnoi kul'tury*. M., 1986, pp. 135–137.
- Grakov B.N. Englificheskije kleima na gorlakh nekotorykh ellinisticheskikh ostrodonnykh amfor. *Tr. GIM*. Vyp. 1. M., 1926, pp. 165–206.
- Grakov B.N. *Drevne-grecheskie keramicheskie kleima s imenami astinonov*. M., 1929.
- Grach N.L. Bronzovoe zerkalo iz Tamanskogo pogrebeniya. *Tr.GE*. T. VII. L., 1962, pp. 93–106.
- Grach N.L. Opisanie statuetok iz Germonassy v Gosudarstvennom Ermitazhe. *SAI*. Vyp. G1–11. Part IV. M., 1974, pp. 40–41.
- Grach N.L. Terrakotovye statuetki iz kurgana Bol'shaia Bliznitsa. *SAI*. Vyp. G1–11. Part IV. M., 1974a, pp. 36–39.
- Gurov A.N. Feodosiya i Fanagoriya v sisteme Bosporskogo gosudarstva. *Iz istorii antichnogo obshchestva*. Vyp. 3. Gor'ky, 1983, pp. 50–58.
- Iailenko V.P. Odnа bosporskaia epitafiya. *Problemy antichnoi kul'tury*. M., 1986, pp. 222–226.
- Iailenko V.P. Materialy po bosporskoj epigrafike. *Nadpisi i iazyki drevnei Maloi Azii, Kipra i antichnogo Severnogo Prichernomor'ia*. M., 1987, pp. 4–200.
- Iailenko V.P. Pokhod Savromata I protiv psekanov. *Problemy issledovaniy antichnykh gorodov*. Tezisy. M., 1989, pp. 131–132.
- Iailenko V.P. Pokhod Savromata I na aziatskii Bospor. *Epigraficheskie pamiatniki i iazyki drevnei Anatolii, Kipra i Antichnogo Severnogo Prichernomor'ia*. M. 1990, pp. 216–228.
- Iailenko V.P. Dinasticheskaya istoriya Bospora ot Mitridata Evpatora do Kotisa I. *Epigraficheskie pamiatniki i iazyki drevnei Anatolii, Kipra i Antichnogo Severnogo Prichernomor'ia*. M., 1990a, pp. 128–215.
- Iailenko V.P. Ol'viya i Bospor v ellinisticheskuiu epokhu. *Ellinizm: ekonomika, politika, kul'tura*. M. 1990b, pp. 249–309.
- Ievlev M.M. Paleograficheskaya obstanovka v stepnykh rayonakh Severnogo Prichernomor'ia v VII–V vv.do n.e. *Kimmeritsy i skify*. Part 1. Kirovograd, 1987, pp. 64–66.
- Iessen A.A. *Grecheskaya kolonizatsiya Severnogo Prichernomor'ia*. L., 1947.
- Iessen A.A., Miller A.A. Tamanskaya ekspeditsiya 1931 g. *SGAIMK*. № 11–12. 1932, pp. 58–61.
- Ivanchik A.I., Peters B.G. Grecheskaya nadpis' iz raskopok Patreia v 1986 g. *VDI*. № 2. 1988, pp. 119–121.
- Ivanov A.F., Matskevoi L.G. Issledovaniya na Kubani. *AO 1973 g*. M., 1974, pp. 109–110.
- Ivanova A.P. *Skul'ptura i zhivopis' Bospora*. Kiev, 1961.
- Kazamanova L.N. Monety iz raskopok Germonassy v 1955–1956 gg. *NE*. T. II. M., 1960, pp. 46–56.
- Kalashnikov M.V. Arkheologicheskie issledovaniya na komplekse pamiatnikov 140. Krasnoarmeiskii – I. *Pervaya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya. Tezisy dokladov*. Krasnodar, 1989, pp. 59–60.
- Kalashnikov M.V. Raskopki poseleniya Krasnoarmeiskoe. *Drevnosti Kubani (materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii)*. Krasnodar, 1991, pp. 48–50.

Боспорские исследования, вып. XL

- Kalashnikov M.V. Rabota Zaporozhskoi ekspeditsii IA AN SSSR v 1989-1990 gg. *Arkheologicheskie raskopki na Kubani v 1989-1990 gg.* Eisk, 1992, pp. 25–29.
- Kallistov D.P. *Ocherki po istorii Severnogo Prichernomor'ia antichnoi epokhi.* L., 1949.
- Kallistov D.P. *Severnoe Prichernomor'e v antichnuiu epokhu.* M., 1952.
- Kharko L.P. Ekspeditsionnaia deiatel'nost' GMII. *Zhizn' muzeia. Biulleten' GMII.* Avgust. M. 1930, pp. 77–79.
- Kharko L.P. Monetnye nakhodki iz Fanagorii. *SGMII.* Vyp. 4. M., 1968, pp. 94–99.
- Khachaturova E.A. Terrakotovyie statuetki v sobraniakh Krasnodarskogo, Tamanskogo i Temriukского музеев. *Tainy terrakoty.* Krasnodar, 1987, pp. 103–144.
- Kobylyina M.M. Pamiatniki iskusstva Bospora iz raskopok GMII. *Pamiatniki iskusstva. Biulleten' GMII.* № 2. M., 1947, pp. 16–20.
- Kobylyina M.M. Novyi pamiatnik bosporskogo iskusstva – stela Agafa. *VDI.* № 4. 1948, pp. 85–90.
- Kobylyina M.M. Fanagoriiskaia ekspeditsiia. *KSIIMK.* Vyp. 27. 1949, pp. 46–51.
- Kobylyina M.M. Terakoty Fanagorii mestnogo proizvodstva. *VDI.* № 2. 1949a, pp. 107–113.
- Kobylyina M.M. Raskopki Fanagorii. *KSIIMK.* Vyp. 33. 1950, pp. 89–95.
- Kobylyina M.M. Raskopki Fanagorii. *KSIIMK.* Vyp. 37. 1951, pp. 232–237.
- Kobylyina M.M. Raskopki “Iuzhnogo” nekropolia Fanagorii v 1947g. *MIA.* № 19. M., 1951a, pp. 236–240.
- Kobylyina M.M. Raskopki “Vostochnogo” nekropolia Fanagorii v 1948g. *MIA.* № 19. M., 1951b, pp. 241–249.
- Kobylyina M.M. Raskopki Fanagorii. *KSIIMK.* Vyp. 51. 1953. C. 122–127.
- Kobylyina M.M. Fanagoriia. *MIA.* № 57. M., 1956, pp. 5–101.
- Kobylyina M.M. Fanagoriiskii sklep. *KSIIMK.* Vyp. 70. 1957, pp. 143–146.
- Kobylyina M.M. Novye dannye o fanagoriiskikh vinodel'niakh. *KSIIMK.* Vyp. 74. 1959, pp. 20–24.
- Kobylyina M.M. *Terrakotovyie statuetki Pantikapeia i Fanagorii.* M., 1961.
- Kobylyina M.M. Cherty eoliiskoi kul'tury v arkhaicheskoi Fanagorii. *SA.* № 4. 1961a, pp. 271–274.
- Kobylyina M.M. Issledovaniia Fanagorii v 1959-1960 i 1962 gg. *SA.* № 4. 1963, pp. 129–138.
- Kobylyina M.M. Raskopki tsentral'noi chasti Fanagorii v 1959-1960 gg. *KSIA.* Vyp. 95. 1963a, pp. 97–103.
- Kobylyina M.M. Kul'tura Fanagorii dosarmatskogo perioda. *Antichnyi gorod.* M., pp. 84–96.
- Kobylyina M.M. Otkrytiia v Fanagorii. *AO 1965 g.* M., 1966, pp. 103–106.
- Kobylyina M.M. Keramicheskoe proizvodstvo Fanagorii v IV v. *SA.* № 3. 1966a, pp. 172–186.
- Kobylyina M.M. Raskopki iugo-vostochnogo raiona Fanagorii v 1964-1965 gg. *Plenum IA AN SSSR 1966g. Tezisy dokladov.* M., 1966b, pp. 19.
- Kobylyina M.M. Raskopki iugo-vostochnogo raiona Fanagorii v 1964 g. *KSIA.* Vyp. 109. 1967, pp. 124–129.
- Kobylyina M.M. Sooruzheniia V v.do n.e. na iuzhnoi okraine Fanagorii. *KSIA.* Vyp. 116. 1969, pp. 98–104.
- Kobylyina M.M. Raskopki Fanagorii. *AO 1968 g.* M., 1969a, pp. 90–92.
- Kobylyina M.M. Kvartal remeslennikov na iuzhnoi okraine Fanagorii. *KSIA.* Vyp. 124. 1970, pp. 69–72.
- Kobylyina M.M. Raskopki Fanagorii. *AO 1969 g.* M., 1970a, pp. 109–112.
- Kobylyina M.M. Raskopki Fanagorii. *AO 1970 g.* M., 1971, pp. 110–112.
- Kobylyina M.M. Fanagoriiskaia ekspeditsiia. *AO 1971 g.* M., 1972, pp. 143–145.
- Kobylyina M.M. Raskopki Fanagorii. *Tezisy dokladov, posviashchennykh itogam polevykh issledovaniy v 1971 g.* M., 1972a, pp. 97.
- Kobylyina M.M. *Antichnaia skul'ptura Severnogo Prichernomor'ia.* M., 1972b.
- Kobylyina M.M. Fanagoriiskaia krovel'naia cherepitsa pervykh vekov nashei ery. *KSIA.* Vyp. 130. 1972v, pp. 112–114.
- Kobylyina M.M. Raskopki Fanagorii. *AO 1972 g.* M., 1973, pp. 129–131.
- Kobylyina M.M. Terrakotovyie statuetki Fanagorii. *SAI.* Vyp. G1–11. Part IV. M., 1974, pp. 20–30.
- Kobylyina M.M. Terrakotovyie statuetki s gorodishcha v sovkhoe “Zaliv”. *SAI.* Vyp. G1–11. Part IV. M., 1974a, pp. 30–31.
- Kobylyina M.M. Terrakotovyie statuetki sindskikh poselenii. *SAI.* Vyp. G1–11. Part IV. M., 1874b, pp. 41–42.
- Kobylyina M.M. Shtamp s izobrazheniem Tikhi iz Fanagorii. *KSIA.* Vyp. 143. 1975, pp. 63–66.
- Kobylyina M.M. Raskopki tsentral'noi chasti Fanagorii. *AO 1974 g.* M., 1975a, pp. 111–112.

Паромов Я.М. История археологических...

- Kobylyina M.M. Raskopki tsentral'noi chasti Fanagorii s 1969 po 1974 gg. *Noveishie otkrytiia sovetskikh arkheologov. Tezisy dokladov konferentsii*. Part 2. Kiev, 1975b, pp. 59.
- Kobylyina M.M. Zolotoi stater Lisimakha iz Fanagorii. *Drevniaia Rus' i slaviane*. M., 1978, pp. 88–95.
- Kobylyina M.M. *Izobrazheniia vostochnykh bozhestv v Severnom Prichernomor'e v pervye veka n.e.* M., 1978a.
- Kobylyina M.M. Razrushenie gunnov v Fanagorii. *Voprosy drevnei i srednevekovoi arkheologii Vostochnoi Evropy*. M., 1978b.
- Kobylyina M.M. Stranitsy rannei istorii Fanagorii. *SA*. № 2. 1983, pp. 51–61.
- Kobylyina M.M. Fanagoriia. M., 1989.
- Kobylyina M.M., Dolgorukov V.S. Raskopki Fanagorii. *AO 1973 g.* M., 1974, pp. 111–113.
- Kondrashev A.V. Nakhodki drevnykh iakorei u Kavkazskikh beregov. *Drevnosti Kubani (materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii)*. Krasnodar, 1991, pp. 59–61.
- Kondrashev A.V. Podvodnye issledovaniia u mysa Panagiia. *Drevnosti Kubani I Chernomor'ia*. Krasnodar, 1993, pp. 84–90.
- Kondrashov A. Underwater investigations at Cape Panagia on the Taman Peninsula, Straits of Kerch // *The International Journal of Nautical Archaeology* (1995) 24.2. pp. 109–119.
- Korovina A.K. K voprosu ob izuchenii Semibratnykh kurganov. *SA*. № 2. 1957, pp. 174–187.
- Korovina A.K. Raskopki v Fanagorii i Tirambe v 1962 g. *Tezisy dokladov nauchnoi sessii, posviashchennoi itogam raboty GMII za 1962 g.* M., 1963, pp. 19–20.
- Korovina A.K. Drevniaia Tiramba. *VDI*. № 3. 1963a, pp. 126–131.
- Korovina A.K. K voprosu o pamiatnikakh epokhi bronzy na Tamanskom poluostrove (Kamennaia grobnitsa iz raskopok 1960 g.). *SGMII*. Vyp. II. M.-L., 1964, pp. 34–38.
- Korovina A.K. Nekropoli Sindiki VI-II vv.do n.e kak istochnik dlia izucheniia vzaimodeistviia grecheskikh i varvarskikh elementov v istorii Aziatskogo Bospora. *Kand.dis. Arkh. IA RAN: R-2*. № 1914. M., 1964a.
- Korovina A.K. Nekropoli Sindiki VI-II vv.do n.e kak istochnik dlia izucheniia vzaimodeistviia grecheskikh i varvarskikh elementov v istorii Aziatskogo Bospora. *Kand.dis. Arkh. IA RAN: R-2*. № 1914. M., 1964b.
- Korovina A.K. Raskopki nekropolia Fanagorii v 1964 g. *Materialy sessii, posviashchennoi itogam arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovani 1964 g. V SSSR. Tezisy dokladov*. Baku, 1965, pp. 108–109.
- Korovina A.K. Raskopki nekropolia Fanagorii v 1964 g. *KSI A*. Vyp. 109. 1967, pp. 130–135.
- Korovina A.K. Tiramba (gorodishche i nekropol'). Itog arkheologicheskikh rabot ekspeditsii GMII im. A.S. Pushkina za 1959, 1961–1963 i 1965 gody. *SGMII*. Vyp. 4. M., 1968, pp. 54–84.
- Korovina A.K. Raskopki nekropolia Tiramby. *AO 1968 g.* M., 1969, pp. 113–114.
- Korovina A.K. Faiansovye podveski iz nekropolei Tiramby i Fanagorii. *VDI*. № 1. 1972, pp. 104–112.
- Korovina A.K. Terrakoty Tiramby. *SAI*. Vyp. G1–11. Part IV. M., 1974, pp. 11–13.
- Korovina A.K. Raskopki Tmutarakani-Germonassy v 1973. *Tezisy dokladov nauchnoi sessii, posviashchennoi itogam raboty GMII za 1973 g.* M., 1974a, pp. 25–26.
- Korovina A.K. Terrakotovye statuetki Germonassy. *SAI*. Vyp. G1–11. Part IV. M., 1974b, pp. 39–41.
- Korovina A.K. Raskopki Tmutarakani-Germonassy. *AO 1975 g.* M., 1976, pp. 128–129.
- Korovina A.K. Raskopki drevnei Tmutarakani-Germonassy. *AO 1976 g.* M., 1977, pp. 105.
- Korovina A.K. Raskopki Tamanskogo gorodishcha. *AO 1978 g.* M., 1979, pp. 131–132.
- Korovina A.K. Raskopki Germonassy-Tmutarakani. *AO 1979 g.* M., 1980, pp. 113–114.
- Korovina A.K. Raskopki Tmutarakani-Germonassy. *AO 1980 g.* M., 1981, pp. 105–106.
- Korovina A.K. Mestnye cherty pogrebal'nogo obriada v rannikh mogilakh nekropolia Tiramby. *Demograficheskaiia situatsiia v Prichernomor'e v period velikoi grecheskoi kolonizatsii*. Tbilisi, 1981, pp. 267–273.
- Korovina A.K. Raskopki Germonassy-Tmutarakani. *AO 1981 g.* M., 1983, pp. 121–122.
- Korovina A.K. Iz istorii ellinisticheskoi Germonassy. *Drevnie kul'tury Evrazii I antichnaia tsivilizatsiia. Kratkie tezisy dokladov nauchnoi konferentsii*. L., 1983a, pp. 42–43.

Боспорские исследования, вып. XL

- Korovina A.K. Aziatskii Bospor. *Vystavka iz sobranii muzeev Bolgarii, Rumynii i Soiuzn. Katalog vystavki.* M., 1983b.
- Korovina A.K. Germonassa. Гермонасса. *AGSP.* M., 1984, pp. 81–82.
- Korovina A.K. Tiramba. *AGSP.* M., 1984a, 87 p.
- Korovina A.K. Raskopki Germonassy za poslednie tri sezona (1981–1983 gg.). *Tezisy dokladov nauchnoi sessii, posviashchennoi itogam raboty GMII za 1983g.* M., 1985, pp. 19–21.
- Korovina A.K. Pozdneantichnaia Germonassa (po materialam raskopok 1973–1975 gg.) *Problemy antichnoi kul'tury.* M., 1986, pp. 160–168.
- Korovina A.K. Nekropol' Fanagorii (raskopki 1964–1965). *SGMII.* Vyp. 8. M., 1987, pp. 71–109.
- Korovina A.K. Perstni iz nekropolei Fanagorii i Tiramby. *SGMII.* Vyp. 8. M. 1987a, pp. 137–146.
- Korovina A.K. K Raskopki nekropolia Tiramby (1966–1970). *SGMII.* Vyp. 8. M., 1987b, pp. 3–70.
- Korovina A.K. Vinodel'ni Germonassy. Винодельни Гермонассы. *KSIA.* Vyp. 191. 1987v, pp. 60–67.
- Korovina A.K. Raskopki Tamanskogo gorodishcha v 1986 g. *Tezisy dokladov nauchnoi sessii, posviashchennoi itogam raboty GMII za 1986 g.* M., 1987, pp. 11–12.
- Korovina A.K. Istorii issledovaniia Tamanskogo gorodishcha. *SGMII.* Vyp. 10. M., 1992, pp. 7–40.
- Kropotkin V.V. Klady rimskikh monet na territorii SSSR. *SAI.* Vyp. Г4–4. M., 1961.
- Kropotkin V.V. Klady vizantiiskikh monet na territorii SSSR. *SAI.* Vyp. E4–4. M., 1962.
- Kropotkin V.V. Vizantiiskie monety na Tamatarkhi-Tmutarakani. *Keramika i steklo drevnei Tmutarakani.* M., 1963, pp. 175–185.
- Kruglikova I.T. Fanagoriiskaia mestnaia keramika iz gruboi gliny. *MIA.* № 19. M., 1951, pp. 87–106.
- Kruglikova I.T. *Sel'skoe khoziaistvo Bospora.* M., 1975.
- Krushkol Iu.S. Raskopki drevnego Peatreia v 1949 g. *VDI.* № 2. 1950, pp. 231–233.
- Krushkol Iu.S. Raskopki drevnego Peatreia v 1950 g. *VDI.* № 2. 1951, pp. 225–228.
- Krushkol Iu.S. Monety Fanagoriiskogo gorodishcha raskopok 1937 i 1939 gg. Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia. *CA.* T. XV. M., 1951a, pp. 256–272.
- Krushkol Iu.S. Monety s monogrammami iz Patreiskogo klada 1950 g. *VDI.* № 3. 1952, pp. 137–147.
- Krushkol Iu.S. Patreiskii klad 1950 g. *KSIIMK.* Vyp. 66. 1956, pp. 116–117.
- Krushkol Iu.S. Monety iz raskopok Patreia 1949–1951 gg. *VDI.* № 3. 1958, pp. 136–142.
- Krykin S.M. Kul'tovyi (?) kompleks na iuzhnoi okraine Fanagorii. *Aktual'nye problem istoriko-arkheologicheskikh issledovani. Tezisy dokladov.* Kiev, 1987, pp. 85–86.
- Krykin S.M. Novye terrakoty vsadnikov iz Fanagorii. *KSIA.* Vyp. 191. 1987a, pp. 57–59.
- Kublanov M.M. K istorii Aziatskogo Bospora. *SA.* T. XXIX–XXX. 1959, pp. 203–236.
- Kuznetsov V.D. Kepy: ioniskaia keramika. *SA.* № 4. 1991, pp. 36–52.
- Kuznetsov V.D. Rannie apoikii Severnogo Prichernomor'ia. *KSIA.* Vyp. 204. 1991a, pp. 31–37.
- Kuznetsov V.D. Raskopki v Kepkh Раскопки в Кепях 1984–1989 gg. *Ocherki arkheologii i istorii Bospora.* M., 1992, pp. 28–45.
- Kuznetsov V.D. Kepy. *Sbornik "20 let muzeiu M.Iu. Lermontova v Tamani". Taman' arkheologicheskaiia (II razdel).* Temriuk, 1996, pp. 44–47.
- Kuznetsov V.D., Maslennikov A.A., Shavyrina T.G. Raboty Fanagoriiskoi ekspeditsii. *AO 1978 g.* M., 1979, pp. 134.
- Kuznetsov V.D. Archaeological Investigations in the Taman Peninsula // North Pontic Archaeology. *Colloquia Pontica.* Vol. 6. Leiden – Boston – Köln. 2001. P. 319–344.
- Latysheva V.A. Literaturnye istochniki po istorii Bospora rubezha nashei ery. *Voprosy istorii i arkheologii Bospora.* Voronezh-Belgorod, 1991, pp. 37–52.
- Liapushkin I.I. Slaviano-russkie poseleniia IX–XII st. na Donu i Tamani po arkheologicheskim pamiatnikam. *MIA.* № 6. M.-L., 1941.
- Loseva N.M. Fragment krasnofigurnogo kilika iz Fanagorii. *KSIIMK.* Vyp. XXII. 1948, pp. 59–61.
- Loseva N.M. Krasnolakovaia keramika Bospora (II v.do n.e. – IV v.n.e.) po materialam Pantikapeia i Fanagorii. *Avtoref. kand. diss.* M., 1950.
- Loseva N.M. Krasnofigurnaia keramika Fanagorii iz raskopok 1938–1962 gg. *SGMII.* Vyp. 4. M., 1968, pp. 85–93.

Паромов Я.М. История археологических...

- Loseva N.M. Atticheskaia krasnofigurnaia keramika Pantikapeia I Fanagorii po dannym sovremennykh raskopok. *150 let Odesskomu arkheologicheskemu muzeiu AN USSR. Tezisy dokladov iubileinoi konferentsii*. Kiev, 1975, pp. 145.
- Lossewa N. Zwei Klazomenische Vasen // *Archäologischer Anzeiger*. 1929. № I/II: 43–47.
- Lunin B.V. Sergei Frantsevich Voitsekhovskiy. *SГАІМК*. № 3/4. 1932, pp. 64–65.
- Makarova T.I. Polivnaia keramika Tamanskogo gorodishcha. *Keramika i steklo drevnei Tmutarakani*. M., 1963, pp. 73–101.
- Makarova T.I. Polivnaia posuda. Iz istorii keramicheskogo importa i proizvodstva drevnei Rusi. *SAI*. Vyp. E1–38. M., 1967.
- Makarova T.I. Figurka voina iz Tmutarakani. *SA*. № 3. 1972, pp. 324–331.
- Marchenko I.D. Raskopki vostochnogo nekropolia Fanagorii v 1951 g. *MIA*. № 57. M., 1956, pp. 102–127.
- Marchenko I.D. Raskopki v Pantikapee i na Malaiskoi gore v 1961 g. *Tezisy dokladov nauchnoi sessii, posviashchennoi itogam raboty GMII za 1961g.* M., 1961, pp. 6–7.
- Marchenko I.D. Novye dannye ob antichnom sviatilishche vblizi Fanagorii. *50 let GMII*. M., 1962, pp. 132–133.
- Marchenko I.D. Nekotorye itogi raskopok na Maiskoi gore. *KSIA*. Vyp. 95. 1963, pp. 86–90.
- Marchenko I.D. Raskopki Pantikapeia i Maiskoi gory v 1963 g. *Tezisy dokladov nauchnoi sessii, posviashchennoi itogam raboty GMII za 1963g.* M., 1964, pp. 15–16.
- Marchenko I.D. Arkheologicheskaiia deiatel'nost' Gosudarstvennogo muzeia izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina za sorok let. *SGMII*. Vyp. 4. M., 1968, pp. 3–26.
- Marchenko I.D. Terrakoty iz sviatilishcha na Maiskoi Gore (Blevake). *SAI*. Vyp. G1–11. Ч. IV. M., 1974, pp. 31–35.
- Marchenko I.D. O kul'ture Afrodity na Tamani. *Istoriia i kul'tura antichnogo mira*. M., 1977, pp. 121–126.
- Maslennikov A.A. Skorchennye pogrebeniia v gruntovykh nekropoliakh bosporskikh gorodov. *SA*. № 3. 1976, pp. 112–127.
- Maslennikov A.A. K voprosu o pogrebeniiax dandariev. *Istoriia i kul'tura antichnogo mira*. M., 1977, pp. 127–131.
- Maslennikov A.A. Etnicheskii sostav naseleniia bosporskikh gorodov v VI–V vv. do n.e. *SA*. № 1. 1978, pp. 24–37.
- Maslennikov A.A. *Naselenie Bosporskogo gosudarstva v VI–II vv. do n.e.* M., 1981.
- Maslennikov A.A. Nekropoli gorodov Aziatskogo Bospora v pervye veka n.e. *SA*. № 1. 1985, pp. 61–74.
- Maslennikov A.A. *Naselenie Bosporskogo gosudarstva v pervykh vekakh n.e.* M., 1990.
- Medyntseva A.A. *Tmutarakanskii kamen'*. M., 1979.
- Merpert N.Ia. Fanagoriiskie cherepitsy iz raskopok 1938 g. *MIA*. № 19. M., 1951, pp. 227–235.
- Miller A.A. Tamanskaia ekspeditsiia GAIMK. *SГАІМК*. № 1. 1931, pp. 26–29.
- Miller A.A. Tamanskaia ekspeditsiia GAIMK v 1931 g. *SГАІМК*. № 3–4. 1932, pp. 58–60.
- Miller A.A. Tamanskaia ekspeditsiia GAIMK v 1931 g. *SГАІМК*. № 7–8. 1932a, pp. 67–68.
- Miller A.A. Vystavka rabot ekspeditsii Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury. *SГАІМК*. № 7–8. 1932b, pp. 43–50.
- Miller A.A. *Arkheologicheskie razvedki*. M.-L., 1934.
- Miroshina T.V., Sazanov A.V. Terrakoty iz nekropolia u pos. Kuchugury. *KSIA*. Vyp. 197. 1990, pp. 73–78.
- Nasonov A.N. Tmutarakan' v istorii vostochnoi Evropy X veka. *Istorieskie zapiski*. T. 6. M., 1940.
- Neverov O.Ia. Gruppy ellinisticheskikh bronzovykh perstnei v sobranii Ermitazha: (K voprosu o vremeni proniknoveniia egipetskikh kul'tov v Severnoe Prichernomor'e). *VDI*. № 1. 1974, pp. 106–115.
- Neverov O.Ia. *Antichnye intalii v sobranii Ermitazha*. L., 1976.
- Neverov O.Ia. Portretnye gemmy i perstni iz Severnogo Prichernomor'ia. *Tr.GE*. T. XVII. JL., 1976a, pp. 166–182.
- Neverov O.Ia. Bronzovy persten' iz Fanagorii s portretom armianskogo tsaria. *Vestnik obshchestvennykh nauk AN Armianskoi SSR*. № 3. Erevan, 1981, pp. 73–78.
- Neverov O.Ia. *Gemmy antichnogo mira*. M., 1983.

Боспорские исследования, вып. XL

- Neverov O.Ia. *Antichnye kamei v sobranii Ermitazha*. L., 1988.
- Nikolaeva E.Ia. Drevneishaia katakombnaia kul'tura Severnogo Kavkaza I problema poivleniia katakombnogo obriada v Vostochnoi Evrope. *Katakombnye kul'tury Severnogo Kavkaza*. Ordzhonikidze, 1981, pp. 4–26.
- Nikolaeva E.Ia. Raskopki gorodishcha Kepy v 1964 g. *KSIA*. Vyp. 109. 1967, pp. 94–100.
- Nikolaeva E.Ia. Raskopki v Kepakh. *AO* 1972 g. M., 1973, pp. 142–143.
- Nikolaeva E.Ia. Poselenie Vodoprovodnoe na Tamanskom poluostrove. *KSIA*. Vyp. 133. 1973a, pp. 97–102.
- Nikolaeva E.Ia. Raskopki v Kepakh. *AO* 1973g. M., 1974, pp. 120–121.
- Nikolaeva E.Ia. Terrakoty goroda Kep. *SAI*. Vyp. G1–11. Part IV. M., 1974a, pp. 13–16.
- Nikolaeva E.Ia. Raskopki v Kepakh. *KSIA*. Vyp. 143. 1975, pp. 77–81.
- Nikolaeva E.Ia. Raskopki Il'ichevskogo gorodishcha Раскопки Ильичевского городища // *AO* 1974 г. М., 1975a, pp. 121–122.
- Nikolaeva E.Ia. Raskopki Il'ichevskogo gorodishcha. *AO* 1975. M., 1976, pp. 141–142.
- Nikolaeva E.Ia. Fragment arkhaiskogo sosuda iz Kep. *Istoriia i kul'tura antichnogo mira*. M., 1977, pp. 150–153.
- Nikolaeva E.Ia. Raskopki Il'ichevskogo gorodishcha. *AO* 1976g. M., 1977a, pp. 114–115.
- Nikolaeva E.Ia. Raboty Il'ichevskogo otriada Tamanskoi ekspeditsii. *AO* 1977 г. М., 1978, pp. 133.
- Nikolaeva E.Ia. Krasnolakovskaia keramika so shtampami iz Il'ichevskogo gorodishcha. *KSIA*. Vyp. 156. 1978a, pp. 110–113.
- Nikolaeva E.Ia. O vremeni osnovaniia Kep. *Problemy grecheskoi kolonizatsii Severnogo I Vostochnogo Prichernomor'ia*. Tbilisi, 1979, pp. 142–145.
- Nikolaeva E.Ia. Rabota Il'ichevskogo otriada Tamanskoi ekspeditsii Работа Ильичевского отряда Таманской экспедиции. *AO* 1978 г. М., 1979a, 139 p.
- Nikolaeva E.Ia. Raskopki Il'ichevskogo gorodishcha. *AO* 1980 g. M., 1981, pp. 113–114.
- Nikolaeva E.Ia. Poselenie u d.Il'ich. *KSIA*. Vyp. 168. 1981a, pp. 88–93.
- Nikolaeva E.Ia. Raboty Il'ichevskogo otriada. *AO* 1981 г. М., 1983, 126 p.
- Nikolaeva E.Ia. Pifosy Il'ichevskogo gorodishcha. *KSIA*. Vyp. 174. 1983a, pp. 110–117.
- Nikolaeva E.Ia. *Bospor posle gunnskogo nashestiia. Avtoref.kand.dis.* M., 1984.
- Nikolaeva E.Ia. Raboty Il'ichevskogo otriada. *AO* 1983 г. М., 1985, pp. 128.
- Nikolaeva E.Ia. K voprosu o steklodelii na Bospore. *Dostizheniia sovetskoi arkheologii v XI piatiletke. Tezisy Vsesoiuznoi arkheologicheskoi konferentsii*. Baku, 1985a, pp. 274–275.
- Nikolaeva E.Ia. Raboty Il'ichevskoi ekspeditsii. *AO* 1984g. M., 1986, pp. 105–106.
- Nikolaeva E.Ia. Raskopki Il'ichevskogo gorodishcha. *AO* 1985. M., 1987, 149 p.
- Nikolaeva E.Ia. Raboty Il'ichevskoi ekspeditsii. *AO* 1986. M., 1988, pp. 139–140.
- Nikolaeva E.Ia. Ob ekonomicheskoi baze pozdneantichnogo Bospora (Proizvodstvennye komplekсы, raskopannye na territorii v/s "Azovskii" Temriukского района Krasnodarskogo kraia Il'ichevskoi ekspeditsiei IAN SSSR). *Pervaia Kubanskaia arkheologicheskaiia konferentsiia. Tezisy dokladov*. Krasnodar, 1989, pp. 98–99.
- Nikolaeva E.Ia. Khristianskii kompleks VI veka na Bospore Kimmeriiskom. *Problemy issledovaniia antichnykh gorodov. Tezisy*. M., 1989a, pp. 86–87.
- Nikolaeva E.Ia. Il'ichevskoe gorodishche – krepost' trapezitov. *Drevnie pamiatniki Kubani (Materialy seminar)*. Krasnodar, 1990, pp. 136–146.
- Nikolaeva E.Ia. Steklodelie na Bospore. *KSIA*. Vyp. 204. 1991, pp. 50–57.
- Nikolaeva E.Ia. Il'ichevskoe gorodishche. Itogi rabot. *Drevnosti Kubani (materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii)*. Krasnodar, 1991a, pp. 73–75.
- Nikolaenko T.D., Paromov Ia.M. Razvedki na Tamanskom poluostrove. *AO* 1984 г. М., 1986, 106 p.
- Nikulina N.M. Perstni iz Fanagorii. *СА*. № 3. 1964, pp. 188–195.
- Paromov Ia.M. Razvedki na Tamanskom poluostrove. *AO* 1981 g. M., 1983, pp. 127–128.
- Paromov Ia.M. Obsledovanie pamiatnikov arkheologii Tamanskogo poluostrova v 1981–1983 gg. *KSIA*. Vyp. 188. 1986, pp. 69–76.

Паромов Я.М. История археологических...

- Paromov Ia.M. Rodosskie kleima iz poselenii Tamanskogo poluostrova. *Nadpisii i azyki drevnei Maloi Azii, Kipra i antichnogo Severnogo Prichernomor'ia*. M. 1987, pp. 293–299.
- Paromov Ia.M. Obsledovanie arkheologicheskikh pamiatnikov Tamanskogo poluostrova v 1984–1985 gg. *KSIA*. Vyp. 196. 1989, pp. 72–78.
- Paromov Ia.M. K voprosu o khoziaistvennom i ekonomicheskom potentsiale aziatskogo Bospora v ellinisticheskii period. *Skifiia i Bospor. Arkheologicheskie materialy k konferentsii pamiati M.I. Rostovtseva. Tezisy dokladov*. Novocherkassk, 1989a, pp. 60–61.
- Paromov Ia.M. Printsipy izucheniia evoliutsii sistemy rasseleniia na Tamanskom poluostrove v antichnoe I srednevekovoe vremia. *Drevnie pamiatniki Kubani*. Krasnodar, 1990, pp. 56–69.
- Paromov Ia.M. Arkheologicheskaia karta Tamanskogo poluostrova. *Dep. INION RAN*. № 47103 ot 1.10.1992 g. M.
- Paromov Ia.M. Ocherk istorii arkheologo-topograficheskogo issledovaniia Tamanskogo poluostrova. *BC*. Vyp. 1. 1992a, pp. 109–146.
- Paromov Ia.M. Arkheologo-topograficheskii plan Fanagorii. *BC*. Vyp. 2. 1993, pp. 111–148.
- Paromov Ia.M. Arkheologo-topograficheskii plan Patreia. *BC*. Vyp. 3. 1993a, pp. 136–169.
- Paromov Ia.M. Glavnye dorogi Tamanskogo poluostrova v antichnoe vremia. *DB*. T. 1. 1998, pp. 216–225.
- Paromov Ia.M. K voprosu ob urovne moria u beregov Tamanskogo poluostrova v antichnoe vremia. *VI chteniia pamiati professor V.D. Blavatskogo. Tezisy dokladov*. M. 1999, pp. 89–90.
- Paromov Ia.M. O zemel'nykh nadelakh antichnogo vremeni na Tamanskom poluostrove. *AV*. № 7. 2000, pp. 309–319.
- Paromov Ia.M. Ukreplennye doma aziatskogo Bospora. *BF. Kolonizatsiia regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva*. Part 1. Spb., 2001a, pp. 79–85.
- Paromov Ia.M. K voprosu o prostranstvennom razmeshchenii krepostei Fontalovskogo poluostrova (v sviazi so stat'ei G.P. Garbuzova). *DB*. T. 6. 2003, pp. 95–103.
- Paromov Ia.M. Pervoe sotsialisticheskoe sorevnovanie v sfere nauki. GAIMK 1930–1931 gg. *Kul'turnyi sloi: Sbornik nauchnykh statei*. Vyp. 3. Nizhnii Novgorod, 2014, pp. 136–157.
- Paromov Ia.M. Kraeugol'nyi kamen' Tamanskoi paleografii. *KSIA*. Vyp. 241. 2015, pp. 137–153.
- Paromov Ia.M. Zolotarev D.A. and Khudiakov M.G.: 1930 god. *Kul'turnyi sloi: Sbornik nauchnykh statei*. Vyp. 4. Nizhnii Novgorod, 2016a, pp. 142–162.
- Paromov Ia.M. V.F. Gaidukevich i Tiritaka (secret uspekha uchenogo). *XVII BCh. Kerch'*, 2016, pp. 351–356.
- Paromov Ia.M., Gei A.N. Pamiatniki epokhi kamnia I bronzyna Tamanskom poluostrove (kratkii obzor). *DB*. T. 8. 2005, pp. 320–339.
- Perevodchikova E.V. Lokal'nye cherty skifskogo zverinogo stilia Prikuban'ia. *CA*. № 4. 1987, pp. 44–58.
- Peredol'skaia A.A. Terrakoty iz kurgana Bol'shaia Bliznitsa I Gomerovskii gimn Demetre. *Tr.GE*. T. VII. L., 1962, pp. 46–91.
- Peters B.G. *Morskoe delo v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ia*. M., 1982.
- Peters B.G. *Kostoreznoe delo v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ia*. M., 1986.
- Peters B.G. Raboty Patreiskoi ekspeditsii. *AO 1985 g.* M., 1987, 151 p.
- Peters B.G. Raskopki Patreia. *AO 1986 g.* M., 1988, 140 p.
- Peters B.G. Issledovanie nizhnego sloia Patreia. *Problemy issledovaniia antichnykh gorodov*. Tezisy. M., 1989, pp. 95–97.
- Peters B.G. Itogi raboty Patreiskoi ekspeditsii IA AN SSSR v 1985–1989 godakh. *Drevnosti Kubani (materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii)*. Krasnodar, 1991, pp. 80–82.
- Pichikian I.R. Dve krasnofigurnye vazy iz Germonassy. *SGMII*. Vyp.8. M., 1987, pp. 126–136.
- Platonova N.I. Rossiiskaia Akademiia istorii material'noi kul'tury. Etapy stanovleniia (1918–1919 gg.). *SA*. № 4. 1989, pp. 5–16.
- Pletneva S.A. Srednevekovaia keramika Tamanskogo gorodishcha. *Keramika i steklo drevnei Tmutarakani*. M., 1963, pp. 5–72.
- Pletneva S.A. *Ot kochevii k gorodam*. M., 1967.
- Pletneva S.A. Drevnie bolgary v basseine Dona i Priazov'e. *Pliska-Preslav*. 2. Sofia, 1981, pp. 9–19.

Боспорские исследования, вып. XL

- Pletneva S.A. Gliniany riton iz Korcheva i bronzovaia lichina iz Tmutarakani. *SA*. № 1. 1987, pp. 258–262.
- Pletneva S.A. *Ocherki khazarскоi arkheologii*. Moskva-Ierusalim, 1999.
- Pletneva S.A. Kochevniki v Tamatarkhe. *RA*. № 2. 2001, pp. 97–107.
- Pletneva S.A. Oboronitel'naia stena v Tamatarkhe-Tmutarakani. *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh*. Vyp. 6. Armavir-Moskva, 2001a, pp. 21–28.
- Pletneva S.A. Tamatarkha-Tmutarakan. *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia. IV-XIII veka*. M., 2003, pp. 171–179.
- Pletneva S.A. Fanagoria. *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia. IV-XIII veka*. M., 2003a, pp. 179–183.
- Rozanova N.P. Novye epigraficheskie pamiatniki Tamanskogo poluostrova. *SA*. T. VII. 1941, pp. 247–257.
- Rozanova N.P. Posviatitel'naia nadpis' Sanergu iaritsy Komosarii. *VDI*. № 2. 1949, pp. 86–92.
- Rozanova N.P. Posviatitel'nye nadpisi Fanagorii kak istochnik dlia topografii goroda. *VDI*. № 3. 1949a, pp. 170–178.
- Rozanova N.P. Ellinskaia nadpis' iz raskopok Patreia 1949 g. *CA*. T. XXVIII. 1958, pp. 262–265.
- Rozov V.N. Bosporskie monety VI–V vv. do n.e. izsluchainykh nakhodok na Tamanskom poluostrove (1975–1980 gg.). *SA*. № 2. 1983, pp. 109–116.
- Rozov V.N. Vizantiiskie zoloty monety Tamanskogo gorodishcha. *SGMII*. Vyp. 8. M., 1987, pp. 154–157.
- Rostovtsev M.I. *Skifiia i Bospor*. L., 1925.
- Rybakov B.A. Slaviane v Krymu i na Tamani. *Tezisy doklada na sessii po istorii Kryma*. Simferopol', 1952, 15 p.
- Rybakov B.A. Russkie zemli na karte Idrisi 115 goda. *KSIMK*. Vyp. 43. 1952a, pp. 3–44.
- Rybakov B.A. Drevnie slaviane v Prichernomor'e. *Slaviane*. № 2. 1954, pp. 22–26.
- Rybakov B.A. Drevniaia Tmutarakan' i problema slavianskoi kolonizatsii Priazov'ia. *Tezisy dokladov na sessii Otdeleniia istoricheskikh nauk i plenuma IIMK, posviashchennykh itogam arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy 1953 g.* M., 1954a, pp. 17–19.
- Rybakov B.A. Drevniaia Tmutarakan'. *MGU. Iubileinaia nauchnaia sessia, posviashchennaia 200-letiiu universiteta, 9-13 maia 1955. Tezisy dokladov. Istoricheskii fakul'tet*. M., 1955, pp. 15.
- Rybakov B.A. Predislovie. *Keramika i steklo drevnei Tmutarakani*. M., 1963, pp. 3–4.
- Savostina E.A. Antichnoe poselenie Iubileie I na Tamani (predvaritel'nye itogi izucheniia). *SA*. № 1. 1987, pp. 58–71.
- Savostina E. Trouvaille de reliefs dans un établissement agricole du Bosphore Cimmerien (Taman) // *Revue archéologique* 1. 1987. P. 3–24.
- Savostina E.A. Ob izuchenii khory Aziatskogo Bospora. *Pervaia Kubanskaia arkheologicheskaiia konferentsia. Tezisy dokladov*. Krasnodar, 1989, pp. 56–58.
- Sazanov A.V. Bospor v rannevizantiiskoe vremia. *Khiziaistvo i kul'tura doklassovykh iraneklassovykh obshchestv. Tezisy dokladov III konferentsii molodykh uchenykh IA AN SSSR*. M., 1986, pp. 128–129.
- Sazanov A.V. O khronologii Bospora rannevizantiiskogo vremeni. *SA*. № 4. 1989, pp. 41–60.
- Sazanov A.V. Krasnolakovaia keramika rannevizantiiskogo vremeni s pamiatnikov Tamanskogo poluostrova. *Pervaia Kubanskaia arkheologicheskaiia konferentsia. Tezisy dokladov*. Krasnodar, 1989a, pp. 100.
- Sazanov A.V. Krasnolakovaia keramika Severnogo Prichernomor'ia rannevizantiiskogo vremeni (khronologiiia nekotorykh tipov). *Problemy issledovaniy antichnykh gorodov. Tezisy*. M., 1989b, pp. 103–104.
- Sazonov A.V. Problemy khronologii srednevekovogo Bospora (VIII–XIV vv.). *Drevnosti Kubani (materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii)*. Krasnodar, 1991, pp. 85–87.
- Shavyrina T.G. Raskopki nekropolia Fanagorii v 1978 g. *KSIA*. Vyp. 174. 1983, pp. 69–73.
- Shchapova Iu.L. Stekliannye izdeliia srednevekovoi Tmutarakani. *Keramika i steklo drevnei Tmutarakani*. M., 1963, pp. 102–134.
- Shelov D.B. Gorodishche okolo khutora Il'ichevka. *KSIMK*. Vyp. 37. 1951, pp. 228–231.
- Shelov D.B. Monetnaia sistema gorodov Bospora v VI–V vv. do n.e. *MIA*. № 19. M., 1951a, pp. 125–135.
- Shelov D.B. Avtonomnye monety bosporskikh gorodov kak istoricheskii istochnik. *Arkheologiia i istoriia Bospora*. T. I. Simferopol', 1952, pp. 149–156.

Паромов Я.М. История археологических...

- Shelov D.B. Raskopki Zapadno-Tsukurskogo poseleniia na Tamani. *KSIIMK*. Vyp. 51. 1953, pp. 159–165.
- Shelov D.B. Raskopki Zapadno-Tsukurskogo poseleniia v 1952 g. *KSIIMK*. Vyp. 58. 1955, pp. 96–99.
- Shelov D.B. K istorii obrashcheniia antikapeiskikh mednykh monet. *Numizmatika antichnogo Prichernomor'ia*. Kiev, 1982, pp. 45–50.
- Shelov-Kovediaev F.V. Istoriiia Bospora v VI–IV vv.do n.e. *Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniia*. 1984 god. M., 1985.
- Sidorova N.A. Arkhaicheskaia keramika iz raskopok Germonassy. *SGMII*. Vyp. 8. M., 1987, pp. 110–125.
- Sidorova N.A., Tugusheva O.V., Zabelina V.S. *Antichnaia raspisnaia keramika iz sobraniia Gosudarstvennogo muzeia izobrazitel'nykh 'skusstv imeni A.S. Pushkina*. M., 1985.
- Silant'evna P.F. Filigrannye busy klassicheskoi epokhi iz nekropolei Bospora. *Iz istorii Severnogo Prichernomor'ia v antichnuu epokhu*. L., 1979, pp. 49–58.
- Smirnov A.P. K voprosu o formirovanii kabardinskogo naroda po arkheologicheskim dannym. *Nal'chik*, 1948.
- Smirnov A.P. K voprosu ob istokakh Priazovskoi Rusi. *SA*. № 2. 1958, pp. 270–279.
- Sokolov G.I. Arkhaicheskie rel'efy s Tamanskogo poluostrova. *VDI*. № 3. 1975, pp. 80–95.
- Sokol'sky N.I. Bosporskie mechi. *MIA*. № 33. M., 1954, pp. 123–196.
- Sokol'sky N.I. Nakhodki na vershine gory Borisa I Gleba na Tamanskom poluostrove. *SA*. № 1. 1957, pp. 244–246.
- Sokol'sky N.I. Raskopki antichnogo poseleniia okolo stanitsy Tamanskoi. *KSIIMK*. Vyp. 74. 1959, pp. 49–57.
- Sokol'sky N.I. Raskopki v Kepakh v 1957 godu. *KSIIMK*. Vyp. 78. 1960, pp. 53–63.
- Sokol'sky N.I. Raboty v Kepakh v 1958 g. *KSlA*. Vyp. 83. 1961, pp. 66–72.
- Sokol'sky N.I. Raskopki v Kepakh v 1959 g. *KSlA*. Vyp. 86. 1961a, pp. 55–65.
- Sokol'sky N.I. Kamennye kryshki amfor. (Po materialam arkheologicheskikh raskopok bosporskogo goroda Kepy v 1959–1960 gg.) *KSlA*. Vyp. 89. 1962, pp. 108–111.
- Sokol'sky N.I. Kuros iz Kep. *SA*. № 2. 1962a, pp. 134–141.
- Sokol'sky N.I. Raskopki v Kepakh v 1960 g. (Iz rabot Tamanskogo otriada Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR). *KSlA*. Vyp. 91. 1962b, pp. 83–91.
- Sokol'sky N.I. K istorii severo-zapadnoi chasti Tamanskogo poluostrova. *Acta Antiqua Philippopolitana. Studia archaeologica*. Sofia, 1963, pp. 11–25.
- Sokol'sky N.I. Kepy. *Antichnyi gorod*. M., 1963a, pp. 97–114.
- Sokol'sky N.I. Raskopki gorodishcha Kepy v 1961 g. *KSlA*. Vyp. 95. 1963b, pp. 52–59.
- Sokol'sky N.I. Krepost' na gorodishche u khutora Batareika I. *SA*. № 1. 1963v, pp. 179–191.
- Sokol'sky N.I. Gorod Kepy i kreposti Fontalovskogo poluostrova. *Tezisy dokladov na zasedaniakh, posviashchennykh itogam polevykh issledovaniu 1963 g.* M., 1964, pp. 48–50.
- Sokol'sky N.I. Afrodita Tamanskaia. *Iskusstvo*. № 7. 1964a, pp. 68–72.
- Sokol'sky N.I. Pogrebenie V v. v Kepakh. *SA*. № 4. 1964b, pp. 207–209.
- Sokol'sky N.I. Raskopki v Kepakh v 1962 g. *KSlA*. Vyp. 103. 1965a, pp. 108–118.
- Sokol'sky N.I. Novye pamiatniki sindskoi skul'ptury. *KSlA*. Vyp. 100. 1965b, pp. 86–96.
- Sokol'sky N.I. Raskopki v severo-zapadnoi chasti Tamanskogo poluostrova. *AO 1965 g.* M., 1966, pp. 126–129.
- Sokol'sky N.I. Il'ichevskoe gorodishche. *SA*. № 4. 1966a, pp. 125–140.
- Sokol'sky N.I. K voprosu o sindskoi skul'pture. *Kul'tura antichnogo mira*. M., 1966v, pp. 243–258.
- Sokol'sky N.I. Raboty Tamanskoi ekspeditsii na Fontalovskom poluostrove v 1964–1965 gg. *Plenum IA 1966 g. Sektsiia "Antichnaia arkheologiia". Tezisy dokladov*. M., 1966, pp. 21–22.
- Sokol'sky N.I. Nakhodki epokhi bronzy na Tamanskom poluostrove. *AO 1965 g.* M. 1966d, pp. 80–81.
- Sokol'sky N.I. Krepost' na poselenii Batareika II. *KSlA*. Vyp. 109. 1967, pp. 108–115.
- Sokol'sky N.I. Issledovaniia severo-zapadnoi chasti Tamanskogo poluostrova. *AO 1966 g.* M., 1967a, pp. 77–79.
- Sokol'sky N.I. Dostizheniia arkheologicheskoi nauki v RSFSR. *SA*. № 3. 1967b, pp. 32–35.
- Sokol'sky N.I. Keramicheskaia masterskaia v Kepakh. *Antichnaia istoriia i kul'tura Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia*. L., 1968, pp. 265–270.

Боспорские исследования, вып. XL

- Sokol'sky N.I. Novye dannye po istorii Tamanskogo poluostrova. *Tezisy докладов na zasedaniakh, posviashchennykh itogam polevykh issledovaniy 1967 g.* M., 1968a, pp. 19–21.
- Sokol'sky N.I. Antichnye dereviannye sarkofagi Severnogo Prichernomor'ia. *SAI. Vyp. G1–17.* M., 1969.
- Sokol'sky N.I. O goncharnom proizvodstve v aziatskoi chasti Bospora. *KSIA. Vyp. 116.* 1969a, pp. 59–67.
- Sokol'sky N.I. Raboty Tamanskoi ekspeditsii. *AO 1968 g.* M., 1969b, pp. 88–90.
- Sokol'sky N.I. Vinodelie v aziatskoi chasti Bospora. *SA. № 2.* 1970, pp. 75–92.
- Sokol'sky N.I. Derevoobrabatyvaiushchee remeslo v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ia. M., 1971.
- Sokol'sky N.I. Raskopki v Kepakh v 1970 g. *Tezisy докладов, posviashchennykh itogam polevykh arkhologicheskikh issledovaniy v 1970 g. v SSSR.* Tbilisi, 1971a, pp. 174–175.
- Sokol'sky N.I. Fanagoriiskii sklep. *KSIA. Vyp. 130.* 1972, pp. 115–121.
- Sokol'sky N.I. Arkhitekturnyi ansambl' na Tamanskom poluostrove. *AO 1972 g.* M., 1973, pp. 145–146.
- Sokol'sky N.I. Zemlianoi sklep v poselke Sennaia. *KSIA. Vyp. 133.* 1973a, pp. 67–71.
- Sokol'sky N.I. Nadgrobie sindskogo voina iz Kep. *Kavkaz i Vostochnaia Evropa v drevnosti.* M. 1973b, pp. 179–182.
- Sokol'sky N.I. Kul't Afrodity v Kepakh kontsa VI – V vv.do n.e. *VDI. № 4.* 1973v, pp. 88–92.
- Sokol'sky N.I. Krepost' aspurgian na Bospore. *KSIA. Vyp. 143.* 1975, pp. 21–30.
- Sokol'sky N.I. Tamanskii tolos i rzidentsiia Khrisaliska. M., 1976.
- Sokol'sky N.I. Voprosy sindskoi skul'ptury. *Khudozhestvennaia kul'tura i arkhologiya antichnogo mira.* M., 1976a, pp. 187–198.
- Sokol'sky N.I. Tamanskii klad bronzovykh orudii. *CA. № 2.* 1980, pp. 144–150.
- Sokol'sky N.I., Beliaev S.A., Desiatchikov Iu.M., Nikolaeva E.Ia., Sorokina N.P. Raskopki gorodishcha u poselka Za Rodinu. *AO 1971 g.* M., 1972, pp. 147–149.
- Sokol'sky N.I., Sorokina N.P. *Raskopki goroda Kepy i ego nekropolia v 1957–1963 gg. Ezhegodnik GIM. 1963–1964.* M., 1966, pp. 28–49.
- Sokol'sky N.I., Sorokina N.P. *Raboty Tamanskoi ekspeditsii. AO 1967 g.* M., 1968, pp. 85–88.
- Sokol'sky N.I., Struchalina R.A. Raskopki Patreia. *AO 1968 g.* M., 1969, pp. 112–113.
- Sokol'sky N.I., Struchalina R.A., Golenko K.V. Tretii Patreiskii klad. *AMA. Vyp. 2.* 1974, pp. 89–106.
- Sorokina N.P. Raskopki nekropolia Germonassy v 1956–1957 godakh. *KSIA. Vyp. 83.* 1961, pp. 46–52.
- Sorokina N.P. Raskopki nekropolia v Kepakh v 1959–1960 gg. *KSIA. Vyp. 91.* 1962, pp. 98–106.
- Sorokina N.P. Pozdneantichnoe i rannesrednevekovoe steklo s Tamanskogo gorodishcha. *Keramika i steklo drevnei Tmutarakani.* M., 1963, pp.134–174.
- Sorokina N.P. Raskopki nekropolia Kep v 1961 g. *KSIA. Vyp. 95.* 1963a, pp. 60–65.
- Sorokina N.P. Raskopki nekropolia Kep v 1964–1965 gg. *Plenum IA 1966 g. Sektsiia "Antichnaia arkhologiya". Tezisy докладов.* M., 1966, pp. 30–31.
- Sorokina N.P. Raskopki nekropolia Kep v 1962–1964 gg. *KSIA. Vyp. 109.* 1967, pp. 101–107.
- Sorokina N.P. Srednevekovye pogrebeniia iz nekropolia goroda Kepy na Tamanskom poluostrove. *Ekspeditsii GIM. Doklady na sessii Uchenogo soveta GIM. 5–7 fevralia 1969 g.* M., pp. 124–130.
- Sorokina N.P. Terrakoty iz nekropolia Kep. *SAI. Vyp. G1–11.* M., 1974, pp.16–20.
- Sorokina N.P. Antichnye stekliannye sosudy iz raskopok nekropolia bosporskogo goroda Kepy na Tamanskom poluostrove. *AMA. Vyp. 3.* 1977, pp. 115–144.
- Sorokina N.P. Poselenie u poselka Za Rodinu. *AGSP. M.,* 1984, pp. 86.
- Sorokina N.P. Novye dannye po istorii arkhitekturnogo ansambliia epokhi ellinizma na Aziatskom Bospore. *Prichernomor'e v epokhu ellinizma. Materialy III Vsesoiuznogo Simpoziuma po drevnei istorii Prichernomor'ia. Tskhaltubo – 1982.* Tbilisi, 1985, pp. 374–382.
- Sorokina N.P. Rodosskaia amfora s graffiti iz Kep. *Problemy antichnoi kul'tury.* M., 1986, pp. 195–199.
- Sorokina N.P. Religii i koroplastika v antichnosti. M., 1997.
- Sorokina N.P. Tak nazyvaemye "kepskie" kleima epokhi ellinizma i ikh rasshifrovka. *Arkheologicheskii sbornik. Tr.GIM. Vyp. 96.* M., 1998, pp. 26–31.

Паромов Я.М. История археологических...

- Sorokina N.P., Voronov A.A., Melkumian L.M., Struchalina R.A. Raskopki Vtorogo gorodishcha u pos. Za Rodinu Temriukского района Краснодарского края. *АО 1977 г.* М., 1978, pp. 143–144.
- Sorokina N.P., Voronov A.A., Usacheva O.N., Melkumian L.M. Raboty Akhtanizovskogo otriada Tamanskoi ekspeditsii. *АО 1978 г.* М., 1979, pp. 147.
- Sorokina N.P., Sorokina N.P., Nikolaeva E.Ia., Struchalina R.A. Raskopki vtorogo gorodishcha u pos. Za Rodinu Temriukского района Краснодарского края. *АО 1976 г.* М., 1977, pp. 122–123.
- Struchalina R.A. Poselenie na Fontalovskom poluostrove (Saratovskoe). *Arkheologicheskii sbornik.* Saratov, 1966, pp. 116–130.
- Struchalina R.A. Raskopki Patreia. *АО 1969 г.* М., 1970, pp. 118–119.
- Struchalina R.A. Amfory patreiskogo proizvodstva. *AMA.* Vyp. 2. 1974, pp. 183–189.
- Struchalina R.A. Svetil'niki v forme golovy Silena iz Patreia. *AMA.* Vyp. 3. 1977, pp. 144–147.
- Taskaev V.N. Itogi I perspektivy podvodnykh arkheologicheskikh issledovaniy v Tamanskom zalive. *BS.* Vyp. 1. 1992, pp. 212–217.
- Tolstikov V.P. K problem obrazovaniia Bosporskogo gosudarstva (Opyt rekonstruktsii voenno-politicheskoi situatsii na Bospore v kontse VI-pervoi polovine V v.do n.e.). *VDI.* № 3. 1984, pp. 24–48.
- Tokhtas'ev S.R. Apatur. Istoriia bosporskogo sviatilishcha Afrodity Uranii. *VDI.* № 2. 1986, pp. 138–145.
- Tsvetaeva G.V. *Bospor. Keramicheskoe proizvodstvo i antichnye keramicheskie stroitel'nye materialy.* SAI. Vyp. G1–20. М., 1966, pp. 17–21, 29–34.
- Tsvetaeva G.V. Proizvodstvo raspisnoi keramiki v Fanagorii v VI-V vv.do.n.e. *KSIA.* Vyp. 130. 1972, pp. 21–23.
- Tsimmerman K. Fragmenty atticheskikh rybnikh bliud v Ermitazhe. *Iz istorii Severnogo Prichernomor'ia v antichnuiu epokhu.* L., 1979, pp. 59–92.
- Usacheva O.N. Nadgrobiia iz Kep s izobrazheniemzhenskoi figury. *KSIA.* Vyp. 143. 1975, pp. 96–98.
- Usacheva O.N. Rel'efnaia keramika iz Kep. *KSIA.* Vyp. 156. 1978, pp. 100–107.
- Usacheva O.N. Terrakotovyie statuetki iz kurgana vblizi Kep. *KSIA.* Vyp. 174. 1983, pp. 77–82.
- Usacheva O.N. Novaia nakhodka podrazhaniia rimskim denariiam iz Kep. *Problemy antichnoi kul'tury.* М., 1986, pp. 199–201.
- Usacheva O.N. K voprosu o naselenii Aziatskogo Bospora v kontse VI – nachale V vv.do n.e. *Khoziaistvo i kul'tura doklassovykh i ranneklassovykh obshchestv. Tezisy dokladov III konferentsii molodykh uchenykh IA AN SSSR.* М., 1986a, pp. 159–160.
- Usacheva O.N., Sorokina N.P. Kepy. *AGSP.* М., 1984, pp. 84–86.
- Vartanov G.A. Kolkhidskaia didrachma, naidennaia v Germonasse. *Numizmatika antichnogo Prichernomor'ia.* Kiev, 1982, pp. 71–74.
- Vinogradov Iu.G. Fanagoriiskie naemniki. *VDI.* № 4. 1991, pp. 14–33.
- Voitsekhovskiy S.F. Opyt vosstanovleniia rel'efa Tamanskogo poluostrova primenitel'no k epokhe Strabona i pozdneishemu vremeni. *ZSKOAE.* 1 (T. 3). Vyp. 5–6. Rostov-na-Donu, 1929–1930, pp. 4–9.
- Volkov I.V. Srednevekovyi keramicheskii kompleks Patreia (po materialam raskopok 1990 g.). *Drevnosti Kubani (materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii).* Krasnodar, pp. 27–29.
- Voronov A.A., Nikolaenko T.D., Paromov Ia.M. *Bospor Kimmeriiskii.* М., 1983.
- Voronov A.A., Nikolaenko T.D., Paromov Ia.M. Raboty na Tamanskom poluostrove. *АО 1983 г.* М., 1985, pp. 112.
- Voronov A.A., Nikolaenko T.D., Paromov Ia.M. Razvedki na Tamanskom poluostrove. *АО 1985 г.* М., 1987, pp. 131–132.
- Voronov A.A., Nikolaenko T.D., Paromov Ia.M., Usacheva O.N. Razvedki na Tamanskom poluostrove. *АО 1982г.* М., 1984, pp. 112–113.
- Voronov A.A., Paromov Ia.M. Lokalizatsiia srednevekovogo goroda Temriuka. *SA.* № 4. 1987, pp. 87–99.
- Voronov A.A., Paromov Ia.M. Planirovochnye printsipy v organizatsii rasseleniia na Tamanskom poluostrove v antichnuiu epokhu. *Problemy issledovaniy antichnykh gorodov. Tezisy.* М., 1989, pp. 29–31.
- Voronov A.A., Paromov Ia.M. Planirovochnye printsipy v organizatsii rasseleniia na Tamanskom poluostrove v antichnuiu epokhu. *Arkhitekturnoe nasledstvo.* Sb.37. М., 1990, pp. 3–11.

Боспорские исследования, вып. XL

- Zhebelev S.A. Vozniknovenie Bosporskogo gosudarstva. *Severnoe Prichernomor'e*. M.-L., 1953, pp. 48–73.
- Zhebelev S.A. Osnovnye linii ekonomicheskogo razvitiia Bosporskogo gosudarstva. *Severnoe Prichernomor'e*. M.-L., 1953a, pp. 116–158.
- Zhebelev S.A. Istochniki dlia izuchenii istorii antichnoi kul'tury Severnogo Prichernomor'ia. *Antichnye goroda Severnogo Prichernomor'ia*. M.-L., 1955, pp. 5–22.
- Zavoikin A.A. Kompleks amfor iz Fanagorii 1985 goda. *Khoziaistvo i kul'tura doklassovykh i ranneklassovykh obshchestv. Tezisy dokladov*. M., 1986, pp. 54–55.
- Zavoikin A.A. Problemy sinkhronizatsii i datirovaniia kompleksov serediny – vtoroi poloviny V vdo n.e., soderzhashchikh khiosskie amfory raznykh “tipov”. *Drevnee proizvodstvo, remeslo i torgovlia po arheologicheskim dannym. Tezisy dokladov*. M., 1988, pp. 53–55.
- Zavoikin A.A. Klassifikatsiia fragmentov samoskikh amfor iz Fanagorii. *RA*. № 3. 1992, pp. 40–56.
- Zavoikin A.A. Fragmenty amfor Eginy (?) iz raskopok Fanagorii. *KSIA*. Vyp. 204. 1992a, pp. 84–88.
- Zavoikin A.A. Periodizatsiia torgovykh svyazei po keramicheskoi tare I voprosy istorii Fanagorii: vtoraia polovina VI–V vv.do n.e. *Ocherki istorii i arheologii Bospora*. M., 1992b, pp. 260–269.
- Zeest I.B. Raskopki GMII do Velikoi Otechestvennoi voiny. *Pamiatniki iskusstva. Biulleten' GMII*. № 2. M., 1947, pp. 3–9.
- Zeest I.B. Zemlianye sklepy nekropolia Tuzly. *KSIMK*. Vyp. 51. 1953, pp. 156–158.
- Zeest I.B. Raskopki Germonassy. *KSIMK*. Vyp. 58. 1955, pp. 114–121.
- Zeest I.B. Raskopki Germonassy. *KSIMK*. Vyp. 74. 1959, pp. 58–63.
- Zeest I.B. Arkhaicheskie sloi Germonassy. *KSIA*. Vyp. 83. 1961, pp. 53–58.
- Zeest I.B. Rel'ef iz Germonassy s izobrazheniem Gerakla. *Kul'tura antichnogo mira*. M., 1966, pp. 77–82.
- Zeest I.B. Raskopki Germonassy. *AO 1965 g.* M., 1966 a, pp. 129–131.
- Zeest I.B. Raskopki Germonassy. *AO 1966 g.* M., 1967, pp. 76–77.
- Zeest I.B. Ob odnoi osobennosti ekonomicheskogo razvitiia Germonassy. *Antichnaia istoriia i kul'tura Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia*. L., 1968, pp. 144–148.
- Zeest I.B. Raskopki Germonassy. *AO 1967 g.* M., 1968 a, pp. 84–85.
- Zeest I.B. Raskopki Germonassy. *AO 1968 g.* M., 1969, pp. 109–111.
- Zeest I.B. Raskopki Germonassy. *AO 1969 g.* M., 1970, pp. 108–109.
- Zeest I.B. Raskopki Germonassy. *AO 1970 g.* M., 1971, pp. 116–117.
- Zeest I.B. Vozniknovenie i pervyi rastsvet Germonassy. *SA*. № 4. 1974, pp. 82–97.
- Zeest I.B. Poisk vostochnoi granitsy arkhaicheskoi Germonassy. *KSIA*. Vyp. 143. 1975, pp. 60–62.
- Zeest I.B. K voprosu o gorodskoi planirovke Germonassy. *Istoriia i kul'tura antichnogo mira*. M., 1977, pp. 54–57.
- Zeest I.B., Korovina A.K. Raskopki Tamanskogo gorodishcha. *AO 1987 g.* M., 1972, pp. 142–143.
- Zograf A.N. Antichnye monety. *MIA*. № 16. M.-L., 1951.
- Zograf A.N. Denezhnoe obrashchenie i monetnoe delo Severnogo Prichernomor'ia. *Antichnye goroda Severnogo Prichernomor'ia*. M.-L., 1955, pp. 148–163.

Резюме

В отличие от дореволюционного времени, в которое российская археология ориентировалась на исследование богатых курганов, в советский период (1918–1991 гг.) на первый план были выдвинуты задачи изучения памятников поселенческого характера, прежде всего античных городов Северного Причерноморья и их могильников, раскопки которых давали материал для воссоздания их общего облика, общественной и частной жизни, реконструкции хозяйства, экономики и истории древнего общества. Главными чертами развития археологии в этот период были последовательное увеличение объема исследований с одной стороны и крайняя неравномерность этого роста, происходившая по разным причинам – с другой. Наиболее важные и значительные открытия на Таманском полуострове были

Паромов Я.М. История археологических...

связаны с раскопками городищ Фанагории, Таманского, Кеп, Патрея, крепостей-батареек, сельских поселений, исследования которых принесли замечательные материалы античного и средневекового времени. Не меньшее значение имели раскопки некрополей Фанагории, Тирамбы, Кеп, Гермонассы-Тмутаракани, могильников у поселков Красноармейский, Кучугуры и других. В этот период были сделаны первые шаги в исследовании античной хоры, изучении затопленных морем прибрежных частей Фанагории и Гермонассы, впервые квалифицированно раскопаны курганы эпохи ранней бронзы, выявлены общие черты системы расселения на Таманском полуострове в античное и средневековое время. Наряду с этими несомненными достижениями следует признать, что в советский период, как и ранее, Таманский полуостров рассматривался лишь как заповедник античной культуры.

Ключевые слова: Таманский полуостров, городища, поселения, курганы, могильники, крепости-батареики, Институт археологии, Государственная академия истории материальной культуры.

Summary

In contrast to the pre-revolutionary time, when Russian archaeology focused on the study of rich burial mounds, in the Soviet period (1918–1991), the tasks of studying settlement monuments, primarily the ancient cities of the Northern Black Sea Region and their burial grounds, were highlighted. Excavations provided material for the reconstruction of their general appearance, public and private life, economy and history of ancient society. The main features of the development of archaeology during that period were the consistent increase in the volume of research on the one hand and the extreme unevenness of that growth, which occurred for various reasons, on the other one. The most important and significant discoveries on the Taman Peninsula were related to excavations of ancient settlements: Phanagoria, Taman ancient settlement, Kepoi, Patraei, battery fortresses, rural settlements, the studies of which brought remarkable materials from ancient and medieval times. Excavations of the necropolises of Fanagoria, Tiramba, Kepoi, Germonassa - Tmutarakan, burial grounds near the villages of Krasnoarmeisky, Kuchugury and others were no less important. During that period, the first steps were taken in the study of the ancient chora, the study of the coastal parts of the Phanagoria and Hermonassa flooded by the sea, the barrows of the Early Bronze Age were expertly excavated, the general features of the settlement system on the Taman Peninsula in ancient and medieval times were revealed. Along with these undoubted achievements, it should be recognized that in the Soviet period, the Taman Peninsula was still considered only as a reserve of ancient culture.

Keywords: the Taman Peninsula, abandoned sites of fortified settlements, settlements, barrows, burial grounds, battery fortresses, Institute of Archaeology, State Academy of the History of Material Culture.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Паромов Яков Максимович, к.и.н.,
научный сотрудник
Института археологии РАН (Москва),
+ 7(495) 936-56-85.
kukuoba@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Paromov Iakov Maximovich, CSc,
Researcher, Institute of Archaeology RAS (Moscow),
Speciality - 07.00.06 - archaeology,
+ 7(495) 936-56-85.
kukuoba@yandex.ru

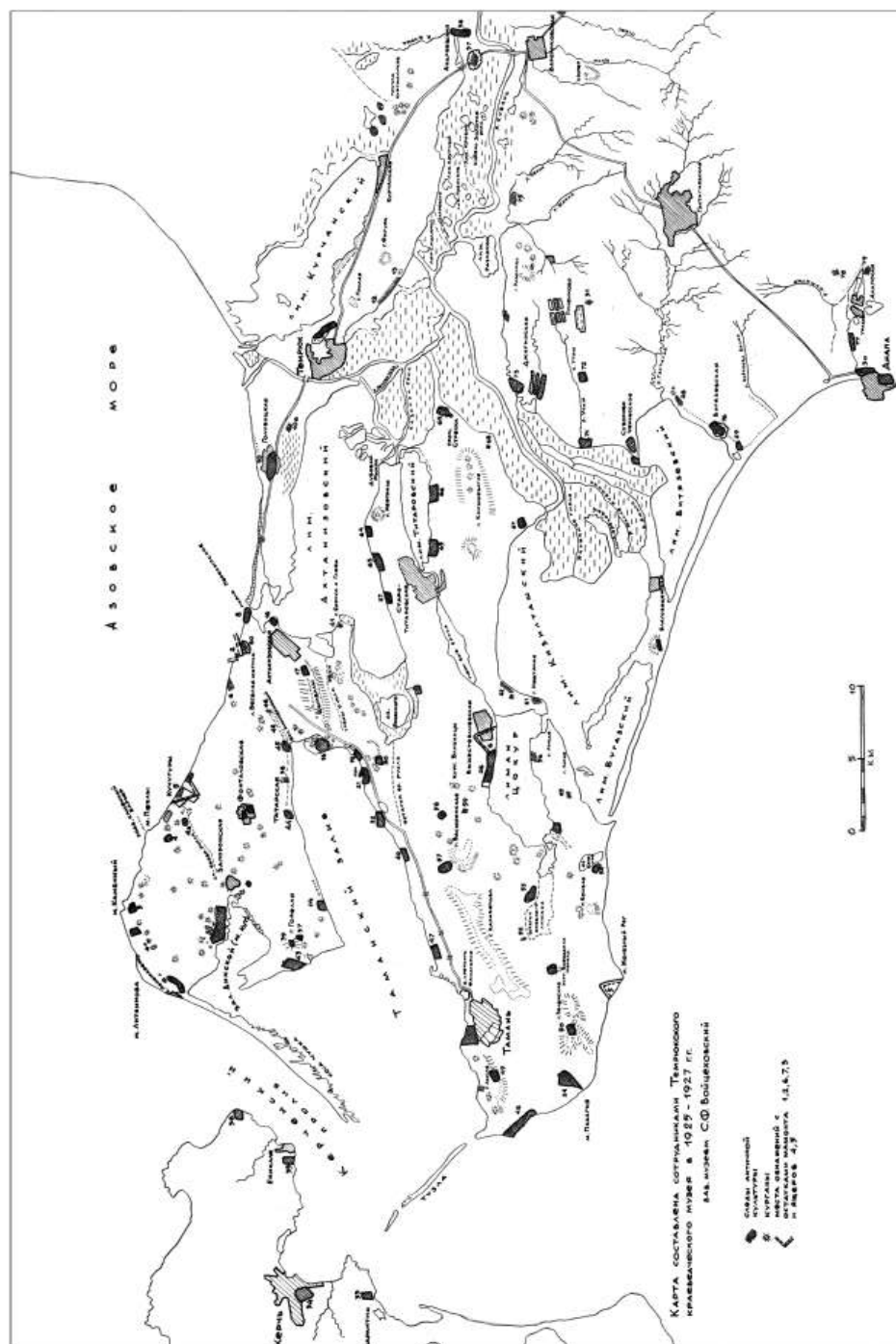

Рис. 1. Древности Таманского полуострова. Карта С.Ф. Войцеховского. 1925–1927 гг.

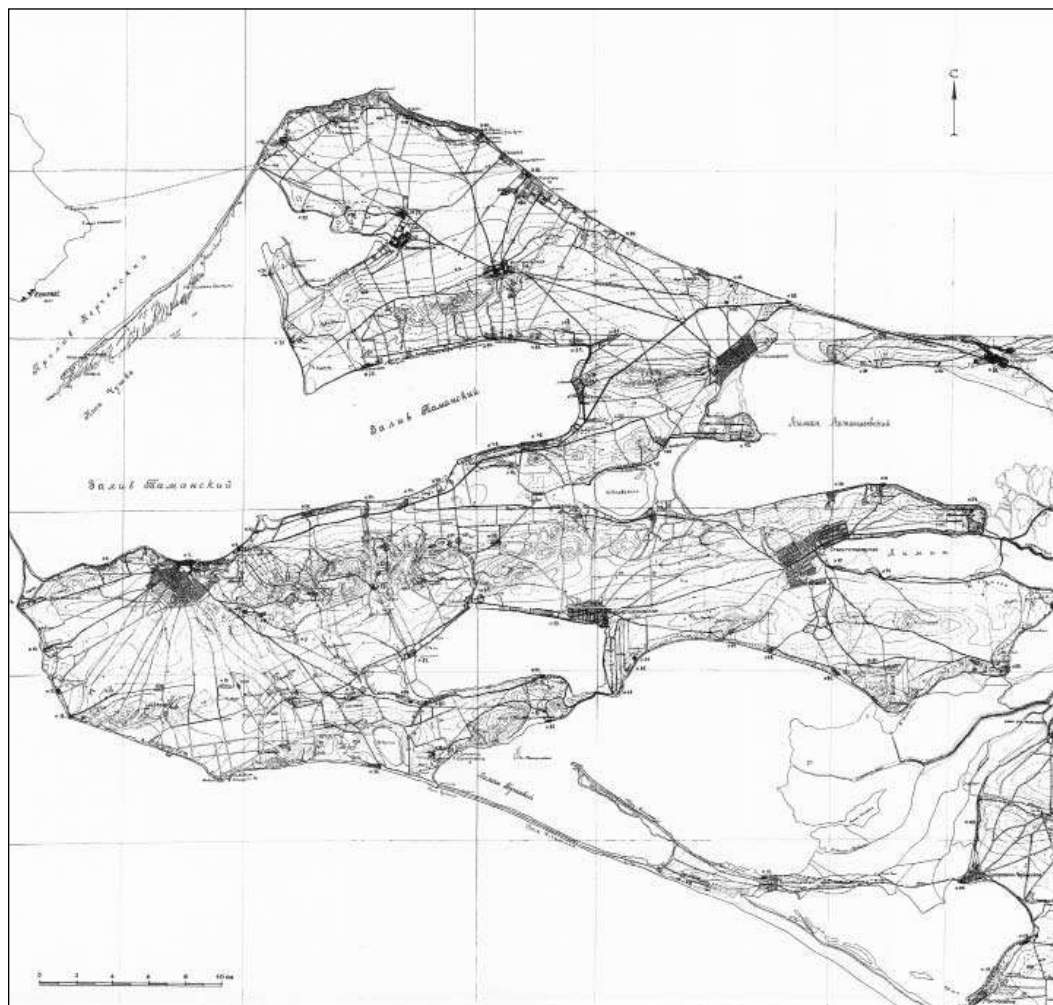

Рис. 2. Древние поселения Таманского полуострова. Карта А.А. Миллера. 1932 г.

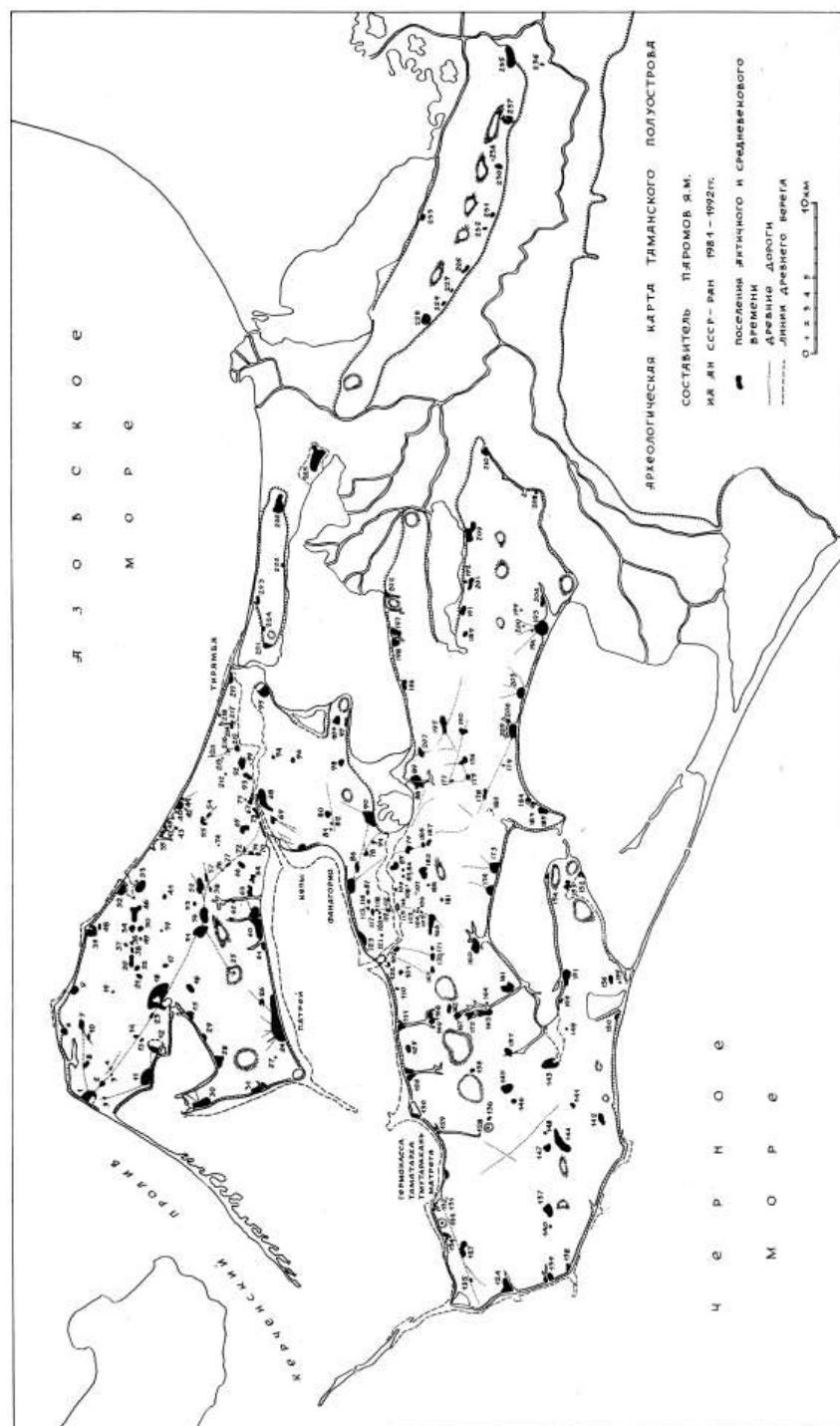

Рис. 3. Археологическая карта Таманского полуострова. Я.М. Паромов. 1992 г.

Е.А. ЗИНЬКО
Е.А. ZIN'KO

**ВКЛАД ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КЕРЧИ В
ИССЛЕДОВАНИЕ И СОХРАНЕНИЕ ДРЕВНОСТЕЙ
ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА (1995–2020 гг.)
CONTRIBUTION OF KERCH PUBLIC ORGANIZATIONS TO
RESEARCH AND CONSERVATION OF ANTIQUITIES OF THE
EUROPEAN BOSPORUS (1995–2020)**

В начале 90-х годов прошлого века в небольшом провинциальном городе Керчи, расположенном на восточной оконечности Крымского полуострова, в среде специалистов-археологов и местных краеведов остро дискутировалась необходимость создания общественной организации для содействия в деле сохранения и изучения древнего наследия Боспора. Это было осознанным пониманием тех огромных проблем, которые накопились в этой области за прошедшие десятилетия. Одним из первых было воссоздано Б.И. Бабичем Керченское общество краеведов (КОК), закрытое еще в 30-х годах. Однако, кроме отдельных акций, оно так и не смогло выработать и планомерно осуществлять какую-либо долгосрочную программу. Поэтому, когда автору этой статьи было предложено В.Д. Письменным и Э. Цитроном, которые пытались организовать многопрофильный бизнес в Керчи, создать общественную организацию и разработать программу по сохранению расписного склепа 1895 г., оно было воспринято с энтузиазмом.

Созданным осенью 1995 года Благотворительным фондом «Деметра» сразу были разработаны две программы: первая – по сохранению расписного склепа 1895 г. и вторая – по популяризации древнего наследия Боспора. Однако обещанного финансирования от бизнесменов так и не поступило. Поэтому, используя свои связи среди ученых, а также профильного комитета в крымском правительстве, нам удалось спланировать и провести в 1997 г. франко-крымский научно-практический семинар по вопросам реставрации склепа 1895 г. (склепа Деметры). На семинар была приглашена ведущий европейский специалист в области античной монументальной живописи А. Барбе. Она не только приняла активное участие в семинаре, но и провела исследования настенных росписей в склепе. Также А. Барбе организовала за счет французской стороны длительные научные стажировки для нескольких сотрудников Керченского музея в своем Центре изучения монументальной римской живописи в г. Суасон.

Полученные от А. Барбе рекомендации позволили правильно расставить приоритеты в программе по спасению склепа Деметры. Первым шагом в этом направлении была задача понизить уровень грунтовых вод минимально до 1 м, ниже поверхности глиняного пола погребальной камеры. Для этого нужно было проложить новый участок дренажа и закольцевать существующие две ветки

дренажных систем, сооруженных ранее возле склепа. Поиски необходимых средств привел нас в Крымский филиал фонда Сороса, где удалось получить с большим трудом незначительную сумму, но только в рамках другой программы – популяризации древнего наследия Боспора. Так был основан фестиваль античного искусства «Боспорские агоны»¹, проведенный впервые в Керчи в 1999 г. и ставший затем ежегодным.

К этому времени фонд «Деметра» уже провел несколько общегородских исторических фестивалей под общим названием «Празднества богини Деметры». Также в 1998 г. в нижнем ярусе Большой Митридатской лестницы по проекту автора этой статьи был создан и открыт музейный комплекс «Технологическая модель склепа Деметры». Он состоял из двух небольших помещений, в первом располагалась экспозиция, рассказывающая об истории открытия склепа, а второе представляло собой точную копию погребальной камеры склепа в натуральную величину (ил. 1). Настенные росписи модели склепа были выполнены с использованием античных технологий художниками Н. Королевым и Т. Королевой-Павловой. Большую помощь в финансировании строительных работ по технологической модели оказал Государственный комитет по охране культурного наследия Крыма.

В 1998–2000 годах фонд «Деметра» подготавливает и издает серию научно-популярных брошюр «Древности Керчи». В этом огромную роль сыграл директор Керченской городской типографии М.В. Озаркив, взявший большую часть типографских услуг на свой счет. Первой книгой в этой серии были «Археологические прогулки по античной Керчи» [Зинько В., 1998; Zinko V., 1999]. В 1999 году выходят: «The crypt Demetra» [Zinko E., 1999], «Средневековая Керчь» [Пономарев, 1999], «Коллекционеры и торговцы керченскими древностями» [Боровкова, 1999], а на следующий год «...Камень, изливающий немую скорбь» [Матковская, 2000]. Благодаря поддержке М.В. Озаркива в 1999 г. был издан и сборник научных статей «Археология и история Боспора», том III, составленный в основном из работ научных сотрудников Керченского музея.

К началу нового тысячелетия фонд «Деметра» уже состоялся как один из важнейших факторов влияния в деле сохранения боспорских древностей. Однако для дальнейшего развития научно-исследовательских проектов возникла необходимость реорганизации самого фонда, что и было сделано в начале 2000 г.² Наряду с реорганизацией фонда «Деметра» нами организуется еще одна некоммерческая организация – Центр археологических исследований (ЦАИ). Обе некоммерческие организации благодаря усилиям В.Д. Письменного стали получать благотворительные пожертвования на проведение своей деятельности.

¹ Научное заключение-рекомендация было написано д.и.н. А.И. Айбабиным и к.и.н. И.В. Ачкинази, а название фестиваля было предложено В.Н. Зинько.

² К концу 2000 г. фонд «Деметра» дарит музейный комплекс «Технологическая модель склепа Деметры», а также фестиваль «Боспорские агоны» и другие культурологические программы фонду «Боспор».

Основной уставной целью ЦАИ было проведение планомерных археологических исследований, подготовка и издание научных сборников, а также проведение совместно с фондом «Деметра» ежегодной международной археологической конференции «Боспорские чтения» [Зинько В., Зинько Е., 2019]. Организаторами этого крупнейшего в Северном Причерноморском регионе археологического форума наряду с вышеназванными некоммерческими организациями выступило Крымское отделение Института востоковедения НАНУ (ныне НИЦИАК КФУ им. В.И. Вернадского). Программным комитетом под председательством А.И. Айбабина и В.Н. Зинько изначально было принято решение о широком хронологическом диапазоне обсуждаемых докладов по проблематике «Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья». 1-е «Боспорские чтения» были проведены в начале сентября 2000 г. в окрестностях боспорского города Нимфей. В них приняло участие чуть более трех десятков исследователей из России, Украины и Польши (ил. 2). К началу конференции был выпущен небольшой сборник материалов. По предложению начальников боспорских экспедиций было принято решение провести следующую конференцию в мае 2001 г. С тех пор ежегодно в начале последней декады мая в Керчи стали собираться около 100 ведущих специалистов из различных академических центров, научно-исследовательских институтов, университетов и музеев-заповедников из различных городов России, Украины, а также европейских стран и США. На несколько дней Керчь становилась сосредоточением крупнейших специалистов по античной и раннесредневековой археологии припонтийского региона. На пленарных заседаниях и постерных сессиях известные европейские ученые обсуждают актуальные проблемы исследований и новейшие открытия.

Традиционно перед началом конференции руководство фонда «Деметра» устраивает прием-презентацию, в ходе которой представляет новые книги, изданные на благотворительные средства за прошедший год. Каждый год таких новых изданий бывает несколько, а всего за 21 год работы этого единственного в Крыму ежегодного международного форума фондом издано более 100 сборников научных трудов, монографий и каталогов коллекций. Все участники конференции получают их в качестве благотворительного дара. К началу конференции издаются тезисы докладов и уже изданы материалы 21-й международной конференции.

В рамках программы «Научные исследования» ЦАИ с 2000 г. осуществлял несколько проектов³. По проекту «Археологические исследования» финансируется работа Боспорской охранно-археологической экспедиции (БОАЭ), которая в составе нескольких отрядов проводит большие комплексные программы по изучению памятников античной и раннесредневековой истории Восточного Крыма. До 2010 г. Пантикапейский отряд БОАЭ под моим руководством проводил комплексную программу по археологическому исследованию и консервации грунтовых склепов не-

³ В 2004 г. ЦАИ вошел в качестве структурного подразделения в состав фонда «Деметра».

крополя Пантикапея-Боспора на северном склоне горы Митридат. Особую значимость имеют боспорские расписные склепы, которых сейчас известно не более двух десятков [Зинько Е., 2017].

Другим отрядом экспедиции на протяжении ряда лет проводятся исследования сельской округи боспорского города Нимфея. На античной хоре Нимфейского полиса изучены различные сельские поселения, могильники, остатки древних наделов и другие памятники. В 2000–2006 гг. этим отрядом проведены раскопки большой сельской усадьбы IV–III вв. до н.э. и Северного могильника на Южно-Чурубашском поселении [Зинько, 2002], а в 2009–2014 гг. святилища на поселении Нижне-Чурбашское-2 [Зинько В., Зинько А., 2017]. С 2014 г. ведутся археологические разведки объектов археологического наследия на хоре античных городов Нимфей и Тиритака.

В 2002 г. по договору с Керченским музеем-заповедником начато изучение боспорского города Тиритака и его сельской округи. В центре городища был заложен новый раскоп XXVI, где на площади около 1100 кв. м изучены культурные напластования и открыты постройки от архаической эпохи до раннесредневекового времени [Зинько, Пономарев, 2009; Зинько, 2014]. Кроме этого, в 2003–2005 гг. была проведена консервация раскопа XXII, где частично музеефицированы остатки западной и северной крепостных стен с угловой северо-западной башней, а также прилегающих к ним древних построек (ил. 3). Осуществлено финансирование и согласование проекта музеефикации памятника археологии – боспорского города Тиритака. Все материалы переданы в Керченский музей. С 2008 г. исследования ведутся в северной части городища – раскопы XXVIII и XXIX. В 2008–2013 гг. в исследованиях у западной крепостной стены на раскопе XXVII принимал участие польский отряд под руководством А. Твардецкого. С 2014 г. раскопки ведутся у северной и западной крепостных стен города Тиритака.

С 2002 г. ежегодно выделялись благотворительные гранты академическим и музейным учреждениям Украины и России на проведение археологических исследований на территории Крыма. В 2005 г. были выделены гранты А.И. Айбабину (КО ИВ НАНУ) и Н.Ф. Федосееву (КИКЗ). В 2007–2009 гг. фондом финансировались охранно-спасательные раскопки на месте строительства нового корпуса Керченского историко-археологического музея. В 2008–2013 гг. фонд ежегодно выделял гранты для поддержки работы российских экспедиций в Восточном Крыму и Керчи, что позволило продолжить работы этих экспедиций в непростых условиях украинского законодательства. С 2011 г. ведется финансирование работ Боспорской подводной археологической экспедиции, проводящей ежегодные исследования в Керченском проливе. В 2011–2012 гг. этой экспедицией были открыты находящиеся на дне Керченской бухты у мыса Ак-Бурун новые археологические объекты. В последние годы экспедицией ведутся археологические разведки в районе мыса Панагия, Тузла и Такиль [Зинько А., 2016]. В 2016 г. было выделено три гранта: на раскопки городища Китей и его некрополя и на раскопки городища Порфмий.

Боспорские исследования, вып. XL

под руководством Н.Ф. Федосеева. Коллекция керамических клейм на амфорах, черепицах и других сосудах Керченского музея насчитывает более 20 тысяч клейм и более 1000 целых амфор. Планировалось подготовить публикацию материалов в 6-ти томах по центрам производства – Фасос, Гераклея Понтийская, Книд, Синопа, Кос, Родос, Боспор, Колхида, Аканф, Хиос, Парос, Менде, Группа Пармениска и неопределенные центры.

Для обеспечения работ этой программы фондом было приобретено для музея-заповедника большое количество цифровой и оргтехники. К концу 2005 г. подготовлен черновик тома «Клейма Синопы» (около 5000 клейм). В окончательном варианте эта работа так и не была представлена. В 2006 г. фондом «Деметра» был выделен персональный грант Н.Ф. Федосееву на подготовку тома «Керамические клейма Боспора». Только по прошествии 7 лет, получив материалы исследователя, в 2012 г., фонд «Деметра» издал каталог «Керамические клейма. Том I. Боспор». Половина тиража этого каталога была передана в качестве благотворительного дара в Керченский историко-культурный заповедник. В 2015 г. фонд получил для издания материалы тома «Керамические клейма. Том II. Гераклея Понтийская» и в 2016 г. он был напечатан. В 2020 г. фонд продолжит проект «Керамические клейма», выделив грант на подготовку нового тома каталога.

С 2004 г. фонд «Деметра» начал выделять ежегодные гранты по обработке нумизматической коллекции и подготовке к изданию этого собрания КИКЗ. По своему научному значению нумизматическая коллекция Керченского музея стоит в одном ряду с крупнейшими коллекциями античной нумизматики, которые хранятся в фондах Государственного Эрмитажа (С.-Петербург), Государственного исторического музея (Москва), Одесского археологического музея. Исследовательской группой были составлены научные паспорта на каждый предмет коллекции, проведено измерение, фотографирование, составлен электронный каталог. В 2006 г. фондом «Деметра» был издан каталог группы исследователей под руководством М.Г. Абрамзона: I том нумизматической коллекции из фондов Керченского музея «Клады античных монет», а в 2010 г. – II том «Античные монеты». В 2019 г. издан III том «Античные монеты из довоенной коллекции Керченского музея», половина тиража была подарена местному музею-заповеднику.

С 2004 г. научная группа сотрудников Керченского заповедника под руководством Д.В. Журавлева (ГИМ, Москва) приступила к подготовке публикации каталога коллекции светильников. На это фондом «Деметра» было выделено несколько благотворительных грантов. В 2005 г. завершена работа над I томом каталога. Для реализации проекта научная группа, помимо ежегодного гранта, была обеспечена компьютерной базой с необходимыми программами и другой цифровой техникой. По результатам этих грантов в 2007 г. Благотворительный фонд «Деметра» издает I том коллекции «Светильники VI – первой половины III вв. до н.э.», а в 2010 г. – II том «Светильники III в. до н.э. – IV в. н.э.». В настоящее время авторским коллективом по гранту фонда ведется работа над III томом.

склепе, его цветные фотографии, описание росписей и находок. Особое внимание уделено анализам штукатурки, которые фонд «Деметра» проводил в Москве, Киеве и Варшаве. Было установлено, что состав штукатурки соответствует древнеегипетским, а часть росписей склепа выполнена представителем александрийской школы.

Наиболее острая проблема – состояние бетонного перекрытия над древним каменным сводом склепа. Бетонные плиты были положены на металлические балки и засыпаны сверху грунтом еще в 1950-е годы. Уже в 1990-е гг. специалисты настойчиво рекомендовали заменить это перекрытие. Поэтому в 2008–2010 гг. фонд «Деметра» оплачивает заказанные Керченским заповедником работы по экспертизе и подготовке проекта замены перекрытия над склепом. Для составления рабочей документации по проекту перекрытия в 2011 г. Министерство культуры Крыма перечисляет в заповедник значительную сумму денег. Однако после смены руководства Керченского заповедника эти выделенные бюджетные средства уходят на оплату эскизных работ по благоустройству территории и строений возле склепа. Остается только гадать: сколько еще простоят под землей, в большой влажности металлические балки, разделяющие многотонные бетонные плиты и живописный свод древнего склепа Деметры? Ведь с момента их установки прошло уже более 70 лет! Общественные организации и специалисты с большой надеждой ожидают, что инженерно-реставрационные работы на памятнике археологии I в. н.э. «Склеп Деметры» будут продолжены Министерством культуры Крыма и мы не станем свидетелями уничтожения уникального памятника античного искусства. Ведь этот склеп с росписями единственный в России со времени его строительства в I в. н.э.

В 2000 г. коллектив заповедника начал подготовку к празднованию 175-летия Керченского музея древностей. Здание музея, где должны были разместиться экспозиционные выставки, требовало капитального ремонта и реставрации. Начатые в 1990 г. строительные работы в правом крыле здания (ныне церковь Александра Невского) привели к утрате этой части музея, а в остальной, закрытой, ремонт не велся уже 10 лет. В 2001 г. фонд «Деметра» в рамках проекта «Керченский музей» профинансировал капитальный ремонт и реставрацию оставшейся части музейного корпуса – дома К. Мисаксуди. После 10-летнего перерыва в экспозиционной деятельности на первом этаже здания было открыто 4 музейных зала. Фондом «Деметра», для создания выставки «Вечная действительность», которая представляла античные предметы из фондов музея, было оплачено приобретение музейных витрин и выделены средства на другие экспозиционные затраты. Научными сотрудниками заповедника и фонда «Деметра» были подготовлены статьи для специального выпуска журнала «Пам'ятки України» (№3, 2001), посвященного 175-летию музея древностей Керчи, проведена юбилейная научная конференция. Финансирование этих мероприятий осуществил фонд «Деметра».

Проект «Керченский музей» был продолжен и в 2002 г. На втором этаже в здании музея было отреставрировано и специально оборудовано для выставки «Средневековая Керчь» еще три зала. Фондом также были выделены денежные

Зинько Е.А. Вклад общественных организаций...

средства на капитальный ремонт и оборудование двух этажей правого крыла здания музея (хозяйский корпус дома К. Мисаксуди), где располагаются кабинеты научных сотрудников музея и реставрационные мастерские.

Уникальные коллекции Керченского заповедника хранятся в отдельном здании, расположенном во дворе музея и построенном в 70-х годах прошлого века. К 2003 г. в здании требовался капитальный ремонт и замена оборудования для хранения коллекций на всех трех этажах. На первом этаже фондохранилища руководством заповедника было решено оборудовать специальным образом «Золотую кладовую», одну из первых в Крыму. Фондом «Деметра» были профинансированы капитальный ремонт здания фондохранилища и создание «Золотой кладовой», торжественно открытой в 2005 г. (ил. 4). На средства фонда осуществлены ремонт всех внутренних фасадов зданий музея и фондохранилища, а также перепланировка и реконструкция двора музея в 2003 – 2005 гг. (ил. 5). В 2004 г. для фондохранения музея были приобретены фондом «Деметра» компьютеры и специальная музейная программа «Камисс», обеспечивающая обработку и хранение всей базы данных фондовых археологических коллекций.

С 2006 г. фонд «Деметра» финансировал программу по проектированию и строительству нового здания Керченского музея, которое позволит расширить выставочные площади и фондохранение музея более чем на 4000 кв.м. [Галченко, 2007]. На месте нового корпуса музея фонд «Деметра» в 2007–2009 гг. оплатил проведение охранно-спасательных раскопок. В 2010 г. архитектурный проект нового корпуса Керченского музея (ил. 6), оплаченный БФ «Деметра», был согласован, произведена экспертиза проекта. Крымская строительная компания «Консоль» выиграла тендер на проведение строительства. После вхождения Крыма в состав России данная программа была поставлена на перспективное финансирование Министерством культуры Крыма.

Совместный проект «Керченский лапидарий» по сохранению и изданию лапидарной коллекции, начатый в 2000 г. фондом «Деметра» и местным музеем-заповедником, включал комплекс мероприятий, финансируемых из благотворительных средств: создание современного здания-фондохранилища; перевоз в здание лапидария более тысячи памятников; оснащение здания подъемными устройствами для перемещения памятников; их реставрацию, научную обработку коллекции и подготовку выставочных залов.

Начиная с 2000 г. группа научных работников музея (руководитель Т.А. Матковская), финансируемая фондом «Деметра», начала работу по изданию всей лапидарной коллекции. В 2004 г. были завершены работы над материалами для I тома каталога лапидарной коллекции «Античная скульптура» (отреставрировано, проведена фотосъемка и описано 170 памятников). К этой работе привлекались исследователи из Москвы и Санкт-Петербурга. В мае 2004 года I том «Античная скульптура» был издан в издательстве «Мистецтво», г. Киев. С 2003 г. научная группа программы по благотворительному гранту фонда вела работы, связанные с подготовкой очередного тома па-

Боспорские исследования, вып. XL

мятников лапидарной коллекции – «Боспорские надгробия». Для подготовки этого тома был заключен трехсторонний договор о сотрудничестве между заповедником, фондом «Деметра» и Национальным музеем Варшавы. Финансирование участия польских коллег под руководством А. Твардецкого в этом проекте осуществляет Национальный музей Варшавы. В группе исследователей по гранту фонда работали также эпиграфисты из Санкт-Петербургского университета (А.П. Кулакова) и Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения РАН (С.Р. Тохтасьев). В 2006 г. фондом «Деметра» был выделен грант Т.А. Матковской для проведения дальнейших работ по подготовке тома «Боспорские надгробия». Том «Боспорские надгробия II в. до н.э. – III в. н.э.» был издан фондом «Деметра» в 2009 г. в издательстве «Мистецтво».

В 2005 г. фонд «Деметра» осуществил финансирование работ по подготовке материалов к изданию тома «Античная архитектура» под руководством А.В. Буйских (Институт археологии НАНУ). В 2010 г. фондом «Деметра» был издан в издательстве «Мистецтво» IV том лапидарной коллекции – «Античная архитектура». В 2012 г. была начата работа над еще двумя томами каталога лапидарной коллекции. Работа над одним томом, в котором участвовали украинские и польские исследователи, в настоящее время приостановлена (по просьбе иностранных ученых), а каталог «Антропоморфные надгробия», подготовленный Н.В. Молевой, вышел осенью 2016 г.

В 2012 г. фондом «Деметра» был подписан договор с Керченским заповедником об оказании финансовой поддержки совместного проекта «Капитальный ремонт и организация отопления здания лапидария», включающий ряд мероприятий: оборудование отопительной системы в здании; оборудование и монтаж котельной; ремонт и оборудование выставочных залов первого этажа; ремонт входной группы и технических помещений; выполнение металлоконструкций для демонстрации лапидарных памятников. Данное соглашение включало и дальнейшее продолжение научной программы исследования и издания коллекции лапидария. Из-за плохого содержания здания, где сосредоточены все памятники лапидарной коллекции, ремонт крыши, произведенный в 2002 г. на средства фонда «Деметра», потребовал в 2012 г. осуществления повторных работ в полном объеме, что было и произведено вновь при финансировании фонда. До 2014 г. на средства фонда заповедником были сделаны два выставочных зала (ил. 7) и несколько технических помещений. Однако часть денежных средств, выделенных фондом «Деметра» на эту программу, руководством заповедника не была вовремя освоена и оказалась безвозвратно утраченной. После 2014 г. музей-заповедник не возобновлял совместный проект, и лишь в 2017 г. фонд «Деметра» провел разовую благотворительную акцию, оплатив работы по замене всех окон в двухэтажном здании лапидария.

Еще одним направлением в программе «Сохранение историко-культурного наследия» является проект «Археологический парк Тиритака». Объект культурного наследия федерального значения «Археологический комплекс «Древнее городище

Тиритака» располагается на южной окраине современной Керчи. Имея довольно компактную и сравнительно небольшую территорию (около 9,5 га), городище в настоящий момент практически выведено из современного хозяйственного использования. Начиная в 2002 г. многолетний исследовательский проект «Боспорский город Тиритака» фонд «Деметра» наряду с большими исследовательскими задачами включает как одну из главных составляющих проекта – задачу музеефикации древнего города и создание первого в Восточном Крыму археологического парка. Основы концепции сохранения и музеефикации древнего города состоят из трех главных компонентов: 1 – удаление с территории городища всех видимых техногенных нарушений, включая и археологические отвалы; 2 – ограждение и охрана территории памятника; 3 – консервация и музеефикация открытых в различных частях городища архитектурно-археологических комплексов [Зинько В., 2007].

Все эти положения легли в основу генерального проекта музеефикации Тиритаки, подготовку которого фонд начал в 2006 г. В 2009 г. проект был разработан и утвержден в соответствии с действующим законодательством. Вся рабочая документация была передана Керченскому заповеднику, однако бюджетное финансирование на его выполнение никогда не выделялось. Фонд «Деметра» оплатил консервацию раскопов на центральном, северном и западном участках древнего города, а также восстановил на протяжении сотен метров основания его крепостных стен и постройки у северо-западной угловой башни. Были подготовлены проекты по консервации тиритакских виноделен [Андрущенко, 2007], а также христианской базилики V в. н.э. (ил. 8). Также было построено и передано Керченскому заповеднику небольшое здание с комнатами для зрителя и работы археологической экспедиции.

В рамках программы «Сохранение историко-культурного наследия» проводился еще один проект – «Международный коллоквиум «Античный город». 1-й Международный коллоквиум «Античный город: проблемы сохранения архитектурно-археологических комплексов» был проведен 15-16 августа 2005 г. в научно-исследовательском центре фонда «Деметра». Организаторами этого семинара выступили Институт археологии НАНУ, Республиканский комитет по охране культурного наследия Крыма, Керченский заповедник и фонд «Деметра». Заседание в новом конференц-зале фонда открыл глава украинских антиковедов член-корреспондент НАНУ профессор С.Д. Крыжицкий, который являлся председателем оргкомитета коллоквиума. Всего собралось более 40 ведущих археологов и исследователей Украины, России и Польши. В докладах были представлены методики подготовки археологических обоснований к проектам консервации и реставрации археологических памятников, проекты реставрации объектов, технология реализации этих проектов, конкретные описания осуществленных проектов, общие проблемы музеефикации, а также зарубежный опыт [Зінько, 2006].

Учитывая то, что данная проблематика применительно к памятникам античной археологии на отдельном форуме впервые поднимается в Крыму, участники colloquium приняли решение об издании специального сборника и проведении подобных

коллоквиумов один раз в два года. В конце августа 2007 г. в Керчи прошел 2-й коллоквиум, на котором были представлены проекты музеефикации Ольвии, Херсонеса и Тиритаки. Для участников проведены экскурсии по музеефицированным объектам Тиритаки, расписным склепам Пантикапейского некрополя на северном склоне горы Митридат, а также выездная экскурсия в Ольвию. В августе 2009 г. был проведен 3-й коллоквиум «Античный город: проблемы сохранения архитектурно-археологических комплексов» (ил. 9). Основные вопросы были связаны с проектом нового здания археологического музея в г. Керчи и проводимыми на месте будущего строительства археологическими раскопками.

В 2014 г. фонд начал новый проект «Керчь в годы войны» по изучению исторических событий и сохранению памятников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на территории Керченского полуострова. Кровавопролитные бои, партизанское и подпольное движение проходили на этой территории с осени 1941 г. по весну 1944 г. В рамках этого проекта фондом «Деметра» оказывается помощь в поисковой работе, издании тематических сборников, а также планируется восстановление памятников погибшим героям войны.

С 2016 г. фонд «Деметра» проводит еще один проект – «Историко-археологическая студия». Он предназначен для старшеклассников керченских школ, для которых два раза в неделю в научно-исследовательском центре фонда проводятся теоретические и практические занятия. Летом студийцы проходят археологическую практику на раскопках боспорского города Тиритака (ил. 10), а также совершают экскурсии по древним памятникам. За 4 года работы уже 7 выпускников студии поступили в университеты на исторические факультеты.

В 2017 г. фонд «Деметра» приступил к созданию мультимедийной интерактивной экспозиции «Керчь – город 27 веков», посвященной древнейшему городу России – Керчи, центру древнего государства, существовавшего с рубежа VII–VI вв. до н.э. до VI в. н.э. Выставка адресована в первую очередь школьникам, а также широкой аудитории, которая может посещать ее в составе организованных групп. Она расположена в отдельном зале площадью 100 кв. м в общественно-научном центре Благотворительного фонда «Деметра» (ил. 11). Главной целью мультимедийной экспозиции является получение у посетителей разных возрастов, и в первую очередь школьников, живого эмоционального отклика. Этого сложно добиться, просто разместив в витринах археологические находки, пусть и невероятно ценные с исторической точки зрения. Авторы экспозиционной концепции стремились реконструировать события и жизненный уклад той эпохи, дать возможность совершить небольшое путешествие по древнему Боспору.

Для разработки технического проекта экспозиции, его мультимедийного оснащения и последующей реализации фонд «Деметра» в 2017 г. пригласил компанию «Ascreen» (Санкт-Петербург). Над сценографией экспозиции работали инженеры, конструкторы, графики, дизайнеры. В течение года совместно с авторами научной концепции (В.Н. Зинько и Е.А. Зинько) была проделана огромная работа

Боспорские исследования, вып. XL

- Зинько В.Н., Зинько А.В. Новые материалы о хоре Нимфея //Перипл: от Борисфена до Боспора. Материалы юбилейных конференций. ТГЭ. [Т.] 88. СПб., 2017. – С. 174–184.
- Зинько В.Н., Зинько Е.А. Из истории конференции «Боспорские чтения» // XX Боспорские чтения. Материалы международной научной конференции. Симферополь-Керчь, 2019. – С. 5–30.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том 1. Комплексы VIII–X вв. Киев: АДЕФ-Украина, 2009.
- Зинько Е.А. Грунтовые склепы некрополя Пантикапея-Боспора (исследования 1996–2009 гг. //БИ suppl. 16. – Симферополь - Керчь, 2017.
- Зинько Е.А., Русяева А.С. и др. Склеп Деметры – К.: Мистецтво, 2009. – 184 с.: ил.
- Матковская Т.А. ...Камень, изливающий немую скорбь. Керчь, 2000. 96 с.
- Пономарев Л.Ю. Средневековая Керчь. Керчь, 1999. 62 с.
- Zinko E. The crypt Demetra. Kerch, 1999. 39 p.
- Zinko V. A walk through ancient Kerch. Kerch, 1998. 63 p.

REFERENCES

- Andriushchenko N.P. Kontseptsiiia muzeifikatsii antichnykh vinodelen bosporskogo goroda Tiritaka. *BI. Vyp. XVII. Simferopol'-Kerch'*, 2007, pp. 138–150.
- Borovkova V.N. *Kollektsionery i torgovtsy kerchenskimi drevnostiami*. Kerch', 1999, 160 p.
- Galchenko N.V. Perspektivy razvitiia istoriko-arkheologicheskogo muzeinogo kompleksa v g. Kerchi. *BI. Vyp. XVII. Simferopol'-Kerch'*, 2007, pp. 188–198.
- Matkovskaia T.A. *Kamen', izlivaushchii nemuiu skorb'*. Kerch', 2000, 96 p.
- Ponomarev L.Iu. *Srednevekovaia Kerch'*. Kerch', 1999, 62 p.
- Zin'ko A.V. Novye podvodnye arkheologicheskie issledovaniia v Kerchenskom prolive. *MAIET. Vyp. XXI. 2016*, pp. 19–29.
- Zinko E. The crypt Demetra. Kerch, 1999, 39 p.
- Zin'ko E.A., Rusiaeva A.S. *Sklep Demetry*. K.: Mystetstvo, 2009, 184 p.
- Zin'ko E.A. Gruntovye sklepy nekropolia Pantikapeia-Bospora (issledovaniia 1996–2009 gg.) *BI suppl. 16. Simferopol'-Kerch'*, 2017.
- Zin'ko V.N. *Arkheologicheskie progulki po antichnoi Kerchi*. Kerch', 1998, 64 p.
- Zinko V. *A walk through ancient Kerch*. Kerch, 1998, 63 p.
- Zin'ko V.N. Novyi gruntovyi mogil'nik na khore Nimfeia. *BI. Vyp. II. Simferopol'*, 2002, pp. 219–248.
- Zin'ko V.M. Mizhnarodnyi kolokvium "Antichne misto: problem zberezhennia arkhitekturno-arkheologichnykh kompleksiv". *Arkheologiiia*. 2006. № 1, pp. 103–107.
- Zin'ko V.N. Problemy sokhraneniia arkhitekturno-arkheologicheskikh kompleksov gorodishcha Tiritaka. *BI. Vyp. XVII. Simferopol'-Kerch'*, 2007, pp. 128–137.
- Zin'ko V.N. *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom II. Kompleksy VI–V vv.do n.e*. Kiev: Adef, 2014, 596 p.
- Zin'ko V.N., Zin'ko A.V. Novye materialy o khore Nimfeia. *Peripl: ot Borisfena do Bospora. Materialy iubileinykh konferentsii. TGE. [T.] 88. SPb.*, 2017, pp.174–184.
- Zin'ko V.N., Zin'ko E.A. Iz istorii konferentsii "Bosporskie chteniia". *XX Bosporskie chteniia. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Simferopol'-Kerch', 2019, pp. 5–30.
- Zin'ko V.N., Ponomarev L.Iu. *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom I. Kompleksy VII–X vv*. Kiev: ADEF-Ukraine, 2009.

Резюме

В статье кратко представлены основные программы созданного осенью 1995 г. в Керчи Благотворительного фонда «Деметра». Весь объем проводимых фондом «Деметра» за прошедшие 25 лет работ позволил не только достичь значительных успехов в вопросах сохранения и изучения древностей Европейского Боспора, но представить Керченский регион как один из крупнейших научно-исследовательских, историко-археологических центров Север-

ного Причерноморья. В будущем Благотворительный фонд «Деметра» намерен продолжить свои программы и активно участвовать в деле сохранения и изучения древнего наследия Боспора.

Ключевые слова: древности Боспора, благотворительная организация, археологические исследования, сохранение историко-культурного наследия.

Summary

The article briefly presents the main programs of the Beneficial Foundation “Demetra” created in Kerch in the fall of 1995. The entire amount of work carried out by the BF “Demetra” over the past 25 years has allowed us not only to achieve significant success in preserving and studying the antiquities of the European Bosphorus, but to present the Kerch region as one of the largest scientific, historical and archaeological centers of the Northern Black Sea region. In the future, the BF “Demetra” intends to continue its programs and actively participate in the preservation and study of the ancient heritage of the Bosphorus.

Key words: Bosphorus antiquities, charitable organization, archaeological research, preservation of historical and cultural heritage.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Зинько Елена Алексеевна, к.и.н.,
Крымский федеральный университет,
Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма,
старший научный сотрудник.
elena-zinko@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena A. Zin'ko, Csc,
Crimean Federal University,
Research center of History and Archaeology of the Crimea,
Senior Researcher.
elena-zinko@mail.ru

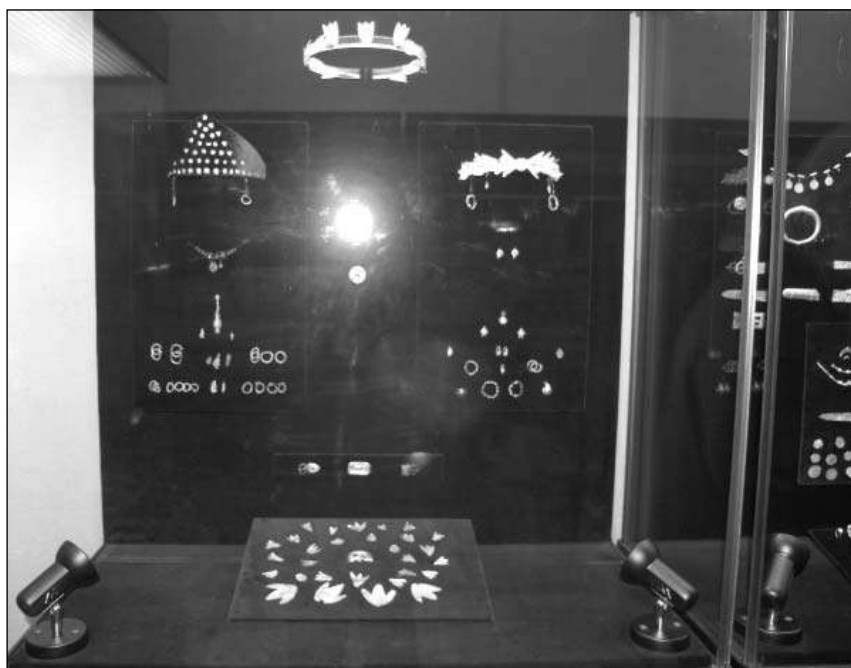
Ил. 1. Технологическая модель погребальной камеры склепа 1895 г. Фото 1999 г.

Ил. 2. Участники I Боспорских чтений, общее фото 8 сентября 2000 г.

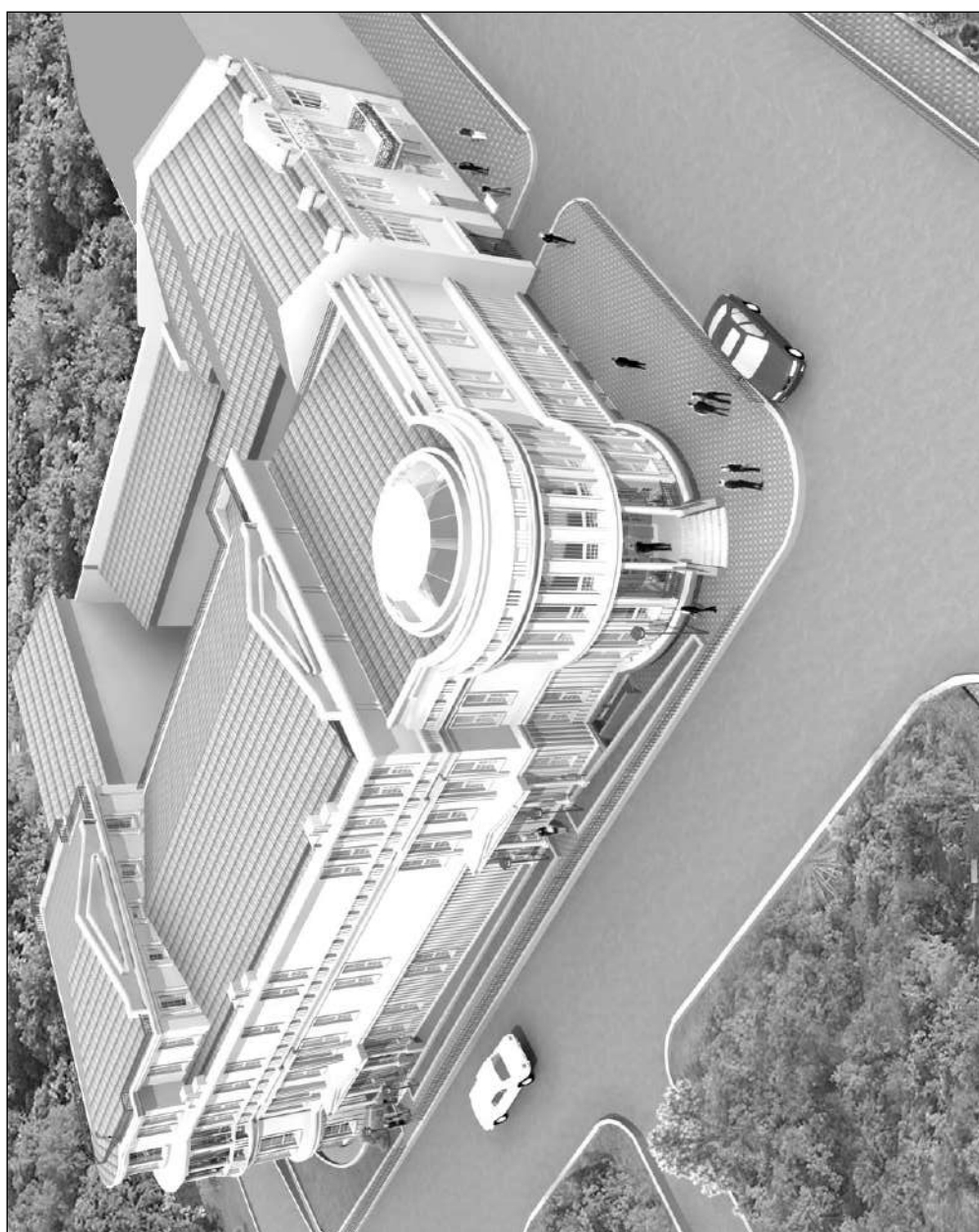
Ил. 3. Северо-западный участок Тиритак после консервации. Фото 2007 г.

Ил. 4. «Золотая кладовая», витрина с находками из раскопок некрополя Пантикапея в 1990 г.
Фото 2005 г.

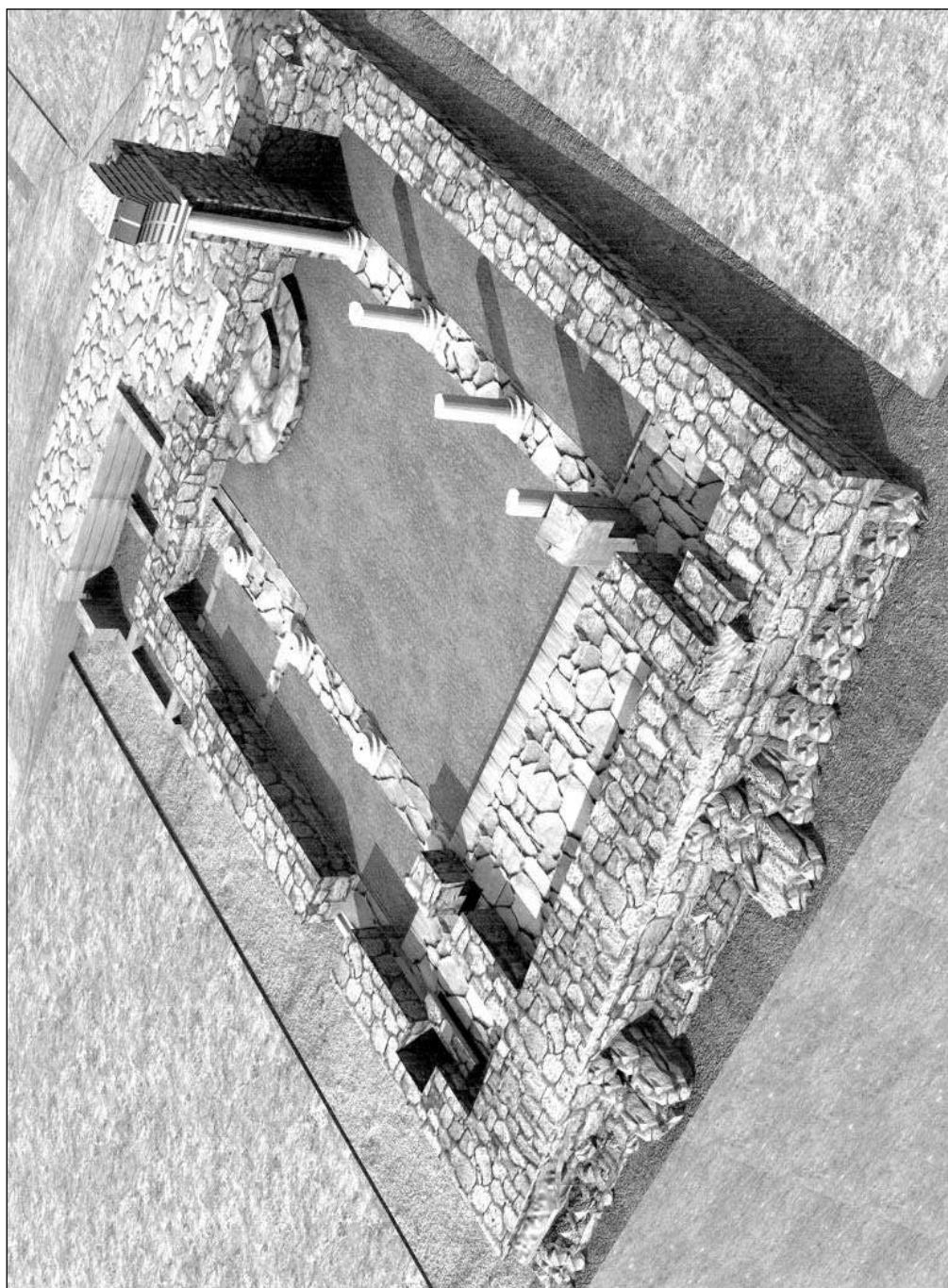
Ил. 5. Внутренний фасад здания музея и двор после капитального ремонта. Фото 2005 г.

Ил. 6. 3D модель нового корпуса здания археологического музея.

Ил. 7. Зал боспорских надгробий в лапидарии. Фото 2016 г.

Ил. 8. 3D модель проекта консервации тиритакской базилики.

Ил. 9. Участники 3-го международного коллоквиума в конференц-зале фонда «Деметра». Фото 2009 г.

Ил. 10. Студийцы на раскопках Тиритаки. Фото 2018 г.

Зинько Е.А. Вклад общественных организаций... ██████████

Ил. 11. Мультимедийная интерактивная экспозиция «Керчь – город 27 веков». Фото 2018 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ	– Археологические вести. СПб.
АГСП	– Античные государства Северного Причерноморья. М.
АДСВ	– Античная древность и средние века.
АМА	– Античный мир и археология. Саратов.
АО	– Археологические открытия. М.
БИ	– Боспорские исследования
БС	– Боспорский сборник. М.
БФ	– Боспорский феномен. СПб.
БЧ	– Боспорские чтения. Материалы международной научной конференции. Керчь.
ВАН	– Вестник Академии наук. М.
ВВ	– Византийский временник.
ВДИ	– Вестник древней истории. М.
ВКИКМЗ	– Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник.
ГАИМК	– Государственная академия истории материальной культуры. Л.
ГИМ	– Государственный исторический музей.
ГМИИ	– Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.
ГЭ	– Государственный Эрмитаж.
ДБ	– Древности Боспора. М.
ДГВЕ	– Древнейшие государства Восточной Европы.
ЗОО	– Записки Одесского археологического общества. Одесса.
ЗООИД	– Записки Одесского общества истории и древностей.
ЗСКОАИЭ	– Записки Северокавказского общества археологии, истории и этнографии. Ростов-на-Дону.
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук. М.
ИГАИМК	– Известия ГАИМК. Л.
ИИМК	– Институт истории материальной культуры АН. М.
ИНИОН РАН	– Институт научной информации общественных наук Российской академии наук. М.
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии РАН. М.

Список сокращений

КСИИМК	– Краткие сообщения ИИМК. М.
КФУ	– Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского.
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики.
МГУ	– Московский государственный университет.
МГПИ	– Московский государственный педагогический институт.
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МНМ	– Мифы народов мира.
НИНГУ	– Национальный исследовательский нижегородский государственный университет.
НС	– Нумизматика и сфрагистика. Киев.
НЭ	– Нумизматика и эпиграфика. М.
ПиФ	– Пантикапей и Фанагория: две столицы Боспорского царства.
ПИФК	– Проблемы истории, филологии и культуры.
РА	– Российская археология. М.
РАНИОН	– Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. М.
РИС	– Русский исторический сборник.
СА	– Советская археология. М.
САИ	– Свод археологических источников. М.
СГАИМК	– Сообщения ГАИМК. Л.
СГМИИ	– Сообщения ГМИИ. М.
СКОАИЭ	– Северокавказское общество археологии, истории и этнографии. Ростов-на-Дону.
СХМ	– Сообщения Херсонесского музея.
ТС	– Таврические студии.
ТГЭ	– Труды Государственного Эрмитажа.
ФЕ	– Французский ежегодник.
ХСб.	– Херсонесский сборник.
Bull. ép.	– Bulletin épigraphique.
LGPN	– A Lexicon of Greek Personal Names.
CRAI	– Comptes-rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres.
RE	– Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft.
REA	– Revue des études anciennes.
RPC IV	– Burnett A., Carradice I., Amandry M. Roman provincial Coinage. Oxford. Vol. IV. (From Antoninus Pius to Commodus AD 138-192).
SBS	– Studies in Byzantine Sigillography.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>А.В. Поротов, В.Н. Зинько</i> Палеогеографическое развитие побережья Тобечикского лимана в позднем голоцене: геоархеологический аспект	3
<i>А.В. Зинько, А.Н. Шамрай</i> Новые открытия древнейшей застройки поселения Корокондама	14
<i>С.В. Кашаев, Н.И. Сударев</i> Традиция погребений в сырцовых гробницах в некрополях Таманского полуострова Артющенко-2 и Виноградный-7	26
<i>Т.Н. Смекалова, Э.А. Терехин</i> Некоторые итоги реконструкции системы межевания хоры Херсонеса Таврического с помощью архивных аэрофотографий и космических снимков	47
<i>Ю.А. Виноградов</i> Новые исследования на западной окраине поселения Артющенко-1	64
<i>В.В. Панченко</i> Использование дифферента «трезубец» в монетном деле Боспора I – IV вв. н.э.	86
<i>В.Г. Зубарев, С.В. Ярцев, С.Л. Смекалов</i> Особенности планировки и основные этапы освоения восточного участка городища Белинское	109
<i>М.М. Казанский</i> Готы на Боспоре Киммерийском в начале эпохи Великого переселения народов	140
<i>Н.А. Алексеенко</i> Перспективы исследований византийских печатей в Крыму	158
<i>В.В. Симонов, А.В. Котина</i> К вопросу о возможности использования результатов археологических раскопок в военно-исторических исследованиях	171
	331

ПУБЛИКАЦИИ

Е.А. Молев, Н.В. Молева

Асклепий пергамский и Артемида эфесская
на керамическом медальоне из Китея 196

Н.И. Суворова

Протомы Елизаветовского городища
из сборов 2015 года 206

Ф.В. Шелов-Коведяев

Три методических соображения
о работе с надписями 223

ИСТОРИЯ НАУКИ

Н.И. Храпунов

О крымских акварелях Андрея Воронихина 229

Я.М. Паромов

История археологических исследований на
Таманском полуострове. Часть 2 (1918–1991 гг.) 239

Е.А. Зинько

Вклад общественных организаций Керчи
в исследование и сохранение древностей
европейского Боспора (1995–2020 гг.) 306

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 329

CONTENTS

ARTICLES

<i>Porotov A.V., Zin'ko V.N.</i> Paleogeographic development of the coast of Tobechik estuary in the late Holocene: geoarchaeological aspect	3
<i>Zin'ko A.V., Shamrai A.N.</i> New discoveries of the most ancient buildings of the settlement of Korokondama	14
<i>Kashaev S.V., Sudarev N.I.</i> Burial traditions in mudbrick tombs of necropoleis Artjuschenko-2 and Vinogradny-7 on Taman peninsula	26
<i>Smekalova T.N., Terehin E.A.</i> Some results of reconstruction of the land division system of the Taurian Chersonesian chora by using archive aerial photographs and space images	47
<i>Vinogradov Iu.A.</i> New investigation at the Western boundey of the settlement of Artiuschenko-1	64
<i>Panchenko V.V.</i> The use of the different «trident» in the coinage of the Bosphorus of the I – IV centuries AD	86
<i>Zubarev V.G., Yartsev S.V., Smekalov S.L.</i> Features of planning and the basic stages of development of the Eastern plot of the hillfort Belinskoe	109
<i>Kazanski M.M.</i> Goths on the Cimmerian Bosphorus at the beginning of the great migration period	140
<i>Alekseienko N.A.</i> Perspectives on Researches of Byzantine seals in the Crimea	158
<i>Simonov V.V., Kotina A.V.</i> To the question of the possibility of using the results of archaeological excavations in military historical researches	171

PUBLICATION

<i>Molev E.A., Moleva N.V.</i> Asclepios Pergamon and Artemis Ephesus on the ceramic medallion from Kyta	196
<i>Suvorova N.I.</i> Protomes of the Elizavetovsky settlement from the charges of 2015	206
<i>Shelov-Kovedyaev F.V.</i> Three methodical observances about inscription's working	223

HISTORY

<i>Khrapunov N.I.</i> On Andrei Voronikhin's Crimean watercolours	229
<i>Paromov Ya.M.</i> History of archaeological research on the Taman peninsula. Part 2 (1918–1991)	239
<i>Zin'ko E.A.</i> Contribution of Kerch public organizations to research and conservation of antiquities of the European Bosphorus (1995–2020)	306
LIST OF ABBREVIATIONS	329

Научное издание

Боспорские исследования

Вып. XL

Журнал основан в 2001 году, выходит 2 раза в год

Сайт журнала: <http://bospor-issled.cfuv.ru>

Учредитель: ФГАОУВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Редакция: 295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь,
проспект Академика Вернадского, д. 4, НИЦ истории и археологии Крыма

Главный редактор: А. И. Айбабин

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-61808 от 18.05.2015 г. выдано
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор)

Журнал индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Журнал входит в перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых
должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание
ученых степеней доктора и кандидата наук (список научных журналов ВАК МОиН РФ)
по специальности 07.00.00 – исторические науки и археология

Перевод на английский *Н.М. Красина*

Корректор *Г.Н. Хлебникова*

Компьютерная верстка *Л.К. Мусихина*

Подписано в печать 10.03.2020 г.
Формат 70х100 1/16. Усл. печ. л. 27,3.
Тираж 300 экз. Заказ 148.
Распространяется БЕСПЛАТНО.

Издательство: ООО «Керченская городская типография»
298300, Республика Крым, г. Керчь, ул. Кирова, 13, офис 1.

Отпечатано в ООО «Керченская городская типография»
298300, Республика Крым, г. Керчь, ул. Кирова, 13, офис 1.